

Юрий Лезж

АГЕНТЫ ПРЕИСПОДНЕЙ

СЕРИЗАНТ

- **Агенты Преисподней**
- **Часть первая.**
 - ☐ I
 - ☐ II
 - ☐ III
 - ☐ IV
- **Часть вторая.**
 - ☐ I
 - ☐ II
 - ☐ III
 - ☐ IV
 - ☐ V
 - ☐ VI
- **Часть третья.**
 - ☐ I
 - ☐ II
 - ☐ III
 - ☐ IV

Агенты Преисподней

Душа, она ведь тоже, как и тело, способна испытывать и боль, и холод. Разница лишь в одном: душа бессмертна.

Е.Лукин. «Там, за Ахероном...»

Часть первая.

Симон

*Симон, сын Ионин; ты
наречешься Кифа, что значит: камень
(Петр).*

Евангелие от Иоанна. 1:42.

В помещении царил сумрак, едва разгоняемый невнятными, бордово-красными сполохами адского пламени, вырывающегося из непонятной топки с распахнутой настежь толстенной, чугунной дверцей-заслонкой. На дальней от символического входа стене блеклым желтовато-красным пятном, совсем не освещающим мрачные, черные от угольной пыли и копоти стены висела едва различимая «летучая мышь». А напротив топки, в который уже раз отирая со лба пот, стоял, опершись на совковую лопату с причудливо изогнутым черенком, низкорослый, но очень широкоплечий мужчина в наброшенном прямо на голое тело поношенном, пропитавшимся пылью, сажей и потом ватнике. Различить черты лица кочегара было трудно, они терялись в сполохах неровного света, вырывающегося из топки, искажались полосами размазанной по лицу сажи, и единственно, что можно было разглядеть в таком освещении и невольном, рабочем гриме – упрямый, квадратный подбородок, глубоко запавшие, маленькие глазки и низкий лоб под «ежином» очень коротких волос неопределенного цвета, покрытых все той же, вечной здесь, сажей и угольной пылью.

– Адские котлы топят-с, – с легким смешком сюсюкнул бесенок, сопровождающий высокого, смуглого человека в трудноразличимой во мраке одежде.

Смуглый нарочито кашлянул, как бы, привлекая к себе внимание, неторопливо, деловито покрутил головой, вглядываясь в окружающий сумрак, перебросил из левой руки в правую, а потом обратно изящную трость с набалдашником в форме львиной головы, и спросил:

– И за какие грехи в такую топку кочегарить сажают?

Голос у Смуглого был в меру, по-мужски, приятным и сильным, хоть и искажался в мрачном помещении почти до неузнаваемости.

– Непредумышленное убийство, – с очередным смешком пояснил маленький, едва до плеча достигающий кончиками рожек своему спутнику, бесенок, покручивая над плечом кончиком лохматого хвоста. – Бытовуха-с... выпивал с приятелем, из-за чего-то мелкого поссорились по пьяной лавочке, и дал один другому от души по кумполу... а тот – возьми, да помри... да от его кулачищ и я бы помер...

В самом деле, сжимающие совковую лопату руки адского истопника казались громадными, могучими, вполне способными с одного нечаянного удара безо всякого умысла убить человека.

– А так – он смиренный, – продолжил бесенок, дробным перестуком копыт чуть-чуть заглушая рев пламени, рвущийся из адской топки. – Выпить-то тут негде, вот и отбывает свое... послежизненное... полгода – здесь, потом его на месяц переводят навоз грузить, ну, это чтоб не привыкал слишком... но он и там смиренный, все понимает, от содеянного не отрекается... раскаялся, небось, уже...

Заглушая и без того не слишком-то громкие слова бесенка, в дальнем углу из невидимого и неведомого бункера с шумом облегчения высыпалась на пол очередная порция антрацита, жирно поблескивающая сколами в мерцающем огненном освещении. Поднявшиеся в воздух угольная пыль и сажа были практически не видны в темноте, но тут же оседали на лицах и одежде, мгновенно впитываясь в сукно хорошего костюма Смуглого, в лоб, щеки, подбородок. Непроизвольно проведя рукой по лицу, будто отгоняя от себя грязную черноту кочегарки, сопровождаемый бесенком поправил едва держащиеся на носу, такие странные здесь, в вечном мраке Преисподней, круглые, с черными, непроницаемыми стеклами очки, более подошедшие бы слепому нищему на паперти какого-нибудь храма, чем крепкому, на вид вполне здоровому мужчине. Встрепенувшийся, будто оживший от шума падающего на пол угля, адский кочегар только сейчас, кажется, заметил незваных гостей в своих владениях и неожиданно вытянулся, прилежно, изо всех сил, изображая армейскую стойку «смирно», и комично, на посторонний взгляд, взял лопату «на караул», приветствуя пришедших.

– Уважает, – хихикнул бесенок, кивая на истопника, но указывая при этом передней лапкой на дальний уголок помещения: – Пройдемте-ка к тому краешку...

Но едва такая контрастная и несуразная парочка двинулась мимо местного кочегара и зловещей топки, как на противоположной стене высветился очень ярко для здешнего полумрака освещенный прямоугольник распахнувшейся двери, и на пороге возникла томная, высокая красotka-блондинка, одетая излишне легко и эротично в кружевное, просвечивающееся нижнее белье, изящные чулочки и хрупкие туфельки на высоченном каблуке.

– Милый, я тебя уже заждалась... – нежным голосом, но почему-то перекрывая шумы кочегарки, проворковала красotka, чисто женским жестом поправляя тщательно уложенные светлые волосы прически.

Смуглый спутник бесенка в странных, нелепых очках – положила руку на сердце, не такой уж особый знаток и любитель –

все-таки невольно засмотрелся на эффектную девушку в светлом прямоугольнике дверей, будто сошедшую в Преисподнюю прямиком со страниц модного журнала для мужчин: высокая, стройная, длинноногая блондиночка, казалось, самой природой предназначена была лишь для одной цели – отдавать свое роскошное тело достойным мужчинам, – столько открытого великолепного эротизма, желания и умения воплотить это желание в действия излучала стоящая на пороге дива.

– Опять оперативный дежурный перепутал, – захихикал, потирая лапки от удовольствия, бесенок, тоже оглянувшийся на светлый дверной проем. – Ох, и влетит же ему по полной программе!!! Небось, кто из новеньких, недавно произведенных дежурит, вот и идет ляп за ляпом...

И тут же, уловив эманации недоумения, чувствительными волнами распространяющиеся от очкарика, пояснил чуть подробнее:

– Этому невольному убийце-то для расслабления и душевного общения простая машка положена, чтобы – в резиновых сапогах и телогрейке, да с жопой – ого, какой! А ему тут модельку подсовывают на каблуках и в неглиже, небось, еще и обстановочку интимную в спальне сотворили – со свечами, красным вином, устрицами... а он, бедолага, и знать не знает, да и знать не хочет про такие вот утончения в простых отношениях с женщинами. Ему бы стаканчик водки с устатку пропустить, да машку завалить, облегчиться по-скорому, по-мужски, а не любовью заниматься на шелковых простынях...

Рассказывая все это, бесенок довольно-таки подленько подхихикивал и топал копытцем от удовольствия, видимо, предвкушая положенное за ошибку наказание оперативному дежурному по адскому цеху. Похоже было, что такое вот отношение к товарищам по работе было вполне нормальным, а может быть, даже и поощрялось начальством Преисподней. Но смуглого спутника бесенка поведение последнего чем-то слегка возмутило и растревожило:

– Ты не очень-то тут... радуйся, – несколько невнятно погрозил он лохматому тростью. – Сам-то, думаю, не раз ошибался, чего ж теперь доносить и злорадствовать...

– Ни-ни, нисколько, даже и не думал ни на кого доносить, – моментально сменил тональность на слегка заискивающуюся бесенок. – Скажете тоже – доносить, кто ж тут на кого доносит, если и так всем и сразу всё известно становится? А я это так, просто для сведения, чтобы и вы не подумали чего, тут у нас не просто так всё – с разумением всяческим...

Продолжая болтать языком, как помелом, бесенок слегка,

очень вежливо и почти незаметно подтолкнул очастого в нужном направлении, к темной, запорошенной угольной пылью стене. И еще не успел погаснуть дверной проем с эффектной красоткой, по ошибке доставленной адскому истопнику, как лохматенький взмахнул хвостом, касаясь черной, измазанной сажей стены...

И будто по волшебству, хотя, почему же – будто, именно по темному колдовству Преисподней взамен тесного, угольно-грязного и мрачного помещения адской котельной перед глазами неизвестного бесенку, но, видимо, важного и нужного дьявольскому начальству спутника возник бесконечный, казалось бы, зал бледно-голубого и белого цвета стен, пола, высокого, почти невидимого потолка.

Тут и там по обширному залу были разбросаны в совершеннейшем беспорядке, без какой-либо системы, небольшие, чуть выше колена, ярко-синие, мягкие и упругие даже на вид, с бархатистой поверхностью кубики, на которых стояли симпатичные, просто красивые, или же удивительно обаятельные женщины. Обнаженные, в красивом нижнем белье, полуодетые, а то и полностью наряженные, будто к официальному приему в вечерние длинные платья с разрезами, все красотки стояли на четвереньках, а вокруг их постаментов толкались в небольших, но тщательно соблюдаемых очередях по десятку-другому мужчин, таких же, как и женщины – голых, полуодетых, выраженных в смокинги и черные, официальные костюмы. Единственным сходством среди этого разнообразия высоких, среднего роста, низеньких, худых и полных, одетых и обнаженных представителей сильного пола было их физиологическое возбуждение – у каждого победоносно, гордо и знаменательно торчал, полный сил и желания, детородный орган.

Один за другим, соблюдая очередь, не спеша и не толкаясь, без особых эмоций, скорее даже с выражением скуки на лицах, мужчины подходили к разместившимся на кубиках женщинам и деловито, со знанием дела, почти не касаясь руками вожаемых тел, погружались в заманчивые глубины извечно готового к соитию лона, делали десяток-другой механических, спокойных фрикций и покидали «грот удовольствия», уступая место следующему и спокойно перемещаясь при этом в конец отведенной им очереди.

– Развратнички-с, – снова сюсюкнул бесенок, ожидая, пока очастый привыкнет к новому освещению, чистоте и простору помещения после грязной, темной и, кажется, маленькой каморки истопника, но, в легком нетерпении, притоптывающий копытцем по звонкому, наверное, мраморному покрытию зала. – Обоих полов-с. Занимаются тем, что им больше всего нравилось делать

при жизни, но, поскольку здесь, у нас, такое занятие бесконечно, то и удовольствия прежнего им это не доставляет, скорей уж – скуку смертную от однообразия и обязательности...

И в самом деле, равнодушие буквально витало под бесконечно высокими потолками бело-голубого зала, распространяясь и на мужчин, механически, по привычке, совершающих обыденные движения, и на женщин, не имеющих возможности куда-либо переместиться со своих постаментов. Впрочем, справедливости ради, надо бы заметить, что каждый из невольных партнеров, запертых тут силами Преисподней на Вечность, свои обязанности исполнял по-разному: кто-то меланхолично, будто засыпая на ходу, кто-то энергично, как и привык при жизни, да и женщины не были похожи на резиновых или плюшевых кукол, то подмахивая в ответ на активность, то успокаиваясь и сдерживая малозаметные по лицу эмоции с меланхоликами.

– И не устают? – наблюдая это бесстыдное, порнографическое круговращение возле синих кубиков, спросил зачем-то смуглый, скосив глаза поверх черных кругляшей очков на своего спутника.

– Не положено-с, – хихикнул бесенок, и даже завертел головой, казалось бы, от удовольствия. – Они, может, и рады бы устать, примориться, выдохнуться, но – не положено им такое удовольствие, как усталость, васятелство-с...

– Что-что? – кажется, слегка возмутился спутник лохматого. – Ты как сейчас про меня сказал?..

– Ох-ох-ох, – горестно всплеснул шерстистыми лапками нечистый. – Вот уж и «ваше сиятельство» не нравится, поди ж ты, какие нежные, ну, не буду больше так, ладно?..

Положительно, сердиться на этого мелкого подхалима, выполняющего волю своего дьявольского начальства, было невозможно, и очкарик просто махнул рукой в глубине души на поведение бесенка. А тот уже подталкивал вежливенько своего сопровождаемого к неглубокой, но обширной нише в бледно-голубой стене, переходу на следующий уровень Преисподней, внятно, но быстро приговаривая при этом:

– Знаменитостей тут не ищите, чувствую же, как глазами по залу шарите, для знаменитостей: донжуанов всяких, калигул, мессалин и прочих, в веках прославившихся, – отдельные помещения, там все по-другому, хотя – суть такая же...

Про суть адских пыток для знаменитостей бесенок ничего не успел рассказать, привычно щелкнув кончиком хвоста по стене...

Сперва Смуглому показалось, что они вернулись в адскую котельную – сумрак, пыль, тишина, прерываемая нечастными, искренними и глубокими вздохами. Но тут же в глаза, хоть и

скрытые маленькими черными стеклышками, бросился ярко освещенный невидимой лампой зеленый, расчерченный стол и небольшая рулетка на краю его. Над рулеткой то и дело возникали из ниоткуда, прямо из воздуха, ловкие смуглые кисти рук, ограниченные белоснежными манжетами, запуская на «цифровое» колесо маленький, искрящийся шарик удачи.

Приглядевшись чуть повнимательнее, очкарик понял, что в тесном, запыленном, затхлом помещении, с паутиной в углах, серыми, шевелящимися тенями под рулеточным столом, в серебристых волнах пыли, временами клубящейся в свете адской лампы, находится всего один игрок, ничего не видящий и не слышащий вокруг себя, будто прикованный к рулетке невидимыми, прочнейшими цепями.

Среднего роста, но чуток обрюзгший, бледный, с синеватым высоким лбом переходящим в обширную лысину, с окладистой, солидной, но нервно встрепанной бородой, игрок кого-то неуловимо напомнил Смуглому. Кажется, когда-то очень давно, настолько, что счет времени уже не имел никакого значения, очкастый видел портреты этого человека на стенах то ли учебных заведений, то ли присутственных мест. А вот теперь воочию лицезрел убогий, бывший когда-то дорогим и шикарным, расплзающийся по швам серый сюртук игрока, пожелтевшую от времени и отсутствия должного ухода белую сорочку, едва выглядывающую из-под разлохматившейся бороды, прорехи в помятых, давным-давно нечищенных и неглаженных брюках, бежевые кальсоны, мелькающие в изрядных дырах на заднице и бедрах, порванные, стоптанные башмаки, из носков которых выглядывали грязные, с неимоверно отросшими ногтями пальцы.

– Увлечен-с, – прокомментировал поведение знаменитого игрока бесенок. – Второй век уж тут, а все наигратся не может...

Дрожащими, жадными пальцами, торопясь, будто захлебываясь в собственном желании успеть до сакраментального: «Ставки сделаны. Ставок больше нет», игрок лихорадочно, поспешно раскидывал по зеленому сукну фишки, тут же забывая о них и ловя пристальным взглядом появляющийся из дьявольских рук искристый шарик. И – услышав внятное, звучное объявление невидимого крупье – то вскидывал руки к низкому потолку, то прятал лицо в ладонях, трясясь непонятно – от смеха ли, от рыданий, и снова быстро-быстро разбрасывал по цифрам маленькие пестрые кружочки фишек.

– И выигрывает? – поинтересовался очкастый, внимательно глядясь в теперь уже откровенную тень когда-то известного человека, до сей поры влияющего на умы и судьбы многих грешников.

– А как же? – удивленно взметнул на лохматый лобик брови бесенок. – У нас, тут, по-честному, иначе всякий интерес пропадает... лет двадцать назад он такой куш снял – ух! Наши-то все думали, что крупье лет на триста без рук останется, но – нет-с, помиловались, отыгрывается потихоньку.

Смуглый недоверчиво хмыкнул – честность, вообще-то, никогда не была в числе добродетелей, почитаемых в Преисподней, ну, разве что в этот раз Хозяин решил на многовековом опыте проверить математическую теорию азартных игр. Впрочем, это обстоятельство ни коим образом не касалось обладателя странных очков, и он только обрадовался, когда за спиной остались и стол под зеленым сукном, и яркий свет, переливающийся на красно-черном цифровом колесе, и изможденный игрой, но не сдающийся, когда-то почитавшийся светочем, игрок.

И вновь – изящный, Вечностью натренированный взмах хвоста, легкий щелчок...

В просторной, освещенной многочисленными свечами на столиках и редкими, тусклыми бра на стенах ресторанной зале наигрывала легкая классическая музыка: скрипичный квартет, виолончель и арфа – все в черных фраках, арфистка в строгом вечернем платье – наполнял пространство протяжными, тоскливыми и неторопливыми звуками Брамса, Глюка, Грига, Баха.

Плохо разбирающийся не только в классической, но и в музыке в целом, смуглый очкастый спутник бесенка более пристальное внимание уделил сидящим за столиками, причем, столиками их назвать можно было только с огромной натяжкой. Это были – столы. Монументальные, покрытые белоснежными скатертями, окруженные почтительной свитой красивых, мягких кресел с резными, изящными спинками и удобнейшими подлокотниками – столы буквально царствовали в этом уютном, благожелательном мирке услужливых официантов, снисходительно-вежливого метрдотеля, звонкого хрусталя, тончайшего фарфора, серебряных столовых приборов, запыленных бутылок старого вина. Столы эти были самодостаточны одним только фактом своего существования, но, тем не менее, за ними восседали люди: толстяки с выпученными глазами, тяжелой одышкой, масляными подбородками; до изможденности худые, будто обтянутые кожей скелеты, с впалыми, голодными глазами, приоткрытыми губами, тонкими, костистыми пальцами; средней комплекции, иной раз даже подтянутые, стройные, с алчным блеском золотых перстней, раздувающимися от фантастических, ароматнейших запахов

ноздрыми... здесь были и мужчины во фраках, вечерних и деловых костюмах, и женщины в умопомрачительных, шикарных туалетах, хотя, мужской пол преобладал, безусловно подавляя своим большинством редких, но от этого еще более приметных спутниц.

Одно за другим, доставленные вышколенными, а потому практически невидимыми официантами, появлялись на столах блюда с парной и жареной осетриной, тающими во рту ароматными, с поджаристой корочкой, шашлыками, эскалопами, отбивными, бифштексами, ромштексами, котлетками всевозможных фасонов и размеров. За ними следовало великое множество гарниров – от простой, но отменно поджаренной картошки с зеленым горошком до чего-то невообразимо сложного, непонятного, изысканного и душистого. Бесконечность соусников окружало основные блюда, десятки видов горчицы, хрена, специй старались своими ароматами поддержать аппетит сидящих за столами. И уже слов не остается на описание даров моря, десятков сортов сыра, изысканных вин, коньяков и ликеров, изощренных десертов, настоящих гаванских сигар...

А мужчины в строгих фраках, женщины в шелестящих шелком и блистающих драгоценностями вечерних платьях, не обращая ни малейшего внимания на деловитую суету услужливых официантов, судорожно жевали, подкладывая в поминутно открывающиеся рты кусочки деликатесов и вливая вино – казалось, нет, и никогда в жизни не будет важнее для них занятия, чем сосредоточенное поглощение пищи. Впрочем, даже здесь, в зале гурманов и знатоков тонкостей французской, итальянской, китайской, русской кухонь витал такой привычный в Преисподней дух усталости и равнодушия к пожираемым яствам.

– Стоп, то, что это обжоры я понял и без комментариев, – остановил Смуглый готового разразиться очередной речью бесенка. – Но что здесь делают вот те – просто невообразимо тощие, натурально – скелеты...

– Чревоугодники-с, – поправил лохматый своего спутника. – А что тощие, так еще при жизни про таких говорили: «Не в коня корм», бывает, как без этого?..

– И что же, они вот так и будут жрать до Страшного Суда? – чуть брезгливо передернул плечами очкастый, наверное, представив себе вечный процесс насыщения без удовольствия и перерывов. – Не хотел бы я никому такой участи, гляди, они уже устали, совсем вымотались в этом бесконечном поедании деликатесов, а встать и уйти из ресторана – не могут.

– Так ведь – Ад-с, – в очередной раз, сверкнув черными

пуговицами глаз, сюсюкнул бесенок. – Кто сказал, что будет легко грешникам? Небось, все там, вверху, мечтают о раскаленных сковородках и котлах с кипящей смолой...

Лохматенький захихикал, но тут же оборвал себя, сказав уже совершенно серьезно и отчасти даже назидательно:

– А уйти у нас невозможно-с, никак-с, для того эти вот пространства и создавали – комнаты без ключей...

– Мы-то все-таки переходим из одного помещения в другое? – нарочито засомневался Смуглый, преследуя собственные, одному ему известные цели в общении с бесенком.

– А как же? – еще более нарочито удивился в ответ лохматый.
– У нас-то ключик есть для перехода.

И он лукаво помахал перед черными кругляшами очков изящно опушенным кончиком своего хвоста.

– А что же это они еще и такое заведение посещают? – продолжая тему обжор и их мучений, очкастый бесцеремонно ткнул тростью в сторону скромной таблички на стене «WC» с двумя дополнительными буквами «М» и «Ж» чуть пониже.

На совершенно бестактный его жест, казалось, никто из присутствующих в ресторанной зале не обратил внимания, с ленивым увлечением склонившись над тарелками и усиленно работая челюстями, но парочку пока еще не утративших любопытства взглядов Смуглый все-таки уловил.

– А как же без этого, без обратного, то есть, процесса? – удивился бесенок, игриво покручивая хвостом возле ног. – Тогда, понимаете ли, весь смысл пропадает, тогда это получается уже и не наказание, а так – блудодейство одно... Однако же, если вы не хотите перекусить или просто отдохнуть перед дальнейшей дорогой, ваша милость, то, думаю, следует поспешить, тем более, мы почти добрались до конечной цели нашего путешествия.

– У нас мало времени? – с ехидцей удивился очкастый, продолжая разглядывать сидящих за столиками и старательно не обращая особого внимания на бесенка, как не обращают внимания на обыкновенную, но слегка назойливую прислугу.

– Да нет же, времени-то у нас – вечность, – заверил своего спутника лохматенький. – Вот только стоять здесь просто так и глазеть, знаете ли, ваша честь, занятие не из самых интересных.

– Это ты здесь, слоняясь запросто по Преисподней, к таким разнообразным зрелищам давно привык, – буркнул больше себе под нос, чем бесенку, Смуглый. – Ладно, двигаемся дальше, чего уж тут тянуть кота за... х-м-м... хвост...

...перед глазами мелькнула длиннейшая толстая перекладина, подпираемая с обоих концов крепкими, в обхват толщиной, тщательно отшлифованными столбами. Вдоль

перекладины, через каждые два-три метра свисали довольно короткие веревки с петлями на конце, а в петлях корчились судорожными, последними движениями повешенные. Дергались длинные и короткие, волосатые и чистенькие, прикрытые лишь семейными просторными трусами и заношенными тренировочными брюками ноги, рвались в тщетных попытках освободиться от крепких веревок, прихвативших запястья, мускулистые и не очень руки, выпучивались от боли и предсмертного страха разноцветные глаза на гладковыбритых и покрытых недельной щетиной лицах. На жестком, дощатом полу тут и там валялись крепкие деревянные табуреты, выбитые из-под ног висельников. Впрочем, не везде: в самом конце перекладины, уходящей в глубину невысокого, узкого зальчика, в петлях висели уже упокоенные, а рядом деловито, сосредоточенно переминались с ноги на ногу, вернее, с копыта на копыто, вылитые собраты бесенка, сопровождающего смуглого очкастого человека в этом нелегком для нервной системы людской души пути. А в самом начале, у открывающихся только перед бесами дверей парочка лохматой нечисти уже подставляла под ноги повешенного не так давно выбитый табурет, и один из бесенят, ловко взобравшись на сиденье рядом с ногами покойника, облегчал узел затянувшейся на бледной, худой шее веревки.

– Самоубивцы, значит, – деловито и желчно хихикнул бесенок. – Удавленники-с, кто на себя руки посредством петли наложил... наивные, решили так бога за бороду ухватить, мол, он срок отмерял, а я возьму, да сокращу. А тут им – никакого сокращения, так и будут до Конца Света каждые пять минут ногами дрыгать в веревочной петелечке.

Немного подумав, приметив, как спокойно созерцает Смуглый извивающиеся в агонии тела, дергающиеся ноги, вываливающие вновь и вновь языки на багровеющих от натуги лицах, бесенок добавил «для аппетита»:

– Хорошо, что к нам они попадают уже без всех прелестей желудка, прямой кишки и мочевого пузыря, не то здесь и работать бы никто не стал. Мы ведь на запахи хоть иной раз внимания не обращаем, но это не значит, что готовы каждые пять минут нюхать дерьмо и мочу грешников...

Очкастый покрутил головой, прислушиваясь к предсмертным стонам и хрипам, подумал минутку, даже слегка приоткрыл рот, но, видимо, так и не нашел, что сказать бесенку в ответ на его устные иллюстрации происходящего, однако, чувствовалось, что ощущает Смуглый себя в длинном и узком висельном зале совсем не в своей тарелке.

– Хорошо, хорошо, ваша милость, – засуетился слегка

лохматенький, тонко прочувствовав дискомфортное состояние сопровождаемого. – Мы уж и пришли, сейчас только последнюю дверь открою – и на месте...

За адской метафизической стеной располагался...

Деловой, функциональный, без малейших излишеств, в меру просторный и в то же время ничуть не кажущийся большим, а уж тем более – огромным, кабинет с тяжелыми бордовыми, чуть приоткрытыми портьерами на окнах, чтобы сквозь них легко было разглядеть симпатичный зимний пейзаж за прозрачным, адски чистым стеклом. За простеньким, заваленным неизвестными, но очевидно крайне важными бумагами канцелярским столом сидел, сгорбившись, бес. Он отличался от мелкого, заросшего густой шелковистой шерстью бесенка, сопровождающего вошедшего в кабинет смуглого очкастого человека, как вылезавший из «роллс-ройса» миллионер отличается от сидящего на тротуаре нищего. Будто вырубленное из темно-красного гранита, скуластое лицо беса было лишено волос, лишь на голове, чуть скрывая аккуратные, но за тысячи лет существования слегка притупившиеся рожки вились вороньи кудри. Тело беса, во всяком случае, та его часть, что виднелась над столешницей, было затянато в некое подобие темного, шоколадного цвета делового костюма, воротничок чуть более светлой – кофе с каплей молока – сорочки был стянут узким галстуком-удавкой, давно вышедшим из моды в мире живых. Руки беса, перебирающие лежащие перед ним бумаги, более напоминали человеческие, нежели лапки непонятого звереныша, чем отличались от верхних конечностей мелкого бесенка в лучшую, более привычную людскому взгляду сторону.

Подняв на вошедших глубоко посаженные, бездонные, как Вечность, черные глаза, бес коротко махнул рукой, присаживайтесь, мол, а сам продолжил быстро, деловито, но с явным и нескрываемым раздражением просматривать таинственные адские документы, перекладывая их с одной половины стола на другую. К некоторым из бумаг неизвестный столоначальник Преисподней быстрым, привычным движением прикладывал вполне по-человечески выглядевший кругляшек печати, вот только сразу же после этого, вполне канцелярского, знакомого всем и каждому действия кабинет почему-то наполнялся неприятным запахом жженой бумаги, а переместившиеся с места на место документы еще какие-то доли секунды подсвечивались, казалось, изнутри невнятным багровым светом.

Наконец-то, с первоочередной, не терпящей отлагательств частью бумаг было покончено, и бес пристально глянул на присевшего рядом со Смуглым лохматого бесенка, от этого

тяжелого, ничего хорошего не обещающего взгляда нечистого будто ветром сдуло со скрипучего, расшатанного и неудобного, канцелярского стула. Бесенок исчез, растворившись в той самой стене кабинета, через которую привел сюда очкастого.

– Вот так всегда, Симон, – глядя прямо перед собой, но явно обращаясь к оставшемуся в кабинете человеку, сказал с легким налетом горечи в голосе бес. – Привыкли, что впереди вечность, значит, можно опаздывать, задерживаться, плевать на регламент и дисциплину, установленные испокон веков порядки и традиции...

И будто ответом на эти слова колыхнулась, растворяясь в пространстве, стена кабинета, выкрашенная самой обыкновенной салатовой масляной краской, и в открывшемся проеме успела мелькнуть за спинами входящих гладкая, голубовато-зеленая, влажная поверхность то ли озера, то ли большой, спокойной реки.

Вошедших было двое, и один из них был точной копией бесенка, сопровождавшего смуглого человека с тростью, поименного только что Симоном, а второй... вернее, вторая... миниатюрная девушка с яркими, большущими, в пол-лица, серыми глазами, худенькими, острыми плечами, проглядывающими из широкого воротника её нескладного, на пару размеров больше, чем надо бы, свитерочка буровой, странной окраски, тонковатые для женщины, скорее, подростковые ножки были обтянуты черными, поблескивающими брюками, изрядно расклешенными над скромными, поношенными туфлями на невысоком, но ощутимом каблучке, короткая, мальчишеская стрижка иссиня-черных волос оголяла кажущуюся беззащитной тонкую шею и чем-то дополняла общий облик юной, не более шестнадцати, но уже вполне самостоятельной и разбитной девицы, что еще больше подчеркивалось ярким слоем губной помады, подводкой глаз и броскими тенями на веках.

Грозный взгляд сидящего за столом беса, будто святой водой, изгнал из помещения лохматого сопровождающего неизвестной очкастому девушки, которая хоть и старалась казаться скромной, но без всяких церемоний и приглашения устроилась на уголок стоящего напротив Симона стула и, пытаясь хоть как-то скрыть свою обеспокоенность, скрестила на груди тонкие руки. Её в меру любопытный взгляд скользнул по присутствующим и уперся в пол под ногами... идеально чистый, лакированный, высшей марки сборный мозаичный паркет, столь неожиданный в таком присутственном месте.

– Даю вводную, – без предисловий, даже не удосужившись познакомиться между собой грешников, чуточку монотонно начал

бес. – В одном из Отражений имеется грешный человек, который рано или поздно попадет к нам...

Это была стандартная формула, почти заклинание, с которого едва ли не всегда начинались любые разговоры о мире живых и грешных между бесами и их подопечными. Но вот продолжение было достаточно необычным: бес провел ладонью над столом, и прямо перед ним, слегка заслоня дьявольское лицо, возникло четкое объемное изображение рыжевато-го, кудрявого мальчишки лет двадцати, некрасивого, носатого и веснушчатого, с неправильными чертами лица.

– Так нам что же – убивать придется... Нулика, э-э-э-э... Мишку Нуланда, то есть?.. – перебивая явно собирающегося продолжить речь беса, спросила девушка неожиданно приятным голосом, но с легкой, вовсе её не портящей, как бы, прокуренной хрипотцой.

– Какого Нуланда? – будто совсем забыв о правилах преисподнего этикета, удивленно спросил Симон, уже пристально, не так, как первый раз, разглядывая собеседницу через черные стекла очков.

Бес чуть брезгливо прищурился, взмахом руки одновременно останавливая готовый возникнуть диалог между присутствующими и убирая изображение над своим столом.

– Ты, Зоя, хуже малого дитяти, – высокомерным тоном поименовал нечистый девушку, чутко поморщившись, видимо, припомнив, что означает её имя на одном из мертвых языков. – Или проповедей при жизни наслушалась? Небось, в церковь каждое воскресение ходила? И за что только тебя к нам определили...

Ладно, определили и определили, не мое это дело, – уже серьезно нахмурившись, продолжил бес. – Я не судья, не палач, у меня свой участок работы.

Так вот, о работе. Ваша задача в ближайшие два-три дня, но чем раньше, тем лучше, вывести этого грешника из города, из места его проживания, куда-нибудь подальше и задержать там на недельку, не более. Как вы это сделаете: напоите до белой горячки, кольнете наркотиком и похитите, уговорите, соблазните, напугаете – это вопрос только ваших личных возможностей в степени воздействия.

Кстати, Зоя, ты в этой акции играешь всего лишь вспомогательную роль, чтобы легче было опознать субъекта, подвести к нему Симона. Считаю, тебе повезло однажды, еще при жизни, хоть раз попасть в нужную компанию.

Учтите, сохранением жизни грешника на данном отрезке Вечности интересуемся не только мы».

– Ты хочешь сказать, что это совместная акция? – чуть фамильярно, но все-таки гораздо осторожнее, чем сделала перед этим девушка, перебил бес Симон, внимательно слушавший речь нечистого.

– Нет, не совместная, – как показалось очкастому, с легким огорчением, покачал головой бес. – Те, сверху, дистанцируются от любой нашей акции, но, тем не менее... с молчаливого одобрения, будем говорить так. Впрочем, присутствия с их стороны аналогичной группы я не исключаю. Далее по делу.

Вы попадете в достаточно привычную атмосферу, практически – в свое же время, может, будут нюансы, но они непринципиальны. Действовать придется в собственных телах, с которыми вы расстались после смерти, некогда подыскивать другие, да и привыкание к ним у вас займет слишком много времени. А сделать все надо очень и очень быстро.

От меня вам, обоим, слово: за досрочное или в нужный срок выполнение задания обещаю увольнительную на пять... нет, на десять лет, живите там, как хотите, урывайте кусочки своего мелкого человеческого счастья. Ну, а по возвращении – смягчение режима, как положено. Кроме того, но это уже – совсем по секрету, без особого разглашения, возможно и ходатайство конкретно за ваши грешные души сами понимаете кого... Но – про ходатайство еще бабушка надвое сказала, особо-то не обольщайтесь.

Вот теперь – всё. Держите!»

Бес протянул через стол два простеньких, в четвертушку писчей бумаги, листочка самого, что ни на есть, канцелярского вида и легкой призрачно-зеленоватой расцветки. Симон, приняв свой лист, деловито сложил его пополам и аккуратно положил во внутренний карман пиджака, а вот Зоя, впервые столкнувшись с таким документом не только в Преисподней, но и, похоже, по предыдущей грешной жизни, подпернув длинноватые, хоть и подвернутые предварительно рукава свитерочка, внимательно проглядела бумажку, чуть повернувшись в профиль к очкастому, и мужчина только сейчас заметил, что на спину девушки падает длинная, одинокая и узкая прядь выбеленных едва ли не от самых корней волос.

«Ну, и мода там, у живых в этом Отражении», – подумал Симон, невольно вспоминая, какими же были прически у девушек его родного мира, когда он покинул его вовсе не по собственной воле.

«Командировочное предписание» гласил крупный, чуть смазанный шрифт в заголовке, а далее, помельче и потусклее – «настоящее выдано грешной душе, именуемой – Зоя» и номер, ох,

какой чумовой, из дюжины цифр, не меньше, да еще с двумя буквенными индексами через дефис. Вообще, удостоверялось этим предписанием полная законность пребывания не так давно упокоившейся Зои в мире живых. На обратной стороне дьявольского документа, невидимая глазу простых смертных, в центре золотистой, свободной октограммы горел зловещим тусклым огоньком с сизыми, угарными переливами отпечаток раздвоенного копыта.

– И для кого это? – по-своему оценив выданную бумагу, непонимающе поглядела девушка на беса. – Кому такой документ там нужен будет?

Бес с явным раздражением махнул рукой, мол, разберешься, зачем мелкими вопросами докучать крупному начальству, но все-таки – снизошел, счел нужным добавить:

– Все подробности, а так же довольствие получите у моего помощника, а теперь – работать, всем...

Казавшиеся незыблемыми стены, канцелярская мебель, роскошный пол и потолок внезапно начали деформироваться, поплыли, как плывет кусок воска под яркими горячими солнечными лучами, черты лица и фигура беса исказились, будто по ним прошла широкая волна...

И в ту же секунду, так ничего толком не поняв и не успев почувствовать, Симон и Зоя оказались сидящими в удобных кожаных креслах, в некой просторной приемной, разгороженной на две неравные части невысоким, до пояса, деревянным барьерчиком с узкой калиточкой в нем. И через эту калиточку моментально, вьюном, протиснулся очередной бес, вернее сказать – полубес, полубесенок – очень уж в нем смешались отличительные черты, как человекообразного «большого» беса, так и маленьких шустрых бесенят, сопровождавших Симона и Зою на аудиенцию. Морщинистый невысокий лобик цвета старой меди, роскошные кудрявые бакенбарды, переходящие в небольшую, такую же кучерявую бородку, едва различимый среди этих зарослей тонкогубый рот, пронзительные, жгущие до глубины души, черные глаза, почти человеческие руки, потрепанный, но все же конторский костюмчик вместо густых зарослей шерсти.

– Вот они какие, наши новые герои... – не глядя, затарахтел полубес привычный, затверженный наизусть монолог, но тут же осекся, заметив черные очки Симона, и махнул рукой, слегка поросшей шерсткой. – Ладно, давайте без преамбул, раз тут у нас не новички... пойдемте в «Уютный уголок», там посидим, все детали обсудим, а то здесь, в казенной обстановке, и мысли какие-то казенные, и слова такие же получаются...

Полубес щелкнул кончиком хвоста по стене и широким жестом предложил Симону и Зое проследовать перед ним, в открывшийся за стеной маленький, уютный, полупустой зальчик совсем не по-преисподнему скромного рестораника.

...честно говоря, бурый, бесформенный свитерок и черные, ношенные брючки девушки совсем не соответствовали массивным канделябрам на столах, белоснежным скатертям, старинным столовым приборам и лощеным, прилизанным официантам, деловито, быстро, но в то же время – степенно перемещающимся от клиентов на кухню и обратно. В своем костюмчике-тройке, хоть и не высшего разряда, но вполне прилично сохранившемся и тщательно отглаженном, в строгом однотонном галстуке с широким узлом и с тонкой тростью в руках Симон здесь смотрелся гораздо более уместно, чем его теперь уже, кажется, окончательно состоявшаяся напарница. И даже странные миниатюрные кругляши черных стекол перед глазами не портили общего впечатления. Впрочем, в компании нескольких полубесов, маленькой группы бесенят, собравшейся за дальним столиком, видимо, после окончания своего бесовского рабочего дня, грешные души изначально выглядели нелепыми и лишними на чужом празднике жизни, хотя их эта нелепость нисколько не смущала, отвыкли и Симон, и Зоя смущаться чего-либо в Преисподней.

– Вы садитесь пока, – кивнул полубес на ближайший свободный столик. – Я сам на кухню схожу, посмотрю, что из полуготового сейчас имеется, чтобы, значит, время не терять, но при этом еще и вкусить достойное...

Полубес резво умчался, похоже было, что он ловко совмещал служебные обязанности с личными пристрастиями, а Зоя, чуть шарахнувшись в сторону, когда Симон, согласно этикету, отодвинул перед ней тяжелый, красивый стул с резной спинкой, уселась поудобнее и, чтобы скрыть собственную неловкость, спросила:

– Ты же не в первый раз обратно собираешься? То-то я смотрю, знают тебя все, относятся по-особому...

Симон молча кивнул в знак согласия, старательно пряча глаза за черными стеклами очков и пока только присматриваясь к напарнице.

– И как там после этого? – настойчиво продолжила Зоя, обведя рукой окружающее их ресторанное пространство.

– В своем теле – нормально, – с легкой усмешкой заверил её очкастый. – Если меняешь, морока, конечно, изрядная, пока привыкнешь – всё ложку мимо рта проносишь...

Девушка негромко фыркнула легким нервным смешком,

посчитав слова напарника своеобразным юмором, но Симон продолжил вполне серьезно:

– А ты думала – как, если у тебя вдруг руки стали на полметра длинней, чем привык? А еще бывает и такое – в тело другого пола законопатят... вот и привыкай мочиться сидя... ну, или – для тебя – стоя...

– А ты остаться там не пробовал?.. ну, насовсем... – зачем-то понизив голос до конспиративного шепота, спросила Зоя, видимо, тема возможного возвращения к грешной жизни беспокоила её едва ли не с момента попадания в Преисподнюю.

«Или наивная такая, или очень уж её припекло, – решил, было, Симон. – Меня так провоцировать – глупо, бесы мой ответ давно знают наперед...» Но напарнице он в этот раз ничего сказать не успел.

– Тю-тю-тю, – заголосил как-то незаметно оказавшийся возле столика полубес. – Ишь, какая шустрая – сразу ей и остаться... ты откель такая?

Он с легким прищуром глянул поверх головы девушки, будто именно там считывал нужную информацию, а не включался в общее для всех нечистых Знание.

– Пятый спецблок, шестого бордельного уровня, – деловито констатировал полубес. – Вернешься, загляну к тебе, люблю, знаешь ли, таких шустрых, чтоб поперед батьки в пекло, да сами всё делали...

– И что вы все про этот бордельный уровень поминаете! – чуть покраснев от злости и плотно сжав губки, чтобы не плюнуть нечистому в лицо, громко прошипела рассерженная Зоя.

Полубес, видать, привыкший за тысячи лет к подобной реакции, а может, просто от природы своей существо веселое, залился звонким, задорным смехом, и продолжал веселиться все то время, пока вышколенный официант не расставил на столе пяток разнокалиберных бутылок и несколько тарелок с легкой закуской. Времени профессиональные и точные действия халдея заняли очень немного, потому и смех нечистого не показался затянутым и нарочитым.

– Ладно, повеселились – и довольно, – резко оборвал сам себя полубес. – Ты, девушка, не будь совсем дурочкой, не идет тебе это – блондинкой прикидываться. Подумай, ну, куда ты от нас денешься, даже если возвращаться не захочешь? Или на радостях бессмертной себя возомнила? Так, нет, бессмертия вам, грешным, не положено. Лет через пятьдесят-семьдесят все равно здесь очутишься, а судя по твоей шустрости и нахальству – так гораздо раньше. Ну, а мы ведь никуда не спешим, у нас тут – Вечность. Потому и бежать от нас – бессмысленно.

Ладненько, будем считать, что на этом воспитательную беседу закончили, – посерьезнел лицом полубес. – Теперь давайте по делу. Отражение, куда вы направлены, курирует Тарель, но помощи от него не ждите, даже в крайнем случае, на нем еще три Отражения висят, совсем, бедняга, зашился, нигде ничего не успевает, говорят, в ближайшие лет сто его оттуда турнут и приставят взамен сразу двоих, а то и троих. Ну, да на вашем деле это будущее никак не отразится. Работать-то придется сейчас. Базой вам лучше взять одну секту местную, они, как бы, нашему Хозяину поклоняются, причем, большинство – искренне, от души, а не аферы какой ради или для сомнительных удовольствий».

– Сатанисты? – уточнил Симон, неторопливо выцедив из лафитника ледяную водку, принесенную услужливым, незаметным официантом в небольшом хрустальном графинчике, и занюхав выпитое в лучших традициях жанра специально поданной на отдельном маленьком блюде чуть подсохшей корочкой черного хлеба.

– Да хоть и так считай, – слегка поморщился то ли от вида выпитой водки, то ли от слов грешной души полубес. – Молитвы творят страшному идолу в форме козла, темные силы призывают, нас, то есть. Ну, с ними-то Тарелкин – это мы так промеж себя Тареля прозываем, в глаза ему не подумайте сказать – предварительно поработал, явился пару раз в нужном облиии, напроорочил там чего-то из местных событий, стал в их глазах авторитетным. Вот тебе, Сёма, пароль для сектантов, как бы, от самого дьявола...

С иронической усмешкой полубес протянул Симону массивный, солидный перстень с кроваво-красным рубином-астериксом.

– Покажешь сей перстень любому из этих идолопоклонников и будешь ему старшим братом, отцом, повелителем, вообще, насколько у тебя фантазии хватит, – деловито хихикнул полубес. – И вот еще, камешек с секретом, как положено, глянь, вот тут слегка надавить надо...

Из недр кровавого камня вырвался тонкий, но довольно мощный луч пронзительно алого цвета и уперся в низкий потолок ресторанной залы маленькой, круглой точкой.

– Когерентный световой поток, – с важным видом сообщил, будто только что сам придумал эти умные слова, полубес. – Чтобы сжечь грешное тело мощности, конечно, маловато, но одежду, если что, подпалишь запросто, да и ослепить можно легко, а если с двух десятков локтей и ближе – то уж на всю оставшуюся жизнь, выжжешь сетчатку, как нечего делать...

Полубовавшись несколько секунд перстнем, игрой

рубинового кабашона, блеском двенадцатиконечной, чуть серебристой звездочки, распластавшейся внутри камня, тонкой работы, но пережившей уже не одно столетие тяжелой золотой оправой, Симон без слов сунул вещественный пароль в маленький жилетный кармашек.

– Теперь – документы, – нечистый, будто из воздуха, извлек и положил на стол подле хрустального графинчика, наполненного ледяной, отличной очистки и не согревающейся в теплом комфортабельном помещении рестораника водкой, объемистый конверт из плотной, вощенной бумаги. – Удостоверения личности, водительские права, социальные карты, всё в трех вариантах: по первому – вы муж и жена, по второму – брат и сестра, а по третьему – каждый сам по себе. Пользуйтесь по обстоятельствам, кто их, эти самые ваши обстоятельства, наперед вычислит?.. Имена-отчества ваши оставили, брачная фамилия по Сёме, а родственная и раздельная – каждому своя, какие у вас при жизни были.

– И кем мы там будем? – безнадежно поинтересовался Симон, с трудом вменяя конверт во внутренний карман пиджака. – Туристами? коммивояжерами? или, как есть на самом деле, командировочными из Преисподней?..

– А это пуцай твоя шустрая напарница придумывает, – с легкой ехидцей отозвался полубес, указывая на притихшую Зою. – Она там местная, все порядки лучше знает, а то мы, здесь, напридумываем чего, а такого там давно уже нет, или не в моде...

– Тогда на месте и придумаем, – недовольно, но сдерживая себя, сказал Симон, привычно подумав, что самое сложное в процессе вживания в местное общество бесы, как обычно, переложили на исполнителей. – Дальше?

– Это для связи, – нечистый выложил на стол две старинные, но отлично сохранившиеся и довольно большие, диаметром с фалангу мизинца, жирно блеснувшие при свечах золотом монеты. – Чтобы вы сразу прониклись важностью порученного дела – связь пентаграммная... Одна монета – на Тареля, вторая – напрямую сюда, в нашу группу. Однако злоупотреблять обеими я бы не советовал, сами понимаете, вас, грешных, много, нас, бесов, мало, вы, грешные, все время чего-то от нас желаете, а мы что же? должны бегать, дел не по делу, по вашим запросам? Короче так, первая связь, как положено, в течение суток после прибытия через Тарелкина, он сам выйдет на вас, лучше его не тормозите, даже если на полдня или чуть больше задержится – не суетитесь, за ним, говорил уже, не одно это Отражение, везде дел полно.

Симон двумя пальцами подтянул к себе по столешнице обе монеты, мельком глянул на аверсы и тут уловил полный

недоумения взгляд Зои. «Ох, еще этой девчонке всё объяснять надо, – спохватившись, поморщился от такой мысли очкастый. – Первый раз идет, ничего не знает, а знать все-таки должна, мало ли что...»

– Пентаграммная связь – знак доверия, – коротко проинформировал он навязанную спутницу. – Рисуешь на полу звезду, по углам ставишь свечи, в центр кладешь монету и называешь имя вызываемого беса. Тот является в течение получаса, не больше. Докладываешь о своих проблемах, задаешь нужные вопросы и получаешь ответы. Вот и всё. Кстати, а «обратный билет» разве не предусмотрен?

С этим вопросом Симон обратился уже к полубесу. Тот отрицательно помотал головой, засмеялся игриво:

– Что ж это вы на своей грешной земле и качественного яда или какого-нибудь кинжальчика захудалого не найдете, чтобы вернуться? – потом посерьезнел, сказал уже сухо, информативно. – Миссия рассчитана на неопределенный срок, к тому же, вам, кажется, по результатам светит серьезная такая премия? Так что – никаких «обратных билетов»...

– Мельчаете, – как бы, в шутку, но с очень серьезным лицом сказал Симон. – На цикуте экономить стали.

– Ну, дальше вы сами должны решить, что и как делать, – прикинувшись, что не услышал попрека очкастого, приподнял наполненный ледяной водкой лафитник полубес, будто бы на прощание. – Погодка там сейчас как раз по вашей одежке, самое начало осени, говорят, в это время всегда сухо и солнечно, только попрохладнее, чем летом...

– Стоп-стоп, – остановил тост Симон. – А материальное обеспечение? Или нам по прибытии надо будет банки грабить?

Полубес отставил лафитник и скорчил совершенно невообразимую рожу, долженствующую свидетельствовать о серьезном его недовольстве.

– Индивидуальная людская меркантильность погубит когда-нибудь все человечество, – огорченно констатировал нечистый, похоже, имевший свои виды на полагающееся командированным денежное содержание.

С легким, малоприметным вздохом полубес выложил на стол, рядом с золотыми монетами, две солидные, в банковской упаковке, пачки денежных купюр крупного достоинства. В ответ на его гримасы Симон с трудом сдержал язвительную улыбку и решительно потребовал:

– А мелочь?

У сидящей рядом Зои в голове тут же мелькнула очень подходящая случаю картинка, как очкастый неторопливо, с

достоинством и великим терпением, выжимает на рынке сдачу у какой-нибудь крикливой, повязанной пуховым платком необъятной теткой с ярко накрашенными губами и заскорузлыми, грязными пальцами. Выглядела такая сценка откровенно весело, и девушка, чуть отвернувшись от стола и стараясь проделать это незаметно, ухмыльнулась куда-то в обнаженное плечо. «Полубес-то не из последних, и работа у него солидная, а вот замашки и жуликоватость, как у местечкового еврея из анекдотов», – подумала Зоя, теперь уже совершенно не опасаясь, что её сокровенные мысли могут быть услышаны нечистым. Кажется, только сейчас она окончательно поверила в свое, пусть временное, пусть не надолго, пусть по абсолютно чуждым ей делам, возвращение на грешную землю.

Тем временем полубес окончательно скатился из мажора в минор и с явным пренебрежением бросил в сторону Симона легонько звякнувший, пузатенький конвертик, набитый купюрами меньшего достоинства и мелкими, разменными монетками. Весь вид нечистого говорил об огромном презрении к мелочным крохоборам грешного человеческого рода, способным вытрясти последний грош даже из бессмертного существа, желающего им всякого блага.

«Всё? Доволен?» – без слов говорили злые глаза полубеса.

Симон, спрятав в карман пиджака и этот конверт, усмехнулся. Он и в самом деле был доволен собой, в первую очередь тем, что не поддался неизбежной для большинства грешных душ эйфории при известии об очередном посещении живого мира.

А вот раздосадованный неудавшейся маленькой аферой полубес, конечно, постарался ничем не выдать обуревавшие его могучие отрицательные эмоции. Еще бы, из-за какого-то сообразительного грешника, мимо кармана проплыли значительные суммы – тот, кто считает, что в Преисподней денежные знаки разных Отражений ничего не значат, глубоко ошибается. Конечно, ни купить, ни продать, ни дать взятку пестро разрисованными бумажками здесь было невозможно, но вот приобрести втихаря, без ведома высшего руководства, какую-то ценную вещь, реликвию или антиквариат в том самом Отражении, откуда родом происходили эти самые купюры, было вполне реально. Ну, а затем подарить тем же самым верховным бесам уникальный бриллиант или старинной работы, овеванный многочисленными легендами, меч, и тем самым обратить на себя внимание, чтобы в случае дальнейшего продвижения по службе не толкаться в приемной, не участвовать в нелепых, бессмысленных конкурсах, а накрепко засесть в памяти

начальства, как существо ловкое, умелое, знающее цену Вечности...

Впрочем, выдержка полубеса имела под собой гораздо более весомые аргументы, чем простое желание «сохранить лицо» в глазах грешных душ. Ведь в случае возможной неудачи при выполнении задания разбирательство непременно коснется и обеспечения акции, значит, вопрос о невыданных суммах всплывет сам собой, а тут уж – пощады не жди, на такого рода хищения, повлекшие срыв запланированной на самых верхах операции, сквозь пальцы смотреть не будут.

– Ну, что, распахал по карманам нажитое непосильным трудом? – все-таки не удержался и съехидничал полубес, но тут же стал серьезным, сосредоточенным и отрывисто скомандовал: – Взялись за руки, внимательно смотрим на медальон, переход по счету «тринадцать»...

Не дожидаясь реакции девушки, смуглый мужчина в черных круглых очках быстро и решительно взял в свою жесткую ладонь её длинные, по-женски хрупкие пальчики и пристальным взглядом поверх сползших по переносице темных стекол уставился на появившийся над столом, мерно, неторопливо покачивающийся на толстой золотой цепочке овальный медальон с изображением черного, кудрявого пса с раскрытой, розовой пастью и веселым колечком чуть высунутого длинного языка.

– Раз, два, три, четыре... – отсчитывал, явно удаляясь и затихая, голос полубеса.

И мир иной заволокло сперва белесой, а затем сизовой туманной дымкой, смазывающей очертания предметов и существ, искажая саму сущность мироздания...

– Одиннадцать, двенадцать, чертова дюжина – тринадцать!..

Не было ни всплеска адского пламени, ни грома небесного, только сизый туман в глазах Симона и Зои сменился непроглядной, дьявольской чернотой Вечности...

В подъезде старого пятиэтажного дома, казалось, чудом уцелевшего среди свеженьких, нарядных, как пряничные домики, высоток, которыми была в основном и застроена короткая, но широкая, просторная улочка, царило то же самое затемнение, что и во всем городе. Кое-где из-за щелей неудачно устроенной на старых окнах светомаскировки вырывались тонкие, ослепительные в ночной темноте полосы яркого света, но в целом мрачноватая обветшалая коробка казалась еще более заброшенной и нежилой, чем была на самом деле. Это ощущение еще больше усиливалось в подъезде – запущенном, с облезлыми стенками, разрисованными самыми неожиданными и не только похабными надписями и поразительными по качеству исполнения граффити, с кучками бытового мусора, окурков, фантиков и использованных презервативов в углах, давным-давно забытых коммунальными службами. Вместо положенных по инструкции двух синих камуфляжных лампочек: при входе и на последнем этаже, – горела единственная, на площадке пятого этажа, похоже было, что первую из них свинтили и приспособили для собственных нужд в какой-то квартире в первый же день её появления.

– Думается мне, что тут мы непременно во что-нибудь вляпаемся... – сказал негромко Симон, заглядывая через приоткрытую, скособоченную, разошедшуюся и с трудом держащуюся на петлях входную дверь в темноту подъезда.

– Привыкай, сноб, мы так всю жизнь живем... жили, – поправила Зоя и, чуть отстранив напарника, попыталась, было, первой пройти в чернеющий на белесом фоне стен прямоугольник.

«Хорошо, что про очки все не помянула», – меланхолично подумал Симон, придержав девушку за локоток, и шагнул первым, одновременно втягивая носом сногсшибательную смесь из застарелой пыли, подсохшего дерьма, свежего аммиака, сгоревшей когда-то давным-давно резины и, почему-то, цитрусовых: то ли кто-то из местных обитателей расщедрился и совсем недавно воспользовался освежителем воздуха, то ли в потемках раздавил выпавший на землю мандарин... последнее представлялось более вероятным...

– Ну, и запах...

Запах... это было первым, таким поразительным отличием от того света, самым надежным ориентиром перемещения в черном,

искажающем пространство тумане Вечности, напущенном полубесом на грешные души.

Нельзя сказать, что в Преисподней ничем не пахло, еще как пахло, иной раз – даже чересчур сердито, но, к примеру, в той же кочегарке, через которую Симон добирался до высокого бесовского начальства, пахло лишь антрацитом и угольной пылью, а вполне себе нормальный, долженствующий присутствовать запах раскаленного металла от дверцы адской топки, запах мужского пота от грешной души неумышленного убийцы, отбывающего за свои прегрешения истопником, запах его заношенной, покрытой неожиданными масляными пятнами телогрейки – эти запахи отсутствовали напрочь, создавая в Преисподней некую плоскую однобокость по части человеческого обоняния.

А вот при переходе, при возвращении в мир живых, удивительная, чуток даже подзабытая смесь невероятных, земных ароматов, пожалуй, сильнее всего воздействовала на нервную систему, во всяком случае, с Симоном было именно так, и, похоже, не только с ним.

...Запах сухих листьев, перегноя, слабый аромат пожухлой осенней травы... едва уловимый, остаточный, сохранившийся после недельного, если не больше, перерыва, запах прогоревших восковых свечей, собравшейся на полу пыли... запах мелких грызунов, пошаливших не так давно в этом месте... запах живого мира.

Это было первым, что ощутили невольные напарники, когда черный туман неторопливо, но при этом стремительно развеялся в их глазах, и грешные теперь уже не только души, но и тела, оказались сидящими у каменной, старинной кладки монастырской стены, внутри просторного, чудовищно захламленного, заросшего местами пожухлой травой, бурьяном, чертополохом и маленькими, уродливыми кустиками, непонятного помещения. Что здесь располагалось раньше, чем занимались в этом зале монахи до разрушения обители, сказать было невозможно, и только одно представлялось ясным и очевидным: в последние лет двести люди пользовались лишь узкой тропкой, ведущей от полуобвалившегося дверного проема вдоль стены куда-то в сумрачный, едва заметный даже днем, уголок.

Симон, не открывая глаз, вслушивался в окружающую тишину, далекий щебет неизвестных птишек, в едва уловимый шелест ветра где-то там, за дверью монастырской залы, в то, как сидящая рядом Зоя шумно, с безумным аппетитом и несравненной радостью, втягивает в свои легкие запахи живого

мира.

Через пару минут напряженной, даже какой-то торжественной тишины девушка слегка подтолкнула локтем своего спутника и спросила чуть подрагивающим голосом:

– А ты чего с палкой ходишь, да еще в этих очках черных? Кажется, не хромой и не слепой, как я заметила.

– Ты совсем не то хотела спросить, – открывая глаза и рывком поднимаясь на ноги, отозвался Симон.

Через дверной проем и узкие, словно бойницы, расположенные высоко от земли, такие же полуразрушенные, обветшалые окна в монастырский зал вливался великолепный свет закатного солнца.

И еще – вокруг была полнейшая пустота. Ни единой живой, даже мелкой или звериной души поблизости. Пустоту эту пришедшие с того Света ощущали особенно остро.

Зоя, вслед за Симоном, поднялась с пола, механически отряхивая брючки на худенькой попке, огляделась вокруг, кажется, узнавая то место, куда их материализовал полубес.

– Ты хотела узнать – правда ли, у всех такие сильные, я бы даже сказал – яростные, ощущения при возврате? – как бы, продолжил свою фразу Симон после небольшой паузы. – Отвечаю уклончиво, за всех не знаю, но, думаю, у большинства именно так. После того Света здесь все кажется ярче, объемнее, жизненнее, что ли. Но такое ощущение быстро проходит. Часов через десять, может, раньше, будешь чувствовать себя, как обычно. Ты, кстати, признала место, в которое мы попали?..

– Кажется... это заброшенный монастырь, километров двадцать от города, – с легкой запинкой, оглядываясь по сторонам, сказала Зоя. – Я тут была-то всего пару раз, от нечего делать с одним знакомым заезжали, вроде как, на экскурсию. Правда, поговаривали еще тогда, что где-то здесь, при монастыре, та самая «Черная секта» обосновалась...

– Значит, полубес нас прямиком к сатанистам отправил, – усмехнулся Симон. – Но – не угадал, похоже, они здесь давно не собираются.

– Может, и собираются, – продолжая озираясь вокруг себя, пожала плечами Зоя. – Только не здесь, а где-нибудь в подвале, монастырь-то большой, тут, говорят, под землей такие лабиринты...

– Ладно, сатанисты и прочие люциферчики нам сейчас не нужны, – задумчиво сказал Симон, привычно поправляя на переносице очки.

– А кто нам нужен? – поинтересовалась Зоя, невольно прижимаясь к мужчине, ей было очень неуютно в огромном,

пустом помещении после постоянной суеты и невозможности уединиться даже на мгновение в Преисподней.

– Нам нужно определиться с ночлегом, – начал перечисление задач Симон. – Видишь, за окнами-то закат, а спать здесь, на голом полу, как-то не хочется. Давай, привыкай вновь заботиться о своем теле, хоть и дали его тебе во временное пользование. А потом – найти твоего Нулика, и чем скорее, тем лучше... кстати, а чем он в жизни занимается?

– Никакой он не мой, – резонно возразила Зоя. – Просто знакомый, он в нашей компании, помню, частенько бывал, но всего – пару месяцев, а потом, как-то отошел в сторонку, но про него не забывали, всегда кому-то он нужен был, ну, по технике электронной, по программам всяким...он этим и на жизнь зарабатывал, и своим помогал, то есть, знакомым, но – уже бесплатно, правильный он. Был или есть? как нужно теперь говорить? Слушай, а зачем его так срочно искать? У нас же сутки до первого отчета, может, сначала того... ну, понимаешь... тем более, денег – полный карман...

– Не понимаю, – жестко ответил Симон, слегка отстраняя от себя девушку и отлавливая её взгляд через черные маскировочные стекла очков – в глазах Зои метались искорки эйфории и малая толика чудовищного опьянения от бесподобного ощущения себя вновь живой. – Думаешь, нас одних на это задание послали? Отбрось наивные заблуждения, мы – всего лишь малая часть, одна из многих групп. Бесы в серьезных делах предпочитают двойную и даже тройную подстраховку, а даже живущие в таких случаях выводят на цель три-четыре бригады. Так что – кто первый успеет этого грешника дезактивировать, тот и получит все прелести десятилетнего отдыха от адской жизни... и все это – уж не говоря об интересе к нему эдемских...

– Тогда можно прямо сразу рвануть к Нулику, – немного разочарованная, но все-таки довольная, что может не просто помочь, но быть в чем-то умнее и сообразительнее старшего в их невольной паре, предложила Зоя. – Я знаю, где он живет, если, конечно, не съехал за прошедшее время, но это – вряд ли, та квартирка, хоть маленькая, но его собственная, разве что поменяться мог...

– Представляешь, как мы появимся? – усмехнулся Симон. – На ночь-то глядя – «Здравствуйте, я Зоя с того света»...

– Ну, да, – кивнула девушка, сразу поскуцнев от напоминания. – Он, наверное, еще помнит, как меня... ну, хоронили. Хотя, может, и не был на кладбище, все-таки, не такой уж он и близкий был знакомец... слушай, Сёма, а можно...

– Сёму я только полубесу спустил, он, как бы, старший, я

подчиненный, – оборвал девушку её спутник. – Меня зовут Симон, будь добра, так и обращаться, я же тебя Зайкой не называл и не собираюсь – даже в шутку.

– Ну, не обижайся, я же не со зла, – примирительно попросила Зоя, почувствовав себя окончательно и полностью не правой, но влипшей в неприятную ситуацию по неведению. – Ну, а все-таки, можно...

– Только не на ночь глядя, – усмехнулся Симон, с удовлетворением понимая, что моральное право на старшинство в их маленькой группе он уже завоевал.

– Ты даже не дослушал, – разочарованно упрекнула его Зоя.

– А чего дослушивать? – махнул рукой мужчина. – Ты на свою могилку собралась полюбоваться, всех туда тянет, меня тоже, вот только моей могилки здесь нету...

– Почему, Симон? – с легким удивлением задрала бровки на лоб девушка. – Или ты не...

– Я же из другого Отражения, – перебил он, посвящая напарницу в тайны мироздания. – Ну, Отражения – это, как бы, параллельные миры, чтобы попроще было... в каждом – свои обитатели, своя история. Здесь я, наверное, до сих пор жив и здоров, бегаю где-нибудь ходатаем по мелким делам.

– Не боишься сам себя встретить? – заинтересовалась девушка.

– Встречу – не узнаю, – равнодушно отозвался Симон. – Все-таки, это не совсем я, всего лишь отражение, которое прожило, думаю, другую жизнь, не похожую на мою в родном Отражении... А на кладбище сходим, только – с утра, так веселее и проще будет все воспринимать.

– Наверное, ты прав, – немного подумав, рассудила Зоя.

– А раз прав, то давай, показывай, как отсюда выбираться, – потребовал, хоть и в очень мягкой форме Симон. – Раз уж ты здесь бывала, да не один раз...

– Ну, отсюда до трассы пару километров, кажись, – неуверенно завертела головой Зоя, в очередной раз бессмысленно оглядывая монастырские стены. – А там – поймаем какую-нибудь машину и – в город...

– Это я и без тебя знаю, – недовольно пробурчал напарник. – Думал, ты хоть какую конкретную тропку покажешь, а тебя саму, похоже, сюда бандеролью доставляли.

– Скажешь тоже, – смешливо фыркнула девушка. – На авто приезжали, на авто и уехали, правда, я слегка подшофе была, вот и не помню дорогу, да и не готовилась я при жизни в секретные агенты, чтобы всякие мелочи жизни запоминать.

«Ну, да... выпить, покувыркаться в постели, может, курнуть

или понюхать чего... да еще деньжатами разжиться на модные шмотки и под музыку побалдеть где-нибудь в клубе... вот и всё, чем ты успела позаниматься в своей жизни», – подумал Симон, но в глаза напарнице ничего говорить не стал – бессмысленно это, да и не к чему изначально портить отношения необязательными словами.

...по пути до отличного, четырехполосного шоссе со свежим, будто вчера положенным, асфальтом, и красивой, не заезженной еще желто-белой дорожной разметкой, Симон поделился с Зоей документами, после чего они стали братом и сестрой. Мужчине подумалось, что на первых порах так будет естественнее и проще вживаться в этот мир, тем более, по дороге он успел пересмотреть свой взгляд на посещение объекта «сейчас и сразу». Все-таки в предложении напарницы был заложен, изначально упущенный Симоном, глубокий смысл: появление в доме не так уж и давно скончавшейся девушки могло оказать сильное психологическое воздействие на пресловутого Нулика. А присутствие брата покойной оказалось бы менее подозрительным и напрягающим знакомого Зою, чем появление её с неким мужем или просто малознакомым мужчиной.

– Хотя, какой ты мне брат? – попробовала, было, пошутить девушка. – Скорее уж папаша, ведь лет на двадцать меня старше...

– Ты в каком возрасте грешную землю покинула? – уточнил Симон, деловито просматривая свои и её документы.

– Двадцати еще не было, – машинально ответила Зоя.

– Теперь, значит, двадцать три, а выглядишь, дай бог, на шестнадцать, – с легким недоумением покачал головой Симон. – Вот работнички из этих полубесов, вечно у них «и так сойдет» получается... Мне-то по документам теперь уже тридцать восемь, так что на очень старшего брата потяну, а в разговоре можно сказать, что тридцать два, я не обижусь на какое-то время помоложе стать...

Выбрав нужный паспорт с вложенными в него водительскими правами и социальной карточкой, мужчина протянул маленькую зеленоватую книжечку Зое, а та, запихивая её в задний, мелковатый карманчик брюк – все равно положить больше некуда – чуть настороженно спросила:

– А деньги? Разве не поделишься?

– А не задуришь? – вопросом на вопрос ответил Симон, с прищуром глядя на девушку и уже предвидя ответ. – На иглу не подсядешь? и в запой не уйдешь?.. Мне же потом тебя разыскивать по притонам и в нормальный вид приводить придется... а времени на это мероприятие совсем не отведено.

– Я уже не ребенок, чтобы меня разыскивать, – чуть заносчиво

ответила Зоя. – И, вообще, с чего ты взял, что я алкоголичка и наркоманка? Я ни разу в жизни не кололась...

– Ну, да, конечно, – с нарочитой наивностью на лице кивнул головой Симон. – В Преисподнюю обычно попадают случайно, по недоразумению или чьему-то оговору...

– Зря не веришь, – тихо, но твердо ответила Зоя. – Я не праведница, и курю, и выпить, конечно, люблю, с мужиками покувыркаться... любила. Ну, иной раз «серебряную пыль» нюхала, только к ней так быстро не привыкают... должен сам понимать, раз такой знаток чужих грехов.

– Давай просто не будем рисковать и лишний раз искушать себя и друг друга, в самом деле, на это нет у нас времени, – теперь уже серьезно попросил мужчину. – В ближайшие дни и часы я всегда буду рядом, просто возьмешь нужную тебе вещь и скажешь: «Братик, заплати...»

– А братик собрался быть со мной рядом и по ночам? – нарочито соблазнительно облизнула губки Зоя, меняя ставшую неприятной для нее тему.

– Спешишь жить? – усмехнулся Симон. – Думаю, что не стоит горячиться, тем более, после Преисподней...

– Там разве секс? – возмущенно отозвалась девушка, решив, что напарник, подобно полубесу, намекает на «бордельный уровень» её пребывания на том Свете. – Какое-то нелепое дерганье, прямо, виртуал какой-то, как будто, тебя никто не касается, а только шерудит безбожно между ног и ловит свой кайф... а я хочу по-настоящему, с мужчиной, а не с мелким бесенком, и в тот момент, когда сама тоже захочу, так захочу, что... А тебе? разве не хочется ничего? Не ври, небось, только и думаешь, как меня на спину завалить...

Симон незаметно для девушки усмехнулся, такое поведение Зои для него не было чем-то неожиданным. После лавины новых-старых ощущений, после окончательного понимания, что ты живой и телесный, и можешь пробыть живым еще достаточно долгое время, почти все грешные души стремились посетить свою могилку, насколько позволяет здоровье – выпить, заняться сексом... вообще, ощутить себя живыми в полном смысле этого слова.

– Не люблю классическую позу, да и нельзя нам теперь это делать, сестренка, инцест получится, грех великий... потому придется мне какую-нибудь другую проблядушку на свой корешок насаживать, с такими деньгами, думаю, это проблемой не будет, – решил все-таки одернуть девушку Симон, похлопав ладонью по карману пиджака, в котором покоились две упаковки крупных купюр.

Зоя, поджав губки, смерила напарника испепеляющим взглядом, но отвечать ничего не стала, устремившись вперед, по заросшей лесной тропинке, мужчина молча шел следом, невольно разглядывая её худенькую попку. Ничего особо соблазнительного... хотя, при случае, грех было бы не воспользоваться...

К трассе они добрались уже в сумерки. И долго стояли на пустынном, почему-то совершенно не освещенном шоссе, хотя совсем рядом громоздились здоровенные мачты, а на них пока еще различались в подступающей темноте вполне на вид работоспособные лампы.

Все это разъяснилось, когда, наконец-то, их захватил направляющийся в город старший уполномоченный по гражданской обороне. На новенькой, сияющей лаком и хромом машине, но с заклеенными черной изоляцией фарами так, чтобы на трассу попадали лишь узкие лучи света, немолодой мужчина сперва тщательно проверил документы Симона и Зои и, лишь убедившись, что напарники именно те, за кого себя выдают, пустил их в салон.

– А что вы хотите? – вместо извинений за свою бдительность проворчал водитель. – Особое положение, оно от военного, считай, ничем не отличается, только названием. А город наш, получается, прифронтовой...

– А какая ж у нас война? – сообразила во время спросить Зоя, понимая, что такой вопрос от молодой женщины, почти подростка по внешнему виду, будет звучать естественнее, чем от взрослого, вполне призывного возраста мужчины.

– У нас – ограниченный пограничный конфликт, – с кислым взглядом уточнил уполномоченный. – А то, что там почти армия на армию сошлись – это пустяк... ладно, про политические игры и всякие там корректные наименования лучше промолчим, один мат на язык просится...

«Вот так... – с огорчением подумал Симон. – Мало того, что в «бесятнике» их мнимое родство с Зоей так слабенько обосновали, еще и о самом интересном забыли предупредить, что здесь война идет. Локальная, пограничная, но – война, во время которой отношения людей друг к другу резко меняется. Теперь сложностей в два-три раза больше будет, чем я рассчитывал... а если сейчас уже начался комендантский час, то придется пробираться к месту «огородами», как в дешевом боевике...»

Впрочем, легкая болтовня уверенно, хоть и с изрядной долей усталости, ведущего машину уполномоченного немного успокоила Симона.

– ... а солдаты – что? – говорил, радуясь внимательным

слушателям, практически не перебивающим его рассказ, водитель. – Им, теперешним, разве хочется службу нести? Пост – не пост, патруль – не патруль, все только по сторонам глазают, да девчонок посимпатичнее выискивают... смех и грех, даже задержанных в ночное время не в комендатуру, как положено, доставляют, а провожают до дома, правда, кто подбросовестнее, уточняют у соседей – в самом деле, задержанные те, кем назвались...

Сообразительная Зоя довольно быстро устроилась, якобы, вздремнуть на плече Симона, чтобы не отвечать на возможные провокационные вопросы уполномоченного, да и не влипнуть в неприятную ситуацию, задавая свои, а её напарник старался изо всех сил «не разбудить» девушку и тоже вел себя тихо и очень скромно.

Поучительная поездка, раскрывшая глаза Симону не только на качество подготовки к акции, но и во многом на местную реальную обстановку, завершилась на пустынных, темных улицах города довольно быстро в квартале от нужного дома. Несмотря на недавнее фыркание напарницы, мол, в секретные агенты при жизни не готовилась, она, останавливая машину, предусмотрительно не назвала настоящий адрес Нулика.

И теперь, стоя перед полуоткрытым подъездом старенькой пятиэтажки и ощущая все ароматы дешевого жилья, льющиеся из темноты, Симон недовольно поморщился:

– Ну, и запах...

Тихонько засмеявшаяся Зоя обогнала напарника сразу же, в маленьком тамбуре при входе в подъезд, ориентируясь больше по памяти, привычке к таким домам типовой архитектуры, но уже со второй лестничной клетки сизый, далекий свет, неумолимо проникающий с верхних этажей, все-таки дал возможность разглядеть под ногами хотя бы самый крупный мусор, а у дверей квартиры на четвертом этаже, можно сказать, было просто светло и комфортно глазам, в сравнении с первым.

Зоя нерешительно замерла, разглядывая покрытое странными следами затертых надписей простенькое, давно некрашеное дверное полотно и, кажется, прислушиваясь к происходящему внутри квартиры, потом, чуть заметно сжав губки, резко нажала на кнопку звонка. Раз, другой, третий... Изнутри не донеслось ни малейшего звука, и Зоя, оглянувшись на стоящего чуть позади Симона, недовольно проворчала сквозь зубы:

– Вот забавно будет, если Нулик тут уже не живет... правда, вот звонок по-прежнему не работает...

И резко, требовательно ударила маленьким кулачком по оказавшемуся неожиданно гулким и звенящим дверному полотну.

И почти сразу же в ответ из глубины квартиры донеслись быстрые, шаркающие шаги и чье-то недовольное неразборчивое ворчание. Дверь, открывающаяся внутрь, распахнулась настежь, и на незваных гостей обрушился стремительный водопад холостяцких запахов – застарелого табачного и свеженького то ли пивного, то ли коктейльного перегара, а вместе с ними чего-то жутковатого, кисло-капустного, несвежего, заношенного, носочного... было в этом водопаде и еще что-то от старой блевоты, давным-давно высохшей в укромном уголке, от вони сгоревшей изоляции, комнатной пыли, немытого тела и дешевой резкой косметики.

– И чего вам? – недоуменно спросил невысокий, болезненно худой мальчишка лет двадцати на вид, в драной клетчатой красно-синей рубашке без половины пуговиц, в давно ставших непонятной расцветки, сильно вытянутых на коленях спортивных брюках и домашних шлепанцах на босу ногу.

Хозяин квартирки неприветливо и подслеповато щурился в темноту подъезда, ероша одной рукой длинные, светло-русые с явной рыжинкой, кудрявые волосы, а второй подтягивая сваливающиеся с пояса на бедра штаны. У него за спиной, в маленькой комнатке, светились голубоватым, призрачным светом отраженные в каком-то большом зеркале мониторы непонятных устройств, а на расположенном прямо напротив входной двери узеньком диванчике что-то ритмично шевелилось и негромко вздыхало.

– У меня все нормально со светомаскировкой, – чуть агрессивно продолжил рыжий. – Да я и свет дома не жгу, мне от экрана вполне хватает, а его с улицы не видно...

– Ты сдурел, Нулик? – решительно и довольно сильно толкнула мальчишку в грудь острым кулачком Зоя. – Ты меня за кого принимаешь?..

От её толчка хозяин квартирки невольно шагнул с прохода в глубину мизерного, совсем символического коридорчика и недоуменно заморгал, захлопал глазами, кажется, начиная признавать, кто пожаловал к нему в гости.

– Это... значит... здравствуй... – смущенно пролепетал обалдевший Нулик, прижимаясь к стене и стараясь будто бы съежиться, стать меньше и незаметно уползти куда-нибудь под плинтус. – Но тебя... это... тебя же... того... похоронили, значит, почти... э-э-э... два года назад...

– Ну, и что? – пожала обнаженными плечами Зоя, бесцеремонно входя в квартирку и оглядываясь на последовавшего за ней напарника. – Сейчас уже полночь, самое время покойникам подниматься из могил. Кстати, можешь

познакомиться, это мой неожиданно объявившийся братишка...

– А он что – тоже?.. из ваших? – сообразив, что заползти под плинтус не удастся, чуть распрямился все еще ошарашенный, пребывая в смятенных чувствах, Нулик.

– Из каких-таких – наших? – не сообразила сразу девушка, но через секунду расхохоталась негромко, но с чувством. – Ты вправду стал таким дурным, Нулик? Чего-то я не помню, чтобы ты верил в загробную жизнь, в привидений, в восставших из могил мертвецов...

– Как же тут не поверить? – начал постепенно приходить в себя рыжий хозяин дома. – Разве можно не поверить, если к тебе в гости после полуночи покойники приходят, а ты перед этим не пил ничего особо крепкого, не курил всякой дряни, не жрал «колеса» и не кололся...

– Ну, раз не пил, значит, теперь обязательно надо выпить, – деловито сказал Симон, протискиваясь следом за напарницей в прихожую квартирки и аккуратно прикрывая за собой дверь.

– Да у меня это... только... – замялся вновь Нулик, пропуская гостей впереди себя на кухню, куда чуть ли не по-хозяйски сразу же устремилась Зоя.

Вряд ли девушка так хорошо помнила расположение помещений именно в квартире у рыжего мальчишки, но уж в типовых домах-пятиэтажках бывала неоднократно и прекрасно знала, где здесь кухня, где туалет или ванная – а чаще всего, и то и другое сразу – а где расположена единственная комната, совмещающая в себе при необходимости функции и гостиной, и спальни, и рабочего кабинета.

Сделав вид, будто он случайно заглянул в дверной проем, Симон увидел, как над узким диванчиком меланхолично, с размеренностью четко отлаженного механизма, вздымается и опускается чья-то бледная, синеватая в свете монитора, голая задница. На стук, открывшуюся дверь и разговоры в прихожей хозяин анемичных ягодич, казалось, не обратил ни малейшего внимания.

Зоя уже прошла в темную кухню – всего-то три девичьих шажка от поворота, а Симон, слегка придерживав хозяина квартиры, ошалевшего от визита, как бы, воскресшей покойницы и неожиданных в ночи черных, непроницаемых очков её спутника, спросил, легонько кивнув на эротическую сцену:

– Это кто?

– Паша девчонку привел, – пояснил с облегчением, потому что это было легко объяснимо, Нулик. – Они выпили капитально. Он её теперь всю ночь вот так драть будет, а она, кажется, уже спит, но ему все равно, пока не кончит – не успокоится. А кончить

от выпитого не сможет долго, я Пашу знаю...

– А ты что же с ними не пил? – поинтересовалась из кухни, с трех шагов – такой уж миниатюрной была квартира – Зоя. – И кстати, где у тебя тут спички?..

– Да я тут кое над чем работал в это время, прерываться-то не умею, – будто оправдываясь, сказал хозяин квартиры. – А спички... я сейчас...

Буквально «ласточкой», руками и головой вперед, он рванулся в темноту маленькой, тесной кухоньки и тут же отозвался где-то совсем рядом звоном металлических то ли кастрюль, то ли сковородок.

– Кто ж работает по ночам? – нарочито удивился Симон, просто поддерживая разговор. – Ночью отдыхать надо, ну, или спать, по крайней мере.

– Он работает, когда в голову что-нибудь взбредет, – со смешком прокомментировала из темноты Зоя. – Вроде как, гением-одиночкой притворяется, чтоб на службу с девяти до шести не ходить, вот. До сих пор, правда, заработал только себе на новую технику, да и то, думаю, не столько заработал, сколько выклянчил у заказчиков...

– Да не нужны мне эти ваши «мерседесы» и квартиры в десяток комнат в центре города, – озарил помещение кухни вспышкой спички Нулик. – Мне и здесь хорошо...

Он беспомощно огляделся по сторонам, что-то разыскивая, но девушка уже подставила под огонь легко ею найденный вполне приличный огарок свечи, пристроенный в маленькое кофейное блюдце вместо подсвечника.

В беспокойном, слабеньком освещении, в мечущихся громоздких тенях Симон оглядел убогую, почти нищую обстановку кухоньки, плотно занавешенное солдатским одеялом окно, расшатанный, грязный столик, трио разномастных колченогих табуреток, всю в подтеках и маслянистых пятнах газовую плиту и огромный, совершенно не к месту здесь оказавшийся, роскошный холодильник «Розен Лев», завезенный из далекой финской провинции.

– Вместо «мерседесов» и квартир завел бы себе подружку постоянную, – упрекнула хозяина Зоя, усаживаясь на одну из табуреток и едва не сверзившись на пол из-за хромоногости мебели. – Перепихнуться-то с тобой разок-другой забавно, я помню, но кто-то же должен и порядок в доме наводить, раз сам не умеешь...

– Мешать будет, – моментально отозвался Нулик уже откуда-то из недр холодильника, и Симон в этот момент сообразил, что разговор о постоянной подружке или жене для хозяина дома

является своеобразным паролем. – Она тут, дома, постоянно толочься будет, стирать, готовить, прибираться... знаю я, пробовал разок. При ней не поработаешь, как нравится, да и девчонку не приведешь, а если кто другой приведет, то и не попользуешься...

– Я бы тебе запрещать не стала, – ухмыльнулась Зоя, но тут же поправила сама себя. – Одна беда – ни стирать, ни готовить не умела никогда... да и к наведению порядка в доме душа не лежит.

– Слушай-ка, но я, в самом деле, не верю, что это ты и – живая, – скороговоркой выпалил рыжий гений-одиночка, расставляя на столе стаканы, фужер, пару банок каких-то рыбных консервов, копченую колбасу в твердой, пергаментной бумаге, бутылку водки с замызганной, плохо приклеенной этикеткой.

– А ты пощупай и убедись...

Девушка бесцеремонно схватила Нулика за руку и прижала к своей груди. Даже через жесткую, плотную вязку бесформенного свитера рыжий паренек ощутил под своей ладонью живой, упругий маленький холмик, под которым... нет, сердцебиения он не почувствовал, и это разволновало его – но не сказать, что возбудило физиологически – еще сильнее, чем в первые минуты неожиданной встречи.

Вырвавшись, Нулик резко сорвал с бутылочного горлышка пробку и, никого не спрашивая, набухал себе полстакана водки, не забыв и про гостей: Симону достался второй стакан, а вот Зое – натурального хрусталя, красивый фужер, пить из которого водку было верхом цинизма.

Принюхавшись к содержимому своего бокала, девушка подозрительно скосила глаза на хозяина:

– Ты нас, случайно, не хочешь ацетоном травануть? Не получится, предупреждаю, покойники не умирают, а против нечистой силы только святая вода действует...

И в самом деле, из откупоренной бутылки сильно не пахло даже – воняло ацетоном, правда, Нулик не воспринял всерьез слова Зои об отравлении:

– Считаю, твой черный юмор я оценил, но сейчас в городе только такую и можно достать, – махнул он рукой, резко влил в себя водку, сморщился, заgrimасничал, глотнул, закашлялся, заперхал, но все-таки справился с собой и закончил уже севшим, слабеньким голоском: – Как особое положение ввели, так и «сухой закон» в качестве бесплатного приложения. Вроде бы, так положено. Ну, и пропало всё приличное с прилавков. Но ничего – народ пьет, никто еще не помер...

Девушка выпила охаянную водку одним глотком – о, женщины! – и даже не поморщилась, лишь выдохнула резко,

пытаясь изгнать изо рта дурное послевкусие. Скосила глаза на Симона, тотпил отвратительный напиток маленькими глотками, будто смаковал коньяк пятидесятилетней выдержки, и спокойствие его непостижимым образом подсказало Зое, что пора бы уж договориться с хозяином дома о ночлеге.

– Слышь, Нулик, мы к тебе впишемся? – спросила девушка, с трудом прожевывая твердый, как деревяшка, кусок неровно отрезанной колбасы.

– А-а-а... э-э-э... – обмахивая ладонью рот, только и ответил на это рыжий, все еще толком не отошедший от вкуса проглоченного спиртного.

– Не, ты не подумай, – поспешила успокоить его Зоя. – Только на ночь сегодняшнюю. Понимаешь, устали уже вусмерть, неохота сейчас по городу бродить, гостиницу разыскивать, а у тебя привычно, ничего, кажись, не изменилось...

– Я вас на надувной матрас положу, – сообразил Нулик, откровенно обрадованный, что незваные и такие необычные гости не задержатся надолго.

Впрочем, он уже привык, что в квартирке, за его спиной, постоянно толкутся какие-то люди: знакомые, друзья, знакомые знакомых и друзья друзей. Это не мешало непризанному гению программирования доводить до ума свои компьютерные разработки, но только в том случае, если гости тихо-смирно, чинно-благородно выпивали, закусывали, занимались своими делами, пусть даже и сексом. Но вот, вспомнил хозяин дома, Зоя была как раз не из таких, у кого все получается тихо-смирно, чинно-благородно; чаще всего, вместе с этой шелапутной девицей в дом приходили крики, ругань, внезапные, из чего возникающие, скандалы, да еще и неперенное желание гостей привлечь к своим буйным развлечениям хозяина. Правда, справедливости ради, надо бы заметить, что с Зоей рыжий парнишка близко пересекался в предыдущей её жизни всего раз пять-шесть за пару-тройку лет шапочного знакомства.

На радостях выпив сразу же еще соточку, Нулик на удивление быстро и сильно опьянел – или просто легло «на старые дрожжи» – и, неожиданно даже для самого себя, начал воодушевленно, хоть и скучновато, рассказывать о своих достижениях по части моделирования самообучающейся программы, пересыпая и без того заушную речь специфическими, малопонятными гостям терминами.

Моментально заскучавшая Зоя начала отчаянно зевать, даже не прикрывая рот ладошкой из вежливости. Сначала ей показалось это удивительным – с чего такое утомление и жуткое желание приложить голову к подушке? И спиртного было совсем,

по её меркам, немного, и прогулка от монастыря до дома Нулика не была утомительной... но, в конце концов, девушка догадалась, что сам по себе переход с того Света на этот, оживление давным-давно погребенного тела, резкая смена не просто обстановки, но нагрузки на большинство органов чувств, потребовали отдыха прежде всего для нервной системы.

Но увлекшегося изложением своих грандиозных планов Нулика простым зеванием и явной скукой гостей сбить с темы было совершенно невозможно, и тогда, минут через пятнадцать после начала его речи, утомленная Зоя сказала прямо в глаза:

– Хозяин, а хозяин, тебе гости не надоели?..

– Что? – будто очнувшись, возвращаясь из привычного виртуального в реальный мир, Нулик.

– Спать, говорю, пора, – ласково, но со скрытой злостью пояснила девушка. – Думаешь, раз видел мою могилку, то мне теперь ни спать, ни есть, ни писать, ни какать не надо?

– А я и не видел твоей могилы, – поспешно пояснил рыжий, моментально вспомнив, кто сидит рядом с ним на затрапезной кухоньке. – Про тебя народ рассказывал, как тебя...

– Увидишь, – перебивая хозяина, зловеще сообщила Зоя. – Но если я сейчас не выплусь, то, скорее всего, увидишь и свою...

– Ладно-ладно, – закивал китайским болванчиком пьяный Нулик. – Сейчас матрас надую... а брат твой?..

– А он со мной спать будет, – ответила Зоя и тут же поправилась, глядя на расплывшегося в похабненькой улыбочке гения-одиночку: – Спать, понимаешь ты это слово? Только спать в самом буквальном смысле...

– Уже иду, – с грохотом повалив табуретку, поднялся с места Нулик...

В комнате, подсвеченной большим экраном с непонятной сине-зеленой заставкой, продолжалось обыкновеннейшее человеческое движение на диванчике. Паша, если это был, конечно, он, а Нулик ничего не перепутал, как бывает свойственно людям, увлеченным своей работой, слегка не от мира сего, продолжал ритмичные, монотонные движения, при этом практически скрывая своим телом неизвестную девчонку, лишь разметавшиеся по подушке темно-русые, почти шоколадного цвета волосы и бледная в полумраке женская ножка давали знать наблюдающим, что под мужчиной и в самом деле находится женское тело. Впрочем, сам хозяин не обратил ни малейшего внимания на уже привычную интимную возню гостей, а с совершенно ненужным, пьяным шумом извлек из огромного стенного шкафа с большим, но тусклым и заляпанным зеркалом на дверце, загромождающего всё оставшееся пространство и так

небольшой комнаты, объемный бесформенный комок ярко-синего пластика и маленький ножной насос. Кинув все это хозяйство на пол возле диванчика, кивнул, мол, надуйте сами, и вновь углубился в непроходимые дебри своих закровов. Через несколько минут, когда Симон уже заканчивал нудное нажимание ногой на педаль насоса, хозяин дома выбросил поверх упругой синей поверхности спального места взъерошенный ком разноцветного постельного белья.

– Это чистое, – предупредил Нулик так и рвущийся на язык гостью вопрос. – Оно просто не глаженное... без разницы ведь, на каком спать? А до глажки руки не доходят...

Маленькая, тоже надувная подушечка в доме оказалась всего одна, рыжий гений не любил обременять себя лишними с его точки зрения вещами, а гости к нему приходили, конечно же, не для того, чтобы переночевать с удобствами. По своим нечастым посещениям этого дома в прошлом Зоя помнила, что спящих после бурной пьянки, вколотой дозы или свального, группового секса можно было обнаружить и на кухне, под столом, и в ванной, совмещенной с туалетом. Впрочем, к «военно-полевым», молодежным условиям быта оказался более всех приспособлен «старик» Симон. Присев на краешек матраса, застеленного уже цветастой, удивительно мощно измятой простыней, он свернул в тугую скатку снятый пиджак и пристроил его в изголовье, моментально сняв вопрос – кому же достанется единственная подушка.

– А сам-то ты как? – уже снимая через голову свитерок, неожиданно озаботилась Зоя судьбой хозяина.

– А я, может, поработаю еще, – отозвался Нулик, оборачиваясь на голос уже от монитора, при этом вожаденно разглядывая обнажившуюся небольшую грудь девушки. – Ты меня на интересные мысли навела своим появлением...

– Надо же, – негромко пробурчал себе под нос Симон. – Никогда бы не подумал, что сестренка может чьей-то музой поработать...

Это были его едва ли не первые слова за все время пребывания в гостях у гения-одиночки. Вот только ни сам хозяин, ни Зоя, кажется, не обратили ни малейшего внимания ни на молчание Симона, ни на сказанное им.

– ...а потом, наверное, в санузле пристроюсь, мне там нравится, – совершенно серьезно продолжил Нулик. – Вот только, если по нужде ночью пойдете, свет не включайте и не перепутайте унитаза с ванной... они у меня оба белые, но разные по размеру...

Он захихикал над собственной пошловатой шуткой, но ни

Зоя, ни, тем более, Симон хозяина не поддерживали.

– А ты чего не раздеваешься? – переключила свое внимание на потустороннего брата девушка, заметившая, что её напарник уже укладывается, сняв лишь ботинки и носки, оставшись, как был, в брюках, рубашке, и даже жилетку просто расстегнул. – Очки хоть сними, что ли...

– Мне так привычнее, – сдержанно, негромко ответил Симон.

Конечно, спать он предпочитал, как все нормальные люди, в нижнем белье, а лучше всего – и без того, но в незнакомой квартире, в присутствии еще трех малоизвестных людей, пусть ничем ему лично не угрожающих, мужчина предпочел после пробуждения оказаться практически в одетом состоянии, чтобы не терять драгоценного времени на поиски штанов. Что поделать, у каждого свои «тараканы в голове», и даже пребыванием в Преисподней их не вытравить.

– Как знаешь, – пожала плечами Зоя, стаскивая с бедер брючки и оставаясь лишь в узеньких черных трусиках.

Впрочем, долго демонстрировать свои прелести продолжающему глазеть на нее Нулику девушка не собиралась, а быстро юркнула под вторую, не менее помятую, чем первая, простыню. Поворочавшись немного, выбирая удобную позу, Зоя затихла, а Симон, приподнявшись с матраса, заботливо и тщательно прикрыл девушку старым, вряд ли греющим хоть немного, армейским одеялом, добытым хозяином из недр своего шкафа. Лишь после этого он, внимательно глянув на разочарованно отвернувшегося к монитору Нулика, быстрым, вороватым движением снял черные очки и сунул их в карман брюк.

Неожиданное возвращение в грешный мир из цепких объятий Преисподней с невероятным, в чем-то нелепым заданием, прогулка от заброшенного монастыря до города, местные новости о войне и особом положении, удивление и страх встретившего её Нулика, странное поведение напарника – Зоя думала, что все это не позволит ей быстро уснуть и даже морально подготовилась какое-то время ворочаться с боку на бок, под ритмичные подергивания парочки на диване... но стоило ей закрыть глаза, как черный, беспроглядный и беспробудный сон без сновидений, подобный загробному туману, переместившему её в мир живых, окутал девушку.

Она не слышала, как возился за компьютером, клацая клавишами и что-то приговаривая, а временами даже вскрикивая то от удовольствия, то наоборот, протрезвевший окончательно хозяин дома; как притих, завершив, казавшийся бесконечным, процесс, Паша; как уже под утро с диванчика выбралась совсем

юная, вряд ли старше шестнадцати, девушка с крашеными под шоколадку волосами и, покачиваясь, убрела в уборную, где в это время уже пару часов обретался Нулик; как она вернулась в комнату и, разыскивая свои вещи, невольно разбудила партнера; как вместе они кое-как собрались, приделались, вышли на кухню и, похоже, похмелились на скорую руку. Потом громко хлопнула входная дверь, и в квартире наступила полная тишина, лишь изредка прерываемая сладким посапыванием оставшихся спящих. Всего этого Зоя не видела, не слышала, даже не воспринимала интуитивно, на уровне подсознания, но вот Симон, находясь в полусонном состоянии, все-таки смог проконтролировать происходящее. Вся его предыдущая жизнь, да и неоднократные возвращения в мир смертных, заставляли не пренебрегать элементарными требованиями безопасности, даже если это и шло в ущерб полноценному отдыху.

Симон еще додремывал, ухитрившись в очередной раз уснуть после ухода Паши с подружкой, когда Зою разбудил гулкий удар чугунной сковородки о газовую плиту и громкие, в основном, матерные слова, донесшиеся из кухни.

– Это кто ж это такой смелый... – спросонья пробормотала девушка, выпутываясь из простыни и одеяла. – Кому же пришлось в пустую и бесполезную голову меня разбудить...

Она приподнялась над матрасом, почесывая в затылке и за ушами, сладко и беззвучно зевнула и поняла, что спать она, на самом деле, больше не хочет. Сунув ноги в старенькие, но крепкие еще, пережившие вместе с хозяйкой не одно приключение, туфельки, Зоя побрела на выход из комнаты, не рискнув шлепать босыми ногами по грязному, засыпанному старым сигаретным пеплом, заплеванному полу в квартире Нулика.

Хозяин дома, на удивление бодрый, будто проспавший полные восемь, а то и десять часов после легкой загородной прогулки и стопочки отличнейшего коньяка перед сном, бил о край сковороды, на которой уже что-то шипело и плевалось, яйца, сбрасывая скорлупу в притулившуюся рядышком раковину. Из приоткрытого, слегка освобожденного от светомаскировочного одеяла окна на кухню вливался свежий утренний воздух, и проникали игривые солнечные лучи. Увидев выбредающую из комнаты девушку, Нулик жизнерадостно улыбнулся и попытался помахать ей рукой, но едва не сбросил при этом с плиты сковородку.

– Ты уже закуску готовишь? – вяло поинтересовалась Зоя, открывая дверь в ванную. – Учти, с утра я пить не буду...

– Зачем же непременно закуску? – удивился совершенно

неожиданно появившийся за её спиной Симон, одетый так, будто и не ложился вовсе, в привычную, кажется, даже совсем не помятую «тройку», с тростью в руке и возвратившихся на свое законное место черных очках. – Может быть, просто завтрак для гостей, верно, Нулик?

– Ага, – согласился рыжий хозяин дома. – Я и сам чего-то жрать захотел до ужаса...

«Похоже, он чего-то глотнул стимулирующего, – подумала Зоя, умываясь под ледяной, резко пахнувшей хлоркой, струей воды. – Нулик тогда еще, при жизни, хвастался, что военные препараты легко достать может, те, которые почти безвредные, но под которыми можно три дня ни спать, ни есть, а – для него это главное – работать, работать и работать, как заведенному...»

...взяв тарелку с отбитым краешком, наполненную изрядной порцией полуячницы, полуомлета всё с той же, что и ночью, твердокопченной колбасой и вилку, будто побывавшую под трамваем, девушка отшагнула к окну, прислонилась попкой к узкому, согретому осенним солнцем подоконнику и, как бы невзначай, спросила усиленно поглощающего блюдо собственного изготовления хозяина дома:

– Слышь, Нулик, а помнишь, года два назад у нас, здесь, была такая сатанинская секта... «Черная метка», «След дьявола»?.. ну, не помню, как они себя называли, только вряд ли в нашем городе таких сект много было...

– Угу, – пережевывая и глотая, отозвался хозяин дома...

Он уже не смотрел с остервенелым вожделием на голую грудь Зои, которая завтракала в том же виде, как встала с постели – в маленьких черных трусиках и туфлях. Видимо, стимуляторы, которые употребил Нулик перед рассветом, отбивали не только желание спать... А может быть, шустрый рыжий гений успел расслабиться со случайной подружкой Паши до их ухода из квартиры.

– Братишка мой очень этими делами, ну, сатанизмом, язычеством, идолами всякими, интересуется, – пояснила девушка, переводя стрелки на Симона. – Если эта секта до сих пор не распалась, то будет от меня такой маленький подарок брату...

Непонятно почему, но в доме Нулика Зоя упорно не называла своего спутника по имени, ограничиваясь нейтральным «братишкой».

–...сейчас доедим, посмотрим по полицейской базе, – кивнул рыжий парнишка, облизывая губы. – А если мало, то заглянем и в госбезопасность...

– Ты собираешься к базам пароли подбирать? Или уже давным-давно подобрал и пользуешься? – спросила Зоя,

подозрительно вперившись взглядом в хозяина дома.

– А зачем мне подбирать? – в ответ удивился Нулик. – У меня все пароли на доступ официальные, я же их сам устанавливаю и меняю периодически...

И, заметив явное недоумение и непонимание в глазах девушки, добавил:

– Конечно, ты же не в курсе... я им в прошлом году такую защиту поставил! да еще электронную базу для оперативно-розыскных мероприятий – СОРМ, как они говорят – сделал, закачаешься! Конфетка, а не интерфейс! Теперь вот мучаюсь, время теряю с этой поддержкой и сменами паролей...

– Ничего себе, куда ты взлетел, Нулик! – покрутила головой Зоя, обрадованная краткостью рассказа с такими непонятными терминами. – Кто бы мог подумать вчера, что мы пьем водку с ответственным работником нашей доблестной полиции...

– И никуда я не взлетал, – покривившись от недовольствия пояснил рыжий гений. – Таких программистов, как я, да еще, кто в железе при этом шарит, один на всю губернию. А в стране, думаю, еще человек пять-шесть найдется моего уровня, или даже повыше.

– Так за тобой, небось, и пригляд особый, – задумчиво протянула девушка, почесав черенком вилки за ушком. – А мы тут, как к себе домой, завалились...

– Какой-такой особый, – отмахнулся, было, Нулик, но оказался неправ.

Входная дверь даже не шелохнулась, а на пороге кухоньки, прерывая нехитрую, близящуюся к завершению, трапезу, будто из воздуха, материализовались трое: невысокого роста лысоватый мужчина с быстрыми, умными глазами в потрепанном, выдавшем виды штатском костюмчике и пара полицейских – широкоплечих, хмурых, рослых, при маленьких, больше похожих на игрушечные в их могучих руках, автоматах, в массивных, неудобных бронежилетах, в касках под серо-бурыми чехлами. Взгляды, которыми вся, отнюдь не святая, троица окинула тесное помещение были настороженными и откровенно враждебными к нежданым гостям рыжего гения-одиночки.

– Документы предъявите, – вместо приветствия и объяснений, потребовал, правда, мягко, без нажима и излишней злости, штатский и тут же обратился к злополучному хозяину квартирки: – А ты пока выйди в комнату...

Нулик, ошарашенный внезапным утренним визитом, послушно выбрался из-за стола, с трудом протиснулся между чуть расступившимися полицейскими, и ушел, поминутно оглядываясь, в комнату, а Симон небрежно, но медленно, чтобы

ничем не спровоцировать неожиданных визитеров, достал из кармана пиджака паспорт.

Штатский, перелистнув зелененькую книжицу, небрежно бросил её на стол, кивнул на Зою, так и застывшую у окна с тарелкой в руках:

– У нее такой же? – и продолжил уже совсем другим тоном: – На каком основании грешные души, место которым в Преисподней, разгуливают, как у себя дома, в этом Отражении, да еще в своих прижизненных телах?..

«Опа-на», – не успела подумать ничего Зоя, как у нее перед глазами мелькнули красные, казалось бы, стандартные «корочки», но сияющие изнутри ослепительной бело-золотой печатью.

Симон резким, теперь уже не сдерживаемым никакими мыслями, движением выхватил из кармана зеленоватый листок командировочного удостоверения. Сверкнула на оборотной его стороне огненная печать раздвоенного копыта...

Легкая тень разочарования не удержалась, пробежала по лицу штатского, казалось, уже предвкушавшего задержание и водворение на положенное им место в Преисподней нарушителей богом установленного режима.

– Твое? – коротко обратился он к девушке.

Пришедшая в себя и все-все правильно понявшая, Зоя привстала с подоконника и крикнула сквозь по-прежнему загораживающих вход рослых полицейских:

– Нулик, будь так добр, кинь сюда мои штаны, там, в них, документы...

Рыжего парнишку с женскими брючками в руках перехватил один из ассистентов проверяющего в штатском, умело притворяющийся простым полицейским, быстрым заученным жестом ощупал тоненький материал клёшей и протянул их девушке. А та, вместо того, чтобы просто достать и продемонстрировать свое командировочное предписание, сперва неторопливо влезла в узкие на бедрах брючки, и лишь потом извлекла из потайного, переднего карманчика зеленоватую бумажку, удостоверяющую её право пребывания в мире смертных. Впрочем, похоже было, что проверяющий спросил документ лишь для проформы, чтобы выполнить пункт неписанной инструкции.

– Присылают черт знает кого, – резко высказался штатский с едва сдерживаемым душевным негодованием. – И даже не оповещают куратора Отражения...

Но командировочные удостоверения Симону и Зое он вернул с надлежащим почтением. Хоть и чуждая на них стояла печать, но – печать высших сил.

– Это упреки не к нам, думаю, даже не к нашему начальству,

– без малейших уважительных ноток в голосе, бестрастно ответил агент Преисподней. – Разбирайтесь со своими беспорядками сами.

– Будем считать, что познакомились, – несколько невпопад отозвался штатский, но тут же спохватился. – А ты не хами, у меня полномочий хватит, чтобы тебя обратно хоть сейчас вытурить!

Симон не стал пререкаться с грозным представителем Эдема, просто пожал плечами, укладывая во внутренний карман пиджака паспорт и командировочное предписание. Видимо, он правильно сделал, потому что буквально через пару секунд в кухне уже никого не было, при этом, правда, входная дверь громко, с яростной злостью, была захлопнута.

Все еще немножко растерянный, но вовсе не испуганный Нулик заглянул тут же после ухода проверяющих, и почему-то извинился перед гостями:

– Не-е, ребята, ну, такое в первый раз у меня... никогда не было, что б так вот... я прям сейчас звякну начальнику городского управления, пусть как хочет, но прекращает такие безобразия...

– Не надо никуда звонить, – строгим жестом остановил хозяина Симон. – Сам же понимаешь – особое положение, подозрительные, как бы, гости... ну, а люди просто свою работу делают, зачем мешать? Никто никого не обхамил, не обидел... документы проверили и ушли, штатная бдительность, обычное дело...

– Ну, ладно, раз так... – слегка недоумевающе пожал плечами загоревшийся, было, показать свою городскую значимость Нулик.

– Спасибо, что штаны подал, – подбодрила его Зоя. – И, знаешь что, раз уж про секту выяснить – минутное дело, да и с проверкой так все спокойно, складно получилось, поехали сейчас с нами?

– Куда поедем? – не понял рыжий парнишка, ведь до сих пор никаких разговоров ни о каких поездках даже не заходило.

– Как куда? – искренне удивилась Зоя, по-женски считающая, что её мысли и чувства автоматически синхронизируются с мыслями и ощущениями находящихся рядом мужчин. – Как обещала перед сном, хоть и в сердцах – на кладбище... ко мне на могилку... жуть, до чего хочется своими глазами на всё посмотреть...

«Интересно, почему мы еще здесь, а не оправдываемся перед бесом за непредвиденные обстоятельства? Впрочем, разговаривать с нами бес и не будет, швырнет куда-нибудь в яму с тараканами – это девчонку, а меня уж точно приспособит к каким-нибудь палачам, висельников за ноги придерживать, чтоб не дергались», – меланхолично думал Симон, старательно сдерживая себя, чтобы не выбросить из-за руля автомобиля терзающего злосчастную технику бравого рыжего паренька. Машину Нулик одолжил у кого-то из соседей, видимо, настолько же безумного и не ценящего свои вещи человека, как и сам теперешний терзатель автомобиля. Пока Зоя и Симону помогало не вернуться на тот Свет слабое утреннее движение на широком проспекте, связанное скорее с особым положением «прифронтового» города, чем со временем поездки, да удивительная предусмотрительность окружающих автомобилистов, которые, приметив яркую шевелюру Нулика не просто в салоне, а за рулем, шарахались в сторону, как черт от лада.

– Ты псих! – откровенно высказалась Зоя, глядя, с каким воодушевлением гений-одиночка крутит «баранку», как яростно давит на тормоз и газ, иной раз, абсолютно невпопад, и просто с детским упоением нажимает на кнопку клаксона, оповещающая окружающих о своих чудных маневрах.

Наверное, если бы Симон и Зоя знали, что их гостеприимный хозяин ведет машину то ли в четвертый, то ли в пятый раз в жизни, они не были бы так критично настроены, но скромный от природы рыжий мальчишка предпочитал не делиться такого рода маленькими секретами с окружающими. Впрочем, минут через пятнадцать гости приноровились к странной манере нестандартного вождения, демонстрируемой Нуликом, лишь изредка вздрагивая и поругиваясь, чем занималась, в основном, Зоя, когда ситуация на дороге, на их взгляд, становилась совсем уж критичной.

...– Ну, вот, а вы все орали, как потерпевшие, – гордо заявил рыжий гений, останавливая машину в совершенно неподобающем месте, но так, чтобы отсюда, прямо с дороги, были видны широкие и высокие кованые ворота кладбищенского входа, выкрашенные черной, блестящей на осеннем солнышке, эмалью. Ворота были заперты на массивный висячий замок, открываемый, видимо, по большим церковным праздникам или по прибытии

очередной похоронной процессии, но рядышком с ними находилась распахнутая настезь невысокая, скромная калиточка в добротной, капитальной, кладбищенской оgrade.

Удачно доставивший своих незваных гостей до места, Нулик первым выскочил из машины, одновременно приглаживая свою взлохмаченную шевелюру, шаря по карманам в поисках сигарет и пытаясь с каким-то особым, одному ему понятным шиком захлопнуть дверцу автомобиля. Следом за рыжим вышли из автомобиля и сразу же, молча, направились на скорбную территорию Зоя и Симон. Пройдя калиточку, они остановились сразу же за оградой в легком недоумении и растерянности.

– А ты знаешь, где её искать? – задумчиво спросил Нулик, почесывая в затылке – на могиле Зои он никогда не бывал.

– Кого это – её?.. – сразу не сообразила девушка, но оборвала сама себя на полуслове, неожиданно ощутив странный слабый зов, струящийся откуда-то из глубины кладбища, и с каждым мгновением становящийся все более внятным и определенным.

– Кого-кого... могилку свою... – уже полупшепотом пробурчал рыжий парнишка, мгновенно заметивший, как насторожилась его гостья.

Лишь Симон, ожидавший чего-то подобного, спокойно наблюдал, как улавливает потусторонние потоки мертвой энергии Зоя, как постепенно понимает, куда и зачем надо идти, чтобы добраться до точки исхода этой энергии – такой неожиданно знакомой и близкой.

– Пошли, – коротко скомандовала девушка, первой направляясь влево, на узкую кладбищенскую аллею.

Пустынное ранним утром, ярко освещенное чуть теплым осенним солнцем, заполненное оживленным птичьим щебетанием, шелестом опадающей листвы и странной, не городской тишиной, кладбище, наверное, не могло произвести гнетущего, тяжелого впечатления на странных посетителей, если бы не одно «но»...

...огражденная типовой, сваренной умельцами, видимо, прямо здесь, в местной мастерской при кладбище, металлическая оградка, окрашенная два года назад черной эмалью и с тех пор не подновлявшаяся, прикрывала собой скромный, чуть поплывший от снега и дождей холмик. В изголовье чуть покосилась, поплыла вместе с землей скромная небольшая плита из мраморной крошки. Сквозь осевшую на поверхности пыль и грязь с некоторым напряжением в глазах читались под овальной фотографией на керамике бывшие когда-то золотистыми, поблекшие буквы... фамилия, имя, даты рождения и смерти...

Зоя внимательно, сосредоточенно и вдумчиво взгляделась в

собственную, прижизненную, такую веселую и улыбчивую фотографию, вздохнула, как бы, незаметно, подумала, осуждающе: «Никогда бы эту фотку к себе на могилу не поставила...», оглянулась на своих спутников, молчаливо стоящих в полushаге за спиной.

– И правда, – с легким вздохом отметил Нулик, успевший чуток придти в себя после первого взгляда на могильную плиту. – А я-то все время думал, что – разыгрываете... а как же так?..

– Так бывает, – снисходительно успокоил его Симон. – Вот только не думай про всякие там аферы с липовыми похоронами, происками спецслужб и инопланетных пришельцев. Такое только в кино бывает, ну, еще в романчиках дешевых с пестрыми обложками. Просто – умер человек, похоронили, вот и могилка его...

– А что в могилке-то? – не послушался мудрого совета рыжий. – Пустой гроб? Или, вообще, ничего? просто холмик за оградой?

– Хочешь проверить? – пожал плечами мужчина, даже таким простым жестом ухитрившись изобразить легкую насмешку. – Только ведь на эксгумацию много разрешений всяких оформлять надо, хотя... ты же человек приближенный, тебе проще, но вот начинать такой прекрасный солнечный и красивый денек со вскрытия чужой могилы, мне кажется, не самое лучшее времяпровождение...

...прошло какое-то время в молчании, кажется, минута, ну, не больше двух... на самом деле, отличные швейцарские часы на запястье Нулика, наверное, единственная приличная вещь по существу и по внешнему виду, принадлежащая рыжему растрепанному гению, не ценящему мирские блага, отсчитали чуть больше часа... вот так...

– А ты знаешь? – спросила Зоя своего напарника, уставившись на него пустынными, но уже с небольшими проблесками реанимирования сознания, глазами.

Лишь благодаря собственному опыту неоднократного общения с теми, кто возвращался в грешный мир из Преисподней, Симон догадался, о чем спрашивает Зоя. Да, он знал не только теоретически, что находится там, в паре метров под землей, в полусгнившем простеньком гробу...

– Там твое тело, изрядно подпортившееся за два года, – жестоко, будто обливая ледяной водой, ответил он напарнице. – Смотреть не советую, зрелище не эстетичное, да и к чему это тебе?..

– Да, – послушно кивнула Зоя, кажется, окончательно приходя в себя. – Ты прав.

Она огляделась по сторонам, будто бы убеждаясь в очередной

раз, что вокруг нее грешный мир живых, что с неба светит солнышко, что шелестят пожелтой осенней листвой многочисленные рябинки и вербы, высаженные на могилках заботливыми родственниками усопших, что попискивают птички, а где-то далеко-далеко, но все равно – совсем рядом – раздается несмолкаемый живой гул большого города.

– Визит на собственную могилку считаю оконченным, пошли!

Зоя резко развернулась и энергично, широкими злыми шагами пошла прочь от побитой дождем и выжженной солнцем каменной плиты с золотистыми буквами и цифрами, подпорченной непогодой оградки и маленького, невзрачного холмика за ней...

– А как же так бывает? – воспользовавшись моментом, спросил у Симона ошеломленный не меньше, чем прошедшей ночью, Нулик. – Это что же происходит?

– Не бери близко к сердцу, – посоветовал агент Преисподней. – Такое сразу не поймешь, это – прочувствовать надо. Метафизика, однако, это тебе не базы данных для полиции расписывать.

Уже неподалеку от выхода, у маленького кирпичного домика кладбищенской администрации, Зоя неожиданно притормозила свое стремительное движение, обернулась к Симону и попросила:

– Дай денег...

– Я лучше сам, – в который уже раз, понял её мысли напарник и пояснил: – Ты думаешь, там некому будет сравнить живое лицо с надгробной фотографией? Кладбищенские работники, обыкновенно, внимательные. И зачем нужны лишние разговоры и пересуды о близнецах, которых не было... или, хуже того, о воскресающих покойниках?

– Да, ты прав, – согласилась девушка. – Так будет лучше.

– Идите пока к машине, – попросил Симон. – Я вас догоню...

И он верно всё рассчитал, успев договориться о текущей и будущей приборке могилки лет на пять вперед всего лишь за пару крупных купюр из выданной на том Свете толстенькой банковской упаковки. И купюры эти отбили всяческое желание местного персонала интересоваться такой заботливой личностью: брат ли, сват, родитель или неутешный любовник – главное, что платит наличными и на годы вперед.

Притихший – даже спутавшийся от ветра кудри, кажется, улеглись на голове поспокойнее, ровнее – задумавшийся над финальными словами Симона, обращенными к нему, Нулик на удивление аккуратно вынул автомобильчик с импровизированной стоянки на середину проезжей части и поинтересовался, как бы, невзначай:

– А теперь-то – куда?

– Вот такие они, мужчины, – съязвила окончательно вернувшаяся в себя Зоя. – Пообещал и – тут же забыл.

– А что я тебе обещал? – удивился рыжий парнишка. – Жениться – уж точно не обещал.

– По-твоему, замуж выскочить – самое главное для такой девушки, как я? Интересно, как ты с такой памятью и соображалкой еще чего-то делаешь на своих компах? – продолжила дружеское издевательство посланница Преисподней. – И двух часов не прошло, как пообещал для брата узнать про наших, местных сатанистов, и уже обо всем напрочь забыл...

«На кладбище с тобой сходил – вот и забыл, – подумал Нулик чуть раздраженно. – Да тут и Джонни-мнемоник обо всем забудет, ежели с живой покойницей возле её могилки постоять...» Но ответил он совсем по-другому:

– Ах, ты это... Так это же просто, вот потому и забыл, тут думать не надо... это когда наоборот – думать надо, я только и делаю, что мозгами шевелю...

Автомобиль, не торопясь, катился по совершенно пустынной, будто вымершей, улице на выезд из города, и рыжий горе-водитель присматривался, где можно с наименьшим ущербом для техники и окружающей среды развернуться. Оживившаяся, вернее, в очередной раз, теперь уже после посещения кладбища, почувствовавшая себя живой и находящейся среди грешных людей, Зоя спросила лукаво, при этом старательно разглядывая заоконный пейзажик:

– Братик, а ты не хочешь меня приодеть? Все-таки, один свитерок – это очень мало для гардероба порядочной девушки...

– Желаете бальное платье и хрустальные туфельки? – с легкой насмешкой уточнил Симон, однако, на душе у него заскребли невидимые, черные, как безлунная ночь, кошки – девушка повела себя именно так, как ожидалось, и в этом было мало хорошего, ведь после одежды последует спиртное, возможно, наркотики, загул на пару-тройку дней... время, отведенное бесом на акцию не предусматривало предварительной «разгрузки» психики воплощенной грешницы.

– А что? – хитренько подмигнула Зоя. – Можно и бальное... я вовсе не против в полной мере ощутить себя живой...

...несмотря на особое положение и военные патрули, частенько встречающиеся на улицах, в городке было, где разгуляться задумавшей принарядиться молодой девушке, во всяком случае, Зоя еще по старой, прижизненной, памяти знала огромное количество таких мест. Поэтому, загруженные свертками, коробками, коробочками и полиэтиленовыми сумками

всех размеров и фасонов, они вернулись в квартиру Нулика лишь через четыре часа. Впрочем, ради справедливости надо отметить, что последний час своих городских походов они потратили на великолепный, сытный и опьяняющий своим живым вкусом обед в отличном ресторане, открытом, как сообщил гостеприимный рыжий парнишка, совсем недавно и не успевший испортиться, избаловаться потоком постоянных, привычных посетителей. Правда, самого обладателя буйных рыжих кудрей поначалу пускать в это заведение не хотели, справедливо возмущившись видом его замызанной «ковбойки», тренировочных штанов и камуфляжной, безразмерной жилетки, но Симон, особенно остро ощущающий после кладбища свою ответственность за порученное в Преисподней дело, довольно быстро уломал и швейцара и метрдотеля, поделившись с ними казенными командировочными суммами.

Сразу же по прибытии домой вспомнивший о своем утреннем обещании, Нулик уселся за продолжавший светиться блеклым сине-зеленым светом все время их отсутствия монитор компьютера, старательно шаря курсором по неведомым никому, кроме него, хитрым окошкам с паролями доступа в местные полицейские базы данных. Зоя, не обращая на рыжего хозяина дома никакого внимания, тут же начала примерять обновки, разбрасывая нижнее белье, блузки, платья, халатики и прочие, нужные и не очень, приобретения по всей комнате, и изредка выбегая для показа обновок на кухню, в которой устроился Симон. А тот, разглядывая и оценивая мимикой лица, жестами рук, в конце концов, просто словами кружевные лифчики, узкие, в обтяжку, будто вторая кожа, брючки, вечерние платья с обнаженной спиной и разрезами до середины бедер, ощущал себя на каком-то ущербном, андеграундном показе мод – среди похлостаячки загаженной кухоньки Нулика, да еще с единственной манекенщицей-дюймовочкой в главной роли – со своими ста шестьдесятю сантиметрами роста Зоя на королеву подиума никак не тянула.

Когда девушка в очередной раз зарылась среди вещей в комнате, раздумывая, чем бы таким соблазнить больше похожего на Каменного Гостя, чем на мужчину из Преисподней, Симона, тот прислонился затылком к гладкой, прохладной стенке холодильника, единственной серьезной и солидной вещи в доме приютившего их объекта акции, ну, если, конечно, не считать вычислительную технику. Полуприкрыв глаза, благо, черные очки скрывали это от окружающих, Симон, неожиданно для самого себя, впал в странное состояние полудремы, полубодствования, в котором видел и слышал всё, что происходило вокруг него, мог

даже как-то связно, пусть и не очень естественно и быстро реагировать на происходящее, даже отвечать на вопросы, но в то же время будто пребывал в ином, неизвестном, непонятном, но почему-то привычном и знакомом где-то на подсознательном уровне мире.

Он ощущал всем своим существом и видел, как медленно, но уверенно и неотвратно подымается из океанских глубин боевая подводная лодка, он был одновременно и внутри, и вне её, походя рассматривал в панике уходящих в разные стороны от чернеющего корпуса субмарины рыб, и слышал проходящие через центральный пост четкие, внятные и однозначные команды.

Он совершенно спокойно, не напрягаясь, заметил, как в квартирку Нулика, по-свойски, как положено старым знакомцам, вошли двое парней лет по двадцать, крепких, сильных, веселых и уже с порога – слегка возбужденных, одетых в простенькие спортивные брюки и просторные куртки с сине-красными полосами вдоль рукавов. С ними была худенькая, совсем молоденькая блондиночка со спутанными, небрежно расчесанными жидкими волосами, она проскользнула блеклой тенью, и Симон не успел приметить подробности её одежды, разве что – коротенькая юбочка мелькнула узким подолом и исчезла в комнатке.

Подводная лодка, остановившись на нужной ей глубине, замерла, притихла, продолжая внутри жить в бешеном, сумасшедшем ритме, пропуская через центральный пост и другие боевые отсеки десятки, сотни команд... и минуло совсем немного времени, как над свинцовой, серой, чуть взволнованной поверхностью океана вздыбился, встал рукотворный фонтан соленой воды, взлетающей вслед за узким, хищным и стремительным телом ракеты, выброшенной из неведомых глубин силой людского разума. И не успела еще ледяная северная вода опасть, возвращаясь к поверхности океана, а ракета окуталась сизо-серым дымом, сквозь который вырвался усмиренный человеческой волей и мыслью огонь. На доли секунды остановившись, будто зависнув на огненном своем хвосте, боевая ракета рывком словно прыгнула в ммурое, ненастное небо.

В комнате весело переговаривалась Зоя с пришедшими мальчишками, кажется, вполне открыто, без комплексов, по-простому, как сейчас принято у молодежи, договариваясь о чем-то очень интимном и совершенно конкретном А на кухне появилась блондиночка, сменившая короткую юбочку, модную ветровку и то, что под ней было, на растянутую, линялую футболку, размера на два больше нужного, но все равно едва прикрывающую безволосый бледный лобок девчушки.

В это мгновение Симон оказался в самом эпицентре ракетного старта, в серо-сизой, плотной, вихрящейся мути взвешенных в воздухе частиц сгоревшего и недогоревшего реактивного топлива, непонятных газов, взбаламученного холодного воздуха. И откуда-то, из непостижимой глубины мрачной бездны, он услышал требовательный голос, больше похожий на отдаленный рык, пришедший прямо в мозг, минуя уши: «Монета!»

Чуть шевельнувшись, двумя пальцами агент судорожно сжал в жилетном карманчике выданный еще в Преисподней крупный золотой диск... *ракета, оставив позади грохот и бурю взбаламученного пространства, прорывалась сквозь тусклые, полные ледяной влажности, плотные, будто налитые свинцом, тяжелые облака...* Зоя, задорно похохатывая, откровенно лапая за попку и подталкивая, провела одного из мальчишек трехшаговым коридорчиком в ванную...

«Не та, – раздраженно, как учитель бестоковому ученику, сказал голос в голове Симона. – Не та монета...» И агент с неимоверным усилием, будто отдирая прилипшие, приклеившиеся к металлу пальцы, отпустил тяжелый диск, чтобы через секунду нащупать другой...

– Ну, вот, сразу бы так...

Перед Симоном – неизвестно в каком Отражении, но явно невидимый для местной публики – стоял, слегка покачиваясь с пятки на носок и обратно, невысокий плотненький мужчина с явно выраженным брюшком, одетый в старинный длиннополый сюртук, яркий, пестрый жилет под ним, белоснежную сорочку и пышный, бантом, вишневого цвета галстук.

– Докладывай, – буркнул недовольно Тарель, уставившись взглядом куда-то ниже подбородка Симона.

– О чем? – невольно пожал плечами агент. – Прибыли нормально, на объект вышли сразу же, сейчас продолжаем разработку...

– Проблемы, претензии? – коротко уточнил бес-куратор.

– Куча, – отозвался Симон, принимая деловитую краткость общения ответственного за местное Отражение представителя Преисподней.

– Излагай, – милостиво кивнул Тарель.

– Нас никто не предупредил о местной обстановке, – не стал скрывать своего недовольства агент.

– Ерунда, – отмахнулся бес. – Здесь это день через день, то введут, то отменят, народ привык и не обращает внимания.

– В этот раз город стал фактически прифронтовым, – резонно возразил Симон. – Как бы не вышло серьезных затруднений при изъятии объекта из местной обстановки.

– Потому и срок сокращен до минимума, – туманно пояснил Тарель. – Надо успеть.

– К тому же объект оказался связан со спецслужбами, да и эдемские за ним приглядывают, как мне показалось, – продолжил Симон, уже предчувствуя ответ куратора.

– Никакой связи, тем более – со спецслужбами, – самоуверенно заявил Тарель. – Этот мелкий грешник просто выполнял для полиции небольшую работу, по своему, заметь, профилю. Отношения: заказчик – исполнитель, только и всего. А вот эдемские, думаю, приглядывают не столько за ним, сколько за вами. Так всегда было.

Из ванной, в сопровождении юноши вышла Зоя. Из одежды на ней остались изящные, совсем недавно приобретенные модные туфельки на высоченной шпильке, черные чулочки и поясok для них, на плечи было накинуто маленькое полотенце, второе же, побольше размером, опоясывало бедра мальчишки. «Откуда это взялось столько полотенце у бесхозяйственного Нулика? – подумала, наверное, уже третья ипостась Симона. – Не иначе, как благодарные гости забывали, вот и скопилось для будущих пользователей...»

Ракета, продолжая свое плавное, неотвратимое движение сквозь упругое сопротивление воздуха, резко, будто скачком, вырвалась из налитых свинцом, влажных и холодных облаков, блеснула тусклым, серовато-стальным боком в лучах солнца и начала быстро-быстро вываливаться все выше и выше, в вечную темноту безвоздушного пространства, туда, где горели миллионлетним огнем величественные и равнодушные звезды, и где ничто не могло помешать её стремительному, смертоносному движению.

– Что будешь делать дальше? – нетерпеливо спросил куратор, легким движением глаз обратив свое внимание на нечто невидимое агенту.

– Выйду на сектантов, – ответил Симон. – Попробуем действовать через них.

– Конкретные пожелания есть? – теперь стало откровенно заметно, что Тарель куда-то торопится.

– Есть конкретные, – сдержанно кивнул агент. – Придержаться другие группы, чтобы не помешали в неподходящий момент. Думаю, от нас сейчас будет больше пользы.

– Все еще считаешь вас парой? – еле заметно усмехнулся бес. – Её работа окончена, пусть развлекается и грешит.

Безропотно подчиняясь законам баллистики, из бездонной черноты космоса ракета вернулась в атмосферу, но теперь перед ней не было облаков, внизу расстилалась освещенная утренним

солнцем слегка всхолмленная равнина, подпираемая откуда-то с запада ласковыми и теплыми океанскими водами. Буровато-зеленый, с желтизной и редкими бордовыми вкраплениями, яркий и четкий, будто нарисованный, пейзаж пересекали ровные серые линии автомобильных трасс, блестели под солнцем нити уходящих в бесконечность рельсов, а почти в центре этой картинке, стремительно вырастая в размерах, играли всеми цветами радуги большие и маленькие параллелепипеды домов из стекла и бетона. Ракета сверила увиденное с заложенной перед стартом в её электронный мозг картой и, подрабатывая коррекционными двигателями, совсем чуть-чуть повела носом, точнее прицеливаясь на город...

– Время не ждет, – сказал Тарель.

Из комнаты раздосадованный, взлохмаченный еще больше обычного, на ходу кое-как застегивая рубашку и подтягивая окончательно свалившиеся едва ли не до колен штаны, выбежал Нулик, что-то неразборчивое, эмоциональное и отчаянное выкрикнул, махнул рукой и, шустро-шустро обуваясь, требовательно, хоть и без малейшей надежды на исполнение, проворчал через плечо оставшимся в комнатке гостям: «Не расходитесь там до упаду, я скоро...» Рыжий парнишка, сорвав с вешалки неизвестно, как там оказавшийся, чей-то явно чужой вельветовый пиджак и почти утонув в нем, глухо хлопнул дверью.

Белое, пронзительное сияние...

Симон устало поднял веки.

– Здравсте, с пробужденьцем, – буркнула, зыркнув на него большущими, как у куклы, ярко-синими глазищами, девчонка. – Будешь пить?

Черные кругляшки очков смешно и нелепо сползли едва ли не на самый кончик носа мужчины, позволяя неведомой пока гостье увидеть чуть воспаленные, красноватые веки глубоко посаженных, бесцветно-серых, водянистых глаз Симона.

Девчонка сидела у самого входа на кухню, на табуретке, прислонившись спиной к стене и подтянув колено левой ноги к собственному подбородку так, что край футболки сбился где-то на талии, ноги, показавшиеся сперва худыми и блеклыми, были у нее крепкими, стройными.

– Я тут одна сижу, как алкоголичка, – лениво пожаловалась девица. – Выпить хочется – аж жуть... ты – натурально спишь, прямо сидя, а эти, там... им бы только попихать в кого своими стручками...

На столе возвышалась купленная по дороге с кладбища, но так еще и не початая, большая бутылка хорошего коньяка, рядом с девицей сиротливо стоял простой граненый стакан.

– Давай, выпьем, – безоговорочно согласился Симон, в голове которого все еще продолжали гудеть ракетные двигатели, и звучали эхом отголоски заключительных слов Тареля.

Мужчина, поправляя очки, привстал, рассеянно оглянулся в поисках посуды и, как бы невзначай, поинтересовался:

– Тебя как зовут-то?

– Меня не зовут, я сама прихожу, – ответила старой шуткой девица и засмеялась, похоже, над собственным остроумием. – Ребята прозвали Машкой, но, вообще-то, я Марина...

– Очень хорошо, Марина, – ответил агент, наконец, разыскав среди грязной посуды хрустальный, лишь чудом или попусшением высших сил существующий в этом доме в единственном экземпляре, бокал. – Я – Симон, только так – строго и без всяких фамильярностей, ладно?

– Ладно, Симон, – согласилась Маринка, будто подгоняя голодным взглядом неторопливо споласкивающего под струей воды бокал агента Преисподней. – А ты – хороший мужик, Симон, не озабоченный...

– А зачем мне непременно быть озабоченным? – наконец-то, решил вопрос с посудой и вернулся к столу мужчина.

– А кто вас, мужиков, знает, – откровенно призналась Маринка, протягивая свой стакан под горлышко открытой Симоном бутылки. – Ты лей до конца, не бойся, я в осадок редко выпадаю...

– Да я тебе не муж и не брат, следить, чтобы не напилась, – усмехнулся агент.

Девчонка искренне засмеялась, похоже было, что появление собутыльника изрядно подняло ей настроение, она отсалютовала стаканом, едва ли не под риску наполненным янтарным, вкусно пахнущим напитком, и без задержек на тосты и прочие церемонии сделала солидный глоток, не только не поморщившись, а, кажется, даже прикрыв на пару секунд свои огромные глазищи от удовольствия. Симон, безо всякой потусторонней магии и прочих хитроумных штучек, едва ли не физиологически ощутил, как приличная доза чудесного коньяка скользнула по пищеводу девушки, оставляя во рту замечательное послевкусие, как задержалось тугим, огненным комком в желудке и тут же, без остановки, начала подыматься, будоража на ходу кровь, к голове... все это было отчетливо – черным по белому – написано на симпатичном, юном лице Маринки.

– Зойка про тебя говорила, что ты – её брат, старший, при чем, а сегодня замотался с утра очень, устал, вот и сидишь на кухне, отдыхаешь, как умеешь, – сказала девчушка, окончательно пересмаковав коньяк всеми органами чувств, включая, кажется,

шестое. – Так что, ты брат или она, как все мы, бабы, врет и не краснеет?

– На текущий момент, в самом деле – брат, – согласился Симон, скромно, как бы, неторопливо, но с огромной внутренней жадностью, прихлебывая в самом деле очень достойный напиток, прав он оказался в магазинчике, когда не погнался за ценой, проигнорировал назойливое требование напарницы: «Самый дорогой бери...»

Как-то незаметно, легко и совершенно безболезненно, с первых же глотков коньяк вычистил голову агента от затухающего гула реактивных двигателей, от звуков плещущейся воды на поверхности хмурого океана, от бесконечного безмолвия равнодушных звезд, от заключительных слов исчезающего беса.

– Ты поэтому с ними в комнату и не пошел? – оживившись, заинтересованно начала перебирать варианты Маринка. – Тебе с сестрой нельзя, это же инцест... смертный грех или как там считается? или все-таки можно, но чтобы без детей? Так сейчас никто залететь не хочет, думаешь, я детей хочу?.. так, кувыркаюсь для за ради удовольствия, если человек, конечно, приятный.

Она снова засмеялась, прихлебнула коньяку, поискала что-то глазами на столе и спросила собеседника:

– А сигаретки у тебя не найдется?

Симон молча вытащил пачку крепковатых для юной девушки сигарет и разовую, но достаточно изящную зажигалку, и просто положил все это на столешницу, двинув в сторону Маринки. Пока та самостоятельно прикуривала, совсем не обидевшись на такое вопиющее нарушение этикета, мужчина почему-то лихорадочно пытался вспомнить – предусматривается ли в Преисподней отдельное наказание за инцест? Конечно, никаких регламентирующих документов грешным душам никогда и никто из бесов, а тем более бесенят, не показывал и даже не ссылался на них, но заведенные испокон века порядки на том Свете были чрезвычайно строгими, и развратников, к примеру, никогда не смешивали с убийцами или обжорами. Но сейчас, как ни напрягался Симон, он не мог припомнить ничего конкретного, видимо, интимная связь братьев и сестер, а также родителей с детьми и прочих близко кровных родственников шла «десятой» строчкой в списке прегрешений, и была, как бы, вспомогательной, на приговор особо не влияющей, но учитываемой.

Впрочем, если совсем уж углубиться в дебри, то можно было бы вспомнить и обязательный брак с сестрами египетских фараонов, и почти тысячелетние близкородственные браки «внутри домов» европейских феодалов.

Прерывая не такие уж важные и нужные ему самому

размышления напарника, на пороге кухни, неслышно, как привидение, появилась Зоя, с мутноватыми, все еще переживающими выпавшие на её долю удовольствия глазами, взлохмаченными короткими волосами и плавными, чуть нетвердыми жестами. Она бесцеремонно, будто и не заметив этого, выхватила из рук Маринки стакан, изрядно хлебнула коньяку и, резко выдохнув после выпитого, сказала с легким разочарованием:

– Зря ты, Симон, тут отсиделся... я такого кайфа давно не помню... с тех самых пор...

Впрочем, не до конца погашенное плотскими удовольствиями чувство осторожности не позволило ей закончить фразу и выговорить, с каких именно времен она не помнит такого наслаждения.

– А ты правда, как с зоны или из монастыря сбежала, изголодавшаяся, – сделала авторитетное заключение Маринка, без обид принимая обратно стакан с остатками коньяка.

– Ну, считай, что с монастыря... специализированного, – засмеялась, окончательно приходя в себя, агентесса Преисподней. – Там, где я была, любой монастырь за санаторий сойдет... но что-то мне кажется, ты об этом сама узнаешь очень скоро...

И после неприятно повисшей в табачном дыму паузы, уже весело, переводя свои слова в несколько нелепую шутку, добавила, как бы извиняясь за неудачное пророчество:

– ...лет через шестьдесят...

– Я столько не проживу, – автоматически ответила Маринка, протягивая стакан Симону для повторного наполнения. – Ладно, чего ты к нам со своими грустными сказками приперлась? Ребят, что ли, совсем выдоила? досуха?

– Шевелятся еще, – хвастливо заявила Зоя, тоже подкуривая сигаретку из пачки напарника. – Молодые, задорные. Чуток передохнут и минут через десять опять готовы будут.

– Тебе-то и самой передохнуть сейчас не помешает, – скептически разглядывая белесые пятна на черных чулочках агентессы, заметила Маринка.

– А-а! Мне-то что, – махнула рукой, стряхивая на пол пепел, Зоя. – Для меня это дело – как накачка энергией, чем больше еб.., тем больше хочется...

Она засмеялась, флиртованно, будто по готовому сценарию, ероша жиденькие волосы сидящей девчушки. В ответ Маринка неожиданно на мгновение прильнула ко все еще пышущему жаром животу новообращенной подружки, показалось даже, что она вот-вот лизнет впадинку пупка... но через секунду девица уже сидела, выпрямив спинку, по-прежнему упираясь в стену и

поигрывая пальцами с опустевшим стаканом.

– Ну, если у нас хотя бы десять минут имеется, объясни, пожалуйста, куда соскочил так шустро Нулик? – поинтересовался Симон.

– А кто ж его знает, – отстраненно пожала плечами напарница. – Собирался, было, к нам пристроиться, все чего-то читал с экрана одним глазом, а вторым – на нас зыркал, косоглазие зарабатывал, а потом вскочил, чего-то пробубнил и... всё.

– Это у вас там уши письками заложило, он к заказчику какому-то важному и нужному срочно поехал, – деловито пояснила, вмешиваясь, Маринка. – Сказал, что туда и сразу обратно, всего на пару часов, не больше, вы уже во всю к делу приступили, потому и не поняли ничего. А Нулик расстроенный был, что ему по второму кругу достанется, сказал еще, когда выходил: «Мне, как всегда, последнему...» и слинял.

Симон подумал, что девица набивает себе цену перед Зоей, слова рыжего хозяина дома перед уходом были несколько другими, хотя, одновременно отслеживая старт и полет баллистической ракеты и разговаривая с куратором местного Отражения, и сам агент мог не услышать или не совсем верно понять происходящее в это время в квартире.

– Ты не переживай, – будто только что, вспомнила Зоя, кольцами выпуская дым изо рта к серому грязному потолку кухни. – Он для тебя чего-то там оставил, сказал – прямо на мониторе. Как сейчас помню – не любит Нулик бумагу, да и принтер у него, кажись, без картриджей, пустой где-то в углу болтается...

Мгновенно в голове Симона всплыли слова куратора: «...её работа окончена...», что ж, на самом деле девушка выполнила то, для чего, собственно, и была извлечена из Преисподней: легко и непринужденно «подвела» старшего группы к объекту. Хотя и теперь она отнюдь не будет лишней, надо только правильно, с учетом складывающихся обстоятельств и душевных порывов самой агентессы использовать Зою, к примеру, чтобы попридержать после возвращения Нулика дома, в той же постельке... а сейчас...

Не откладывая дело в «долгий ящик» и пользуясь тем, что одинокие мальчишки в комнате тихо, безмолвно отдыхали от противоположного пола, Симон быстро поднялся с места и протиснулся мимо не желающей уступать ему дорогу напарницы. Та негромко, но внятно, от души ругнулась ему в спину...

...на мониторе и в самом деле мерцала зеленоватая крупная надпись «Нажми здесь», стоило агенту лишь чуток тронуть с

места обшарпанную, грязную «мышку». Симон не любил вычислительную технику – всякие там системные блок, жесткие диски, оперативную память, клавиатуры и принтеры, операционные системы, прикладные программы, прочее программное обеспечение – хотя достаточно умело обращался с ней, но еще в грешной жизни всегда предпочитал бумажную книгу или рукописный документ экрану монитора. Видимо, в этом Нулик был полной его противоположностью, поленившись просто выписать на листок бумаги совсем небольшой перечень фамилий постоянных членов секты с напыщенным самоназванием «След дьявола», за которыми, на всякий случай, приглядывала местная полиция по наущению, скорее всего, госбезопасности, традиционно интересующейся любыми отклонениями от общеустановленных норм поведения. Впрочем, пригляд был, в основном, чисто формальным, ведь ничего противозаконного в секте не творилось, а свобода вероисповедания была внешне незыблемым принципом устройства здешнего, вполне демократичного и свободного Отражения. Как понял Симон из маленького пояснительного файла, похоже, целиком скопированного из чьей-то докладной записки или секретного донесения, сектанты вели себя удивительно тихо, скромно и незамысловато: исполняли кем-то и когда-то давным-давно придуманные обряды, извращая, правда, при этом писаную, но мало кем соблюдаемую мораль, потворствовали низменным инстинктам, соблазняли, уговаривали, демонстрировали собственным примером, но никого не заставляли против их воли почитать Сатану. И, что было, наверное, самым главным для полицейских – не нарушали общественного порядка и не посягали на государственные властные институты. Конечно, докладная записка выглядела какой-то облегченной, поверхностной и слегка неправильной, но досконально разобраться сейчас, не имея без Нулика прямого доступа к другим полицейским документам, было невозможно, тем более, еще и Зоя, перекурив и заглянув на пару минут в ванную, вернулась в комнатку и с удивительным для ее маленького, худенького тела шумом упала на диван, защемив, судя по пронзительному воплю, кому-то из мальчишек что-то интимное.

Старательно не обращая внимания на мгновенно поднявшуюся на диванчике пока еще легкую, игривую возню, Симон вернулся на кухню и застал там Маринку, сидящую все в той же позе, слегка опираясь подбородком на коленку. Похоже, она не сделала и пары движений за время его отсутствия, разве что – погасила сигаретку и долила себе в стакан коньячку.

– Ты все скупаешь в одиночестве? – из вежливости

поинтересовался агент, обдумывающий на ходу свои дальнейшие действия. – Интимные игрыща не привлекают?

Из комнаты выглянул уже достаточно возбужденный внешне парнишка, округлил, якобы удивляясь, глаза и позвал:

– Машка, тебя не хватает!.. чего ждешь-то? пока в Зойку все сольем? Потом не ной, что тебе не досталось... пошли уже, что ли...

Из-за его спины уже достаточно громко доносилось пыхтение, постанывание, сладострастные чмокающие звуки и почти сразу следом – легкие, звонкие шлепки друг о друга обнаженных тел.

– Захочу – приду, не маленькая, – ответила своему приятелю Маринка, чуть пренебрежительно дернув плечом, а потом обратилась к усевшемуся на свое место – лицом на выход – Симону: – А то я так еще не наигралась, мне ж не пятнадцать лет...

– Интересно, а сколько? – автоматически спросил Симон, занятый «прокруткой» в голове фамилий и адресов верхушки секты – так у него в памяти добротнее укладывалось увиденное и прочитанное – и строя планы на ближайшее будущее.

– Какая разница, – поморщилась на нетактичный мужской вопрос Маринка, но тут же по внешнему виду агента поняла, что тот спрашивал лишь для поддержания разговора, а вовсе не с какими-то «кривыми», потаенными целями. – Ну, почти семнадцать, как твоей Зойке, наверное...

– Зое уже двадцать три, – сказал Симон, возвращаясь из собственной памяти за стол. – Это она выглядит так... хорошо сохранилась.

Он едва не добавил, что хорошо сохранилась еще до смерти, а уж в Преисподней просто законсервировалась, как и положено грешным душам после смерти плоти. Чтобы хоть как-то унять неожиданный зуд собственного языка, Симон плеснул себе коньяка и спросил чуть философски:

– А если ты уже все попробовала и ничего теперь особо интересного для тебя нет, то как же дальше жить? Не скучно будет?

– Ну, кто же сказал, что – все? – удивилась девчушка. – Все, наверное, и за всю жизнь не попробуешь, но то, что было сразу – вот так – интересно, пробовала... и даже нравилось сначала, когда не просто, а с изюминкой какой-то, ну там – групповуха, или с девчонкой...

«Странно все это, – подумал Симон. – Сижу в доме объекта, рассуждаю об интимных удовольствиях с совершенно посторонней, да еще совсем юной грешницей, а Нулик в это время где-то пропадает. А меня почему-то совершенно не

волнует: а вдруг его кто-то перехватит? вдруг опередят или свои же, или эдемские... Время уходит, но постоянно кажется, что все так и должно быть, все уже предначертано и сбудется, чтобы я тут не делал и не говорил...» Агент едва заметно ухмыльнулся собственным мыслям, особенно поименованию возможных конкурентов из Преисподней «своими».

– А ты сам-то? – казалось, не замечая молчания собеседника, оживилась девчушка. – Тоже, вот, сидишь со мной, а реакции и эрекции – нуль... ну, ладно, с Зойкой не хочешь или нельзя тебе к ним, чтобы вместе с ребятами покувыркаться, но неужели меня не хочешь?

Она поставила на стол стакан и неожиданно легко и как-то совсем непринужденно подняла вверх, к потолку, прямые ножки, и развела их на всю возможную в кухонной тесноте ширину, чуть прихватив их ладонями где-то под коленками, но не удерживая, а просто фиксируя в такой позе.

– А я – умелая, – похвасталась Маринка, плотнее прижимаясь спиной по стенке, чтобы не сползти с сиденья табуретки. – Еще и гимнастикой занималась совсем недавно, какую хочешь позу могу закрутить, Камасутра отдыхает...

– Я бы не возражал, – откровенно признался Симон, опуская под стол опустевшую и извлекая из холодильника привычно поставленную туда хозяином дома сразу после возвращения с кладбища и магазинов вторую бутылку коньяка. – Правда, есть некоторые обстоятельства, не позволяющие просто снять штаны и вставить тебе...

– Вот! – по-своему поняла его расплывчатые слова девчонка, опуская ноги и усаживаясь поудобнее. – У меня тоже – обстоятельства. Приелось под горлышко, знаешь ли, вот так: выпили – трахнулись – еще выпили – еще трахнулись – разбежались. Иногда хочется и просто выпить, без траха, а иногда – и по-особенному...

– По-особенному выпить – это ты гурманкой становишься, – нарочито приняв нужный ему смысл в словах девчушки, констатировал Симон, разливая коньяк. – Наверное, разнообразия ищешь, новых ощущений.

– Не-а, – возразила Маринка, принимая второй уже стакан с янтарным напитком, впрочем, из первого изрядная часть досталась Зое. – Это не разнообразие, с этим-то как раз у меня все в порядке, это, ну, как в компьютерной игрушке, новый уровень, на котором все и сложнее, и совсем по-другому...

– Понятно, – кивнул агент, хотя экранными забавами никогда не увлекался, даже популярный в его жизни тетрис не складывал.

Он глотнул коньяк и поставил фужер на... чистый стол.

Теперь и стол, и вся кухонька были аккуратными, чистенькими, ухоженными. Над блистающей белизной раковины висела симпатичная, семейная полка-сушилка, заполненная тщательно промытыми тарелками, чайными чашками, блюдами. В спину поддувал холодный, неприятный ветерок из полураспахнутой форточки, слегка задрапированной тюлем.

На Симоне была непонятная, но явно военная, форменная рубашка желто-кремового цвета, с пристегнутыми погонами, на которых можно было легко разобрать два черных, узких просвета. И весь агент изменился, стал поменьше ростом, пошире в плечах. Напротив него, подперев голову маленьким, острым кулачком сидела далеко уже не юная, но все еще очень привлекательная женщина в пестреньком домашнем халатике, с огромными васильковыми глазами. Они прощались. Прощались без слов, без объятий и поцелуев. Просто смотрели друг другу в глаза, один – обещая вернуться, другая – обещая ждать.

Женщина протянула руку, и Симон-офицер взял её тонкие, похожие на детские, пальчики в свою ладонь, потянул ближе к губам...

Дверь ударила о притолоку громко, гулко, возвещая о появлении в квартире – рыжеволосового хозяина дома, да еще и не одного, в компании с какой-то, похоже, сильно подвыпившей девицей. Та едва не рухнула прямо на пороге, запнувшись за разбросанную в беспорядке чью-то обувь, тут же весело, без злости, но от души выругалась, причем, досталось всем – и Нулику, и его родителям, и бесхозной обуви, и безалаберным гостям, и сочетанию планет на небосклоне.

– Мальвина пришла, – внимательно вслушавшись в доносящийся из мизерного коридорчика матерок, заметила Маринка. – Теперь тут спокойно не посидишь, шевбутная она...

И, заметив легкий, вопросительный жест со стороны Симона, пояснила чуть подробнее:

– Её, вообще-то, Веркой зовут, просто года полтора назад неудачно покрасилась, почти месяц ходила с сиреневыми волосами, вот и прозвали. А как подвыпьет, даже совсем немножечко, сразу возбуждается и начинает ко всем приставать... все равно – к мальчикам, девочкам, лишь бы партнер был живой... хотя и не очень живого можно...

Девчушка хихикнула и, чуток понизив голос, продолжила сплетничать:

– Сама видела, как она у вусмерть пьяного Вальки подымала, а тот – вообще, лежит, почти не дышит, пережрал капитально... смешно было...

– Ага, все знакомые, – мельком глянув на комнатную возню

трех тел, чуть внимательнее оглядела кухню, близоруко щуря веселые желтовато-табачные глаза, длинноногая рыжеватая блондинка с изящным, но абсолютно растрепанным каре на голове. – Всем привет, с кем еще сегодня не сношалась...

Мальвина-Верка захохотала над собственным незамысловатым приветствием, при этом пропихивая в комнатку помогавшего ей подняться с пола Нулика, кажется, взъерошенного и возбужденного больше обычного – во всяком случае, так показалось Симону.

– С чего начнем? – спросила больше все-таки сама себя Верка, расстегивая молнию на длинной, по-цыгански цветастой, пестрой и бесформенной юбке. – Наверное, с ванны, хотя я не против и просто душ принять... эй, люди! кто мне спинку потрет? ну, и не только спинку...

Бросив уроненную на пол юбку в коридорчике, Верка распахнула дверь в ванную, отгораживаясь ею от сидящих в кухне и одновременно снимая серебристую ветровку, под которой алел ярким сочным цветом свитерок-водолазка в обтяжку.

Невидимый за дверью, кто-то из мальчишек прошлепал босиком вслед за Веркой в ванную, вслед ему, из комнаты, донеслись всевозможные советы скабрезного содержания.

Симон шел по пирсу, чуть пригнув голову, стараясь по возможности отвернуть лицо от принизывающего, наполненного соленой и дождевой влагой ветра, придерживая левой рукой стремящуюся взлететь, запарусить и притормозить его движение полу черной, хорошего сукна, офицерской шинели. Вперед, в сотне-другой метров, прикрытая сеткой мелкого дождя, почти сливаясь с легким волнением свинцового моря, его ждала огромная, продолговатая, серая туша подводной лодки со странным, неизвестным выпелом, мокрой тряпкой колыхающимся на невысоком, символическом флажке. От сходней, переброшенных с борта лодки на пирс, навстречу агенту Преисподней выскочил человек в черном полураспахнутом бушлате, совсем не по сезону – в пилоточке, почти насквозь промокшей, расплывшейся на голове...

Это видение, вновь заслонившее Симону действительность, неожиданно подсказало агенту, что времени с каждым уходящим часом становится все меньше и меньше, вполне возможно, что бесы в своих расчетах ошиблись, у агентов не осталось уже двух суток, все неприятности, от которых – это теперь уже совершенно ясно стало Симону – спасают с неизвестными целями рыжего программиста, могут начаться гораздо раньше.

– Маринка, а хочешь слинять отсюда? – спросил агент погрустневшую от ожидаемой суеты и непременно вовлечения в интимные игры девчужку.

– А куда отсюда слиняешь? – почти безнадежно ответила она.
– Было бы еще какое место – сюда бы не пришла...

– Конюшенный переулочек знаешь? – стараясь изобразить голосом и лицом некую загадочность, такую манкую для молодых девиц, спросил Симон.

– Ну, кто ж его не знает, – моментально отреагировала именно так, как хотелось агенту Маринка. – А у тебя там знакомые? интересные? без суеты?

– Будут знакомые, – пообещал Симон. – И вести себя будут так, как нам надо...

– Это как так получается? – удивилась Маринка, теперь уже с полным вниманием глядя на странного братца давешней случайной её знакомой, которая, кажется, года два назад попала в какую-то неприятную историю.

– Увидишь, – вновь изображая загадочность, ответил агент.

– Одеваться надо, – чуть расстроено согласилась пойти с малознакомым, а говоря совсем уж откровенно, совершенно незнакомым мужчиной куда-то в неизвестность, сулящую новые впечатления, девчонка. – У меня все вещи в комнате, стоит туда сунуться...

Впрочем, кажется, она зря остерегалась – из ванной уже вовсю доносился яростный шум воды, вылетающей из душа, пошлепывания обнаженных мокрых тел друг о друга и внятные, хорошо знакомые вздохи и охи.

– Посиди здесь, все равно мне надо пару слов Зое шепнуть, – предложил Симон, поднимаясь с места.

Он аккуратно, стараясь сделать это незаметно для увлеченно моющихся и не только посетителей ванной комнаты, прикрыл бывшую когда-то розовой дверь и прошел в единственную комнатушку Нулика, к своему мимолетному удивлению не застав в ней хозяина дома. Видимо, тот уже успешно «странивал» накопленный пар, незаметно проникнув в ванную.

В комнате Симон неожиданно растерялся, но не от вида распластавшейся навзничь, теперь уже почему-то в одном чулке и с размазанной губной помадой, по диагонали на узеньком даже для нее диванчике Зои, и не от свернувшегося комочком, явно дремлющего парнишки в уголке у шкафа, улегшегося поверх сдутого, ярко-синего матраса, на котором ночевали агенты Преисподней. Растерялся Симон от вида многочисленного женского белья, верхней одежды, обуви и прочих аксессуаров, щедро разбросанных по полу, диванчику, маленькому креслицу Нулика, стоящего у стола с вычислительной техникой, и даже по самой этой технике – на мониторе, загораживая причудливую игру сине-зеленых волн и непонятных знаков, висели узкие,

малюсенькие трусишки розового цвета.

«Юбчонка, вроде, была коротенькая, – тоскливо подумал Симон, разглядывая пестроту и разнообразие женских вещей в комнате. – Цвета хоть какого? Совсем не помню тот момент, как Марина в комнату заходила, как раз Тарель на связь рвался, мозги затуманивал...» Про нижнее белье и обувь думать даже не хотелось, всего этого агент просто не мог видеть даже мельком.

Присев на корточки возле диванчика рядом с сонно-блаженным лицом Зои, Симон, взяв девушку за подбородок, попытался заглянуть в её мутноватые, осовелые глаза.

– Пришел все-таки... – разглядев навязанного Преисподней «брата», пробормотала девушка. – Это хорошо...

– Смотри в глаза и слушай, – тихо-тихо, но очень настойчиво, как учили когда-то давно, в той «старой» жизни, сказал Симон, снимая очки и пронзительно вглядываясь куда-то внутрь черепной коробки девушки сквозь её помутневшие зрачки.

Через пару минут агент смахнут со лба выступивший от напряжения всех физических и даже части метафизических сил организма пот, вернул на их законное место очки и продолжил все тем же тихим, но твердым шепотом:

– Продолжай балдеть, но внимательно следи за Нуликом. До моего возвращения он не должен никуда уйти, даже если его будут уводить силой. Делай, что хочешь, но рыжий должен быть здесь, когда я вернусь.

Симон с небольшим напряжением в коленях поднялся на ноги, с едва скрываемым презрением глянул на распластавшуюся перед ним Зою. Он изначально, еще в уютном потустороннем ресторанчике, в компании полубеса, думал о том, что при выполнении задания придется прибегнуть к сильнодействующим средствам, но все-таки, как любой нормальный человек, надеялся, что это произойдет попозже. Теперь девушка превратилась в простейшего, запрограммированного биоробота, способного исполнять отданный хозяином приказ до потери инстинкта самосохранения. «Удачно прошло, что она сильно выпила и расслабилась в сексе перед «накачкой», – подумал Симон. – И плохо, что из-за этого же не продержится долго. Стоит только протрезветь, как программирование слетит напрочь, а протрезветь можно не только заснув, а и от сильной боли, стресса, переполнения эмоциями...»

На удачу подобрав с кресла брошенное на спинку платье, подцепив пальцем с монитора трусики и прихватив какие-то туфли на шпильке агент вышел из комнатки, подумав, что размеры его напарницы и Марины все-таки близкие, если прикидывать на мужской глаз, а в случае неудачи за обувью

можно будет еще разок заглянуть в комнату или найти что-то подходящее у дверей, кажется, там побросали свои ботинки, кроссовки, туфли почти все пришедшие в гостеприимный дом рыжего гения

На кухне Симон бросил к ногам девчушки туфли, протянул одежду... и опешил от ошеломленного, вмиг протрезвевшего взгляда Марины.

– Эт чо? это мне?

И буквально секунду спустя:

– Ты хоть знаешь, сколько это стоит, Симон?

– Я не буду перебирать все раскиданные в комнате вещички, чтобы найти тебе что подешевле, – с видом уставшего миллионера парировал агент. – Лучше бы померила туфли, платьишко-то, похоже, вполне пойдет, а вот с ногами у вас, женщин, вечная неразбериха...

Через пару секунд, когда выяснилось, что размер обуви, носимой Зоей и Мариной практически совпадает – Симон почему-то воспринял этот факт, как добрый знак и подтверждение правильности своих действий – девчушка, «выросшая» без малого на пятнадцать сантиметров, через голову содрала и отбросила в грязную раковину заношенную старенькую футболку. Пробормотав что-то, вроде: «Под такое платье белье не носят...», она оставила на столе маленькие розовые трусики и погрузилась в шелест длинного, с боковыми разрезами повыше середины бедер, с обнаженными плечами и спиной, блестящего в слабом свете коридорной мини-лампочки на два десятка свечей, темно-фиолетового, вечернего платья.

«Как преображает грешного человека одежда, – произнес про себя извечную сентенцию агент Преисподней. – В безразмерной футболочке девушка была подростком, ищущим приключений на свою тощую задницу, а в этом платье превратилась из гадкого утенка в изящную хищницу, приключения с которой теперь должны искать мужчины...»

– Бежим, пока никто не заметил, – подмигнула Маринка...

Резкий, свистящий, оглушительный рев реактивных двигателей стремительно упал в ночную темноту, приближаясь с неотвратимостью окончания смертного существования, будто бы завис на несколько мгновений над головами и с невероятной скоростью начал удаляться, оставив за собой низкий, угрюмый гул разрывов. В небо взметнулись сполохи пламени, по телу прошла горячая, упругая волна воздуха, где-то далеко-далеко засигналили пожарные машины, своими сиренами усиленно нагнетая и без того полную напряжения атмосферу. И так же внезапно, как началось, всё стихло: рев авиационных двигателей, вой сброшенных бомб, грохот разрывов, – будто по мановению волшебной палочки, лишь треск разгорающихся пожаров, редкий вздох обваливающихся стен, далекий, полный истерики, истошный голос пожарных сирен нарушали становящуюся все более и более зловецей тишину. И за этими, пока еще живыми звуками совершенно не слышно было людей, их криков о помощи, стонов, жалоб, страданий, как будто все, попавшие под бомбовый удар умерли еще в тот момент, когда невидимые пилоты нажали на кнопку сброса...

Массивная, металлическая дверь, выкрашенная в скромный темно-медный цвет, ожидаемо распахнулась. На пороге стоял высокий, широкоплечий, но с явным излишним весом мужчина в бархатном, вишневого цвета, длинном, домашнем халате, еще не добравшийся до полноценного звания толстяка, но стремительно к этому званию приближающийся.

За спиной хозяина квартиры едва-едва брезжил слабенький свет то ли свечей, то перемигивающихся, декоративных светильников, вошедших в последние годы в моду, и этот внутренний свет совсем не помогал в полумраке синего камуфляжного освещения подъезда разглядеть в подробностях незваных гостей.

Впрочем, черные круглые очки, элегантная трость и костюм-тройка стоящего первым гостя, равно как и вечернее, явно не дешевое платье его молоденькой спутницы, притулившейся за левым плечом, ближе к ступенькам лестницы – сразу бросались в глаза при любом освещении, как особые приметы в полицейском словесном портрете.

Хозяин дома, известный очень узкому кругу близких по духу под затейливым прозвищем Николиус, открывая двери, собирался с порога рывком на совсем не кстати явившихся посетителей, но очень своевременно притормозил свой первый порыв: такие экзотические гости среди ночи, тем более, в условиях

комендантского часа и особого положения в прифронтовом, по сути, городе просто так не приходят. Поэтому молча, жестом, пригласив парочку пройти в квартиру, Николиус, как мог, прижался к стене, пропуская мимо себя мужчину в очках и его спутницу, чтобы прикрыть за ними входную дверь.

Квартира высокого, начинающего толстяка совсем не напоминала малогабаритную клетушку Нулика, одна лишь прихожая, в которой остановились, ожидая завершения манипуляций хозяина с дверью, Симон и Маринка, наверное, превышала по площади единственную комнату рыжего программиста.

Тем временем, закрыв оба сейфовых замка входной двери, Николиус повернулся к гостям, привычно, для удобства вошедших, включая на ходу маленькое бра, подвешенное почти под самым высоким потолком... а навстречу хозяину дома уже властно простиралась мужская рука, украшенная массивным золотым перстнем с рубином-астериксом... «Его... его знак», – успел подумать Николиус, вдруг почуяв запах горячей бумаги... не так давно наклеенные, отличные, рельефные обои сочного темно-медного цвета в тон двери мгновенно задымились, перечеркнутые красной точкой когерентного света...

Почти не ощущая своего тела, но при этом тяжело, грузно, как и положено начинающему толстяку, хозяин опустился перед странным ночным гостем на одно колено и потянулся губами к перстню...

«Ну и дела», – успела подумать ошеломленная таким приемом Маринка, непроизвольно отступая на шаг от Симона, будто чего-то опасаясь.

– Встань! – повелел хозяину дома агент.

Николиус послушно поднялся на ноги, стараясь предано заглянуть в прикрытые черными стеклами глаза гостя, чтобы предугадать все его желания...

– ...пройдем в комнаты и поговорим, – продолжил Симон, перекладывая из руки в руку трость. – Мы пришли по делу...

В просторной, задрапированной бордовыми гардинами комнате, обставленной с очень дорогой простотой темно-шоколадной кожаной мебелью, на уютном диванчике возлежала в обнимку с огромной черной кошкой в некой соблазнительной позе женщина рубенсовских форм, возраста далеко уже не юного, габаритами под стать хозяину дома, и прикрытая лишь тонкой, полупрозрачной накидкой. Не обращая на нее никакого внимания, Симон прошел к противоположной стене и уселся в глубокое, удобное кресло, жестом распорядившись, чтобы по-прежнему безмолвная от удивления Маринка заняла соседнее.

– Не помешает? – с явным подбострастием в голосе поинтересовался хозяин дома, кивая на женщину, недоуменно приподнявшуюся на диванчике, вглядываясь в незваных и таких бесцеремонных гостей.

– Посланнику никто и ничто помешать не может, – продолжая играть в надменность, отозвался Симон и повелительно затребовал: – Принеси нам выпить, да и себе тоже налей, чтобы расслабиться, очень уж ты напрягся при встрече, как я погляжу.

– Сию минуту! – будто половой в старинном трактире, отпартовал Николиус, делая своей спутнице знак, мол, лежи тихо и старайся дышать через раз, все идет так, как надо.

Но, кажется, это было излишним – рубенсовская женщина, наблюдательная, как и весь слабый пол, очень быстро заметила на пальце Симона перстень-пароль, резво оттолкнула не проявившую никакого недовольства кошку, и кувырком свалилась с диванчика на пол, сев на колени и согнувшись так низко, что лбом коснулась богатого, багрово-черного ковра, покрывающего пол в комнате.

– Вернись на место и сделай вид, что ничего не происходит, – будничным, деловитым тоном посоветовал ей Симон, провожая взглядом сквозь черные очки хозяина дома, устремившегося за спиртным, наверное, на кухню.

Видимо, Николиус домашнее хозяйство любил и вел его сам, не полагаясь на женскую помощь. Он вернулся к своим неожиданным гостям буквально через пару минут, неся на серебряном, с чернением, подносе три пузатых бокала, фигурную, вычурную бутылку коньяка с черно-зеленой, местами вызолоченной этикеткой, покрытой изящной вязью малопонятных, чужих букв, черное, кофейное блюдечко с тонко нарезанным лимоном, вазочки с сахарной пудрой и молотым кофе, тарелочку с ароматным сыром. Установив угощение на низком, но обширном столике между креслами гостей, Николиус склонился в почтительном поклоне, ожидая дальнейших распоряжений.

– Присядь на чем стоишь, – милостиво кивнул Симон, и хозяин дома опустил на ковер, поджав под себя ноги.

Собственной рукой агент Преисподней, временно исполняющий обязанности полномочного Посланника Темных Сил, разлил в бокалы коньяк, подхватил с тарелочки кусочек сыра, равнодушно, как воду, выпил янтарную, полную солнечного света и внутренней силы ароматную влагу, закусил-зажевал, терпеливо дождался, когда такую же процедуру проделают Маринка и Николиус, и властно распорядился теперь уже о главном, ради чего и пришел в этот дом:

– Собирай всех своих людей. Еще до рассвета они должны быть в монастыре...

– В нашем монастыре? – с вполне заметной опаской переспросил хозяин квартиры, рискнув перебить Посланника, чтобы уточнить, куда среди ночи отправить преданных адептов нечистых сил.

– В нашем, в нашем, – чуть свысока, но все-таки благожелательно кивнул Симон, невольно раздумывая о том, чем же так запугал солидного и вовсе физически не слабого на первый взгляд Николиуса куратор здешнего Отражения, бес Тарель, особо сильного впечатления при личной встрече на агента не произведший.

– Вы позволите приступить к сбору незамедлительно? – приподнялся с ковра хозяин дома.

Агент с любопытством уставился на будущего толстяка – интересно, он хочет со всех ног лично бежать через ночной город, чтобы собрать, предупредить, отправить к месту общей встречи своих сектантов?

Но реальность оказалась проще и прозаичнее.

– Эльза, давай в спальню, к телефону! – быстро скомандовал Николиус, и, несмотря на рубенсовские формы, женщина легко вспорхнула с диванчика, вновь оттолкнув от себя равнодушную, но упрямо занимающую свое законное место кошку. – Позвони всем, скажи – немедленно в монастырь, чтобы – в полной готовности были, но – без подробностей. И передай Гуньке, пусть подкормит Змея, как доберется до монастыря, он иной раз, в последнее время, с памятью совсем не дружит.

Оставив на ковре свою воздушную накидку, Эльза голышом, резво, как юная девчушка, выбежала из комнаты. Симон, проводив невидимым под очками взглядом суетливо прыгающие обильные ягодицы, одобрительно кивнул адепту:

– Хорошо. Еще надо забрать из одного дома, неподалеку отсюда, компанию нескольких грешных душ.

– Это тоже наши? – деловито поинтересовался Николиус, все еще продолжая стоять на ногах и, кажется, не думая опускаться обратно на ковер.

– Должны стать нашими, – жестко, акцентировано пояснил Симон. – Пригласить их надо аккуратно, без насилия и прочих подобных эксцессов. Но главное – среди них должен быть рыжий, длинноволосый мальчишка лет двадцати, или чуть постарше. Впрочем, пожалуй, самым надежным будет, если я сам загляну в эту квартиру и укажу, кто интересуется Хозяина в первую очередь...

– Позволите – лично распоряжусь насчет автомобиля побольше для этих целей? – склонил голову хозяин дома, и

откуда-то снизу все еще пытаюсь заглянуть в защищенные глаза Посланника.

– Иди, распоряжайся, – кивнул Симон. И даже такой простой жест получился у агента каким-то величественным, полным смысла и тайного наполнения.

Когда Николиус резво выскочил из комнаты вслед за Эльзой, до сих пор молчавшая – хорошо, хватило ума – Маринка как-то чересчур скромно, застенчиво поинтересовалась:

– Слышь, Симон, а что там будет – в монастыре-то? Групповуху хочешь собрать, как в кино, человек на сто?

– Переход будет на новый уровень, ты же сама этого хотела – уже обыкновенно, по-человечески усмехнулся агент Преисподней. – Что же касается сексуальной составляющей, уверен – скучать там не придется, хотя, думаю, и не окажется это для тебя основным блюдом.

– А еще... чего этот мужик так перед тобой стелется? – почему-то понизив голос почти до шепота, задала совсем уж нескромный вопрос девчушка. – Да и не перед тобой, а, как бы, перед твоим кольцом, я так поняла... неправильно это, вроде бы...

– Иногда плохо быть слишком наблюдательной, – не сдержался в ответ Симон, хотя изначально решил промолчать. – В ином случае много ума хуже, чем бы его совсем не было, еще Гоголь приметил.

– Я в школе плохо училась, – вовсе не испугалась прямого намека Маринка, за время посиделок в квартире рыжего гения-самоучки к своему собеседнику привыкшая и откровенного зла в отношении себя от него не ожидающая. – А литературу и вовсе прогуливала, зачем мне это всё: кто, когда и чего сочинил в доисторические времена?

«Почему же мне так упорно чудится, что про мой интерес к Нулику, эта хитрая девчонка просто промолчала?» – меланхолично подумал Симон, разливая коньяк.

Маринка в очередной раз приоткрыла ротик, чтобы поинтересоваться еще чем-нибудь, показавшимся ей загадочным и не вписывающимся в местные понятные нормы, но агент достаточно сурово покачал головой, заранее отказываясь от дополнительных комментариев. Достаточно и того, что девушка успела узнать и увидеть в доме Николиуса, остальное пусть пока побудет покрытым мраком тайны.

...несмотря на всю свою искреннюю рьяность в исполнении поручения Посланника, собрать всех причастных к своей секте, чтобы порадовать их еще одним неоспоримым фактом собственных связей с потусторонним миром, Николиусу удалось

нескоро. Ночное время, особое положение в городе, проклятуций, хоть и вовсе не строго соблюдаемый комендантский час... да еще – единственный телефон в доме, которым хозяин пользовался в очередь с Эльзой...

...Грешная душа молоденькой женщины парила среди посторгазмических облаков, в плотном, душистом коньячном тумане, слегка разбавленном, кажется, каким-то дешевым вином, на которое перешли после окончания крепких напитков собутыльники и сокоешники. В плавном, невероятно легком и блаженном парении души было нечто запредельно приятное, фантастически свободное, невесомое... и покидать такое состояние не хотелось, несмотря на любые предстоящие кары за нарушение заповедей, несдержанность, невоздержанность и прочие убийственно сладкие грехи. Все равно душа-то давно уже грешная.

Кажется, рядышком, переживая подобные же ощущения подогревала плотский бочок грешной души чья-то горячая молодая тушка, пола которой Зоя никак не могла определить, да не очень-то и стремилась. Сегодня, в первый свой день временного возвращения из Преисподней, девушке довелось испытать жгучее, желанное удовольствие и от мужских, грубоватых, резких ласк и от утонченных женских прикосновений.

Но, как известно, все хорошее заканчивается слишком быстро, и почему-то всегда – гораздо быстрее, чем хотелось бы испытывающему это хорошее... и тепло близлежащего тела куда-то испарилось, похоже, вместе с самим телом, а сквозь остаточную эйфорию многочисленных оргазмов и блаженный коньячный туман вдруг стали прорываться совершенно посторонние, ужасные звуки и движения.

Кто-то перемещался по маленькой комнатушке в квартирке Нулика, задевал редкие предметы мебели, о чем-то говорил, звенел металлом и громыхал голосом, опускался до вкрадчивого шепота и шуршал подошвами ботинок по грязному полу... а может быть, все это просто грезилось Зое в алкогольном муторном сне?.. Но вот наступившую тишину она почувствовала сразу, как чувствуют гулкий выстрел в горах, понуждающий снежную лавину к движению.

«Может, её под холодный душ? – произнес в этой тишине сомневающийся голос. – Там, в ванной, вода-то, кажется, есть?»

«Не надо, – ответил голос знакомый, но сразу так и неузнанный Зоей. – Потом придется время терять на всякое обтирание, одевание... сама-то она, пожалуй, одеться не

сможет...»

«Так что делать будем?» – повис в блаженном дурманном полусне девушки чужой недоуменный вопрос.

«Есть средство...»

Разволновавшаяся от услышанного грешная душа Зои вынырнула из нежных облаков плотского блаженства, возвращаясь в тело, чтобы ощутить неожиданно скверный запах пропитанных потом и спермой простыней, витающего по комнате табачного перегара и тянущийся из угла гниловатый запахок свежей блевоты – похоже, кто-то из доставивших девушке такое сказочное удовольствие партнеров не был крепок желудком. Кажется, даже поморщившись от такого контраста при переходе от эйфории «блаженных сфер» к прозе жизни, девушка, тем не менее, предпочла не открывать глаза, старательно прикидываясь спящей, но теперь уже вполне осознанно прислушиваясь к происходящему вокруг нее.

До слуха Зои донеслись знакомые, неторопливые, уверенные, удаляющиеся шаги, чье-то сопение буквально в полуметре от её тела – а, кстати, где это я лежу? – и еще, кажется, легкая суতোлка в мизерной прихожей квартирки Нулика... нет, суতোлка была раньше, пока грешная душа витала в облаках эйфории, а сейчас от той суеты перед дверью остался лишь ментальный, метафизический след...

«Ну, да, мы ведь, кажись, никуда из квартиры не выбирались, только кто-то из парнишек бегал за вином, – полувспомнила Зоя и тут же, как частенько бывает с не протрезвевшими до конца, засомневалась в собственных воспоминаниях: – А может, выбирались? На воздух, там, подышать, или для экзотики – в подъезд потрахаться? Ох, а ведь и правда – где же я сейчас?»

Дружеского доверия, что едва знакомые партнеры не оставили её где-нибудь на лестничной клетке или в абсолютно чужой, незнакомой квартире, у девушки не было никакого. Все-таки всю компанию в доме Нулика она видела впервые во второй уже своей жизни, ну, разве что, за исключением самого хозяина. Впрочем, паниковать было рано, оставалась твердая надежда на напарника по заданию Преисподней, уж он-то просто обязан был её подстраховать, сам же говорил об этом в самом начале их нового земного пути. Да и один из слышимых в полусне голосов был удивительно похож на голос Симона, и эти вот знакомые шаги, которые теперь неторопливо возвращались откуда-то...

Кто-то заботливо приподнял голову девушки, положив под затылок крепкую и сильную, по-настоящему мужскую ладонь, и в ноздри Зои, совершенно забывая остальные, вызывающие отвращение и рвотный рефлекс, запахи, ударил блаженный

аромат коньяка... ну, раз так...

...в широко распахнувшиеся, мутные, полупьяные глаза напарницы немым укором смотрели черные стеклышки очков, а перед самым носом покачивалась чайная чашка с волшебным янтарным напитком. Зоя тяжело, будто смертельно раненная, вздохнула и резким движением, едва не потеряв в процессе равновесие, приподнялась и села на... да, на узенький диванчик в комнате Нулика. Тревожные сомнения её по поводу места пребывания оказались напрасными.

Рядом сидел, придерживая девушку сильной ладонью под затылок и соблазняя её коньяком, привычно спокойный, даже равнодушный Симон, и по его высшему метафизическому спокойствию Зоя поняла, что свою часть задания она выполнила: Нулика до прихода напарника из квартиры не упустила, хотя, честно говоря, предпочла бы почему-то даже перед напарником умолчать о том, каким образом она это сделала.

– Да, – кивнул агент Преисподней, то ли прочитав мысли в мутно похмельных глазах девушки, то ли просто проверяя свои и без того уже подтвержденные способности к внушению. – Рыжего от тебя минут десять назад еле оторвали, да и то – под обещание, что это ненадолго, и ты непременно последуешь за ним...

– Я старалась, – хрипло выговорила Зоя, гулко сглотив набежавшую слюну и пристально уставившись на содержимое чашки в руке Симона. – Очень...

– Пей, – милостиво поднес к жаждущим губам девушки благодатный напиток не лишенный сострадания и человеколюбия напарник.

После пары солидных глотков коньяка «на старые дрожжи» Зою слегка повело, она едва не опрокинулась вновь в горизонтальное положение и удержалась лишь благодаря своевременной помощи Симона.

– Может, я еще поваляюсь пока? – с напрасной надеждой в голосе попробовала девушка разжалобить своего напарника.

– Успеешь поваляться, – не поддался на эту легкую жалостливую провокацию Симон. – Попробуй хоть немного одеться, и если получится, то подремлешь в машине...

– Мы куда-то едем? – пассивно, через силу, удивилась Зоя. – А остальные? Ну, те, кто здесь был?

– А те, кто раньше с нею был... – иронично и абсолютно не музыкально хмыкнул агент Преисподней.

Поднявшись в незапертую даже среди ночи квартирку рыжего самопального гения в молчаливом сопровождении водителя выделенного Николиусом микроавтобуса, Симон застал здесь привычный бесхозый бардак, усиленный почти суточной

пьянкой и развратом, спящих в обнимку на маленьком диванчике Нулика и Зою, сонно и лениво, с трудом, продолжающих заниматься сексом почему-то на грязной кухне Веру и какого-то паренька, совершенно незнакомого, не из тех, кто пришел еще днем вместе с Маринкой. Не дожидаясь, пока уставшие друг от друга и собственного занятия любовнички окончательно лишат Нулика и без того колченогой неудобной мебели, Симон очень вежливо, но настойчиво попросил их покинуть помещение, благо, особо одеваться ни мальчишке, ни девчонке было не надо: штаны подтянуть, да юбчонку одернуть. Спорить с прилично одетым, держащимся по-хозяйски и очень уверенным в себе человеком гости Нулика не рискнули, видимо, памятуя о достаточно тесных связях хозяина с городской полицией, а может быть, и не только с ней. Послушные и притихшие любовники прихватили с собой «на ход ноги» одну непечатую и одну недопитую бутылки дешевенького вина, на что возражений со стороны агента Преисподней, конечно, не последовало, и покинули квартирку, громко сопя и спотыкаясь на темной лестнице.

На удивление удачно прошло и пробуждение хозяина дома. Поднятый за рыжие кудри – а за какое еще место подымать голого мужика? – Нулик, подержав лохматую голову минут пять под струей ледяной воды в ванной, и в самом деле хотел, было, дожждаться сакрального момента, когда подыметься с диванчика так очаровавшая его Зоя, но, узнав, что внизу, в микроавтобусе, мучается в ожидании и одиночестве еще и Маринка, решил скоротать время там. Мрачноватый, невыспавшийся и молчаливый шофер проводил рыжего парня в машину, на всякий случай, по рекомендации Симона, блокировал дверцы, а сам вернулся в квартиру – помочь, если того потребуют обстоятельства, Посланнику.

...– Видишь, как коньяк благословенный действует, и никакого холодного душа не надо, – отвлекся агент от напарницы, с иронией обращаясь к почтительно застывшему в дверном проеме водителю микроавтобуса, но тут же посерьезнел и поторопил Зою: – Одевайся, ехать голой через весь город, да и потом участвовать в планируемом действе, как-то не очень прилично...

– Ну, я попробую, – согласилась девушка, в глубине души не понимая, с чего бы это её напарник решил так строго соблюдать неписанные правила приличия, да еще и в ночное время, впрочем, ключевые слова о некоем действе Зоя легкомысленно пропустила мимо ушей.

Несмотря на взвешенное состояние между похмельем и продолжением растянувшейся уже на вторые сутки пьянки,

собралась Зоя достаточно быстро, благо, большая часть нужных предметов одежды валялась тут же, под руками, точнее сказать, под ногами, да еще при этом почти все чулочки, трусики, юбки, блузки, туфли были неношеными, совсем недавно закупленными по требованию той же Зои и просто разбросанными по комнате в процессе примерки и напроочь забытыми чуть позже, в процессе получения плотских удовольствий.

– Ступайте, – велел Симон, дождавшись момента, когда напарница, наконец-то, будет готова к дальнейшему перемещению в пространстве. – Подождете меня в машине, а я... отключу электричество, закрою двери, да и просто – проверю, всё ли в порядке в квартире.

Впрочем, никакими хозяйственными делами агент не собирался заниматься, и едва лишь его напарница в сопровождении адепта Темных Сил покинула гостеприимный дом рыжего Нулика, как Симон, безжалостно обрывая присоединенные на честном слове провода, извлек из-под хозяйского стола массивный, но не защищенный даже внешними, накладными панелями системный блок вычислительного устройства. Обиженно мигнув, погас, казалось, вечно горящий монитор на столе, и Симону пришлось включить и положить рядом с блоком небольшой, но достаточно мощный карманный фонарик. В его луче мгновенно поднялось целое облако густой, смачной пыли, до поры, до времени сохраняемой внутри металлической, заполненной пестрыми платами клетки-коробки системного блока, похоже было, Нулик пренебрегал не только домашним хозяйством, но и к своему орудию труда относился халатно, спустя рукава любимой клетчатой ковбойки.

С трудом сдержав рвущийся наружу чих, Симон посветил внутрь блока и с некоторым облегчением вздохнул: интересующие его части компьютера были закреплены из рук вон плохо, скорее даже, просто «наживлены» на парочку маленьких болтиков, фиксирующих их в гнездах. Работы здесь было – на пару-тройку минут, да и то с учетом поисков по карманам чего-нибудь, заменяющего миниатюрную отвертку.

И очень скоро, расовав по карманам пиджака три жестких диска, наверняка содержащие все результаты домашней работы рыжего беспутного гения, агент Преисподней покинул обреченную квартирку, совершенно не заботясь о воде, льющейся тонкой струей из незакрытого до конца крана в ванной, о работающем холодильнике, о незапертой двери...

Казалось, впервые за время многодневного похода исчезло чудовищное, гнетущее ощущение многотонного, изнурительного давления океанской воды на каждый квадратный сантиметр лодки,

на каждый нерв настороженного организма подводника. Исчезло ощущение извечно замкнутого пространства, собственной незащищенности перед забортной могучей стихией... и очистительным глотком свежего воздуха, верой в свои силы, превосходящие силы и врагов, и природной стихии, прозвучало долгожданное: «Боевая тревога!» И десятки тревожных зуммеров, звоночков, сигнальных ламп бросили на свои штатные места экипаж, чтобы через считанные секунды отозваться новой командой: «Предстартовая подготовка! Лодка на боевом курсе!»

«Ракета к старту готова!»

И замер подводный крейсер, затих на сотые доли секунды, будто простые и грандиозные в своей сути слова, высвобождающие многогранных монстров из подводного плена, остановили время. Стазис.

Замерев в сумрачном, синевато-мертвящем, камуфляжном освещении пустынного гулкого подъезда, Симон все-таки успел рассмотреть бледную, покрытую редкими черными волосами кисть руки и указательный палец с ровно постриженным ногтем, без тени колебания или неуверенности коснувшийся красной кнопки.

«Пуск!»

Раскинутые в стороны и чуть поднятые вверх руки девушки поддерживали в воздухе тусклые в свечном, неверном освещении металлические цепи, оканчивающиеся грубовато сработанными, но покрытыми изнутри мягким материалом, напоминающим войлок, наручными кандалами. Чуть разведенные ноги тоже были зафиксированы, но цепями более короткими, уходящими куда-то в плотный, утопанный, земляной пол. В этой темной, напряженной тишине, нарушаемой лишь потрескиванием горящих свечей и дыханием собравшихся, не было ничего угрожающего, насильственного, опасного. Во всяком случае, сейчас, стоя перед двумя десятками мужских и женских глаз обнаженной, в полураспятой позе, Маринка не ощущала ни малейшего страха за себя и свое тело. Наверное, казалось то, как мягко, без нажима и насилия, даже на словах, а лишь с уговорами, соблазнением, потворствованием было проделано и обнажение девушки, и её сковывание. Да и не походило это действие на виденные в пошленьких кинофильмах садомазохистские сцены с поркой, неестественными криками, глупыми актерскими репликами и дебильными комментариями находящихся по эту сторону экрана приятелей. Более всего уверенность в собственной безопасности внушало девушке невидимое во мраке, но вполне даже ощутимое присутствие здесь

агента Преисподней.

Из темной, плотной и густой тишины, чуть выше худенького плеча Маринки, слева, из ниоткуда, будто по легкому, незаметному движению волшебной палочки материализовалась голова змея... настоящего, живого, в пестро-чешуйчатой раскраске, с мягким, желтовато-белым началом брюшка. Змей застыл на мгновение и тут же, неторопливо, но стремительно, с той удивительной грацией, что присуща всем пресмыкающимся, лишенным ног, двинулся сверху вниз – на плечо прикованной девушки. Мягкое касание тяжелого, совсем не холодного, но скользкого тела заставило Маринку скосить влево глаза и – подавить непроизвольно рвущийся из горла крик! «Не бойся, не бойся, не бойся, – торопливо, ласково, завораживающе зашептал ей прямо в ухо чей-то сладкий голос. – Змей мудр, и его не надо бояться... он не причинит вреда, он позволит тебе окунуться в неизвестные еще глубины страсти и наслаждения... он мудр... он величествен, он – это начало и конец, жизнь и смерть, всё вместе, всё сразу, он – это удовольствие от телесного существования и бесстрашие перед неизбежной грядущей смертью, он – всё...»

Змеиная голова мягко и стремительно скользнула дальше – вниз, между маленькими грудками Маринки, оставив на плече часть своего могучего и явно тяжелого тела. Змей, как оказалось, был огромным, в три, а может и все четыре человеческих роста, толщиной, пожалуй, в две руки. Его гибкое, скользкое тело продолжало выбираться из первозданной темноты, опираясь на плечо девушки, плоская голова с бусинками глаз и быстро мелькающим, едва заметным в полумраке языком, двинулась дальше – по животу, лобку, нырнула между ног... и появилась с противоположной стороны, на маленьких крепких ягодицах.

Успокоившаяся, более испугавшаяся не самого змея, а внезапности его появления на своем плече из глубокой, покойной темноты зала, Маринка с напряженным ожиданием ощущала движение гигантского, скользкого и тяжелого, но почему-то теплого и совсем не противного по первым ощущениям тела по своей коже. Скользнув между ног, заставив девушку ощутить свою гибкую силу на интимном месте, змей вернулся с ягодиц на живот Маринки, обвил её талию плотным кольцом, потом еще одним, повыше... и, наконец, остановился, отстранив угловатую голову от человеческой кожи, приподняв её над грудью и, казалось бы, пытаясь поймать полузастывший взгляд девушки своими блестящими в свечном свете глазами. Еще одно движение, и, окончательно обвив женское тело двойным кольцом, удав положил голову на правое плечо Маринки, издал шелестящий, негромкий, но очень внятный шорох-шипение... мелькнули и тут

же спрятались в сомкнувшейся пасти чудовищные в своей близости зубы змея.

На несколько мгновений чешуйчатый замер, просто плотно прильнув белесым упругим брюхом к обнаженному телу девушки, а потом, будто собравшись с силами, начал медленно, неудержимо, но почему-то абсолютно не страшно – сжимать кольца своего чешуйчатого тела. Жесткие, сильные, невероятные, так не похожие на потные ручонки сверстников и похотливые лапы самцов постарше объятия змея неожиданно и желанно возбудили Маринку каким-то безудержным, странным всплеском эмоций, плотского вожделения, жутковатой сладости чего-то неправильно запретного, притягательного, необъяснимого. И плотно прильнувшее к промежности, то наливающееся мышцами, то слабеющее до желеобразного состояния, тело чешуйчатого гада в считанные минуты довело девчонку до сильнейшего и яркого оргазма... таких она еще не испытывала в своей короткой, но в последние годы – насыщенной интимными приключениями жизни. Ощутивший сильную эмоциональную волну, вместе со спазмами мышц пробежавшую по телу девушки, и, казалось, всё-всё понявший змей прекратил свои ритмичные движения, замер на мгновение и вновь зашипел, запел на ухо сластолюбивую, наполненную радостью одержанной мужской победы песню.

Маринка слабенько вздохнула, чуть приоткрыла глаза, невольно закрытые сразу же после первых звуков змеиной песни еще в самом начале этого невероятного сеанса любви с гигантской рептилией. Расставленные полукругом, все также горели черные свечи, сейчас уже успокоившиеся, а всего минуту назад исходившие громким треском и маленьким фейерверком искр; на зыбкой границе света и тьмы едва различимыми тенями слегка шевелились фигуры в бесформенных черных плащах, низко надвинутых на лица широких капюшонах. К распятой девушке шагнул, взмахнув длинными полами одежды, будто низкими крыльями, высокий, начинающий тучнеть человек – формальный глава маленькой общины братьев и сестер Темных сил, поклонников нечистого и не поминаемого без особой нужды Властелина, и будто ожидавший этого постороннего движения, огромный змей стремительным, едва уловимым движением исчез в темноте над головой Маринки, будто был тонюсенькой ниточкой лесной паутины, а не массивным, чешуйчатым, толстым удавом.

– Я не спрашиваю тебя об ощущениях, их трудно передать словами, – мягко сказал будущий толстяк, освобождая руки девушки и заботливо, без тени, казалось бы, похотливости, придерживая её за талию, чтобы та не потеряла равновесия после

довольно долгого распятого состояния и пережитого эмоционального потрясения при общении со змеем. – Но все это – лишь малая часть, блеклая Тень того, что может дать тебе общение с Темными Силами, обратной стороной света...

Он присел на корточки, открывая замки на ножных кандалах, и Маринка слегка приоперлась на мягкое плечо Николиуса... в этот момент по подземелью прошла непонятная, явно никем не ожидаемая, грозная, тяжелая дрожь... упавшие от сотрясения свечи частью погасли, частью продолжили гореть нелепо лежа на боку. И без того робко, едва-едва пробивающийся сквозь темноту подземелья свет, казалось, померк совсем, чтобы через секунду вспыхнуть показавшимся удивительно ярким, пронзительным лучом фонаря в руках Симона. Агент Преисподней, спокойно и даже с легкой скукой на лице простоявший всю церемонию неопитского посвящения Маринки в дальнем углу монастырского подвала, шагнул было к невидимому сейчас выходу... но тут последовал второй, могучий удар непонятного землетрясения, бросивший на пол большую часть участников мистического представления, заставивший застонать, загудеть жестокой болью камни древней кладки подвала.

Как и все присутствующие не ожидавший подземного удара, Симон на ногах все-таки удержался, хоть и с трудом, и кое-как, но настойчиво, упорно продолжил свое движение к едва заметному входному проему, старательно, чтобы не зацепиться, перешагнув через одного из упавших, остальные же в этот момент в тихой панике ползали по полу, мало что соображая, видимо, решив почему-то, что именно в их противное Чистому началу действие господь избрал для Конца Света и начала Страшного Суда. Впрочем, такие мысли не помешали некоторым из сатанистов добраться до потайных карманов в собственноручно изготовленных плащах и включить фонарики. Заметававшиеся по подземелью тонкие и блеклые лучи электрического света нарушили мистическую, в чем-то даже благообразную и торжественную всего несколько мгновений назад обстановку, усиливая впечатление о воцарении на земле и под землею хаоса и неразберихи. Уже у самого выхода из подземного зала Симон различил позади гулкий шлепок – звук падения с высоты могучего тела удава, и сдавленный вскрик, похоже, Маринки, вовсе не ожидавшей такого окончания соблазнительного перехода на новый уровень познания удовольствий жизни.

В лицо Симону пахло кирпичной пылью, плесенью и гнилью старого, разрушенного временем дерева, запахом свежескопанной земли. Длинный, низкий тоннель-коридор, выводящий из монастырского подземелья на поверхность, к

белому свету раннего утра, оказался плотненько завален обломками старинного кирпича, осыпавшейся со стен землей, какими-то непонятными деревянными конструкциями, разлетающимися в прах буквально на глазах, под узким лучом фонарика. Позади агента кто-то натужено запыхтел, вытаскивая каблуки из неожиданно размягчившегося земляного пола, и мужчина, даже не оборачиваясь и не прислушиваясь особо, понял – Зоя. Не выдержала подземной, явно незапланированной вакханалии, испугалась, но – все-таки не первый раз живет – смогла сообразить, что безопаснее и надежнее всего сейчас будет прибиться к напарнику.

– Завалило? – встревожено, но без страха в голосе поинтересовалась девушка из-за спины агента. – Плотно?

– Еще как плотно, – согласился Симон, внимательно осматривая завал и при этом ощущая правее, в глухом, казалось бы, совершенно не используемом аппендиксе коридора сильный ток воздуха, причем, вовсе даже не холодного, застоявшегося и подземного.

– С чего это вдруг такое? – недоумевающе, но при этом достаточно равнодушно поинтересовалась Зоя, причины происходящего ей были не так уж и интересны, главное – как выбраться, если это возможно без особых потерь для молодого, вновь живого тела. – Землетрясение какое-то... да его у нас сроду не бывало, даже я знаю – город на гранитной платформе стоит, тут ничего трястись не может...

– Школьную программу вспомнила? – чуть рассердился Симон, сворачивая к аппендиксу. – Зубы не заговаривай, держись за мной, только молча...

Это был, похоже, запасной, на случай осад и непредвиденных обстоятельств предназначенный, потайной выход, прорытый монахами лет двести назад, а может, и того больше, и с тех самых пор вряд ли больше двух-трех раз использованный людьми. Если бы не завал основного выхода и не чуткость агента Преисподней, потайной ход никогда и не был бы обнаружен посещающими подвальное помещение монастыря сатанистами. А сейчас Симон первым, с трудом, продирался через узкий, низенький, больше похожий на нору крупного зверя, чем на творение рук человеческих, коридорчик. Следом за ним, молча и теперь уже испуганно, передвигалась Зоя, позабыв даже привычно поругиваться на тесноту, паутину по углам и под потолком, резво разбегающихся от светового луча фонарика насекомых и других мелких обитателей запасного хода.

Минут через десять, резко подавшись к поверхности и расширившись до приемлемых, человеческих размеров,

подземный ход окончился массивной деревянной заслонкой. Симон развернулся, упираясь в нее плечами, приметил позади Зои еще чей-то непонятный силуэт, но раздумывать о том, кто же такой шустрый и сообразительный присоединился к ним, не стал, напрягся, старательно, изо всех сил, выдавливая широкую крышку, скрывающую древний потайной выход на поверхность... что-то скрипнуло – то ли в спине агента, то ли в окаменевших за столетия досках, посыпались отовсюду песок, крошки земли, паучки... и вот уже три человека распрямили спины, появившись на гребне небольшого холма далеко в стороне от полуразрушенной временем монастырской стены.

Всего-то меньше двух суток назад Симон и Зоя осматривали окрестный вечерний пейзаж с очень близкой точки, но как же этим утром изменилась представшая перед грешными глазами картинка!!!

По небольшому перелеску, по все еще полному пожухлой осенней травы невысокому, пологому склону холма, казалось, секунды назад прошел огненный смерч, не оставив и следа от чертополоха, полыни, опавших листьев, вычернив стволы устоявших деревьев, испепелив пожелтевшую и влажную осеннюю траву. То самое отличное шоссе, по которому агенты Преисподней в первый день своего пребывания в грешном мире добрались до города, казалось, пошло непонятными волнами, исказилось, как искажается под сильным ветром поверхность воды, а совсем неподалеку от монастыря резкая и глубокая трещина провала рассекла асфальтовую ленту пополам.

Город, его ближайшие, хорошо видимые кварталы, вернее, те развалины, что остались теперь на месте многоэтажных домов, дымились занимающимися где-то внутри, будто исподволь, пожарами. А чуть поодаль, клубящимся, зловещим облаком, переливаясь изнутри темными грациозными волнами могучих, выпущенных на свободу человеческим разумом, смертоносных сил, завис, ежесекундно увеличиваясь в размерах, подтягиваясь все выше и выше к пока еще синеющему и безмятежному небу, огромный багрово-красно-черный гриб...

– Ой, ты...

За спиной Симона простонал насмерть испуганный женский голосок, со страху забывший даже традиционно выругаться в окончание фразы. Агент быстро оглянулся и тут же сделал парочку осторожных неприметных шагов назад, за спины Зои и Маринки, с ужасом взирающих на открывшуюся картину, поражающую беспощадным и неотвратимым приближением смерти. Вот теперь все встало на свои места: и торопливость, с которой отправлял бес агентов в это Отражение, и странные

видения Симона, и даже то щедрое, на десять лет, обещание предстоящего отдыха после выполнения задания.

«Ну, что же, – подумал Симон. – Кажется, пора принимать окончательное решение... и принимать его придется исключительно мне...»

Он деловито поправил черные очки, перехватился обеими руками за трость и только тут вспомнил давным-давно, кажется, еще в самой первой своей жизни, виденное...

Просторные чистые палаты. Белые стены и потолки. Светлые, бежевые и слоновой кости тона госпитальных коек, казенных маленьких тумбочек, постельного белья. Суровые, будто окостеневшие, напряженные, постоянно прячущие глаза медсестры с дрожащими руками, суетливые, ощущающие себя бесполезными, едва сдерживающие горькие эмоции собственного бессилия врачи. И пациенты. Совсем еще недавно – могучие, тренированные, сильные телом и духом мужчины, способные, не сбивая дыхание, с полной выкладкой, пробежать двадцать-тридцать километров, вступить после этого в бой, стрелять, драться, выживать и снова – бежать к новому рубежу. Теперь все они лежали в отдельных палатах – больше похожие на обтянутые дряблой, покрытой яркими пигментными пятнами кожей, высокие и широкоплечие скелеты, полностью – вплоть до ресниц и бровей – облысевшие, за считанные часы потерявшие свои крепкие хищные зубы. Они держались в этом мире лишь на бесконечных вливаниях чужой крови, стимуляторов и – морфинов. Ничем иным дикую, нечеловеческую, противоречащую природе боль в убитых радиацией, но еще живущих организмах заглушить было нельзя.

Армейская диверсионная группа спецназначения попала в зараженную зону без штатных средств защиты совершенно случайно, благодаря извечной, что на войне, что в мирное время, неразберихе в штабах, надежды «на авось» и глупейшей нескоординированности между военным руководством боевыми испытаниями секретного оружия и отделом спецопераций генерального штаба. Из-за простого и такого привычного головотяпства двадцать восемь здоровых, молодых, полных жизненных сил мужчин умерли один за другим в течение двух недель в страшных, если не сказать – адских мучениях, в полном сознании, все это время ощущая каждой клеточкой своего организма жестокую боль и неотвратимость смерти.

...об этих людях и вспомнил Симон сейчас, перехватывая двумя руками свою трость и делая хитрое, ему одному известное движение рукоятью: влево, чуть вниз, снова влево и... тускло блеснуло в далеком и чудовищном пламени атомного пожара над

городом тонкое, длинное лезвие. Почти без замаха, ловким, давным-давно отточенным до автоматизма движением Симон ударил в спину своей напарницы, во время остановив клинок, чтобы тот не вышел из груди девушки. Резким движением провернул сталь в смертельной ране, не давая мышцам сомкнуться, обхватить лезвие, затрудняя обратный ход, и чуть повернулся влево, ко второй спутнице. Осевшая в этот момент на опаленную атомным огнем землю Зоя все еще продолжала существовать, удар в сердце мгновенной смерти не вызывает, но сознание уже начало покидать тело агентессы, до обратного перехода грешной души в Преисподнюю оставались считанные минуты.

Вторым ударом, спокойно и деловито, Симон заколол так ничего и не понявшую за эти минуты Маринку. Извлек из кармана пиджака носовой платок, привычно и тщательно протер окровавленное лезвие, рефлекторно хотел, было, вернуть его на положенное место – в трость, но остановил себя, просто воткнул клинок в землю, положив рядом тайные ножны, после чего торопливо, но старательно, не жалея обуви и рук, закрыл выход из подземного потайного хода, присыпал его горячей землей и на полминутки остановился, отдыхая, равнодушно посматривая в сторону грозно клубящегося безумной внутренней силой атомного гриба.

«Ну, что же, теперь пора и мне, – подумал Симон, сдвигая кончиком лезвия краешек жилетки и безжалостно прорезая при этом рубашку. – Эх, вспомнить бы что-нибудь, подходящее случаю...»

...грешная душа, лишенная тела, осознала себя после стремительного и короткого полета... мужчина медленно привстал на колени, деловито, привычно огляделся... рядом, пыхтя и отдуваясь, приподнимались на локтях Зоя и Маринка: одна в короткой юбчонке, черных чулках и серо-жемчужной, порванной на спине блузке, вторая – лишь в черном долгополом плаще на голое тело, позаимствованном у кого-то во время вакханалии и паники в монастырском подвале, и так же аккуратно разорванном тонким, узким лезвием напротив левой лопатки. Вокруг них расстилалась огнедышащая холмистая равнина с далекой, но ощутимо даже на таком расстоянии пышущей жаром горой-вулканом. Будто подсвеченная изнутри угольно-красным, невнятным пламенем, земля потрескивала, обжигая ладони, воздух Преисподней, привычно врывающийся в легкие грешных душ, был горячим и сухим.

Поднявшись на ноги и привычным, хотя и излишним жестом

отряхнув абсолютно чистые брюки, Симон подумал, что церемония встречи грешных душ в Преисподней не меняется, и, кажется, бесам, полубесам, а уж тем более, бесенятам совершенно все равно, в который раз человеческая душа прибывает сюда – на, якобы, вечное пристанище. Пospешившая подняться вслед за мужчиной Маринка выглядела взъерошенной и смертельно испуганной, как воробей под дождем, еще бы – в первый раз картинка горящей изнутри земли, текущих по склонам горы лавовых огнедышащих потоков, струйки пахнущего серой дыма, выбивающегося из трещин то тут, то там, производила на грешную душу гнетущее впечатление. Впрочем, не только на вновь прибывшую – Зоя тоже не испытывала особого восторга от своего повторного возвращения. Теперь уже бывшая напарница, привлекая внимание, тронула легонько за локоть Симона и хрипловатым, будто сорванным от крика голосом спросила:

– Как же так получилось-то? почему...

Но недоумевающие слова её утонули в поистине демоническом гулком реве:

– Оставь надежду, всяк сюда...

Перед троицей грешных душ, из ниоткуда, возникла громада багрово-красного исполинского порождения Преисподней – с длинным, подвижным и гибким хвостом, оскаленными зловещими клыками в огромной алой пасти, с угрожающими трезубыми вилами, зажатыми в могучей мускулистой лапе...

– Тьфу на вас, нашел перед кем корячиться, – так же неожиданно, как начал свой монолог, сменил тон демон. – Вы же свои...

И грандиозная, полная потусторонней мощи и мистического ужаса фигура его начала стремительно съеживаться, через мгновение превратившись в простенького, лохматого бесенка с обыкновенной алюминиевой вилкой в маленькой, заросшей шерстью лапке.

Окончательно выбитая из состояния хотя бы такого шаткого равновесия внезапным превращением грандиозного демона в мелкого бесенка, пылающей земли в ровным синевато-белый мраморный пол, и бескрайней багровой холмистой равнины в необъятный подземный зал, аккуратно облицованный мраморной плиткой, грешная душа Маринки изо всех девичьих силенок прижалась к Симону, ухватила судорожно за мужской локоть, пытаясь нащупать хоть какую-то точку опоры в такой странной, нелепой и неожиданной Преисподней.

– Вы это... того, не обостряйте, ладно? – попросил совсем уж жалостливо и растерянно бесенок, почесывая вилкой лохматый лоб. – Я ж тут на дежурстве, положено так всех встречать, а про

вас не предупредили...

Симон чуть брезгливо оторвал от своего локтя заходящуюся в душевной панике Маринку, собираясь ответить нечистому что-нибудь язвительное, отвести хоть словесно на нем душу, но – не успел.

Прямо из мраморной стены совсем неподалеку от сошедших в Преисподнюю проявился... бес – в строгом деловом костюме, правда, теперь уже темно-синей, глубокой, сочной расцветки, при строгом, однотонном галстуке, с блеском золотого колпачка авторучки в нагрудном кармане пиджака. Багрово-черные глаза на грубоватом, будто вырезанном из камня, лице нечистого смотрели на трагикомичную мизансцену недовольно и строго.

– Значит, не предупреждали тебя? – ласково и зловеще, как умеют это делать только очень большие начальники, переспросил бес лохматенького подчиненного. – На дежурстве, значит? Принимаешь грешные души, как положено?..

– Ай-яй-яй, ваша милость, – неожиданно заголосил тоненьким голосочком бесенок, как нищий, изгоняемый с паперти. – Не виноват, ей-ей же, не виноватый я! Оттуда, с этого Отражения, сейчас такая бездна грешников валит – просто страсть... не успеваем принимать, замотались совсем, замаялись...

Но бес уже не смотрел в сторону лохматого, коротким, очень решительным жестом, отнюдь не располагающим к оправданиям, заставив подчиненного исчезнуть с глаз долой, в буквальном смысле – раствориться в мраморных плитах пола. Теперь все внимание высшего нечистого переключилось на тройку грешных душ, и от внимания этого Маринка постаралась, как можно незаметнее, спрятаться за спину Симона, а пожившаяся под пристальным бесовским взглядом Зоя не сдержалась и буркнула через силу:

– Ну, здрасте опять, наше вам, как говорится...

На несколько минут воцарилось ледяное, как Антарктида, молчание. Глаза беса, только что проворные и полные обжигающих мыслей, застыли, как застывает схваченная морозом вода, посветлели до стеклянной прозрачности... насытились пришедшей откуда-то извне информацией, и только после этого вновь засветились бездонной чернотой Преисподней.

– А ты умен, Симон, – чуть снисходительно, но и с каким-то внутренним удивлением, будто и не ожидал никогда такого от простой, казалось бы, грешной души сказал бес. – Догадался и сам спрятаться, и объект уберечь от напасти... и даже задерживаться в грешном мире не стал, несмотря на обещанную увольнительную.

– Увольнительная в радиоактивном мире вряд ли продлится выделенный тобой срок, – бесстрастно покачал головой Симон. – Существование в Преисподней, по моему мнению, предпочтительнее лучевой болезни в её острой стадии.

– Ладно-ладно, – кажется, приходя в хорошее расположение духа, уже совсем добродушно всохотнул бес. – Ты же знаешь, что слухи о творимых нами обманах и прочих безобразиях сильно преувеличены. Пойдем, Симон, поделишься со мной еще кое-какими подробностями прошедшей и акции и...

Бес сделал приглашающий, очень гостеприимный жест в направлении сплошной мраморной стены, но в ответ мужчина даже не шелохнулся.

– Ты перешел на сторону Добра? – иронично поинтересовался нечистый, невольно затоптавшись на месте и чувствуя себя из-за этого некомфортно. – Или ранимая грешная душа не позволяет тебе просто оставить этих девчонок там, где им самое место по совокупности прижизненных заслуг?

Бес вновь, будто выворачивая наизнанку, прошелся черным взглядом по замершим в непонятном, томительном ожидании грешным душам Маринки и Зои. Он явно и откровенно тянул время, то ли для принятия окончательного решения, то ли просто с издевкой наслаждаясь внутренней дрожью молоденьких девчонок.

За спиной одного из высших иерархов Преисподней задрожала, поплыла размываясь, как будто стираемая губкой нарисованная гуашью картинка, мраморная стена, открывая вид на мрачноватый и величественный готический зал. На могучих стенах из плохо обработанных, но тщательно подогнанных бурых и серых камней было развешено ухоженное, поблескивающее острыми и не очень металлическими гранями оружие: прямые, тяжелые, двуручные мечи; длинные, тяжелые и неуклюжие рыцарские копыя; короткие гладиусы римских легионеров; изящные и стремительно хищные сарацинские сабли; двойные, похожие на близнецов, клинки для обоеруких воинов, внешне простые и незатейливые, но страшные и беспощадные в своей одинаковости; длинные широкие кинжалы, поражающие блеском драгоценных камней в рукоятях; больше похожие на спицы, чем на оружие, круглые и тонкие стилеты... В огромном, больше похожем на природную пещеру, чем на творение рук человеческих – или дьявольских – камине жарко полыхали смолистые дрова, наполняя весь зал ароматами сгорающей хвои. На каминной доске страшной, угрожающей коллекцией выстроились выбеленные временем черепа диких животных: вепрей, медведей, саблезубых тигров, львов, слонов, мамонтов,

носорогов, – а завершали эту демонстрацию убийственной мощи два десятка человеческих черепов – с пробитыми висками, разможженными лобными костями, прижизненными повреждениями глазниц...

У камина возвышалось более похожее на трон деревянное резное кресло... и не одно, рядом забрезжило, возникая из ниоткуда, второе, пониже и поскромнее, а следом – совсем низенькая, длинная и грубовато отесанная дубовая скамья.

– Проходите все вместе, – с нарочитой высокомерностью кивнул бес, обращаясь к девушкам. – Но сидите молча, если хоть чуточку мечтаете получить кое-как заработанное поощрение...

Часть вторая.

Наречение Некты

*НАРЕКАТЬ, наречь, или
малоупотр. нарицать, нареци: твер.
пск. нарековать кого или что;
называть, именовать; давать имя,
название, зов, кличку
Толковый словарь Даля.*

Демонстративно – непонятно, правда, перед кем в пустом полутемном гостиничном номере – тяжело и протяжно, негромко, но с чувством застонав, Симон с размаху упал спиной на мягкий диванчик, расчетливо пристроившись головой и плечами в уголок между невысокой спинкой и боковым подлокотником. В крови гудело легкое, бодрящее опьянение, не туманящее мозг, а, как бы, лишь чуть-чуть расслабляя его, заставляя мысли принимать направление несерьезное, игривое, забавное; во рту еще сохранялся привкус ароматной кубинской сигары, в желудке лопались, щедро залитые коньяком, черные зернистые икринки белуги.

И что еще нужно для загадочного ощущения полного счастья?

Отпуск – временное, всего-то на десяток лет, избавление от адских мук, невероятных по причудливости своей заданий, нежеланных, порой мешающих, напарников и напарниц – заслуженный и показательно объявленный, что позволяло избежать пристального и назойливого внимания противоборствующей стороны. Только четвертый год пошел этого отпуска...

Симон прикрыл глаза под неизменными черными очками, одновременно наслаждаясь покоем, сытостью, и будто бы вспоминая уже минувшие отпускные годы. Круглые очки с непрозрачными, будто глухая ночь, стеклами и антикварная, старинная трость с причудливым набалдашником и тонким стальным клинком внутрь – вот и все, что осталось от привычной внешности агента Преисподней. Впрочем, черты лица и телосложение также практически не изменились, разве что – вес, а вот остальное... Симон за прошедшее время отрастил волосы едва ли не до самых плеч – хоть и седина поперла, не такая заметная при короткой стрижке, переоделся, спустя пару лет, из строгого делового костюма в кожаные брюки и грубоватую «косуху» с крупными, белого металла, молниями. Откровенно говоря, такая резкая смена имиджа была всего лишь капризом, не более. Спокойная обстановка выбранного старшим бесом Отражения, доступность любых удовольствий за свои деньги, на которые бухгалтерия Преисподней в этот раз не пожадничала, вовсе не требовали даже минимальной маскировки «под кого-то». Но почти полтора года в благословенном климате океанских тропических пляжей настойчиво потребовали хотя бы внешних изменений, особенно, в компании Маринки – Зоя категорически предпочла отдыхать от адских будней в одиночестве, а вот их

общая случайная знакомая по последнему заданию, видимо, решила держаться поближе к удачливому, знающему почем фунт лиха и не чурящемуся простых удовольствий Симону... Для самого агента такое желание совсем уж юной девушки оказалось достаточно неожиданным, но – они сразу же нашли общий язык и договорились о семейном отдыхе: Маринка, обыкновенно на людях, забавно изображала дочку, а Симон иной раз, в критических бытовых ситуациях, выступал в роли сурового и сдержанного на эмоции отца.

Но и блаженный климат, великолепные пляжи, ночные купания, отличные рестораны, вечные, как сама жизнь, и такие де назойливые полуголые аборигены успели достаточно быстро надоесть. «Хочу осень, – как-то раз заявила Маринка во время чинного семейного обеда в фешенебельном ресторане. – Настоящую, с холодным дождем, опадающими листьями, серым небом в тучах...»

– А потом захочешь зиму? – поинтересовался Симон.

– Наверное, – пожала плечами девушка. – Мы с тобой не островные негритята какие-нибудь, чтобы всю жизни радоваться теплу и солнцу.

– Ну – и ладно, – кивнул агент, соглашаясь. – Мне тоже начинает здесь надоедать от вечных улыбок и какой-то феерической жизнерадостности. Понимаю, конечно, что они – местные – только за счет отдыхающих и существуют фактически, но частенько стало казаться, что мы в большом театре, и все вокруг просто играют навязанные извне роли, а не живут.

– Ты – философ, – засмеялась Маринка. – Вот только – не выбери, пожалуйста, какую-нибудь глухую провинцию, где люди ложатся спать с закатом солнца, а чтобы потанцевать надо отправляться за полсотни верст в соседний райцентр...

– Я не настолько сурового родителя изображаю, – проворчал в ответ Симон, едва заметно улыбаясь.

...коротенькое распоряжение портье в местной гостинице, такси в точно назначенное время, аэропорт с благожелательными служащими, цветами и ароматами тропического острова, длительный, но совсем не утомляющий перелет через полсвета... хорошо, что в этом Отражении широко используются безналичные деньги – создавать бесконечные, неисчерпаемые, виртуальные счета небольшого размера, до полумиллиона в местной валюте, ловкачи-бесы Преисподней научились великолепно.

И вот уже второй месяц «отец и дочь», Симон и Мари Foster, уроженцы другого конца света, но имеющие, согласно документам, здешние, местные корни, наслаждались городской

золотой осенью, шуршащими под ногами листьями, пожухлой травой на газонах скверов и бульваров, паутинкой тонких, едва заметных в небе облаков, дневной прохладой и ожидающимися со дня на день, обычными в это время года, затяжными дождями.

Впрочем, удовольствие они получали не только от климата. В первые же дни пребывания в городе Маринка предприняла длительный загульный рейд по местным злачным достопримечательностям, не опускаясь, правда, до откровенных шалманов и низкопробных заведений, типа, опиекурилен и наркоманских притонов, а предпочитая грешить в компании достаточно известных и богатых людей, выбирая из них того, кто помоложе, иной раз наслаждаясь откровенным стебом над местной «элитой», а иногда пускаясь во все тяжкие в наполненном интригами, завистью и неподдельной злобой друг к другу обществе «золотой молодежи». Впрочем, девушка, несмотря на молодость, оказалась достаточно разуменькой и отлично помнила, что смерть по зависимым от нее обстоятельствам – как-то, передозировка наркотиков, ссора с применением оружия, тяжелые болезни и прочее, и тому подобное – влечет за собой прекращение отпуска и досрочное возвращение в Преисподнюю, с которой её, хоть и поверхностно, успел ознакомить один из мелких бесят во время краткого пребывания на том Свете.

Симон же разгулу плоти, азартным играм и прелюбодеяниям предпочел скромные по сути своей грехи чревоугодия и гордыни, едва ли не ежедневно посещая самые фешенебельные и чопорные заведения в центре города: одетый в черную грубую кожу, ведущий себя в меру вульгарно, чтобы шокировать окружающих, заказывающий сумасшедшие изыски кулинарии и самые дорогие напитки, половину из которых он оставлял на столе недоеденным и недопитым.

И сегодня, вернувшись после озорного «хазарского набега» на роскошный ресторан в двух кварталах отсюда, развалившись на мягком диванчике в гостиной огромного номера с кабинетом, двумя ванными комнатами, отдельными спальнями – хотя Маринка все равно предпочитала просыпаться рядом, ну, или, по крайней мере, в той же постели, в которой спал её нареченный родитель – Симон намеревался слегка вздремнуть перед возможным ночным вторжением невольной «родственницы», возможно, с подругами и друзьями, которые, если и не вовлекут его в свои грешные безобразия, то уж поспать нормально – точно не позволят. Впрочем, Маринка своего спутника такими развлечениями не часто забавляла, очень тонко, по-женски, понимая, когда тому это не понравится, а когда – разврат и пьянка придутся очень кстати для соскучившегося по женскому

телу и непутевым подружкам на пару часов агенту Преисподней.

Внезапно вместо ожидаемого шлепанья разношенных кроссовок за дверью – названная дочка терпеть не могла модельных туфелек, высоких каблуков, всегда имея при себе в таких случаях сменную обувь и частенько возвращаясь в номер в вечернем, изысканном платье, дорогом, старинной работы, колье с изумрудами и стареньких кроссовках, так удобно и приятно сидящих на ноге – в гостиной раздался сперва тихий, но с каждой секундой усиливающийся, превращающийся в угрожающий, похожий на рык голодного хищника, раскат грома. Удивленный Симон раскрыл невидимые под стеклами очков глаза... в ноздри ударил явственный запах серы, горелой изоляции и еще чего-то не менее отвратительного. И у небольшого журнального столика в противоположном углу комнаты начала стремительно возникать из ниоткуда громоздкая, могучая фигура демона – с массивными рогами, упирающимися в потолок, с огненно-красной, бугристой кожей, горящими кровью глазами и непременно хвостом, нервно дергающимся между мощных ног, оканчивающихся раздвоенными копытами.

«Это еще что за чудо природы...» – успел мельком подумать Симон, как демон стал преображаться, уменьшаясь в размерах, меняя багровые и алые тона «боевой раскраски» на спокойные, буро-зеленые и синеватые, дезодорируя помещение сильным и приятным запахом хвои и резко уменьшая грозовое громохание до звуков простой речи.

– Покорнейше прошу простить, ваше превосходительство...

На месте грозного представителя потусторонних сил, властного, полного злых сил Преисподней демона в гостиной номера стоял, старательно изображая растерянность и некую почтительность низшего перед высшим довольно-таки тривиальный бес-куратор этого Отражения, лично Симону неизвестный, но об отдыхающих в подвластном ему пространстве грешных душ, разумеется, осведомленный.

– Маляр я, ваше превосходительство, – серьезно заявил бес, почувствовав недоуменный взгляд агента на своем буро-зеленом рабочем комбинезоне, заляпанных разноцветными красками растоптанных сапогах и испачканных явно побелкой небольших рожках. – По призванию и от всей души – маляр. Конечно, в свободное от основных обязанностей время. Но – вашему-то превосходительству известно, что время – это такая хитрая штука, его можно и потерять, и собрать, и растянуть, и сжать...

– Надеюсь, ты с такой помпой явился сюда не для того, чтобы обсудить метафизические свойства времени? – с тревожной иронией поинтересовался Симон. – И что это за

«превосходительство»? Можно подумать, ты не знаешь, кто я и моя спутница на самом деле.

– За явление в таком образе приношу свои глубочайшие извинения, – полупоклонился бес, и вышло у него это совсем некуртуазно, угловато, по-деревенски, как кланяются, обыкновенно, деревенские простолюдины перед дворянами. – А кроме «вашего превосходительства» – как же мне обращаться, если явился я с просьбой?

«Просьба – от беса? – еще больше удивился и насторожился агент, памятуя о том, что даже самые маленькие и низшие бесенята в Преисподней от рождения своего – хотя, было ли оно таковым, как у людей? – числятся выше и значительнее грешных душ, даже оказавших старшим бесам иной раз неоценимые услуги. – Такого на моей памяти еще ни разу не было – чтобы просили... ох, не к добру это, не к добру...»

О возможно утраченном с этой минуты отпуске Симон даже не стал горевать, вполне возможно, что в такой ситуации можно было лишиться и чего-то более существенного.

– Ты бы не причитал, Артифекс, как нищий на паперти, – грубовато посоветовал Симон, усилием воли заставляя себя лежать в прежней позе. – Изложил бы свое дело, да и ...

Агент покрутил в воздухе кистью руки, изображая нечто среднее между «там подумаем» и «выметайся отсюда, пока цел». А бес, шагнув поближе к возлежающему на диванчике агенту Преисподней, со вздохом сказал:

– Вот потому и не знаю, как к делу-то подступить, ваше превосходительство. Знаю – на отдыхе вы, в отпуске законном в знак высочайшей благодарности и признательности ваших заслуг перед Темными Силами, в целом, и высшими иерархами, в частности...

– Ну-ну... – подбодрил застенчивого беса агент, чуть выпрямляясь, полусадясь на диванчике. – Я тебя слушаю очень внимательно, но обещать заранее, сам понимаешь, ничего не буду, нет у меня такой привычки – авансы раздавать...

– Не надо, не надо, – взмахнул плохо промытыми от масляных красок, папахивающими скипидаром лапками бес. – Не надо авансов, не надо обещаний. Тут ведь дело-то какое... значит, прилетает сегодня, да, кажись, уже прилетел, в город один человек. Ну, не сказать, чтобы мой, но душа его – наша, темная и грешная до самых потаенных закоулков. Осталось лишь дожждаться его смерти... я-то думал – нескоро это будет, человек этот здоров, и о себе заботится – другим у него этому поучиться надо. Но вот, на всякий случай, вскользь, глянул я в будущее... понимаю, что без высочайшей санкции нельзя, но... слишком уж

мелким мне это показалось, я же не про все Отражение узнать хотел, лишь чуть-чуть про этого человечка...

«Хоть немного становится яснее, – усмехнулся про себя Симон. – Похоже, бес решил какую-то интригу в этом Отражении замутить, а высшее свое начальство не предупредил, думал – все получится, так и будет он «на коне», победителей не судят, а обычно премируют, но вот что-то сорвалось у него, теперь боится гнева высших бесов или еще каких последствий не только для себя лично – для всего Отражения тоже».

– ...а вот тут – беда, – продолжил Артифекс, прижимая сложенные ладони к груди над жиденькой, растрепанной, козлиной бородачкой с неперенными следами засохшей краски. – Очень плохо. Этого грешника совсем скоро убьют вместе со всеми его сопровождающими... сорвется то дело, за которым он, вообще-то, в город и приехал. Да это не страшно, сорвется сегодня, получится завтра, а вот вся печаль в том, что не могу я увидеть тех, кто грешника этого остановил на его земном пути.

Бес, выговорившись, тяжело вздохнул и буквально повесил голову, упершись в грудь подбородком. Пауза чутков затянулась, похоже, куратор ожидал от Симона принятия немедленного решения, даже толком не уточнив, собственно, его задачи, роли в начинающейся игре. Но вот агент не торопился кидаться с головой в мут непонятного...

– Продолжай, – поощрительно кивнул бесу грешник на отдыхе. – Ты ведь еще кое-что знаешь или просто догадываешься, иначе курировал бы не Отражение, а пяток котлов с кипящей смолой или шеренгу висельников в Преисподней.

– Догадываюсь, – покорно согласился бес-маляр, умело пряча глаза. – Догадываюсь, что тут нечисто. Или кто-то из наших свою лапу приложил, чтобы мне насолить, подпортить, так сказать, репутацию, но и это бы еще полбеда...

Куратор исподтишка огляделся, будто высматривая в гостиничном номере подслушивающих или подсматривающих шпионов, и совсем уж понизил голос:

– ...совсем плохо, если тут замешаны существа из Верхних сфер... ну, ты догадываешься, о ком я...

– А вот это уже интересно, – бодро, будто и не он только что валялся в нирване, выпрямился, усаживаясь на мягких диванных подушках, Симон. – И с чего ты взял, будто судьба отдельно взятого грешника интересует ангельские сферы? И именно здесь и сейчас?

– Не просматривается будущее, что грешника вот-вот убиенного окружает, – признался бес. – С ним-то конкретно все видно и понятно, а чуть в сторону – и туман этакий висит, серость

и мгла сплошная, не видно, не слышно – ничего. Наши, знаю, умеют такой туман напускать, но только или кто из высших, или уж – совместно, бесов пять-шесть. Врагов-то у меня среди своих немного, я в важные не лезу, место свое знаю и блюду, но, может, кто решил через меня начальству непосредственному насолить или еще какую интригу разыграть.

«Где такие злые бесы, что чуть друг друга не едят...» – вспомнились агенту Преисподней давние строки шуточной песенки, слышанной, кажется, еще при жизни, но вслух повторять их он не стал, не время портить отношения с местным куратором, да и смысла особого в этом нет.

– Сам ты в эту кашу лезть не хочешь, заметно это будет слишком, – задумчиво проговорил Симон, машинально похлопывая себя по животу. – А подходящих грешных душ из временно живущих у тебя, думаю, здесь просто нет.

Бес покорно и чуть униженно вновь склонил голову, подтверждая слова и мысли агента. Продолжая размышлять, агент Преисподней поднялся с места и прошел от диванчика до широкого, наполненного светлой городской ночью окна, одновременно прислушиваясь к происходящему в коридоре гостиницы – не хватало еще объяснять не вовремя объявившимся подружкам или друзьям Маринки наличие в номере ночного маляра, особенно, если учесть, что «золотая молодежь» и слова-то такого, скорей всего, не знает.

– Я еще ничего не решил, – строго предупредил Симон, поворачиваясь лицом к бесу-куратору. – Тем не менее, показывай, кто у тебя там помереть-то должен вскорости...

– Если уже не помер, – беспокожно уточнил Артифекс, деловито доставая из кармана комбинезона плоскую склянку с пристроенным к ней старинным пульверизатором в сеточке.

– Забавное у тебя устройство, – кивнул агент на парикмахерскую принадлежность в руках беса-куратора.

– Да я не поп, ваше превосходительство, чтобы кадилом здесь размахивать, чтобы туману напустить, – огрызнулся, но все еще почтительно, Артифекс, направляя горловину склянки на пустеющую стену позади себя и усердно работая пульверизатором так, что мелкие, едва заметные в полутьме гостиной брызги образовали небольшое, но плотное и почему-то не рассеивающееся облачко, постепенно расползающееся вдоль стены и образуя некое подобие экрана...

...и поздним вечером, почти ночью, зал прилетов гудел множеством голосов и жил вполне энергичной, не затухающей ни на секунду жизнью, пусть и количество прибывающих сейчас самолетов значительно уменьшилось по сравнению с дневным

временем.

Кто-то еще только забирал свой багаж с длинной ленты транспортера, кто-то уже тащил чемоданы и сумки к выходу с помощью встретивших их друзей или носильщиков в ярких желтых форменных жилетах с логотипом аэропорта на спине, кто-то, нервно теребя букетик цветов, прохаживался у огромной стеклянной стены, сквозь которую отлично было видно ярко освещенную стоянку такси прямо перед зданием и гораздо более обширное, чуть затененное, но все равно хорошо просматриваемое охраной место для частных автомобилей.

Среди беспорядочно, но очень целеустремленно перемещающейся с места на место толпы народа, кажется, совсем не выделялась довольно экзотическая парочка: мужчина лет тридцати, высокий, широкоплечий блондин, явный потомок викингов с грубоватыми чертами лица, короткой стрижкой, одетый в модный пестрый пиджак и нейтральные черные брюки и его спутница – совсем маленькая, мелкая рядом с ним, худенькая, но энергичная, живая девушка лет на пять-шесть помоложе, с классическим карэ темно-русых волос, в зеленоватом комбинезоне на молниях, почти безо всяких женских украшений, кроме единственного колечка на среднем пальце правой руки, в удобных и практичных туфлях без каблука, делающих её еще меньше ростом. Девушка, как и полагается особам её возраста, мило и непрерывно что-то щебетала, старательно, иной раз на цыпочках, дотягиваясь до уха спутника, а викинг многозначительно помалкивал, изредка улыбаясь в ответ на требующую его реакции фразу.

– Из молодых, да ранних, вертится среди анархистов всех пошибов, посещает собрания социалистов-экстремистов, заглядывает в «Профсоюз наемников», – сухо перечислил достижения девицы высокий, костлявый мужчина в хорошем костюме, вальяжно развалившийся в рабочем, жестком креслице у экрана камер наблюдения за залом прилетов на втором этаже аэропорта.

Это был один из самых известных людей во всем Департаменте Безопасности, ходячий архив, обладатель уникальной памяти, на время операции прикомандированный ко Второму бюро Департамента – Туган Хаков, то ли натурализовавшийся перс, то ли давным-давно обрусевший туркмен.

За его спиной, внимательно наблюдая за происходящем в зале, то и дело переводя взгляд с экрана на экран – всего их в комнате наблюдения было четыре – обосновался на высоком, неудобном стуле руководитель бюро полковник Манохин, на остальных наблюдательных постах сидели только его подчиненные, на время

вытеснившие в местный буфет аборигенов – охранников аэропорта.

– Всем особое внимание! – скомандовал невзрачный, сухонький и невысокий, с армейской, аккуратной стрижкой пегих жиденьких волос полковник. – Похоже, эта парочка встречает наш объект, иначе зачем им тут толкаться на ночь глядя?

Задавать вопросы Хакову по поводу спутника девицы полковник не стал, раз архивариус ничего не говорит, значит, викинг не успел отметить в делах Департамента, да и в громких делах уголовной полиции – тоже.

Где-то далеко-далеко, едва слышный в комнате наблюдения прозвучал звонкий голос молоденькой дикторши, объявляющий прибытие очередного рейса и тут же над дверями вспыхнул яркий, привлекающий внимание транспарант, оповещающий по обыкновению дежурную смену охраны о прибытии транзитного борта из Гамбурга через Прагу и далее следующий на восток после недолгой стоянки для дозаправки.

Наблюдающие за залом прилета оперативники невольно прильнули ближе к экранам.

А викинг со своей говорливой спутницей двинулся к декоративным барьерам из хромированных столбиков с натянутыми между ними бархатными, ало-золотыми канатами, ограждающим неширокий коридорчик при спуске с эскалатора прибывающих пассажиров. Выходящих было немного, основная часть транзитных пассажиров направлялась в сопровождении стюардесс в особый зал, не имеющий сообщения с другими помещениями аэропорта. Первыми на ступеньках эскалатора появилась парочка индусов – он и она – в просторных, балахонистых одеждах, с застывшими улыбками на темных лицах, видимо, просто атрибутах приветливости. Следом буквально сбежал, обгоняя гостей города явно местный житель, вернувшийся домой – его сразу за ограждением ждали жена, теща, дочь-подросток и, похоже, кто-то из друзей-сослуживцев.

А следом появился – он. Высокого роста, крепкого телосложения, как пишется – и совершенно справедливо – в ориентировках. Короткая стрижка серо-седых волос, глубоко посаженные, внимательные глаза, неторопливые движения, в которых опытному человеку сразу же видится грация жестокого смертельно опасного хищника. Черный костюм с синеватым, металлическим отливом, дорожная, голубая рубашка без галстука, короткий плащ, перекинутый через руку. Маркус выглядел слегка утомленным перелетом и поздним местным временем, но одновременно казалось, что это игра, простые притворяшки, в которых солидному путешественнику и положено

так выглядеть.

На встречающих, если, конечно, учесть, что викинг и болтуня ожидали именно его, хищник не обратил ни малейшего внимания, равнодушно продвигаясь вперед, к выходу из здания среди радостно-встревоженной, суетливой, пусть и неплотной, но все-таки толпы встречающих и встреченных. Следом за ним, будто две тени, двигалась парочка классической азиатской внешности: узкие, раскосые глаза, широкие скулы, тонкие губы, прямые, жесткие волосы, смуглая, с желтоватым отливом кожа, полусжатые, готовые к работе кулаки, написанное на лицах-масках чуть презрительное равнодушие к окружающим... мужчина и женщина отличались от большинства китайцев, японцев и иных представителей своей расы, пожалуй, лишь высоким ростом. Одетые в одинаковой расцветки и покроя, на вид деловые, но излишне свободные, не стесняющие движений, костюмы – женщина тоже в брюках – азиаты были похожи друг на друга, как близнецы и лишь немногие привычные к узкоглазым лицам могли бы отличить их с первого же взгляда.

Именно к ним и направились опознанная архивариусом балаболка и её спутник, и встреча их походила на долгожданное свидание старых, давно не видевшихся друзей.

Викинг быстро и сильно пожал руку слегка скривившему в улыбке губы азиату, коротко кивнул его спутнице, а девушка в комбинезоне, не переставая болтать что-то радостное, слегка восторженное, едва не подпрыгивая, полезла обниматься и целоваться к обоим.

К сожалению, узконаправленных микрофонов установить не успели, да и трудновато было покрыть ими все обширное помещение зала прилетов, потому никто из сидящих за экранами в комнате наблюдения не слышал, как болтающая без остановки девушка в промежутке между: «Ах, как мы рады... давно мечтали увидеться... неужели вы в самом деле... как вам наши самолеты... не правда ли – комфортно и недорого...» прошептала едва слышно, но четко и внятно:

– Маркус берет такси, наша машина третья на стоянке, пароль – по договоренности, ваша машина – темно-синий «Балт» 14-82, наша – черный 16-45, вы идете последними, отель «Две звезды», ориентируетесь по дороге...

Незаметно для постороннего взгляда, но очень ловко, профессионально, что даже невольно восхитило наблюдающего за ними полковника, прилетевшие азиаты и встречающие их местные взяли поименованного Маркусом в полукольцо, при этом постоянно меняясь местами, перемещаясь вокруг объекта в непрерывном странном хороводе охраны. Процессия неторопливо, но

неотвратимо приближалась к выходу из здания – огромным стеклянным дверям со встроенным фотоэлементом – и полковник уже отдал распоряжение группам поддержки на восьми автомобилях быть в полной готовности, наверняка, Маркус и его сопровождающие не пешком пойдут в город, как вдруг спокойное течение событий будто взорвалось маленьким, курьезным эпизодом.

Неизвестно откуда появившийся, очень похоже – перепутавший зал прилетов с залом отлетов нелепый пассажир – невысокий, худой, нескладный, в пиджаке с коротковатыми рукавами, не первой свежести клетчатой рубашке под ним, в брюках-дудочках, лет двадцать, как вышедших из моды, в круглых очках-велосипедах и с вихрастой рыжей шевелюрой, виновато улыбаясь и непрерывно кланяясь задетым им людям, тащил за собой огромную сумку-тележку на разболтанных колесиках и – буквально врезался в Маркуса, рассеянно отвлечись перед этим на порцию очередных извинений перед пострадавшим от его неуклюжей сумки.

Несмотря на легкую, казалось бы, отстраненность во взгляде и движениях, встречаемый с таким бережением Маркус отреагировал на возникшую на пустом месте неприятность молниеносно, легким движением отстранившись от неуклюжего пассажира; похоже, наблюдаемый Вторым бюро гость города был готов к любому сюрпризу, а четверка его сопровождающих мгновенно блокировала виновника происшествия... но дальнейшего, возможно, криминального развития ситуация не получила. Вымученно улыбаясь, кланяясь и говоря какие-то нелепые слова искреннего раскаяния, рыжий то ли вечный студент, то ли рассеянный младший научный работник, то ли просто неудачник в жизни с явным нелегким усилием поволол дальше свой груз, а Маркус продолжил путь к выходу, вполне удовлетворенный тем, что ситуация не вышла из-под контроля и не привела к даже к маломальским неприятным последствиям.

– Был контакт? – тревожно спросил полковник Манохин, на какое-то мгновение расслабившийся, упустивший детали происходящего на экране.

– Кто ж его знает, – вяло и неубедительно ответил один из наблюдателей через плечо, по-прежнему не отрывая глаз от изображения зала прилетов. – По мне, так не было. Объект ушел от контакта. Да и как ловко ушел... Но – чем черт не шутит, пока бог спит...

– Кто это? – нервно одернул полковник молчащего архивария.

Тот сосредоточенно наморщил лоб, вспоминая, но выдал «на-гора» лишь невнятное:

– Надо бы уточнить в сыском Управлении, кажется, несколько лет назад этот тип мелькал в каких-то ориентировках...

«Чтобы этого рыжего забрали к себе все известные демоны», – втиевато выругался про себя Манохин, стараясь выглядеть спокойным.

– Две машины и бригаду – за ним, – распорядился начальник Второго бюро, разумно предполагая, что сразу, с самолета, Маркус не займется излюбленным делом – истреблением неугодных его заказчикам персон, а сперва разместится в какой-нибудь гостинице или на конспиративной квартире и, лишь отдохнув, примется за работу. – Выяснить всё, что возможно, ничего не предпринимать, доложить и ждать указаний...

– Принято, – кивнул один из оперативников, исполняющий роль адъютанта и офицера связи и тут же, чуть отступив к стене, принялся бубнить, наговаривать полученное распоряжение в небольшой прямоугольник мобильной рации.

Отдав нужное распоряжение и этим слегка успокоившись, полковник Манохин все внимание переключил на покидающих зал прилетов Маркуса с сопровождением.

...– Странно, этот зал совсем не похож на тот, через который мы проходили сразу по прилете в город, – задумчиво сказал Симон, беря паузу на обдумывание и сознательно провоцируя беса на некие, мало что значащие, но, может быть, именно этим и ценные пояснения и оправдания.

Так оно и случилось, как задумывал агент Преисподней.

– Однако, ты, ваше превосходительство, считаешь, что в таком большом городе всего один аэропорт? – не сдержался, съязвил Артифекс, всплеснув руками. – К твоему сведению – их здесь три, а я, должен заметить, не отслеживал ваше прибытие специально, а тактично отвел в сторону глаза и притушил собственное любопытство. Сам понимаешь, вы – грешники не простые, отдыхающие с высокого, так сказать, соизволения, и ведете себя прилично, специально неприятностей не ищите, так к чему мне было терять время и силы на контроль именно за вами?

– Не кипятись, бес, – спокойно посоветовал головой Симон, старательно не обращая внимания на всплеск эмоций собеседника. – Не о простой грешной душе ты печешься, раз за ним такой контроль и от тебя, и со стороны местной Безопасности. Тем более, тебе надо не просто узнать, кто убил, а вычислить стоящих за убийством заказчиков, тех самых, которые напустили туман неопределенности в прогноз развития реальности...

Бес слегка пожал плечами и развел в стороны руки, из

которых волшебным образом исчезла в кармане комбинезона склянка с пульверизатором, всем своим видом показывая, дескать, кто сказал, что будет легко? было бы легко, справился сам, не прибегая к помощи отбывающей наказание в Преисподней и лишь временно отпущенной в этот мир грешной души.

– Но помогать мы друг другу должны, – приподнял ободряюще левую бровь над дужкой очков агент. – Так ты говоришь, душа этого человечка с телом вот-вот расстанется, если уже не рассталась? Тогда надо бы мне в тот отельчик заглянуть, как он именуется? «Две звезды»? кажется, это совсем недалеко отсюда...

Облегченный вздох беса-куратора, наверное, могли услышать и в самых потаенных глубинах Преисподней, если бы не один, омрачающий потустороннее счастье нюансик, о котором, даже в порыве ликования Артифекс забыть не смог:

– А что же с ценой вопроса? Мне не хотелось бы оставаться в неоплатном долгу перед такой благородной душой...

Симон искренне рассмеялся.

– Давненько так меня не именовали, – самодовольно ответил он, снимая куртку-косуху и небрежно забрасывая её на диванчик. – Ты справедливо заметил, что в долгу быть нехорошо, так что теперь с тебя, бес, три желания, как в любой нормальной сказке. Всего лишь три желания, в пределах этого Отражения, и ничего неисполнимого, завышенного, нереального, а уж тем более – финансового, мне не нужны горы золотых монет, фамильные пирамиды, уникальные бриллианты или тысячи наложниц. Конечно, ты понимаешь, что долговые желания не будут относиться к разрешению текущей проблемы, но все-таки напоминаю об этом. И еще лишь одно маленькое условие: эти желания распространяются и на мою спутницу. Понимаешь, раз уж мы вместе, возможно, придется и её к делу привлечь.

– Я готов, – кивнул с некоторым облегчением куратор, видимо, ожидающий чего-то более серьезного, отягощающего его и без того незавидную в настоящий момент участь, и не удержался от сознательной лести: – И очень надеюсь на вашу, широко известную честность и принципиальность при совершении любых сделок.

– Вот и договорились, – не обращая внимания на «ложку меда» от беса, согласился Симон, доставая из стенного шкафа-купе более скромную и изящную на вид, но тоже кожаную, черную куртку и одновременно критически рассматривая свои ботинки с острыми носами и небольшими металлическими бляхами, размышляя, стоит ли переобуться перед появлением на месте возможного происшествия. – Теперь мне надо бы позвонить

своей «дочке», чтобы мое, возможно, долгое отсутствие не показалось странным. А то ведь, чего доброго, искать начнет, перебаламутит тут всю почтеннейшую публику, девушка, знаешь ли, энергичная и без малейших комплексов, ей – что голой на ежегодном имперском приеме сплясать, что в морду начальнику полицейского отделения плюнуть – легко.

Вернувшись к диванчику и достав из внутреннего кармана кобуху громоздкий телефонный аппарат с гибкой выдвижной антенной, агент набрал знакомый номер, надеясь, что по девичьей рассеянности Маринка не забыла трубку где-нибудь на столике в кафе или в кармане плаща, висящего далеко-далеко, на вешалке в чужой прихожей.

– Алло? Симон – ты? – запыхавшийся голосок девушки, кажется, подтверждал последнее опасение агента Преисподней.

– Да-да, доченька, – соорудив умильную гримасу на лице исключительно ради все понимающего беса, приторным голосом проговорил Симон. – Я тут ненадолго отлучусь по делам, не ищи и не волнуйся, думаю, ты придумаешь, чем заняться и без меня.

– А ты куда? – встревожилась Маринка не на шутку, кажется, даже забыв о предстоящих в эту ночь удовольствиях. – Возвращаешься? Или что-то еще случилось?

– Наш отпуск еще не подошел к концу, – мягко пояснил агент, избегая прямых обозначений реальности. – А буду я здесь же, в городе, подробности расскажу при встрече, это долго, нудно и совсем не для телефона, хотя никаких особых секретов нет.

– Ладно, уговорил, я успокоилась, но все-таки в ближайшее время буду держаться возле гостиницы, чтобы все-таки узнать эти самые несекретные подробности, – изобразив нарочитую бодрость, ответила Маринка.

– Ну, до скорой встречи!

Симон нажал кнопку «отбой» и обратился к бесу с необычной проповедью:

– Удобство современной техники не подлежит сомнению, одна беда – люди так и остаются людьми, даже обвешавшись карманными телефонными трубками, обставившись «умными» вычислительными машинами и предпочитая походу в кинематограф по выходным просмотр того же фильма на лазерном диске дома. Но это просто лирическое отступление. А теперь ты мне расскажешь своими словами, без всякой современной техники и метафизических штучек и эффектов о гибнущей в эти минуты грешной душе. Да, и еще... это принципиально – Второе бюро Департамента Безопасности, а также всяких посторонних личностей, типа городского прокурора и его друзей, бургомистра с соратниками и референтами надо

отодвинуть от расследования этого происшествия, желательно, с момента получения информации о прибытии в город Ворона Маркуса.

– А разве не лучше будет подчинить их, к примеру, тебе, ваше превосходительство? – поморщился недовольный непереносимыми условиями работы агента бес-куратор, переходя на демократичное «ты», но все-таки продолжая величать агента высокопарным титулом. – Сам же понимаешь, корректировка реальности, да еще такая масштабная... Это и шум лишний, да и внимание всех сфер привлекает, что наших, что верхних.

– Можно подумать, ты впервые будешь такое делать в этом Отражении, – чуть заметно поморщил нос в легкой усмешке Симон. – Я же не требую изменения судеб, отсрочки смерти или, к примеру, организации государственного переворота. Пусть опоздает информашка про Маркуса, или нерадивые секретари-референты позабудут бумагу на дальнем углу стола на несколько часов. В итоге – благодаря благословенной бюрократии – весь механизм придет в движение через сутки, что мне и требуется.

– Не хочется, – честно признался Артифекс, потряхивая головой, будто пытаюсь сбить с рожек побелку. – Если шум подыметься, это совсем не ко времени будет. Тем более, я так и не понял, чем тебе эти, из Второго бюро и прокурорских не угодили? Кажется, ты с ними здесь не сталкивался ни разу.

– Не люблю контрразведчиков, под какой бы вывеской они не работали, – честно признался Симон. – И прокурорских, любящих давать указания, не отвечая за результат, тоже. Во всех известных мне случаях от простых полицейских ищек было гораздо больше пользы и меньше публичного шума, а шум ни тебе, ни мне теперь – не нужен в первую очередь.

– Хорошо, отвлеку все их конторы от происшедших событий часов на двадцать-тридцать, – нехотя согласился бес, морщась, как об целиком прожеванного лимона. – Больше незаметно не получится, все-таки, не в Преисподней мы, в живом Отражении среди временно живущих грешных душ. Хватит тебе этих часов?

– Думается, если по максимуму, то даже с избытком, если ты, конечно, не забудешь о моем свободном доступе к полицейским, проводящим расследование, – усмехнулся агент, из-под очков подмигивая Артифексу. – Когда творятся такие дела, и только-только прилетевших в страну иностранных подданных, пусть и четырежды грешных и достойных Преисподней, убивают без видимой причины, время начинает лететь со скоростью света. Итак – слушаю подробности о некоем Маркусе и выхожу...

– ...на тропу войны? – зажимая в руке бородку, хихикнул бес, несмотря на жесткое требование по корректировке реальности,

довольный сложившимся разговором и возможным разрешением ситуации в свою пользу.

– ...на тропу к отелю «Две звезды», – строго уточнил Симон. – Но только после получения от тебя прямой связи.

– Я слышал о твоем тяжелом характере, – печально вздохнул маляр по призванию. – Но, ваше превосходительство, мог бы побереечь мои расшатанные нервы и сказать о прямой связи как-то легким намеком.

Прямая связь, требуемая агентом, фактически давала значительную власть над самим бесом и обыкновенно использовалась старшими по отношению к низшим в сложной иерархии Преисподней. Впрочем, при сложившихся обстоятельствах таковая связь была в самом деле нужна более Артифексу, чтобы не оказаться однажды у разбитого корыта лишь потому, что круглосуточное наблюдение за действиями Симона было физически не под силу занятому и другими, не менее срочными, не терпящими отлагательств делами текущего Отражения бесу-куратору. А печаль Артифекса была, скорее, данью традиции.

– Я и сказал намеком, – улыбнулся Симон. – Просто ты намек не понял, а решил почему-то, что я требую власти над твоей свободой действий в подведомственном мире.

– Эх, умеешь ты перевернуть все с ног на голову и наоборот, – махнул рукой бес. – Я же не против, тем более, за тобой злоупотреблений не водится, ты же не один из миллиардов никчемных грешных душ, а персона известная в Преисподней, облеченная, можно сказать, высоким доверием.

Покопавшись в кармане комбинезона, Артифекс извлек двумя пальцами массивный золотой перстень с сочным, бледно-лиловым, ограненным в виде почти правильного квадрата аметистом и протянул его агенту, предупреждая заранее:

– Достаточно просто посмотреть на камень несколько секунд, и ты меня вытащишь даже из-за мольберта.

– Я работал с личными артефактами и знаю, что это такое, – постарался успокоить беса Симон, и хоть внешне это прозвучало несколько высокомерно, маляр по призванию отлично понял то, что хотел выразить обыкновенными словами непростой грешник. – Теперь – о Маркусе...

В единственной просторной комнате, совмещающей функции гостиной, спальни, кабинета и столовой было темно и тихо, лишь четко пощелкивал, отмеряя секунды, старенький будильник на прикроватной тумбочке рядом с новомодным кнопочным телефонным аппаратом, да мерцал на фоне глухих, кажущихся непроглядно черными, портьер уличный фонарь, из последних сил пытающийся разогнать ночной мрак за окном. В постели, укрывшись общим широким цветастым одеялом, слегка беспокойно, но мирно и привычно посапывали в сладком крепком сне середины ночи двое – мужчина и женщина, по-семейному повернувшись друг к другу спиной, и даже короткий зуммер телефонного звонка, казалось, вовсе не потревожил их.

Мужчина, не открывая глаз и, кажется, не проснувшись вовсе, привычно вытянул руку из-под одеяла, подхватил с аппарата трубку, прижал её к уху, и только после этого его разбудил по обыкновению встревоженный голос оперативного дежурного по сысному Управлению:

– Господин комиссар! Север Михалыч!

– Слушаю, слушаю... – пробормотал хриловато мужчина, стараясь удержаться и не высказаться от души в адрес позвонившего.

– В отеле «Две звезды», который на площади Мельников, там три трупы и...

– ...и без меня эти трупы встанут и уйдут, – окончательно просыпаясь, ехидно добавил комиссар уголовной полиции. – Машину выслали?

– Так точно, минут через десять у вас будет!

– Хорошо, отбой.

Заунывным вздохом разгоняя сон, мужчина опустил на пол ноги, усаживаясь на постели, и оглянулся через плечо на не проснувшуюся, казалось, женщину. «Хорошо, что она умеет не реагировать на ночные звонки», – подумал комиссар, поднимаясь на ноги.

Стараясь ступать потише, он прошел из комнаты в ванную, зажмурился от яркого света над зеркалом, но через десяток секунд преодолел себя, взгляделся в помятое со сна, обрюзгшее пятидесятилетнее лицо с легкой небритостью. Обычно по утрам, наводя марафет перед уходом на службу, комиссар выглядел гораздо моложе своих лет, но вот ночная побудка, да еще и вчерашние посиделки с одним из старинных друзей в компании

развеселившихся жен, показали в зеркале его подлинный возраст безо всякой пощады.

Ополоснув лицо холодной водой и пройдя в маленький чуланчик, оборудованный заботливой и хозяйственной супругой под гардеробную, комиссар быстро и небрежно оделся, привычно игнорируя галстук и строгий костюм. Впрочем, разбуженный среди ночи, он имел на это полное моральное право – в конце концов, его вызывают не «на ковер» к министру, что случалось довольно часто, и не на заседание Государственного Совета, что было в его жизни лишь четыре раза, а всего лишь на очередное криминальное происшествие, коих в городе – легион.

В модных, чуть расклешенных брюках из шоколадного тонкого вельвета, в грубоватом свитере под горло и короткой кожаной куртке Северин – такое имя носил комиссар от рождения – вернулся в комнату. В верхнем ящичке тумбочки, под будильником и телефоном, хранился нелюбимый полицейским табельный пистолет и все реже необходимое ему служебное удостоверение сыскного Управления – в последние лет десять даже туповатые и ретивые в службе новички-патрульные узнавали Северина Фогта в лицо.

– Сева, ты чего по дому шариться? – встретила его, не отрывая головы от подушки, сонным вопросом жена.

– Вызов, – коротко, стараясь не взбудоражить едва пробудившуюся женщину, негромко отозвался комиссар. – Ты спи...

– Я сплю, – охотно отозвалась та, поворачиваясь спиной и предусмотрительно натягивая одеяло на роскошные растрепанные белые волосы.

Северин на секунду задержался, поглядев на бесформенный холмик одеяла: их брак в свое время вызвал слишком много разговоров и пересудов, еще бы, больше двадцати лет разницы в возрасте, новоявленная мачеха была чуть постарше дочери комиссара, и многие недруги, да и просто скептики из числа окружения обоих, пророчили непременно распад семейного союза через пару-другую лет или, как минимум, чисто формальный характер такого супружества. Но молодая Василиса и давно уже немолодой Северин легко опровергли прогнозы самых упорных и злых недоброжелателей. Наверное, это был тот самый случай, когда встретились две половинки единого целого – вечно хмурый, слегка флегматичный прагматик и реалист, до мозга костей проникшийся отнюдь не праздничной и оптимистичной полицейской службой, и веселая, задорная красотка с легким нравом, на людях предпочитающая не особо задумываться о завтрашнем дне. А может быть, их объединила

общая работа на благо правопорядка, хотя в первые же месяцы начавшегося романа мудрая Василиса категорически отказалась продолжать службу под руководством комиссара Фогта, перейдя из уголовного, сыскного в Управление технического обеспечения и криминальных экспертиз.

Комиссар тихонечко покинул единственную комнату квартирки, обулся и вышел в гулкий пустынный подъезд. Кажущуюся неестественной, такую знакомую по частым вызовам живую ночную тишину почему-то совсем не хотелось нарушать механическим шумом, и Северин не стал вызывать лифт, благо, спуститься с шестого этажа для него не составляло труда. У дверей подъезда, освещенных слабенькой, экономной лампочкой свечей на сорок, его ждал, сияя черным лаком в сиреновом свете далеких уличных фонарей, служебный автомобиль – новенькая шведская модель, полученная Управлением при распределении конфиската в наследство от незначительного, но очень любящего внешний шик и пускание пыли в глаза мошенника.

– Ну, и что там случилось? – вместо приветствия спросил комиссар, усаживаясь на переднее сидение рядом с помятым и судорожно зевающим водителем, одним из старожилов городского полицейского Департамента, постоянно работающим с сысным Управлением.

– Здоров, Михалыч, – по-простому отозвался шофер, клацая зубами после очередного зевка. – Поверишь – сам не знаю. Я в дежурке отсыпался, так подняли бессовестно, как самого молодого со всего гаража, и за тобой послали... видать, остальные боятся тебя шибко, когда с спросонья.

Взъерошенный, плотного телосложения старик, которому седые неровно постриженные усы придавали неряшливый, слегка запущенный вид, также, как сам комиссар, пренебрегал полицейской формой, предпочитая высокие сапоги со старыми солдатскими галифе и короткую, до белизны потертую кожанку с тусклым латунным значком имперского орла на левой стороне груди. Лицо его причудливо освещалось многочисленными разноцветными лампочками приборной панели, больше похожей на самый сложный пульт управления фантастическим звездолетом, нежели на привычный автомобильный аксессуар.

– А ты не боишься? – уточнил Северин, демонстрируя на лице суровость.

– У меня отец еще в германскую служил, – засмеялся водитель. – От него смелости перед вашим братом, немцем, и набрался.

– Что я за немец? – повторил бессмертные строки классика комиссар. – Дед был немец, да и тот не знал по-немецки. Куда

ехать-то тебе сказали, а то со мной, видать с перепугу, особо никто разговаривать не стал...

– Ну, как же без этого, – подтвердил шофер. – Вертеп, однако, знатный – этот самый отель «Две звезды», хоть и – чистенький, аккуратный, но – с двойным дном. У хозяев его все свое – и девочки для постояльцев, и охрана, и даже таксёры прикормленные. Серьезных происшествий, сколько служу, не помню, так, обыкновенно, все по мелочи – то карманника сдадут, то горничную вороватую.

«Вот и я тоже не помню, – с огорчением подумал Северин. – Хуже нет, в такое чистенькое и тихое место попасть, в тихом омуте, известное дело, кто водится...»

По ночными, притихшим улицам стремительное движение шикарной казенной машины казалось фантасмагорическим эпизодом сюрреалистического фильма – черный лак, никель, голубоватый свет галогенных фар среди сиреневых и желтых фонарей, погруженных во мрак громадин жилых домов, жестких теней оград и призрачных шорохов городских бульваров и скверов. Даже без использования красно-синей мигалки, предусмотрительно выставленной на крышу салона водителем, забитый обычно в дневные часы многочисленным транспортом путь из пригородного района, где обитал в скромной однокомнатной квартирке комиссар с молодой женой, до центра города, сверкающего ослепительными заманчивыми огнями круглосуточно работающих заведений, занял всего-то минут двадцать вместо привычного часа с небольшим.

Стремительно летящий среди осторожных ночных такси и редких частных машин, будто хищная касатка в мгновенно оскудевшем косяке тунца, черный автомобиль, сбросив скорость, плавно свернул с широкой магистрали довольно-таки оживленного, несмотря на ночное время, центрального проспекта в тихий тупичок, оканчивающийся небольшой площадью, окруженной полутора десятком домов, среди которых яркой неоновой вывеской выделялся «тихий омут» – семиэтажное здание гостиницы, декорированное во время последнего косметического ремонта под старину. Скучающая в самом начале тупика стайка пестро одетых девушек заволновалась, видимо, профессиональным взглядом приметив мигалку на крыше машины, но тут же успокоилась, здраво рассудив, что вряд ли полиция нравов будет разъезжать на таких роскошных автомобилях, да еще и без сопровождения «загонщиков» из числа рядовых охранников правопорядка. И когда комиссар покинул уютный теплый салон, одна из девиц древнейшей профессии то ли в виде наглой шутки, то и в самом деле – знакомая по каким-

то старым делам, игриво помахала Северину ручкой.

Комиссар не стал отвечать, сделав вид, что сосредоточенно рассматривает фасад гостиницы – личность коротко стриженной девицы с сигареткой в зубах и яркой раскраской лица как-то не хотела всплывать в памяти. Дождавшись водителя, бережно замкнувшего дверцы автомобиля, Северин прошел по тротуару к высоким стеклянным дверям, у которых, скучая на посту, уныло переминался с ноги на ногу невысокий, худенький полицейский заспанного вида, правда, мгновенно взбодрившийся и подтянувшийся при виде комиссара.

«Что же там такого случаться могло, если от входа убрали все машины и даже простой уличный наряд для маскировки от вездесущих репортеров сократили до единственного сторожа?» – подумал Фогт, преодолевая незримую границу мгновенно распахнувшихся дверей и тут же убеждаясь в своей правоте еще раз.

С обеих сторон от входа к нему мгновенно двинулись парочка крепких, с серьезными, совершенно не сонными лицами стражей порядка, впрочем, мгновенно отступивших, опознав хоть и чужое, но достаточно высокопоставленное начальство, и еще двое, похоже, местных охранников – высоких, сильных, в строгих вечерних костюмах и при галстуках. На этих незаметно цыкнул появившийся позади полицейских сержант с пышным усами.

– Доброго здоровья Север Михайлович! – поприветствовал он комиссара. – Вот служба-то какая – и по ночам покоя нет...

Но тут же, не отвлекая начальника своим обязательным, потому показавшимся казенным сочувствием, доложил по делу:

– На четвертом этаже все, лифт – вон он, а мы тут пресекаем любые попытки проникновения, что извне, что изнутри.

– А где тут у вас буфетик ночной? – бесцеремонно тыкая пальцем в одного из представителей местной охраны, перебил сержанта водитель и пояснил комиссару: – Хочу кофейку попить, сон прогнать, если, конечно, это мне в здешнем заведении по карману.

Охранник молча указал шоферу на подсвеченную разноцветной гирляндой арку входа в гостиничный бар, а комиссар, коротко бросив сержанту: «Доброй ночи и вам, меня не сопровождайте!», прошел через затененный по ночному времени вестибюль к пяти лифтовым кабинкам, притулившимся в дальнем укромном углу.

Послушный воле начальства сержант остался возле входных дверей, но, тем не менее, находящихся наверху сотоварищей проинформировал о прибытии комиссара, едва только Северин шагнул в зеркальную тесную кабинку. Потому при выходе из

лифта Фогта встретил усиленный пост из пяти рядовых, уличных полицейских из территориального отдела во главе уже с немолодым лейтенантом, за спинами которых маячили, пытаясь не выделяться несколько человек в штатском, а среди них – один из сотрудников комиссара, подчиненный ему напрямую инспектор сыскной полиции Жора Швец: невысокий, щуплый, неброский в любом обществе, но только лишь внешне, отличаясь веселым, чуток разбитным нравом и повадками бывалого, много повидавшего в жизни человека. Впрочем, он умел вести себя при необходимости очень скромно и незаметно и в этом качестве выступал иной раз, как совершенно незаменимый сторонний беспристрастный наблюдатель.

Выставленный импровизированный кордон перекрывал проход в правую – если смотреть при выходе из лифта – половину длинного коридора со полудесятком дверей по его обе стороны, с небольшими эстампами, развешенными на деревянных панелях у каждого номера, с изогнутыми бронзовыми бра, подвешенными под самым потолком.

Комиссар едва успел оглядеться, приметив в дальнем конце коридора распахнутые двери пары номеров и маленькую толчею, созданную парой-тройкой человек возле дверей третьего, соседнего, как мимо полицейских просочился, едва ли не в буквальном смысле этого слова, Жора.

– Доброй ночи не желать, комиссар? – с легкой иронией осведомился оперативник, предпочитающий именовать начальство по должности.

– Чего может быть доброго в такой ночи? – риторически уточнил Северин. – Ты сам-то здесь давно?

– Почти вместе с патрульными, – кивнул в сторону места происхождения Швец. – Так уж повезло, был неподалеку по служебным делам и вот...

– Что тут случилось – расскажешь?

– Если коротко, то пока – три трупа, – вздохнул оперативник, жестом приглашая комиссара пройти по коридору. – Может быть, больше, сейчас собираются вскрывать еще один номер. Хотите приостановить?

– Пожалуй, лучше подождать, если никто не подгоняет, – кивнул Северин. – А кто убит? Как?

Неторопливо вышагивающий рядом с начальником Жора резко ускорился, змеиным зигзагом рванувшись вперед, к столпившимся у дверей в номер оперативникам, бросил им несколько повелительных, резких слов, кивая затылком на комиссара, и так же стремительно вернулся к Северину, сходу продолжая диалог:

– Я поэтому вас и рискнул вызвать, комиссар. Очень уж тут все не просто – и с личностями, и со способом убийства.

Они прошли мимо дверей подозрительного номера и на мгновение остановились перед раскрытыми – изнутри доносился чей-то бормочущий голосок, кажется, монотонно бубнящий протокольные вопросы об имени-фамилии, месте жительства и прочих анкетных данных.

– Прокурорские уже здесь? – на всякий случай осведомился Северин.

– Нет, я просил нашего дежурного, чтобы после звонка вам полчасика выдержал, – показал свою предусмотрительность Жора. – Думаю, минут через сорок-пятьдесят появятся, не раньше, они не так легки на подъем, как вы, а пока можно работать спокойно.

Шагнув через распахнутую дверь, Северин и Жора очутились внутри трехкомнатного номера представительского класса: с изящной, под антиквариат, резной мебелью, удобными мягкими креслами и огромным экраном телевизора в гостиной, с широкой двуспальной кроватью, покрытой чем-то розово-легким и воздушным, назойливо мелькающей через настесь распахнутые двери в спальне, а вот третья комната, видимо, предназначенная на роль кабинета, была плотно закрыта, и именно оттуда доносились невнятные голоса.

– Покойники – там, – кивнул на спальню Жора, и комиссар очень удивился этому обозначению со стороны оперативника, обычно тот называл вещи своими именами: труп – значит, труп, а расчлененка – это всегда расчлененка, как бы потом тщательно не сживал тело патологоанатом.

Из спальни, загоразивая собой надоедливые бело-розовые тона, выглянула лукаво-хмурая физиономия штатного медэксперта, непременного участника работы пятого отдела сыскного Управления на всех серьезных происшествиях.

– О! Север Михалыч собственной персоной! – поприветствовал прибывшего комиссара «доктор мертвецов». – Проходи, проходи, давай-ка, заждались уже...

– И тебе не хворать, Костя, – буркнул в ответ Северин, подозревая, что за таким радушным приглашением патологоанатома стоит какой-нибудь уж очень изощренный способ убийства с последующим разделением тела на части.

Впрочем, специфического запаха крови, остаточных эманаций боли, вони человеческих экскрементов комиссар не уловил – получалось, что расчлененка и прочие придуманные им ужасы тут не при чем?

Прямо на полу, у подножия роскошной, заправленной по всем

гостиничным правилам постели лежала удивительно худенькая, просто – тощая девушка в коротенькой юбочке с приспущенным левым чулком, рядом валялись небрежно брошенные, явно принадлежащие ей же брючки, чуть скомканные, будто только что снятые. «Переодевалась?» – мелькнула мысль у комиссара и тут же ухнула куда-то в глубины увиденного – на голове жертвы не было ни единого волоса, даже бровей и ресниц... и кожа едва ли не светилась то ли высохшая, то ли...

– Ничего не трогал? – на всякий случай спросил растерянный Северин медэксперта и получил в ответ чуть презрительную гримаску, мол, даже и отвечать не буду.

Вторая жертва – молодой, совсем недавно здоровый и сильный мужчина сидел чуть развалившись в маленьком уютном кресле в углу комнаты. Из одежды на нем оставались синие плавки, когда-то, похоже, туго обтягивающие чресла, а сейчас бессильно болтающиеся на бедрах, полурасстегнутая рубашка явно из дорогого магазина и наброшенный на плечи темный, бордовый джемпер, обильно усыпанный выпавшими короткими светлыми волосами.

«И этот переодевался, – вновь подумал Северин, разглядывая гладкий, лысый череп убитого. – Вот такая непонятка выходит...»

– Док, как думаешь – смерть все-таки насильственная? И причина какова? – все-таки пересилил свою мнительность комиссар.

– Знаешь, Михалыч, если бы не эта вот дорогая и стильная обстановка, – начал задумчиво «доктор мертвых» Константин. – Я бы сказал, что оба пациента умерли от скоротечной, острейшей формы лучевой болезни...

– Что? – вздернул головой ошарашенный Жора.

– А что? – пожал плечами в ответ патологоанатом. – Все классические симптомы – на лицо, ну, за исключением обильной рвоты... Кстати, вы не бледнейте оба, я понимаю, один и сам еще молодой, а у господина комиссара жена такая... Про дозиметр я подумал сразу же, фон здесь абсолютно нормальный, хоть и чуток выше обычного, но это, похоже, из-за стен, наверное, гранитом облицовывали.

– Как и кто их обнаружил? – прокашлялся, чтобы не выдать голосом и в самом деле охватившее его смутное, тяжелое волнение, комиссар.

– А вот это самое интересное, – ответил оперативник, охотно возвращаясь от известия о необычности смерти к своему «куску хлеба». – Эта парочка занимала номер уже третьи сутки. Сегодня вернулись сюда после полуночи, я уточнил у портье, это было примерно без четверти час, а где-то во втором часу заказали в

номер шампанское, коньяк, фрукты, сыр. Но все – в умеренных количествах, как бы, на очень легкий и очень поздний ужин. Было это примерно в час пятнадцать, час двадцать пять. После половины второго официант зашел в номер – дверь была открыта, так поступают многие постояльцы, когда не хотят лишнего беспокойства: отвечать на стук и звонки – и обнаружил вот эти тела... со следами, как говорит доктор, лучевой болезни. Хорошо, что в охране работает один из бывших наших, да еще оказался в сегодняшней смене. На пульт дежурного по городу позвонили уже без четверти два, тот перезвонил мне, знал, что я по делу «Потрошителя» нахожусь в этом районе, хотел переговорить с уличными девчонками, но... не получилось, зато – обрел вот такой неприятный хомут на наши шеи.

– С официантом поговорили и отпустили? – уточнил Северин.

– С ним Лапа, то есть, Саша Савельев и сейчас беседует, – Жора кивнул за спину, в сторону прикрытых дверей в кабинет. – Я вам навстречу вышел.

– А это – их заказ? – еще разок кивнул комиссар на небольшой журнальный столик в гостиной. – И в самом деле – скромно для парочки любовников...

На покрытом изящной чеканкой мельхиоровом подносе обозначали спиртное четвертинка отличного коньяка, маленькая, из сувенирной серии, бутылочка шампанского граммов на триста, блюдо – скорее даже просто большая тарелка – с виноградной кистью и парой яблок, блюдечко с десятком разносортных ломтей сыра.

– ...личности установили?

– Пока только по документам, которые они предъявили в гостинице, – развел руками Жора. – Приезжие из Загорья, остановились на неделю, оплатили вперед, хотя здесь цены – ого-го... фамилии разные, дополнительных отметок в удостоверениях личности не было, да и сами ксивы подозрительно свеженькие, будто только-только полученные, на это портье, который их принимал, обратил внимание. Но – сами понимаете, комиссар – времени на доскональную проверку и запросы просто не было...

– Хорошо-хорошо, – кивнул Северин одобряюще. – Этим займемся с утра, а сейчас – соседний номер. Что там и как?

– Там... туда мы уже по собственной инициативе заглянули, дверь тоже была приоткрыта, – признался оперативник. – Там всего один, но... примерно в таком же виде. А в третьем номере...

– Погоди, посмотрю сам, – перебил его комиссар. – Здесь уже криминалист поработал?

– Да тут дело такое, – чуть замялся Жора. – Нашего найти не могут, небось, опять с очередной подружкой развлекается,

озабоченный... а дежурного я просил не присылать, сегодня Ихтилов на вахте, вы же знаете, какое это чудо в перьях, так что – лучше без него.

– Согласен, что лучше, но могли бы и мне об этом пораньше доложить, – выразил неудовольствие Северин. – Захватил бы с собой Василису, ты же знаешь, она умеет собираться по вызову пошустрее некоторых мужчин.

Оперативник только развел руками, мол, накладочка вышла, да и к чему прекрасную женщину по ночам тревожить с такими-то делами, тем более, супругу самого комиссара, хоть и служащую технического Управления, к которому относились криминалисты.

– Ладно, что теперь поделаешь... – махнул рукой Северин, но его перебил, порадовав, «доктор мертвецов».

– А фотографии я успел сделать, – похвастался он, демонстрируя комиссару серебристую компактную коробочку дорогого новейшего фотоаппарата. – Подарок ваш на пользу пошел...

Совсем недавно, на юбилей, Константину Рощому, уважаемому в среде оперативников человеку, сбросившись всем Управлением, сыскари подарили больше похожий на дорогую игрушку, но, как оказалось, отлично функционирующий фотоаппарат, теперь примененный патологоанатомом к вящей пользе дела.

Выйдя из спальни, комиссар на несколько секунд замер в центре гостиной, обдумывая дальнейшие действия, а потом скомандовал:

– Так! Пусть Лапа заканчивает со свидетелем, потом доложит все мне, тогда, в зависимости от результатов, подумаю, стоит ли самому с официантом общаться, а мы – давайте двинемся дальше, в соседний номер, а потом – будем открывать и третий... кстати, Жора, а чем он-то тебя привлек?

– А там, если верить гостиничной регистрации, поселилась парочка, въехавшая вместе с одиноким покойником, – уже на ходу, почти в коридоре, пояснил оперативник, нисколько не заморачиваясь невольным оксюмороном. – Вот я и подумал... ну, а в итоге – на звонки и даже на стук не открывают, хотя при этом из obsługi никто не видел, чтобы они из номера выходили. Если что – извинимся, конечно, за вторжение, но уж лучше так, чем пребывать в неопределенности.

У выхода из лифтов, отлично просматривающемся из коридора, по-прежнему дежурили полицейские в форме, выставленные предусмотрительным Жорой, как щит от любопытных постояльцев, ведущих ночной образ жизни, и возможных репортеров, пока, похоже, не пронохавших о

происшествии. Возле дверей третьего подозрительного номера лениво о чем-то переговаривались коллеги из местного отделения, уже утомленные ночными беспокойствами, но сохраняющие привычно, равнодушное спокойствие не отвечающих за расследование случившегося сыщиков, у которых и собственных, текущих дел предостаточно.

Задержавшись на пороге, комиссар сперва лишь заглянул в номер «одинокого трупа» – практически идентичный только что покинутому, лишь выдержанный более в темно-зеленых и коричневых тонах, начиная с ковров на полу и завершая покрывалами на креслах, диванчиках, постели.

Высокий мужчина с искаженным от боли лицом, такой же высушенный непонятной, молниеносной болезнью, как и только что виденные трупы в соседнем номере, лежал примерно посередине гостиной, странно подогнув ноги, будто смерти застала его в момент движения, и он просто упал на пол, не успев сделать очередного шага. Вокруг его головы, странным нимбом, собрался венчик выпавших серебристо-серых, будто седых волос.

Комиссар шагнул поближе, стараясь вспомнить, мог ли он где-то видеть это лицо, искаженное судорогой боли, неузнаваемое, но тем не менее, чем-то знакомое – в каких-то старых, общих для всей полиции ориентировках, может быть, в телевизоре или просто на улице? Профессиональная память услужливо подсказала, что сыскная полиция не имела непосредственных дел с этим человеком.

– Карлос Мендоза, – подсказал из-за плеча Жора. – В регистрационной книге он так записался, документов мы при нем не нашли, а портье удостоверения личности спрашивает при случае, чтобы не напрягать только-только заезжающих постояльцев. Этот откуда-то из Южной Америки, то ли Парагвай, то ли Эквадор, прямо вылетело из головы...

– Разве вы его не узнали, комиссар? – раздался от порога чей-то негромкий, но властный голос.

Высокий, смуглый от природы и недавнего тропического загара, длинноволосый, с изобилием седины в чуть повлажневшей от ночной уличной прохлады шевелюре, одетый как-то странно для этого фешенебельного места в грубоватой выделки кожаные брюки, короткую куртку и плотный багрово-черный свитерок под горло, мужчина поигрывал старинной, антикварной тростью, будто нарочито демонстрируя полицейским набалдашник в виде львиной головы, профессионально приметливый комиссар разглядел на одном из пальцев незнакомца золотой перстень с камнем, почему-то развернутым внутрь, к ладони, а глаза незнакомца скрывали

совершенно неуместные в помещении, да и в осеннем ночном городе тоже, круглые черные очки.

– Второе бюро? – кисло осведомился Северин, невольно напрягаясь.

Как и везде в грешном мире, полицейские-сыскари недолюбливали контрразведчиков, частенько чуряющихся черновой работы и очень любящих приходить на готовенькое, признавая, правда, за своими коллегами и высокий профессионализм, и более тяжелые, политические аспекты работы. В этом смысле комиссар ничем не отличался от иных сотрудников Уголовного Департамента и сыскного Управления.

– Хотите забрать это дело себе? – вслед за начальником поинтересовался Жора, трудолюбие и умение работать у которого вовсе не граничило с фанатизмом, такое «гнилое дельце» с уже имеющейся тройкой покойников, убитых непонятным способом, оперативник с радостью спихнул бы на любого.

– Ну, что вы, комиссар, – улыбнулся от всей души Симон. – Куда там Второму бюро до меня, они, вообще, не будут вас тревожить во время расследования. Мы могли бы переговорить без ваших сотрудников, если, конечно, вас это не затруднит?

Северин еще разок оглядел незнакомца. На пронырливого репортера, чудом просочившегося через фактически три строгих кордона вокруг места происшествия он никак не походил, да и поведение... чересчур властное, хозяйское. Среди контрразведчиков Второго бюро комиссар такой личности не припоминал, хотя, кажется, знал всех тамошних, волей-неволей сотрудничающих с сыскным Управлением.

– А кто ты такой? – решился влезть «поперед батьки в пекло» Жора, принимая возможный огонь недовольства на себя. – Может, и документики какие есть? Или ты, так сказать, лицо неофициальное?

– Что такое официальное лицо или неофициальное? Все это зависит от того, с какой точки зрения смотреть на предмет, все это условно и зыбко, – Симон, прицепившись к последнему словечку оперативника, позволил себе процитировать классику, лишь исключив имена. – Сегодня я неофициальное лицо, а завтра, глядишь, официальное! А бывает и наоборот. И еще как бывает!

Кажется, комиссар понял агента Преисподней с полуслова, благодаря именно цитате. Впрочем, и Жора особо не рвался напролом, сразу же после заданного вопроса демонстрируя всем своим видом, что это была лишь разведка боем.

– Инспектор, погуляй пока в коридоре, – попросил Северин подчиненного, и оперативник, чуть нахмурившись для вида, с удовольствием выполнил это распоряжение, лезть в дразги с

параллельными структурами, которых в государстве функционировало не мало, Жора совсем не хотел, для таких случаев, считал он, и существует начальство.

– Ну, что же, Северин Михайлович, – сказал Симон после того, как оперативник покинул номер, плотно прикрыв за собой дверь, и тут же, чуть лукаво уточнил: – Или, может быть, просто Северин? Возраст делу не помеха, а молодая любящая жена отнюдь не изнуряет своими претензиями, а лишь добавляет энергии и возвращает изумительные ощущения внезапно возвратившейся юности, не так ли?

Продемонстрировав слегка растерявшемуся комиссару собственную осведомленность вкупе с доброжелательностью, агент перешел к делу:

– Меня зовут Симон, имени достаточно для общения, а прочее – должности, звания, титулы, поверьте, всего лишь мишура и попытка пустить пыль в глаза. Давайте присядем?

Агент первым расположился в кресле у небольшого журнального столика, точно такого же, как в соседнем номере, но здесь украшенного лишь массивной хрустальной пепельницей.

– Так вот, Северин, – продолжил Симон, указывая тростью в направлении лежащего на полу тела. – Это – Маркус. Или Ворон Маркус, как его иногда называют. Человек в определенных кругах очень известный. На мелких кражах и даже крупных ограблениях со стрельбой, убийствами и прочими безобразиями он никогда замечен не был, господин комиссар. Но... Маркус специализируется на убийствах политических. На столь же политических и крайне неприятных диверсиях государственного масштаба. Вот с таким человеком, пусть и после его смерти, вас сегодня свела судьба.

– И кого же такая важная птица, как этот Ворон, собиралась у нас убивать? – поинтересовался с легкой меланхолией в голосе комиссар. – Или взрывать? А может быть, отравить городской водопровод?

– Убить Маркус может... нет, уже мог... кого угодно, хоть члена Государственного совета, хоть Директора Департамента Безопасности или любого из наших крупных банкиров, промышленников, купцов, – в тон собеседнику усмехнулся Симон. – Но раз уж до этого не дошло, думаю, гадать сейчас не стоит.

– И все-таки – вы хотите забрать у нас это дело? – повторил вопрос своего помощника, с которого и начался этот странный разговор, Северин.

– Повторюсь, хоть и не люблю вторично указывать на очевидное – никто у вас это дело не отберет, – слегка поморщился Симон. – Более того, ни прокурорское, ни ваше

начальство не будет ежечасно вмешиваться, требуя то доклада минут на сорок, то планов мероприятий на месяц вперед, то немедленного раскрытия.

– Значит, я буду работать только на вас? – резонно уточнил комиссар, такой порядок вещей ему тоже не очень понравился, пусть и полегче, чем при бдительном контроле со стороны «смежников» и руководства, но – куда ведет этот путь?

– Нет, нет и нет, уважаемый, – покачал головой агент Преисподней. – Работать вы будете исключительно и только на себя, собственный пятый отдел и сыскное Управление в целом. И по результатам дела все «цветы и шампанское» получит ваша служба. Моя роль будет более, чем скромной – простого консультанта, к мнению которого можно прислушаться, а можно и пропустить мимо ушей.

– Знаете, Симон, меня разбудили среди ночи, вытащили, как вы правильно заметили, из-под бока молодой жены, – недоверчиво покачал головой комиссар. – И вот уже битый час я толкусь в этом отеле, не очень понимая, как же убили трех человек, совсем не понимая, кому и зачем это было нужно, пытаюсь увидеть хоть какие-то следы на месте преступления. И тут появляетесь вы, весь из себя таинственный, как граф Монте-Кристо, и даете мне карт-бланш на расследование, обещаете прикрыть и от собственного начальства, и от Второго бюро, в чьем ведении это дело, по сути, и должно быть. И при этом не ставите никаких условий и не интересуетесь никаким возможным вознаграждением. Так не бывает. Говорите уж сразу, без намеков, которые сейчас трудновато понять, что же вы хотите?

– Вы правильный человек, Северин, – с уважением заметил агент, откидываясь на спинку кресла и доставая из кармана куртки пачку местных сигарет. – Хотите курить? Или предпочитаете только трубку, как ваши литературные коллеги?

– Спасибо, – угощаясь, ответил комиссар. – Трубку курить надо дома, не торопясь, наслаждаясь процессом, лучше всего – в компании со стаканчиком хорошего коньяка или крепкого старого ликера, а не на бегу, среди трупов, свидетелей, очевидцев и прочих малопричастных к делу людей.

– Разумно и романтично, – согласился Симон, стряхивая первый пепел в играющий под лучами электрического света хрусталь пепельницы. – Постараюсь ответить вам столь же разумно, но, к сожалению, совсем не романтично. Я очень надеюсь, что ваш отдел, Северин, в ближайшие сутки-двое разыщет исполнителя убийства, ну, или непосредственно причастных к исполнению лиц. Разыщет, обоснует задержание, предоставит улики, показания свидетелей, короче, все то, что

требуется следствию, оно же пойдет своим чередом, и дело будет передано в суд. Но все это меня не интересует, тем более, история будет, как обычно, долгая, с адвокатскими протестами, апелляциями на каждый чих, пересмотрами решений и квалификации дела и прочей волокитой. Меня интересует лишь заказчик, которого вы, если и вычислите чисто логически, привлечь к ответу никогда не сможете.

– А вы – сможете? – не сдержался комиссар, в душе признавая справедливость слов Симона.

– Я смогу не только привлечь, но и наказать, – серьезно заявил агент. – Как и почему? Давайте мы с вами будем придерживаться каждый своего уровня компетенции. И еще, комиссар, хочу сразу разъяснить вопрос, который вертится у вас на языке, но никак не может с него сорваться. Подробности нашего разговора вы можете поделиться с подчиненными и близкими вам людьми безо всяких ограничений. Впрочем, думаю, вы и сами отлично сообразите, кому и какую порцию информации выдавать для пользы общего дела...

Загасив в пепельнице окуроч, Симон одним движением поднялся из кресла, чуть задержался, как бы, приглашая Северина последовать за ним к выходу, а уже у самых дверей дал первый совет, исполняя свои обязанности консультанта:

– Для той же пользы... пошлите кого-нибудь из своих ребят в аэропорт – по-моему, Маркус прилетал в Ромашковый – пусть возьмут записи видеонаблюдения за залом прилетов, где-то часов с одиннадцати вечера и до половины первого. Мне кажется, там будут любопытные для вас кадры.

Агент Преисподней, резко распахнув дверь, шагнул в гостиничный коридор, мимолетно осматриваясь по сторонам. От лифтов к месту происшествия, не спеша, двигался прокурорский следователь в сопровождении своего помощника. Обязательного, казалось бы, при таких обстоятельствах скопления начальства – и полицейского, и прокурорского, и даже, как бывало всегда, городского – не было. «Молодец, бес, – подумал Симон. – Ловко устроил спокойную жизнь местным чинам. Впрочем, все это – в его же интересах, быстрее пойдет расследование...»

– А вы разве не останетесь? – поинтересовался комиссар уже в спину агента, кивая на до сих пор запертую дверь третьего номера, возле которой, по-прежнему скучая, дежурили оперативники теперь уже в компании с патологоанатомом.

– Для меня там нет ничего интересного, – откликнулся Симон. – А заниматься черновой работой, как вы поняли, я не буду. Ближе к вечеру, когда вы немного передохнете после ночной смены, и появятся первые интересные факты и версии, я

обязательно навещу пятый отдел, так что – не прощаюсь, ждете меня все еще сегодня...

Сосредоточенно и задумчиво глядя в спину удаляющегося агента Преисподней, Северин сразу не заметил, как к нему подошел едва сдерживающий написанное у него на лице любопытство Жора Швеца.

– Комиссар, там Савельев закончил допрос свидетеля, – сообщил оперативник, тоже поглядывая на приближающегося к лифтам Симона. – Интересуется, вы сами-то с официантом поговорить не желаете?

– Не желаю, Жора, не желаю, – задумчивоотреагировал комиссар, но тут же будто встряхнулся ото сна, взбодрился. – Значит, если Лапа свободен, отправь его в аэропорт Ромашки, пусть любыми правдами и неправдами изымет копию видеозаписи из зала прилетов с десяти вечера до двух часов ночи и вместе с записями приезжает сразу в Управление, у меня в кабинете вместе посмотрим. И вот что, Жора, давай-ка просто отложим все вопросы до конца мероприятий в отеле, я не собираюсь секретничать, но, кажется, здесь не самое подходящее место для болтовни.

Обрадованный тем обстоятельством, что его начальника не подменили, не загипнотизировали и не поставили «под подпись», оперативник широко улыбнулся, мол, конечно, потерплю, да что там я, все мы потерпим до возвращения в отдел.

– Теперь продолжим? – он кивнул на двери третьего, злополучного номера, до которого они так до сих пор и не добрались.

– Мы продолжим, – кивнул Северин. – А ты, как отправишь Лапу, сгоняй-ка на улицу, там, на выезде из тупичка, стоят девчонки, наверное, приметил и сам? Так вот, поинтересуйся, кто из них что видел до, в момент, после убийства. Что-нибудь подозрительное, нестандартное. Может быть, отъезжали какие-то машины, кто-то проходил мимо со стороны отеля... ну, я тебя учить не буду, сам прекрасно знаешь, только удели побольше внимания не женским прелестям, а мелочам в воспоминаниях.

Маринка проснулась от ласкового, нежного прикосновения к её щеке тяжелой мужской руки и в первые секунды пробуждения не смогла сообразить – где она находится, почему так темно вокруг, кто прикоснулся к ней с такой неслыханной сладкой нежностью.

– Могла бы и по-человечески в кровати устроиться, – окончательно разбудил её чуть насмешливый голос Симона, уже неторопливо отошедшего от глубокого, удобного кресла, в котором, как оказалось, и дремала девушка, и распаивающего плотно сдвинутые тяжелые гардины, впуская в гостиничный номер серый, но все равно яркий свет позднего утра.

– Как захотела, так и устроилась, – привычно огрызнулась Маринка, выгибая спину и изо всех сил потягиваясь, смешно выпятив небольшую грудь с возбужденными со сна, дерзко торчащими сосками, хорошо заметными через тонкий шелк изящного вечернего платья цвета «маренго». – Тебя, между прочим, ждала... что это за дела среди ночи у отпускника появились? Отдых накрывается медным тазом?

– Ничего не накрывается, – обернулся от окна Симон, взглядываясь в заспанное, но удивительное свеженькое лицо Маринки, в юном возрасте ночевка в кресле еще не влияет так пагубно на внешность, как это случается с годами. – Возможно небольшое приключение в детективном духе, для разнообразия, так сказать. Но – под серьезным прикрытием и с местным обеспечением самого куратора, так что – при желании и ты можешь принять участие, а то ночные клубы и бесконечное шампанское с коньяком, небось, приедаться стали?

– Вот такая я непостоянная, – согласилась девушка, поднимаясь с кресла. – В жару хочется зимы, зимой – лета, а после коньяка и мужчины – сладкого ликерчика с симпатичной девочкой. Я вот только не поняла – то, что ты только что сказал, и есть те самые подробности, обещанные мне еще ночью по телефону?

– Ты сперва сходи умойся, освежись, причешись, – потечески попробовал наставить спутницу на путь истинный Симон. – А потом уж я тебе все расскажу, разжую, разложу по полочкам...

Благо, сам агент, прогулявшись пешком от отеля «Две звезды» до своей гостиницы, успел обдумать сложившуюся ситуацию вдоль и поперек и даже наметить кое-какие дальнейшие свои

действия, впрочем, с Маринкой особо не связанные.

– Ну, вот, как детском саду, – состроила девушка обиженную гримаску. – Хорошо хоть под таким предлогом не заставляешь меня есть манную кашку и пить кипяченое молоко на завтрак...

Она неторопливо продефилировала через гостиную к дверям ванной комнаты, приютившимся в маленьком коридорчике-прихожей сразу при входе в номер, по пути небрежно столкнув с плеч тонюсенькие бретельки платья и вышагнув из упавшего к ногам невесомого шелка цвета вечернего моря. Как и положено, под шелком была лишь смугловатая от тропического загара ровная кожа Маринки.

Симон, посмотрев вслед девушке, только покачал головой, ни малейшего ощущения стыдливости у привязавшейся к нему, как привязывается брошенный на улице щенок к первому же приласкавшему его прохожему, девушки в присутствии агента не возникало. Впрочем, он тоже не смущался, если доводилось переодеваться в её присутствии, а несколько раз даже уступил страстным и искренним домогательствам Маринки, хотя эти случаи, как ни странно не наложили никаких особых обязательств на партнеров по отдыху. Оба отлично понимали всю зыбкость, временность их совместного пребывания в мире живых грешных душ.

Как это ни странно, Маринка вернулась из ванной очень быстро, лишь приняв на скорую руку душ, и опровергая тем самым еще одну из распространеннейших мужских фантазий на тему женских недостатков. Протирая на ходу мокрые и оттого кажущиеся еще более жидкими и редкими коротенькие белесые волосы, она огляделась от порога и обрадовано вскрикнула:

– Симон! Я тебя люблю!

На небольшом журнальном столике, умело сервированный опытным официантом гостиницы, уже соблазнял своими запахами прекрасный завтрак: тончайше нарезанные ломти ветчины и окорока, кусочки ароматного сыра, порции «плачущего», только-только из холодильника, сливочного масла, мягкий пшеничный хлеб, несколько дюжин крупных, королевских креветок, соусник с майонезом, хрустальные графины апельсинового и томатного сока, пара пузатеньких бокалов с янтарным коньяком, открытая пачка сигарет.

– Ты – чудо, – продолжила похвалу Маринка, отбрасывая на пол полотенце и бесцеремонно усаживаясь к столу, даже не подумав накинуть на себя хотя бы легкий халатик. – И когда только успел все заказать? А вот мои просьбы здешние халдеи выполняют через час после трех напоминаний. И что я им такого сделала?

– Ничего не сделала, потому и не спешат, – улыбнулся Симон, демонстративно разворачивая белоснежную салфетку у себя на коленях. – Ты же умеешь управляться с клубными мальчиками, да и с девочками отлично ладишь – кого приласкаешь, кого к черту пошлешь, кого к сердцу прижмешь...

Маринка озадаченно взлохматила и без того торчащие в разные стороны волосы, задумалась ненадолго, а потом махнула рукой, одновременно этим же движением прихватывая сочный кусок ветчины:

– Да, ладно, что ж теперь и с официантами, и с горничными заигрывать?

– Сама все прекрасно понимаешь, – покачал головой агент, старательно размазывая по кусочку хлеба масло и накрывая бутерброд сыром. – Зачем заигрывать? Просто вести себя, как обычно, только и всего. Все эти люди, что обслуживают не только нас с тобой, отлично понимают уже в силу своей профессии – кто притворяется, а кто – есть на самом деле. А притворяшек нигде не любят, их чаще всего просто терпят до поры, до времени.

– Какой ты умный, это что-то, – язвительно отозвалась Маринка, энергично пережевывая ветчину и присматривая на столике новую жертву своего аппетита. – Скажи лучше, коньяк ты для выработки силы воли поставил или его еще и пить можно?

Симон хохотнул коротко, обижаться на девушку он не умел, хотя иной раз она выдавала в запале разговоров на высоких тонах очень неприятные для любого мужчины «комплименты». Но её спутник отлично понимал, что делается это лишь по малому жизненному опыту и природной несдержанности на язык, без подспудной злости или ненависти к нему.

– Пей, конечно, – пригласил он Маринку, зная что со ста граммов с ней ничего плохого не случится.

Да что там – со ста, и после трехсот девушка умела вести себя трезво и разумно, если, конечно, сама хотела этого. Иной раз Симон удивлялся такой природной способности организма блокировать пагубное воздействие алкоголя.

Воздав должное коньяку, закусив сыром, окороком, парой креветок, хлебнув пару глотков апельсинового сока, Маринка сытно откинулась в кресле, прихватив со столика сигарету и пепельницу, наблюдая при этом, как неторопливо, продумывая каждое свое ощущение, заканчивает поздний завтрак агент.

– Теперь-то, надеюсь, ты расскажешь подробно, в какую историю предлагаешь и мне вляпаться? – поинтересовалась девушка, закидывая крепкие, спортивные ножки на подлокотник кресла.

– Сначала неплохо бы поделиться пепельницей, – уточнил

Симон, привычно перекатывая в пальцах сигарету.

– А другой здесь поблизости нет? – попыталась переложить на плечи спутника решение легкой бытовой проблемки Маринка. – Кажется, на подоконнике я видела...

...– ...а я все-таки не очень поняла, зачем же ты хочешь меня с собой прихватить? – спросила, старательно пряча радостный блеск глаз, девчушка через две с половиной, неторопливо, но практически без перерыва выкуранных сигареты, когда основной рассказ Симона о предстоящем детективном приключении подошел к концу. – Из чистого любопытства или из жалости, чтобы «дочурка» не скукожилась от наркоты и спиртного по клубам?

– Из чистого высокого знания, – в тон девушке ответил агент Преисподней. – Оно, знание то есть, никогда не будет лишним в жизни, да и в потустороннем существовании – тоже, каким бы пустым и зряшным это знание не выглядело изначально. А мы имеем, как раз, очень даже полезное знание: настоящее оперативное полицейское расследование, без телевизионных прикрас и книжных придумок.

– Учишь, значит? – подозрительно глянула на Симона его спутница. – Обучаешь умению жить дитя неразумное?..

– В каждом из нас, где-то в глубине души, дремлет учитель, настойчиво требующий передать хотя бы часть своих знаний другому, – улыбнулся высокопарности собственных слов агент Преисподней. – К сожалению, у подавляющего большинства людей этот учитель совсем не имеет педагогического призвания – вот и получают вечно ворчащие старушки, сварливые свекрови, нудные зятя и ненавидимые учениками школьные преподаватели.

– Ух, ты, как завернул-то, – с ироничной завистью отреагировала Маринка. – Какой же ты предусмотрительный... небось, уже придумал, как меня этим полицейским представишь? Типа – самая главная специалистка по наемным политическим убийцам во всем текущем Отражении? Или – личная представительница представителя здешнего беса-куратора, облеченная высочайшим доверием?

– А зачем? – в ответ удивился Симон. – Вокруг тебя должна быть тайна, как вокруг любой женщины. И полицейским вполне достаточно знать, что ты – некто... просто некто... или Некта? Да, пожалуй, так и следует тебя с этого момента называть – Некта.

– Это ты меня что же – заново окрестил? – нарочито округлила глаза Маринка, млея от удовольствия, новое имечко, появившееся так непринужденно, легко, ей понравилось. – Вот здорово! А где же – черные свечи, перевернутое распятие, чаши из

человеческих черепов, наполненные кровью невинных младенцев, погребальный звон колоколов, алтарь с Дьяволом в образе коз... ой...

Она невольно прикусила свой язычок и тут же, виновато оглядываясь по сторонам, будто рассчитывая увидеть в гостинной Самого, вполне серьезно раскаялась:

– Извиняюсь, не хотела, повинна... это все дурная, прижизненная наследственность и привычка не следить за словами. Больше не буду, во всяком случае, постараюсь все не произносить имя его.

– Тебе Змея не хватило в свое время? – мягко спросил Симон, намекая на недавнее по его меркам участие девушки в сатанинском обряде, после которого он лично забрал в Преисподнюю грешную душу ударом клинка. – Опять на черную экзотику потянуло? Ты только гляди, поаккуратнее тут, вдруг в этом Отражении у сатанистов вместо огромного змея обыкновенного козла используют?.. некрасиво как-то будет – ты и козел, не романтично и не впечатляюще, больше на простое извращение богатенькой шлюшки похоже...

– Ну, ты и наговорил, – с легким восторгом от умения агента плести словесные кружева покачала головой Маринка-Некта. – Прямо сексопатолог какой-то доморощенный. Лучше скажи, когда в сыскное Управление выдвигаться будем? И как мне лучше одеться, чтобы там неформальной наркоманкой не выглядеть?

– Выдвигаться через полчаса будем. А ты думала, что все также спят до полудня, а потом еще пару часов потягиваются, как ты? – засмеялся агент, заметив легкое недоумение на лице девушки. – Для наших полицейских уже вторая половина дня к концу подойдет, когда мы объявимся. А про одежду – сама думай, Некта, чтобы и имени новому соответствовать, и стражей порядка не напугать. Хотя, там компания подобралась – не очень-то их напугаешь внешним видом.

– Не напугаешь? – медленно, с нарочитой зловещестью, процедила сквозь зубы Некта. – Ну, ладно... поглядим...

Она распрямившейся тонкой пружиной взлетела с кресла, даже привычный к таким преобразованиям девушки Симон едва сдержался, чтобы не отшатнуться в сторону от маленького блондинистого вихря, голышом просвистевшего мимо него в сторону спальни, где хранились основные запасы женской одежды и аксессуаров.

Пользуясь случаем, агент вызвал по внутреннему, гостиничному телефону официанта и велел быстренько прибрать остатки завтрака, заменить бокалы коньяка на свежие, наполненные ароматным напитком и наполнить им же пару

объемных металлических флаг, специально купленных не так давно в сувенирной лавке неподалеку от гостиницы. И то ли официант оказался столь проворен, то ли Симон идеально рассчитал время, необходимое для облачения своей спутницы в «боевые доспехи», что представляется высшим достижением метафизики, ибо определить, за какой промежуток времени женщина сменит одну блузку на другую, без помощи потусторонних сил невозможно, но едва лишь закрылась входная дверь гостиничного номера, как из спальни появилась Некта, теперь, кажется, полностью соответствующая своему новому имени.

Жиденькие светлые волосики, прихваченные в два коротких, незаметных спереди хвостика покрывала строгая камуфляжная беретка без каких бы то ни было эмблем или иных опознавательных знаков. Юное лицо, лишненное косметики – даже губки не были тронуты обязательной в нынешнем мире помадой – выглядело свежо и строго, как у ученицы-отличницы, способной без традиционного угадывания отличить знак интеграла от скрипичного ключа. Классическая светло-бежевая блузка, маленький галстук-бабочка, с модно обвисающими краями и совершенно неожиданная громоздкая и бесформенная камуфляжная осенняя куртка, накинутая на плечи.

Внимательно вглядываясь, будто заново узнавая свою лихую спутницу, Симон подумал, что до пояса, если не учитывать вольность с курткой, Некта вполне соответствует общепринятому в этом Отражении, современному толкованию образа «синего чулка», строгой девушки, в голове у которой больше знаний и расчетов, чем порывов и чувств. Но вот ниже... все портила хоть и строгая, черная, но очень узкая и короткая для порядочной девушки юбка, буквально облепляющая стройные спортивные бедра. И уж совершенно убийственно выглядели на ногах Некты громоздкие, неуклюжие и тяжелые на вид, но очень удобные и легкие – по заверениям самой Маринки – высокие, армейского образца, ботинки на двойной толстой подошве и шнуровке. Единственно, в чем новонареченная Некта осталась верной себе, Маринке, были едва заметные на загорелых ногах телесного цвета чулки.

В остальном же – это было нечто, некто... Некта, как и назвал ее Симон.

– А знаешь, – задумчиво проговорил агент Преисподней, оглядывая спутницу с головы до ног. – Я, кажется, тебе не говорил, что в команде комиссара Фогта лишь он единственный счастливо женат, да еще кто-то из младших инспекторов имеет постоянную подругу... сердца же остальных – совершенно

свободны.

– Ты хочешь сказать, что эти полдесятка сердец и десяток рук будут предложены мне сразу при появлении в их отделе? – засмеялась Некта, чрезвычайно довольная, что её выдумка с одеждой произвела нужный эффект.

Шагнув поближе к Симону, она закрутилась вокруг своей оси, изображая балетный пируэт и придерживая разлетающиеся полы куртки.

– Насчет рук и сердец – не знаю, – честно признался агент. – А вот предложений поужинать, пообедать, да и просто сходить в кино или на танцы – тебе не избежать. Ладно, эмоции теперь прячем поглубже и – в путь. Прихвати-ка со стола эту пару фляг, у тебя куртка побольше моей, место есть.

– Эксплуатация, – пробормотала Некта, распахивая во внутренние карманы своего камуфляжа, под которым вполне мог спрятаться и небольшой гранатомет, металлические, плоские емкости, между делом, отпивая из бокала граммов сто коньяка. – Идем?..

...и уже на улице спохватилась:

– Эх, надо бы к такому маскараду еще очки, не такие, как у тебя, черные и зловещие, а тонкие, едва заметные. Сейчас, здесь, многие в таких ходят, даже у кого зрение хорошее – мода...

– Обойдешься, – проворчал Симон, высматривая в довольно плотном потоке машин обозначенное черными шашечками такси. – И без того, думаю, скоро мода в этом Отражении развернется на сто восемьдесят градусов, благодаря тебе.

Такие комплименты не проходят даром, и весь путь до сысского Управления, а потом – через подземный гараж мимо довольно формальных постов охраны к скоростным, но выглядящим убого и обшарпанно лифтам, Некта увлеченно расписывала, какие местные недостатки в женской одежде она хотела бы устранить в ближайшее время.

...в просторной, светлой, полупустой комнате пятого отдела сысского Управления, расположенной на третьем этаже современного – сталь, бетон, стекло – здания, из пятнадцати простых канцелярских столов, расставленных вдоль стен поближе к пятнадцати же небольшим, выкрашенным под «слоновью кость» сейфам, к концу рабочего дня было занято лишь три. За одним из них, о чем-то сосредоточенно договариваясь по телефону, сгорбился, будто пряча слова, младший инспектор Лучник – лет двадцати с небольшим, но серьезный и деловитый не только в присутствии начальства, а за парой других, стоящих рядышком, вплотную друг у другу, расположились комиссар Фогт, свой маленький отдельный кабинетик не любивший и, находясь в

здании, предпочитающий общую комнату отдела, его первый помощник Жора и еще один участник ночной работы в отеле «Две звезды» Лапа, Саша Савельев, еще ранним утром вернувшийся из аэропорт с очень любопытной записью.

– ...начнем илиждемся вашего куратор, комиссар? – услышали Симон и Некта обрывок разговора за столами, неторопливо, слегка демонстративно входя в помещение, залитое беспощадным светом люминисцентных ламп, одна из которых, совсем рядом с дверями, тихонечко непрерывно потрескивала.

– Меня не надождать, приятно вас снова видеть, господа сыщики, – сказал агент Преисподней, слегка развеселившийся упоминанием все куратора и представивший себе Артифекса в заляпанном красками комбинезоне, потирающего пропахшие скипидаром руки посреди канцелярских столов с телефонными аппаратами и пристальных взглядов оперативной команды комиссара.

– Это – Некта, – представил Симон свою спутницу и без его помощи привлекущую внимание. – Просто Некта. Ее присутствие и участие не обсуждается, господа.

– Некточка, прошу, – мгновенно слетевший со столешницы, на которой, кажется, было так удобно сидеть и болтать левой ногой в воздухе, Жора Швец подтащил к столу, за которым устроился комиссар, простенький, но крепкий стул со свежей еще обивкой. – Вам здесь будет удобнее все слышать и видеть...

– Тебе, а не вам, – ласково улыбнулась Некта, благодаря за услугу. – Формальности оставь для Симона, он их любит.

– Ну, не до такой же степени, – возразил агент, как бы в подтверждение своих слов устраиваясь на столешнице напротив Северина. – Итак, судя по вашему удовлетворенному виду, комиссар, дело об убийстве у нас движется неплохо.

– Скажите, вы знали... видели... то, что случилось в зале прилетов? – немного сбился Северин, пренебрегая со своей стороны формальностями приветствий и знакомства с юной дамой. – Поэтому и послали нас за этими записями?

– Да, – не стал секретничать и надувать щеки от ощущения собственного превосходства над полицейскими Симон. – Я видел и хотел бы по этому эпизоду проконсультироваться с вами.

– Да чего там консультироваться? – бесцеремонно влез в разговор Жора, слегка выпендриваясь своими полномочиями, значимостью в отделе и знаниями местных реалий перед Нектой, пока еще осматривающейся в незнакомой компании. – Тот «Рыжий Петя», что столкнулся с Маркусом перед самым выходом из аэропорта – фигурант известный. К нашему отделу, правда, никогда прямого отношения не имел, но пару раз проходил

свидетелем. Профессиональный аферист, классный шулер, способный и в картишки обыграть любого, причем, не догола, а с надеждой на отыгрыш, и впарить вам в поезде, через пару-тройку часов знакомства, совершенно «бронзовый» вексель, якобы доставшийся ему по наследству, за полцены. Работает, как раз, в облике рассеянного вечного студента, добродушного, незлобивого, постоянно что-то теряющего, ну, почти как в том фильме, из которого образ и взят едва ли не один в один.

– Хорошо, это очень хорошо, – сдержанно похвалил Симон, радуясь, что в этот раз обошлось без нудного ковыряния в архивах, запросов соседям или, того хуже, в регионы. – А еще лучше было бы поговорить с этим интересным персонажем. Вы не успели выяснить, где он сейчас обитает?

– А чего выяснять? – засмеялся Жора, чрезвычайно довольный своей оперативностью и похвалой таинственного куратора-покровителя, благодаря которому и в самом деле за весь день пятый отдел не навестил никто из прокурорских чинов, да и собственное начальство ни разу не выдернуло комиссара «на ковер» с отчетом о необычном убийстве. – Он в подвале у нас сидит, в камере для временно задержанных. Вон – Лучник съездил и взял «Рыжего Петю», как миленького, он и не думал скрываться, хотя, кроме полудесятка человек во всем Управлении вряд ли кто еще знает все «норки» этого героя.

– Лучник у нас один из лучших молодых сотрудников, – с явной гордостью за подчиненного пояснил комиссар, не раскрывая перед гостями – фамилия это или прозвище, и позвал от дальнего стола закончившего телефонный разговор и с интересом разглядывающего Некту молодого человека: – Иди сюда, думаю, тебе тоже дело найдется...

– Это он всегда при посторонних нас так возвышает, – шепнул на ушко девушке устроившийся рядом с ней Жора. – Слышала бы ты, как комиссар за дело один на один распекает...

– Ну, разные ругательные слова я тоже знаю неплохо, – тихонечко засмеялась Некта. – Но начальством никогда еще не была...

В этот момент Лучник подошел к столу, по-прежнему незаметно косясь на девушку, и доложил:

– Получилось договориться, комиссар, но только на вторую половину дня, разговор при их секретчике и без всяких записей...

Симон, вопросительно подняв бровь над дужкой черных очков, глянул на Северина. Тот хитренько усмехнулся в ответ:

– Мы же не только аэропортом занимались, господин консультант. Вот, к примеру, Лучник успел, кроме доставки в Управление «Рыжего Пети» согласовать консультацию в

радиоинституте, ведающем военными локационными системами, ну, для ПВО, для боевой авиации, да много еще для кого.

– А зачем вам этот институт понадобился? – решила подать голос по делу Некта, давая понять, что она внимательно слушает, а не присутствует здесь «для мебели». – Или там тоже кого-то убили с «локационной» жестокостью?

Агент одобрительно кивнул мысленно зардевшейся от невысказанной похвалы девушке и обратился к комиссару:

– Мне это тоже интересно...

– Вы, барышня, не видели, к счастью, тела убитых, там их, кстати, оказалось пять, еще двоих мы нашли в соседнем, третьем номере, это – сопровождающие Маркус азиаты, прилетевшие вместе с ним, – ответил Северин.

– К сожалению, не видела, – буркнула Некта. – Иначе бы не спрашивала...

– У всех были явные признаки острой лучевой болезни без малейших следов радиоактивности вокруг, да и на самих телах тоже, – продолжил Северин, сделав вид, что не расслышал спутницу консультанта. – Так вот, радиация тут совсем не при чем. И, слава богам, что моя Василиса сегодня в отгуле и ждала меня дома после этой веселой ночи в отеле. Она практически сразу оценила – это же СВЧ, сверхвысокие частоты, на которых работают очень многие локационные станции у военных. Результат длительного облучения под их антеннами практически равнозначен острой лучевой, вот только – там такие объемы аппаратуры, да и время под облучением должно быть очень солидным, но – зацепка есть, и зацепка очень интересная для дальнейшей разработки.

– Василиса у нас – молодец, – солидно заметил Жора, мгновенно превращаясь из озорного, шалапутного мальчишки в умудренного годами работы оперативника. – Она и из технического Управления нам пол-отдела заменяет.

И с легким осуждением искоса глянул на комиссара, не сумевшего пересилить въевшуюся в кровь дисциплину и оставить собственную жену в подчиненном ему отделе.

– Да у вас просто неслыханная работоспособность, – вновь похвалил Симон и в самом деле удивленный таким стремительным развитием событий.

– Благодаря вам, уважаемый, – кивнул комиссар. – Нас все утро и весь день не трогало никакое начальство – ни свое, ни прокурорское, ни городское. Даже Второе бюро куда-то исчезло, хоть и помаячило немного на горизонте. Честно говоря, я просто удивлен, как у вас может такое получаться, но... договор наш в силе, и вопросов лишних я задавать не буду. Зато – вручу вам еще

один подарочек, пожалуй, не менее ценный, чем два предыдущих. Жора!

Северин слегка подмигнул помощнику, мол, вновь настала твоя очередь хвастаться, и оперативник, чуть отстранившись от Некты, махнул рукой:

– Ну, это-то было совсем просто. Я поговорил с теми девчонками, что работают на улице при выезде из тупика, ну, в котором располагается отель «Две звезды». Кстати, вполне симпатичные попадаются, хоть и профессионалки, даже одну старую знакомую встретил...

Он покосился на сидящую рядом девушку и быстро добавил исключительно для нее:

– Все, конечно, по работе, по работе и только по работе... так вот, девчонки никого подозрительного – заходящего в тупичок или выходящего оттуда за всю ночь, что они провели на перекрестке, не заметили. И машин, именно что подозрительных, не было, исключая, пожалуй, наш, отдельский автомобиль с комиссаром. Но вот одна глазастенькая такая, блондиночка, заметила, как в доме напротив гостиницы, примерно на уровне четвертого-пятого этажа после часа ночи «блуждали огоньки», как она сказала, ну, будто кто со слабеньким фонариком ходил или свечи зажигал, от них огонек тоже такой... колеблющийся. Во всяком случае, на обычное комнатное освещение это было не похоже. Девчонка говорит, заметила только потому, что недавно у них в доме проблемы с освещением были, она с улицы точно такую же игру света наблюдала, если возвращалась среди ночи.

– Мы взяли эту девушку «на карандаш», – деловито проинформировал комиссар. – Такие глазастые частенько полезными бывают, ну, и может быть, вспомнит еще чего про прошедшую ночь. Хотя, пока еще не вижу, чем эта информация может быть полезна. Конечно, если бы неожиданных гостей убили из снайперской винтовки, ну, или взорвали радиоуправляемым фугасом, мы бы сразу рванулись в ту квартирку напротив отеля, но смонтировать в доме локационную станцию огромной мощности – очень сомнительно. Я бы послал пару человек приглядеть и за домом, и за квартирой, особенно, если без проникновения в нее. Но свободных сейчас нет – только те, кто со мной.

– Мне кажется, хвалить вас и ваших людей, комиссар, это просто несправедливо, – высказался Симон, внимательно выслушав и Жору, и Северина. – Но я вам обещаю, что награда найдет своих скромных героев детективного труда. Как я понял, вы уже успели отдохнуть после ночных бдений в отеле? Вот и хорошо. Предлагаю для обсуждения: сперва переговорить с

«Рыжим Петей», может быть, он расскажет нам, кто стоит за его появлением в зале прилетов? Потом непременно навестить странную квартиру напротив отеля, посмотреть своими глазами, что же там могло так странно мигать? Ну, а если будут конкретные результаты беседы с задержанным аферистом, то дополнить этот план по мере поступления информации.

– Что тут можно возразить? – развел руками Северин. – Мне кажется, вы, господин консультант, не хуже нас ориентируетесь в специфике сыска.

– Но не в специфике ваших помещений, – с легкой улыбкой принял комплимент Симон. – Как по-вашему, лучше спуститься вниз, к задержанному, или пригласить его для беседы сюда?

– Конечно, сюда, – опередил комиссара Жора. – Внизу – просто камера, там и тесновато, да и обстановка... не комильфо...

Оперативник вновь, как и в рассказе о своем контакте с проститутками, покосился на Некту, спокойненько и внимательно выслушивающую общий разговор, и закончил:

– А в кабинете Севера Михалыча будет удобно, и поместимся все...

– Всем не надо, – категорически отмел инициативу помощника сам комиссар. – Достаточно будет меня вместе с уважаемым консультантом и его... э-э-э... спутницей, верно?

– Вы здесь хозяин, – развел руками Симон, в душе благодаря Северина за численное ограничение желающих участвовать в допросе.

– Ну, в таком случае, Жора, ты сгоняй-ка за задержанным, подействуй своим авторитетом, чтобы побыстрее все оформить, а то прошлый раз почти два часа ждали, пока конвойные разберутся с охраняющими у кого какие обязанности, – деловито распорядился комиссар. – А наших гостей – прошу ко мне в кабинет.

Слегка разочарованный даже кратковременным расставанием с Нектой, Жора Шве́ц, тем не менее, опередил выходящих из комнаты пятого отдела, первым оказавшись в коридоре, расстилающемся, казалось, в бесконечность по обе стороны от дверей пятого отдела. Комиссар Фогт двинулся, было, влево, как бы, приглашая гостей последовать за ним, но Симон приостановил его, придержав за локоть и взглядом показывая своей спутнице, чтобы она прошла чуть дальше.

– Извините, но перед тем, как приступить к допросу, возможно, долгому и уж точно нелегкому, я бы хотел посетить интимное заведение, – вежливо, даже чересчур изысканно отпросился в туалет агент Преисподней. – Вы мне только покажите дверь кабинета, ну, и направление у удобства.

– Конечно, – удивленно взглянул на Симона комиссар. – Моя дверь восьмая по счету, там табличка с именем и должностью, так что не ошибетесь. А удобства – в противоположном направлении, почти в самом конце коридора...

– Напрасно вы сочли меня андроидом или киборгом, комиссар, – пошутил в ответ на недоумение хозяина агент. – Ничто человеческое мне не чуждо, да и Некта тоже – далеко не сказочная принцесса, и фиалками не какает...

Сказав это, Симон быстро двинулся в нужный ему конец коридора, оставив наедине комиссара и Некту, впрочем, особо не опасаясь, что девушка в его отсутствие наговорит лишнего полицейскому, такого можно было ожидать от несдержанной, ставящей себя и свои желания выше желаний других живущих Зои.

Нельзя сказать, что агенту Преисподней и в самом деле приспичило облегчиться перед допросом, хотя, очутившись в туалете, больше похожем на филиал стройплощадки заляпанными известкой и краской переносными лесами, краскопультом в углу и запахами свежей штукатурки, ацетона и грязных ватников, Симон отдал должное совершенно новой сантехнике, но это, конечно, же не было главным. Застегнув брюки, внимательно оглядев длинный ряд обрезанных снизу пластиковых дверей и прислушавшись к поистине замогильной тишине в помещении, агент быстро перевернул перстень на руке и взгляделся в прозрачную лилово-сиреневую поверхность...

– А я уже волнуюсь, не случилось ли чего неприятного, ваше превосходительство, – прозвучал в гулкой пустоте туалета занудливый, раздраженный голос беса. – Что ж это ты на связь не выходишь, хоть и требовал её первым делом? Никаких новостей от тебя уже который день, я весь извелся, чего и подумать – не знаю...

Кажется, получив от отпускника из Преисподней согласие помочь разобраться в непростом, важном для него же самого деле Артифекс решил, что его задача полностью выполнена, и теперь крутиться, как белка в колесе, выручая куратора Отражения, должен был лишь один Симон.

– Не который день, а который час пошел с нашей встречи, – скромно уточнил Симон, жалея, что бес решил обойтись звуковым контактом, не показывая себя, небось, опять в малярной робе стоит у недокрашенного забора. – Приглуши, пожалуйста, голосок, я не в пустыне среди верблюдов, неужели трудно было сразу догадаться и запустить мыслеречь?

– Не будь таким мелочным, ваше превосходительство, мыслеречь требует от меня дополнительного напряжения, – чуть

сварливо ответил уже в голове агента голос беса-куратора. – Без серьезной надобности я напрягаться не хочу, ты прекрасно понимаешь...

– Сейчас ты сам оценишь, стоит ли напрягаться, – с легкой угрозой подумал в ответ Симон. – Ты говорил о тумане, застилающем, закрывающем от тебя будущие события?

– Ну, глаголил о таком событии, – как бы, нехотя признался Артифекс. – Ты нашел источник тумана? Или хотя бы разгадал его природу?

– Не зли меня, – забирая в свои руки инициативу разговора посоветовал бесу агент Преисподней. – Кажется, я не брался за проведение метафизических опытов в этом Отражении, а подрядился всего лишь найди убийц тобой указанного грешника. Но, честное слово, нынче не время для уточнения буквы и духа нашего соглашения. Глянь, прямо сейчас и немедленно, на домик напротив отеля «Две звезды» – той гостиницы, в которой твой человечек и нашел смерть.

– Ты думаешь, я не смотрел? Там-то я и попал в самый эпицентр, – почти возмутился Артифекс, непроизвольно вызвав неприятный гул в голове Симона. – Кругом был туман и мгла серая, непроглядная, в которой ничего разобрать нельзя...

– Прямо сейчас – посмотри конкретно на дом, который стоит лицом к лицу с центральным входом отеля, – как ребенку, едва ли не по слогам, повторил агент, упрямо поджимая губы, чтобы сдержат рвущееся наружу возмущенное дыхание.

«Как же тяжело бывает работать с бесами, даже по их личной просьбе, если ты не прикрыт кем-то из более могущественных, высших иерархов Преисподней», – подумал Симон, в ожидании расстроено опираясь спиной о кафед, выложенный по стенам чуть выше человеческого роста.

– Ну, как тебе сказать, ваше превосходительство, – через пару минут вновь раздался в голове теперь уже растеряннотадумчивый голос куратора Отражения. – Там легко просматриваются обитатели верхних этажей, с трудом, но что-то видно в судьбах грешных душ на первом-втором, а вот серединка дома – в том самом тумане... Ты считаешь, что в этом доме, на третьем-четвертом этажах и кроется разгадка?

– Я не знаю, где вдруг обнаружится эта самая разгадка, – нарочито спокойно ответил агент, получив прямое подтверждение информации, о которой он догадывался. – Но следы ведут именно в этот дом, и я там очень скоро побываю, так что ты не расслабляйся и – очень прошу – смени свой малярный комбинезон на какую-нибудь приличную, достойную беса твоего уровня одежду, может быть, придется тебя экстренно выдергивать

куда с рабочего места. Всё!

Давая выход накопившемуся за время разговора раздражению, Симон резко оборвал связь с бесом, повернув перстень камнем внутрь ладони, и стукнул кулаком по расколовшейся от этого удара в самом уголке и жалобно скрипнувшей кафельной плитке. «И это еще хорошо, что оперативников сыскного Управления, как волков, кормят ноги, и местный туалет не забит, как в иных конторах, праздношатающимися клерками, выкуривающими в компании таких же очередную сигаретку от скуки, – подумал агент Преисподней, покидая туалет. – Вот было бы забавно для местных полицейских застукать в своем санузле психа, болтающего вслух с неким, не очень-то и приятным, прямо из воздуха звучащим, голосом... А плитку выложили халтурно, если её просто кулаком расколоть можно, не уважают плиточники сыскарей...»

В кабинете комиссара Фогта, похожем на сильно уменьшенную копию комнаты пятого отдела с точно такими же столами, правда, в количестве всего двух штук, с типовым сейфом и полудесятком свеженьких, только со склада, стульев, сам хозяин, Северин Михайлович, о чем-то оживленно и со знанием дела толковал с Нектой, как показалось сразу при входе агенту Преисподней – к полному и общему удовольствию собеседников. На канцелярском столе перед ними стояли объемистые, совершенно домашние чашки с чаем и блюдец с разнокалиберным, явно предназначенном для угощения «своих» печеньем и несколькими кусочками сахара.

– Симон, ты не поверишь, как хорошо Сева разбирается в ритуалах черной магии и сатанизма, – огорошила своего спутника Некта-Маринка.

– Почему же я должен не верить? – усмехнулся агент тому стремительному сближению годной в дочки полицейскому девушки и солидного, взрослого, счастливо женатого мужчины. – Комиссар – человек умный и дотошный в работе...

– Вы правы, – кивнул догадливый Северин. – Два ритуальных убийства, едва ли не одно за другим, в прошлом году дали мне очень много знаний на эту тему.

– Не знаю, как у тебя, – тут же бросилась на защиту комиссара Некта. – У меня не так много знакомых полицейских, но, думаю, мало кто из них стал бы, как наш хозяин, углубляться в стилистический смысл и ритмику заклинаний вызова демонов и в защиту от воздействия ведьмовских чар.

Польщенный Северин улыбнулся девушке, но продолжить разговор о таких важных, если обсуждаются совместно и к вящему удовольствию сторон, вещах им не позволил Жора, без стука распахнувший дверь и чуть ли не дружески подтолкнувший ведомого им на допрос нескладного рыжеватого мужчину.

– Вот вам Студент, – по-свойски доложил оперативник. – Готов помочь следствию в любых начинаниях, ну, это, как обычно...

– Жора, распорядись пока, чтобы машину нашу не трогали, даже если начальнику Управления не на чем будет ехать в Государственный Совет, – попросил комиссар. – И зарезервируй еще парочку автомобилей, на всякий случай. Думаю, на один уж точно в гараже разорятся ради нас.

– Слушаюсь! – потешно вытянулся в струнку оперативник.

– Садись, «Петя», – кивнул аферисту Северин после того, как

за Жорой закрылась дверь. – Поговорим о твоих делах...

– Господин Фогт, – чуть нарочито всплеснул руками Студент, присаживаясь на краешек стула и продолжая изображать из себя невинно пострадавшего, совершенно случайно попавшего в полицейские хищные лапы барашка. – Вы же знаете, что наши дела никак не пересекаются. Все эти убийства, гоп-стопы, насилие – не мой профиль, даже когда меня вдруг начинают бить.

– Чем ты пометил Маркуса? – резко, громко спросил Симон.

Помещенный почти в центре комнаты, согласно канонам допроса, «Рыжий Петя» невольно оглянулся на примостившегося в уголке агента, и в глазах афериста мелькнул суеверный ужас. Замеченные глазастым Студентом еще при входе, гости комиссара не были теми простыми людьми, от которых можно ожидать всего лишь кулаком в лоб, сапогом по ребрам, ну, в крайнем случае, дубинкой по хребту или мешочком с песком по другим частям тела.

– Какого Маркуса? Вы о чем? Кто это, господин комиссар? – ошарашено забормотал Студент, невольно съеживаясь, будто готовясь принять первый удар.

– Какая тебе разница? – лениво и с усталостью в голосе ответил Северин на последний вопрос допрашиваемого. – Если человек здесь и задает вопросы, то, значит, имеет на это право. И, вообще, учти, что я просто предоставил свой кабинет для разговора с тобой, чтобы сэкономить бензин и запчасти на перевозках.

– Аэропорт, прошедшая ночь, зал прилетов, – напомнила Некта, вступая в разговор и заставляя «Рыжего Петю» повернуть теперь в противоположном от Симона направлении.

– Что же вам, в конце концов, надо? – не выдержал Студент, превращаясь из очаровательно-смешного киношного персонажа во вполне серьезного, деловитого уголовника. – Ну, был я в Ромашковом этой ночью, искал, с кем бы партейку в преферанс скатать, ну, может, еще как подзаработать, в чем тут вина? Никого не трогал, ни с кем так и не сыграл, пострадавших и потерпевших нет.

– Ты не понял, наверное, зачем мы здесь? – ласково, угрожающе понизив голос, переспросил агент Преисподней, чуть склоняясь вперед и, как бы, впиваясь невидимым за очками взглядом в лицо афериста. – Мы должны узнать, чем ты пометил Маркуса.

– Может, ему пальцы разmozжить? – предложила Некта, с интересом разглядывая лежащую на колене «Рыжего Пети» тонкопалую ладонь. – А то, кажись, только время зря теряем с бестолковым Студентом...

– Все бы тебе над людьми издеваться, – недовольно буркнул Симон, подыгрывая спутнице. – И когда угомонишься только.

– А зачем же я эти ботинки сегодня обула? – сердито поинтересовалась девушка, задирая ногу и демонстрируя прежде всего аферисту рифленую, грязноватую подошву тяжелого на вид башмака.

– Могла бы и в балльных туфельках придти, обувь для тебя никогда не была помехой, – проворчал агент.

– Комиссар, что же это? – почти шепотом обратился «Рыжий Петя» за помощью к полицейскому, он, неожиданно для самого себя, испугался так, как не боялся еще никогда в жизни. – Вы же никогда... ни разу...

– Я, конечно, да и мои сотрудники тоже никого не пытаются, даже бьют только изредка и за дело, – печально согласился Северин, прикрывая ладонью глаза, нарочито пряча их то ли от допрашиваемого, то ли – для того, чтобы не видеть возможных эксцессов. – Хотя иной раз очень хотелось... Но сейчас допрашиваю тебя не я, не пятый отдел и даже не сыскное Управление. А это, согласись, совсем другое дело.

– А может, ему яички защемить? – продолжала резвиться Некта, будто излагая вслух «Курс молодого садиста». – Слышь, рыжий, ты когда-нибудь слышал, как орут с придавленными яйцами? А тут тебе не просто придавят – зажмут парой дощечек и будут медленно-медленно сдавливать, пока у тебя глаза не вылезут на лоб от крика. А потом надо чуть ослабить, дать передохнуть и – давить, давить, давить... пока не лопнет...

Девушка, разгорячившись собственной игрой, привстала со стула, ладонями показывая Студенту, как пара простеньких дощечек будет извлекать из его глотки отчаянные крики боли и безысходности. Наверное, сыграно было хорошо, артистично, на побледневшем лбу «Рыжего Пети» показались мелкие бисеринки пота, взгляд отчаянно заметался по комнате...

– Хотя, и это тоже – перебор, – резко остановила сама себя Некта, усаживаясь обратно. – Думаю, достаточно будет вот этой вещицы...

Из кармана висящей на спинке стула камуфляжной куртки девушка извлекла явно тяжелый, серо-свинцовый, маленький флакончик и продемонстрировала его аферисту.

– Не знаешь, что это такое? Правильно, откуда тебе знать, – усмехнулась она радостно и зловеще, как иной раз получается только у женщин. – А здесь простой растворчик, концентрированные соли радия, понимаешь? Жутко радиоактивный элемент, потому и ношу его в свинцовой таре, видишь? Его много не надо – доли грамма, и ты уже ходячий

покойник, но если влить в человека пару-тройку капель, то процесс пойдет гораздо быстрее. Ты на глазах облысеешь, выпадут зубы, начнутся сумасшедшие боли в костях, рвота, головная боль... самое приятное, что все это происходит при полном сознании, организм отказывается отключаться, а терпит, терпит, терпит... пока, наконец, истощенный, облысевший, обтянутый кожей и истекающий гноем скелет не начинает слезно умолять пристрелить его, придушить или вколоть смертельную дозу быстродействующего яда, чтобы облегчить страдания.

Перепуганному Студенту на мгновение показалось, что даже глаза Некты вспыхнули отвратительным гнойно-желтым цветом садистского удовольствия. Она смотрела на «Рыжего Петю» с отвратительным любопытством ребенка, готового оторвать половину лапок жучку, чтобы проверить, как он будет ползти на оставшихся, при этом не думая ни о чем, кроме своего желания.

– Комиссар, у тебя найдется запасная чашка, которую не жаль будет выбросить? – небрежно, через плечо, поинтересовалась девушка, выставляя на стол свинцовый флакончик. – Мне кажется, наш гость с удовольствием расскажет обо всем ради быстрой и легкой смерти, но сначала – его непременно надо напоить чаем...

Внимательно наблюдающий за разыгрываемой сценой Симон заметил, как забегали, замельтешили в глазах комиссара чертики-смешинки, но Северин справился с ними и молча полез в ящик стола – за третьей кружкой.

– Я ничего не сделал! За что меня травить, как чумную крысу! – заорал, сорвавшись в истерику, «Рыжий Петя». – Что тут, вообще, происходит! Комиссар! Вы не можете, вы не должны... спасите меня!..

Некта одним движением переместилась со стула к Студенту, крепкой ладонью бывшей спортсменки зажала ему щеки, заставляя бессильно раскрыть рот, и быстро поднесла к губам все еще плотно закрытый флакончик со смертоносным раствором. Но «Рыжий Петя» смотрел не на свою мучительную смерть в её руках, не на маленький сосуд с загадочным содержимым, он, наконец-то, встретился со взглядом Некты и увидел то, что добило матерого уголовника окончательно – очаровательные глаза таинственной девушки были глазами мертвого человека...

– Не... не... надо, – с трудом просипел аферист, судорожно дергая руками и ногами, но при этом не пытаясь освободиться из захвата девушки.

На стильных бежевых брюках «Рыжего Пети» неожиданно появилось темное, характерное пятно.

– Стоп, – скомандовал Симон, тоже приближаясь к

допрашиваемому. – Остынь, Некта, он хороший, сам все расскажет и тут же, понимаешь, забудет о том, кому и что рассказывал. Я прав, Студент?

– Да, да, да... – лихорадочно закивал аферист освобожденной головой, пытаясь хотя бы символически, на длину сидения, отодвинуться от изобразившей сильное разочарование девушки. – Меня попросили, просто попросили... без всяких условий, но я там должен, сильно должен, не деньгами, деньги – сор, я должен хлебом...

– О чем попросили-то? – мягко намекнул, что пора бы переходить к делу, агент Преисподней.

– Просто мазнуть одного фраерка по одежде, – заторопился признаться «Рыжий Петя», косясь на разочарованную физиономию Некты. – Ничего страшного, она... он... они при мне на язык жидкость брали, я сам не стал, но мазал-то голый рукой... говорили – это феромоны какие-то, позволяют найти за километры, как у бабочки, а может и не найти, а просто определить – был человек здесь или нет... мне-то нетрудно... столкнулся, по пиджаку рукой провел – всего-то делов...

– Куда девал остатки жидкости? – поинтересовался Симон.

– Выбросил, ей-ей, выбросил, – постарался ответить побыстрее аферист, вжимаясь в спинку стула. – Прямо там, в аэропорту, в туалете и выкинул... слил в унитаз, да там и было-то всего с десяток капель, а флакон бросил в мусор, обычный такой флакончик, аптечный, в нем боярышник на спирту продают, только этикетки на нем не было, никакой этикетки, пустой флакончик, маленький...

– Так кто, говоришь, флакончик тебе передал? – лениво спросила Некта, вернувшись на свое место и слегка развалившаяся на стуле. – Когда?

– Девчонка одна, но она посредница, просто почтовый ящик, – окончательно решив не подвергать себя более опасности увидеть мертвые глаза девушки, честно признался Студент. – Мне через нее иногда поручения давали, по мелочи... всякие... ну, с кем-то поговорить, кого-то в картишки обыграть... и... вообще, линзы волшебные через нее ко мне пришли...

– Где её найти, чем занимается? – уточнил деловито Симон.

– Ну, она... делает вид, что «ночная бабочка», хотя, я-то знаю, проституцией не занимается... просто стоит иногда на улице с девчонками... те-то работают, а она, как бы, да, но и в то же время – нет... – непонятливо, сбивчиво пояснил «Рыжий Петя». – Ну, и она меня всегда сама находит, если что... мне-то от них ничего не надо... было не надо, а сейчас... получилось, нарвался из-за доверия людям...

В устах профессионального афериста такое признание прозвучало смешно, но никто не обратил на это особого внимания. Надо было ковать железо, вытаскивать из Студента все возможные подробности, пока было еще горячо в обгаженных штанах.

– Внешность, повадки, как одевается? Где стоит, на какой улице, в какие часы? Давай-давай, – подбодрил допрашиваемого Симон. – Авось, пригодятся любые мелочи, так что не скромничай...

По словам немного пришедшего в себя «Пети» высокая, худая, большегрудая блондинка с кудрявыми длинными волосами обыкновенно стояла у Центрального Универмага – «Золотое место, – подумал агент Преисподней. – И днем, и ночью там всегда бездна народа, все покупают и продают, ищут, что подешевле или покачественнее, не обращая ни малейшего внимания друг на друга, да там можно прямо в толпе развоплотиться, и никому не будет до этого дела...» – а иногда переключивался к дорогим гостиницам, бывала она и у тупика, ведущего к отелю «Две звезды».

– .. я её видел там пару раз, вечерами, когда мимо проезжал, – договорил, наконец, Студент, суматошно безо всякой надобности то и дело поправляя очки.

– Хорошо, что ты не стал доводить моих гостей до крайних мер, – с легкой иронией в голосе одобрил поведение афериста комиссар. – А что за волшебные линзы тебе подарили за добродетельное поведение?

– Господин Фогт, я об этом говорил еще два года назад, когда ваши ребята взяли меня свидетельствовать об убийстве того офицера в поезде, которого я не трогал, ну, так получилось, что он помер-то после игры со мной... – торопливо пояснил «Рыжий Петя», наконец-то, ощутив обмоченные брюки и чувствуя себя от этого крайне нелепо и дискомфортно.

– Говорил, говорил, – буркнул Северин. – Ты какую-то ахинею нес, что карты насквозь видишь, мол, дано тебе такое счастье в жизни, потому и не передергиваешь, колоды не подменяешь, а просто играешь наверняка, будто с открытыми мастями.

– Так и есть, – закивал аферист. – Вижу, но только в тех, подарочных линзах. Зрение-то у меня, сами знаете, нехорошее, вот иной раз и приходится линзами пользоваться, хоть глаза от этого и устают, но в очках – не всегда удобно.

– Ты хочешь сказать, что видишь насквозь карты? – нахмурился Симон, неприятно встревоженный этим известием. – И людей можешь также – насквозь?

– Нет-нет, только карты, да и не насквозь, там по-другому, –

поспешил разъяснить Студент. – Ну, просто смотрю на рубашки, а на них будто проступает масть, достоинство...

– Ну, ладно, – поняв, что имеет дело с каким-то неизвестным ему артефактом, решил закруглиться агент Преисподней. – Комиссар, думаю, надо бы нашему гостю дать на время какие-нибудь брюки переодеться, а потом съездить с ним по тем точкам, где чаще всего встречалась эта блондинка. Очень мне хочется с ней переговорить, да и вам, думаю, тоже...

– А мне – обязательно? – робко спросил, приподымаясь со стула, «Рыжий Петя».

– Обязательно, обязательно, – со смешком в голосе злорадно подтвердила Некта. – Ты мне очень понравился, не хочется так быстро расставаться, поездим вместе, пообщаемся, я тебе еще много чего интересного рассказать могу.

Аферист икнул и попробовал съежиться на стуле до размеров садовой улитки.

– Не пугай, а то останешься здесь, – демонстративно погрозил пальцем девушке Симон. – А наш новый друг поедет в компании со мной и комиссаром...

Северин по телефону вызвал своего помощника и распорядился привести в порядок временно задержанного, но ни в чем не виновного «Рыжего Петю».

– У нас есть еще пяток минут? – когда они остались втроем, поинтересовался Симон. – Скажите, комиссар, что такого забавного вы увидели во флакончике Некты, которым она грозила бедолаге-аферисту?

– Понимаете, уважаемый консультант, – улыбнулся Северин. – Вашей помощнице повезло, что «Рыжий Петя» оказался старым, убежденным холостяком, к женщинам относящимся достаточно спокойно и равнодушно. Иначе он, как и я, мог бы признать в этом «свинцовом» флаконе последний писк парфюмерной моды...

– Лови, – подтвердила слова комиссара Некта, резким движением метнув в Симона пресловутый флакон, оказавшийся на удивление легким, свинцовая серость и разводы были искусно выполненным муляжом.

Агент машинально открыл пробку и вдохнул интересный, терпко-сладкий аромат духов.

– Сочувствую вам, Северин, – серьезно сказал агент Преисподней. – Не знаю, как бы я вел себя на вашем месте, будучи уверенным в содержимом флакончика, но увиденной выдержке я, честно говоря, завидую.

– Но вы тоже, конечно, очень лихо сработали, – отвечая на комплимент, отдал должное хватке своих гостей Северин. – Рассказами о пытках, выдавленных глазах, отрезанных ушах,

конечно, трудно запугать уголовный элемент, они прекрасно знают, что полицейский после такого случая вряд ли останется на свободе, даже если он начнет пытаться серийного насильника или психопата-убийцу. Но вот описание воздействия радиоактивных солей на организм... выглядело очень натурально и даже меня проняло, как мальчишку.

– Некта умеет обращаться с мужчинами, – сделал еще один комплимент спутнице Симон. – Однако, нам предстоит сразу две поездки, обе отлагательства не терпят. Как думаете разделить своих сотрудников, комиссар?

– Наверное, мы с вами будем сопровождать «Рыжего Петю» в поисках его таинственной посредницы, – предложил Северин. – А Жора, Лучник и Лапа посмотрят, что находится в квартире, напротив отеля «Две звезды». У вас будет иное мнение?

– Да, комиссар. Дело в том, что в доме напротив гостиницы должен побывать кто-то из нас, двоих, пусть это будет Некта в компании Лучника, мне кажется, ваш первый помощник может... э-э-э... слегка отвлечься от дела в пользу моей спутницы, – настойчиво посоветовал Симон. – При этом Жору лучше использовать в поисках таинственной блондинки. Он неплохо контактирует с девушками легкого поведения, да и – чем черт не шутит – возможно, именно она и указала ему на подозрительный свет в доме напротив отеля?..

– Тогда потребуется микроавтобус, – слегка озадаченно прокомментировал новый расклад Северин. – Для машины многовато людей набирается, а еще, я очень надеюсь, придется кого-то задерживать...

И будто по этой подсказке, в приоткрытой двери появилась голова Жоры, не ставшего переступить порог, и в таком половинчатом положении доложившим:

– Все готово, Студента переодели, даже валерьянки накапали, чтобы отошел слегонца, а в гараже нам универсал дали, на шесть человек. Уважают...

– Вот и решение проблемы, – улыбнулся Симон с таким видом, будто лично или через беса-куратора приложил руку к выделению нужного транспорта.

А когда они дружно двинулись на выход из кабинета, агент Преисподней придержал комиссара за локоть:

– Задержитесь, пожалуйста, буквально на пару слов с глазу на глаз.

– Хорошо, – кивнул Северин и распорядился в спину уходящим: – Жора, подождите нас у лифта, надеюсь, это ненадолго...

– Не более пяти минут, – твердо пообещал Симон,

поворачивая перстень на пальце и буквально впиваясь взглядом в лиловый камень: «Артифекс!.. немедленно набрось тень на кабинет комиссара. Полную тень, чтобы не видели даже из Преисподней. Наше будущее с Северином должно исчезнуть. Всего на несколько минут. И при этом – очень попрошу – внимательно послушай, о чем я буду говорить... финал близок, Артифекс...»

...В подземном гараже сыскного Управления, куда спустились вместе с комиссаром Фогтом и его помощником живущие, но неживые, их уже встречали скромно улыбающийся Саша Савельев, аферист Студент, переодетый в немыслимого серо-буромалинового цвета сильно поношенные брюки, в сочетание со щегольским пиджачком выглядевшие будто подобранные на помойке, и молодой Лучник, деловитой единой группой что-то обсуждающие у высокого, светло-серого универсала с отлично выполненным изображением лося на капоте.

– Водителя не будет? – поинтересовался Северин, оглядывая свое воинство.

– Я сказал, что не нужен, – пояснил идущий чуть позади, рядом с Нектой, Жора. – Кому какое дело, куда и зачем мы поедем, а Лапа за рулем – это гарантия.

Что правда, то правда, застенчивый от природы и слегка медлительный в бытовой обстановке Савельев за рулем автомобиля и на сыскных операциях преображался, становясь хищным, стремительным и неумолимым.

Краем глаза Симон приметил, что пострадавший от психологического давления «Рыжий Петя» безуспешно прячется за плечом то Лучника, то Лапы, причем старается не попадаться на глаза именно агенту Преисподней, видимо, интуитивно разобравшись после небольшой паузы и дозы валерьянки, кто из незнакомцев представляет большую опасность для него.

Комиссар, отправив в машину первым афериста, как лишние уши, совершенно не нужные на текущий момент, коротко, в приказном порядке, распределил своих сотрудников на предстоящей работе, а потом попросил Симона забраться на дальнее, последнее сидение универсала, составив при этом ему компанию. В середине, рядом с «Рыжим Петей», которому будто бы специально предоставили лучший обзор, устроился Жора, а на крайних передних местах – Лучник и Некта.

– Саша, давай выдвигаться, – попросил Северин, дождавшись, когда все, занявшие места, проерзаются на сиденьях, устраиваясь поудобнее.

И через пять минут медленного аккуратно-занудливого движения в ярко освещенном гараже мимо шоферской братии,

кажется, совершенно одинаковой во все времена и в любых Отражениях, мимо строгой на вид, но по-своейски махнувшей рукой «на удачу» вслед отъезжающим оперативникам охраны, автомобиль вырвался в потемневший, ночной, пестрый огнями реклам, уличных фонарей, оконных огней город.

Знающий город, как свои пять пальцев, и получивший дополнительное указание от комиссара Лапа не стал выруливать на центральные, забытые транспортом улицы и проспекты, а буквально через сотню метров от здания сыскаго Управления увел машину в лабиринт узких переулков, просторных проходных – и проездных – дворов, странных тупичков и старинных малоэтажных домов, построенных, наверное, лет двести назад, но настолько сжившихся с городом, что тронуть их не посмели ни одни власти за прошедшее время.

Оперативники молчали, даже игриво настроенный Жора пристально смотрел в окна, и эта тишина, нарушаемая лишь шумом двигателя, как будто тревожила, внушала опасения, создавая невнятное ощущение того, что выехали полицейские не на простой досмотр пустующей квартиры, не на поиски девицы легкого поведения, а на захват банды хорошо вооруженных преступников, стреляющих без раздумия в любого, вставшего на их пути. От дальнейшего непонятного нагнетания обстановки выручила первая оговоренная остановка на пути – у таинственного дома напротив отеля «Две звезды», впрочем, Лапа подогнал автомобиль не на маленькую площадь у гостиницы, а на боковую улочку, с которой до строения можно было легко добраться через проходной двор.

Следом за Нектой и Лучником из машины, будто бы размять не успевшие затечь ноги, выбрался и Симон.

– Ты знаешь, мне почему-то очень не хочется идти в этот дом, – шепотом сказала девушка, обращаясь к агенту Преисподней, когда оперативник отошел на пару шагов в сторонку и остановился, тактично давая возможность незнакомцам переговорить.

– Мне тоже не хочется, – кивнул в знак согласия Симон. – Поэтому пойдешь ты...

– О, как! Настоящий мужчина, – съехидничала Некта. – Из тех, кто всегда пропускает первой женщину, чтобы убедиться в отсутствии опасности впереди.

– Иди уж, феминистка самодельная, – со вздохом подтолкнул агент свою спутницу к Лучнику.

Наверное, смущенная признанием Симона о том, что и ему не по себе от мысли о таинственных огнях, блуждавших в доме, Некта, неторопливо бредущая чуть позади и в стороне от

уверенно пробирающегося проходным двором оперативника, потеряла привычное внимание к мелочам и – едва натуральным образом не наступила на развалившегося прямо посреди затоптанного газончика человека, в бесформенных обносах почти сливающегося с землей в сумерках городского вечера. В неподдельном испуге отшатнувшись от вскочившего лохматого и бородатого, судя по истрепанной одежде – явно нищего, девушка ткнулась плечом в грудь Лучника, непонятным образом оказавшегося позади нее, хоть минуту назад спина младшего инспектора маячила едва ли не трех шагах впереди, перед её глазами.

– Спокойно, – прокомментировал оперативник. – Это всего-навсего Интер, наш городской сумасшедший, дядька безвредный и совсем не опасный...

И в этот миг, будто опровергая слова Лучника, безвредный сумасшедший нищий завопил, тыкая пальцем в Некту:

– Демон! Демон! Демоны приходят, демоны заполняют улицы...

Шагнувший вперед, загораживая собой вверенную его заботам – как он сам посчитал – девушку, оперативник прикрикнул на психа:

– И где ты демонов увидел, Интер? Глаза-то разуй, бестолочь...

Обычно после такого резкого, грубого обращения местный юродивый затихал, стараясь незаметно и побыстрее скрыться с глаз в какое-нибудь тихое, заповедное местечко, но сегодня по непонятной причине Интер не прекратил своих нападков, продолжая указывать на Некту:

– Демон в человеческом облики! Демон! Я вижу демона, а следом придут ангелы, они придут. Обязательно!

Низкий хрипчатый голос его возвысился до пророческого, почти колокольного гула.

– Здесь! Здесь оно случится! Город – Армагеддон! Вот как теперь называется наш город – Армагеддон! Здесь, на улицах и площадях, сойдутся в последней битве...

Пришедшая в себя Некта твердом жестом отстранила Лучника и шагнула к юродивому, понимая, что поступает она, конечно, нехорошо, ведь человек-то прав, пусть и называя её не своим именем, но точно угадав в девушке живущую неживую.

– А ну-ка – прочь с дороги! – властно сказала Некта, изображая движением руки, как быстро и куда должен уйти сумасшедший. – Тебе, дурню, велит демон – прочь!!!

Не послушавшийся оперативника, в этот раз юродивый неожиданно весь сжался, будто в ожидании удара, замер на пару

секунд, а потом подхватил зачем-то полы своей потрепанной рваной куртки и, спотыкаясь, уставившись ничего невидящими глазами в землю, рысцой бросился со двора.

– И чего это он? – почесал в затылке в недоумении Лучник. – Такой всегда тихий, разговоры о божественном ведет, иной раз не поймешь – дурака валяет или всерьез психом притворяется... а тут – так разошелся...

– Напугала я его, – притворно вздохнула Некта. – Ты бы, небось, тоже возмутился, если бы кто наступил в темноте на твою спокойно лежащую тушку.

– Возмутился, только демонами обзывать, наверное, не стал, – послушно кивнул оперативник, подумав при этом: «Хитришь... на него ты не наступала, да и видел Интер, как мы шли по двору, и тебя, девочка, видел, может, потому так и взъярился...»

Впрочем, разбираться прямо сейчас, имея на руках конкретное задание, в демонической сущности своей спутницы Лучник, как человек трезвомыслящий, не стал.

– Вон, кажется, это уже тот самый подъезд, – указал он девушке на яркий огонек под небольшим козырьком. – По моим прикидкам, здесь и должна располагаться та самая квартира, в которой и видели трепещущие огоньки...

– Пошли, – кивнула Некта, отчаянно перебарывая отвращение, густой волной захлестнувшее всю её сущность – рядом с домом нежелание заходить в него превышало все мыслимые границы.

...на лестничной площадке одуряюще пахло хлоркой и хвойной эссенцией, похоже было, что модное моющее средство, каким пользовались уборщицы в подъезде, совершенно не умело перемешивать между собой эти запахи. Некта в очередной раз поморщилась и собралась уж, было, поторопить склонившегося к замочной скважине Лучника, как оперативник сам распрямился и попросил коротко:

– Прикрой-ка меня от тех дверей... – кивком указав на соседнюю квартиру, в которой он только что побывал, окончательно проясняя обстановку вокруг своего объекта, того самого помещения, в котором «блуждали огоньки» в ночь убийства Маркуса и его помощников.

Девушка послушно повернулась спиной к дверному «глазку», а Лучник ловко пошерудил в замке универсальной отмычкой – непременно инструментом всех оперативников сыскаго Управления. «Ну, и по соседям ближайшим пройдишь, не ленись, выясни, что там за народ бывает, как себя ведут», – посоветовал молодому инспектору Северин на мимолетном совещании еще в

подземном гараже. «А если в квартире никого?» – на всякий случай задал вопрос Лучник, слегка смущенный и присутствием постороннего Симона, и навязываемой ему в напарницы Некты. «Ты первый день в отделе? – удивился комиссар. – Вскроешь дверь сам, если она несложная, ну, а на сейфовые замки пригласи местного слесаря и околоточного...» «Без санкции и всяких бумаг?» – дотошно уточнил оперативник. «И в самом деле, как первый раз такое делать будешь, – даже чуток рассердился Северин, впрочем, прекрасно понимая настороженность сотрудника. – Все, как обычно, только чуть больше внимания и осторожности».

Лучник понимал, что в квартире никого быть не может, да и серьезные следы вероятные преступники вряд ли оставили, иначе не послали бы его вместе с малолетней девчонкой без прикрытия и поддержки, потому дверь открывал хоть и без особой опаски, но осторожно, внимательно вслушиваясь в пустую тишину. «Не живут там, давно уже никого нет, – говорили соседи: серьезный, профессорского вида старичок и старенькая бабка с ребенком на руках, живущие рядом, по обе стороны от злополучного места. – Кто-то иной раз приходит, слышно шаги, мебель двигают, в смысле – кресла, стулья, что-то скрипит странно так, будто воет тоненько, а потом – опять тишина на месяцы...»

В пяти обильно заставленных старой мебелью комнатах царили тишина, запустение и уныние, пол, начиная с просторной прихожей, был густо усыпан пылью, на всех горизонтальных плоскостях – полках, столах, шкафах – тоже властвовала многодневная, если не сказать, многолетняя – серая, мохнатая и неестественно ровная пыль. Сразу из прихожей, оставляя четкие следы на полу, Некта прошла в сторону кухни-столовой, на ходу приоткрыв двери в уборную и ванную, щелкнув выключателями – освещение сработало нормально, только пыльные лампочки, через пару минут спалившие налет времени, добавили к запаху запустения и вонь сгоревшей пыли. В обоих помещениях было сухо, без малейших намеков на то, что когда-то здесь принимали душ или сливали воду в унитазе. Хромированные детали сантехники потускнели, масляная краска на водопроводных трубах потрескалась от времени. До кухни девушка не успела добраться, хотя вряд ли там нашлось бы что-то интересное, думается, и сухой корки не осталось от прежних владельцев апартаментов.

– Некта! Ты не теряйся, – позвал ее из комнат Лучник, держащийся все это время строго, почти официально, не позволяя себе никаких вольностей, вроде объятий за талию или, казалось бы, случайных прикосновений к попке.

– Куда я денусь с подводной лодки, – отозвалась девушка, но тем не менее, на голос оперативника пошла охотно, чувствовалась в этом запустении, забвении и пыли чья-то чужая воля, заставившая приличную квартиру превратиться в заброшенный, забытый людьми уголок.

Возле окна, выходящего на маленькую площадь, украшенную в дальнем, укромном углу небольшим изящным фонтаном, извергающим в темное уже небо подсвеченные струи веселой, серебристой воды, стоял, продолжая озиаться по сторонам оперативник. Некта, попав в комнату, сперва быстро осмотрелась: старые книжные шкафы, заполненные единообразными корешками толстенных томов, обозначенных лишь римскими цифрами, пара глубоких, продавленных кресел под серыми от пыли чехлами, небольшой стол на вычурных ножках и помутневший графин на нем, несколько стульев в дальних углах – вся мебель, казалось, появилась здесь в незапамятные времена, хотя по стилю, по тонкости и изяществу работы девушка на глаз оценила ее возраст в сотню-другую лет. «Нынче такой не делают, как говорят старики», – подумала Некта и обратилась к Лучнику:

– Чего нашел? Делиться будем?

– Ничего не нашел, – разочаровал её оперативник. – Для нормального обыска здесь человек десять надо, ну, и сутки времени, не меньше, одних книг сколько... А то, что окна прямо на отель выходят, мы и без того знали... вот только – глянь.

Он указал на широкий подоконник и тут же, не дав Некте сообразить, о чем идет речь, продолжил:

– Ничего странного не замечаешь? Вот и я не замечаю, кажется, все в пыли, стекла – лет двадцать не протирали, рамы внутри паутиной заросли... Вот только – глянь, как пыль на подоконнике лежит. Ровнехонький слой по всей поверхности... а я вот замечал уже не раз, даже дома – пыль в углах обычно накапливается сильнее, чем в центре. А здесь – поровну. Может, я просто ищу, к чему бы придраться, но ничего другого не заметил. А ты?

– А я еще до кухни не успела дойти, – сообщила девушка. – В ванной, туалете – пусто и тишина, похоже, здесь не только раз в месяц, раз в год никто не бывает, а у старичков-соседей – обыкновенные слуховые галлюцинации на возрастной почве.

– Давай вместе осмотрим остальные комнаты, – предложил Лучник, подходя поближе к девушке. – А потом – на улицу, там доложим комиссару и...

– Боишься потеряться в таких хоромах? – привычно съязвила Некта, перебивая молодого младшего инспектора.

– Боюсь тебя потерять, – серьезно ответил оперативник. –

Что-то мне здесь не нравится... а почему – и не знаю.

Он слегка развел руками, будто в недоумении, но договаривать о том, как учил его с первых дней комиссар Фогт доверять собственной интуиции и безоговорочно верить неуместным иной раз ощущениям, не стал.

– Ну, пойдем вместе, – согласилась девушка.

Она не ощущала близкой опасности, и чувство нежелания проникать в дом, зародившееся еще у полицейского автомобиля, постепенно, как бы, развеялось, но почему-то едва ли не с того момента, как Лучник начал ковыряться в замке отмычкой, понимала – что-то они делают неправильно, напрасно, будто идут по самому краешку горной тропинки над обрывом в то время, когда можно просто плотнее прижаться к скале и не испытывать собственные нервы щекочущим бесполезным страхом.

В соседней комнате, оказавшейся гостиной, была такая же старая, крепкая мебель, мутные стекла окон, пыль и – вполне работоспособные электроприборы.

– Странно, – вслух подумал Лучник, щелкая выключателем огромного торшера на бронзовой ножке. – Если здесь никто не живет, даже, судя по внешнему виду, не заходят, то кто же оплачивает все коммунальные счета? За воду, электричество, тепло? Наши крохоборы из городской электрокомпании и месяца ждать бы не стали – отрезали провода, ходи потом, доказывай, что просто был в отпуске...

Не так давно в похожую неприятную ситуацию попал его школьных лет приятель.

Некта не ответила, пытаясь разобраться в собственных отрицательных и невнятных ощущениях, молча, стараясь не подымать пыль, щедро рассыпанную на полу, подошла к дверям последней комнаты в квартире, видимо, спальни, раз уж библиотеку, гостиную и кабинет они осмотрели. Но за старинными, крепкими дверями ничего не было. То есть, комната-то была, примерно равная по площади гостиной, но – абсолютно пустая, без мебели, в одних обоях, покрытых сложным, как бы даже не руническим, узором. В слабом свете торшера, едва пробивающимся в затемненную грязными стеклами странную спальню, Некта вдруг увидела мельком – будто поплыло всё перед глазами – сиренево-серебристую паутинку, брошенную на пол, под пыль, в дальнем от окна, глухом углу пустынной комнаты. «Стоит глянуть», – бесстрашно решила девушка, неторопливо направляясь туда. Вошедший следом Лучник почему-то увлекся руническим узором обоев и лишь краем глаза следил за перемещением спутницы, впрочем, какая может таиться опасность в совершенно пустом помещении?

Никакой паутинки в углу комнаты не было, дошедшая до самой стены Некта пожала плечами, досадливо ткнула кулачком в стену, стряхнув с нее немного пыли, и собралась повернуться, чтобы двинуться на выход, теперь уж – окончательный, из квартиры... но в самый момент поворота...

Лучник краем глаза приметил, как силуэт девушки поплыл, раздваиваясь, будто размытый киношными спецэффектами, медленно-медленно с плеч одной Некты начала сваливаться камуфляжная, безразмерная куртку, налету исчезая, растворяясь прямо в воздухе, как растворяется сахар под струей кипятка... это было невозможно, нереально... оперативник сморгнул, отгоняя наваждение, и все вернулось на круги своя – девушка, развернувшись, неторопливо побрела на выход, вздымая каждым своим шагом небольшие, но стойкие облачка пыли.

– Уходим? – на всякий случай уточнил Лучник. – Наверно, будет лучше рассказать обо всем комиссару, пусть он решает – проводить здесь капитальный обыск или оставить все, как есть...

– Да, – кивнула девушка.

... – Что б им всем пусто было... это Монсальват или выгребная яма? – громыхал, будто сброшенный на землю металлический лист, грубый и сочный мужской голос. – Они опять сбрасывают, что под руку подвернется! Зачем нам это жалкое умертвие?

Растерянная Некта приоткрыла глаза, сразу наткнувшись взглядом на коптящее, ржаво-рыжее пламя факела по левую руку от себя. Она ощутила, что не валяется без чувств на полу и не висит волшебным образом в воздухе, а вполне крепко стоит на собственных ногах, вот только руки вытянуты вдоль туловища и намертво примотаны к телу грубой, толстой веревкой. Размышлять о том, куда и каким образом она попала из пустой комнаты в таинственной квартире, Некта не стала, сейчас такие размышления привели бы лишь к чувству безысходности и головной боли.

Окончательно раскрыв глаза, девушка бегло осмотрелась, стараясь не задерживать взгляд на мелькнувших фигурах людей и уж тем более – не заглядывать им в лицо. Окружающее пространство поразило её, насколько, вообще, возможно было удивить и ошеломить побывавшую в Преисподней грешную душу. Вместо вполне современной, хоть и загадочной, но подключенной к водопроводу и электричеству квартиры Некта находилась в просторном, хотя и удивительно низком зале, стены и потолок которого были сложены из неотесанных камней, лишь примерно, на глаз, подобранных по размеру и скрепленных между собой, похоже, засохшей глиной или известью. Освещался зал десятком тускло горящих, коптящих и пованивающих факелов, видимо, пропитанных каким-то маслом, и несколькими десятком толстых, грубо выделанных восковых свечей. Большая часть факелов была просто воткнута в широкие щели в стенах, парочку держали в руках невнятные пока, коренастые, бородатые мужчины, а вот свечами были облеплены столешницы трех могучих столов, расположившихся в зале.

Два длинных пустых стола уходили по обе стороны стен в бесконечность плохо освещенного зала, а вот за третьим, в сиянии свечей, отвернувшись от золотой и серебряной посуды, наполненной ароматной, прямо с вертела, жареной свининой, грубо разломленными кусками сероватого, странного хлеба, яркими лимонами, красно-зелеными яблоками, сидел крепкий мужчина с резкими чертами лица, заросший взлохмаченной

светлой бородой, в стеганной, толстой безрукавке-поддоспешнике поверх белесой широкой рубахи-косоворотки, с неожиданной, украшенной яркими самоцветными камнями, рубинами, изумрудами, буровато-серыми алмазами золотой короне, широким обручем, охватывающей лохматую голову.

Уперев руки в боки и откинувшись спиной к покинутому столу, местный король с прищуром рассматривал спеленатое веревками умертвие. На мощных плечах самодержца возлежала толстенная, в пару пальцев, золотая цепь примитивного грубого плетения, поддерживающая огромный, в две ладони, и толстый золотой диск-медальон на широкой груди, покрытый странными письменами и украшенный ярким изумрудом величиной с лесной орех.

– И куда теперь девать это убожество? – вновь прогрохотал металлом властелин. – Оно же ни на что не годно, даже просто греть постели моих воинов!..

«А ты меня-то спросил – хочу я греть чьи-то постели? – возмутилась Некта, но вслух говорить ничего не стала, заранее опасаясь неадекватной реакции увешанного золотом мужика. – И как ему не тяжело с таким грузом на шее ходить? Ох, нелегка королевская доля...»

– И куда ж теперь её, ваша милость? – с легком поклоном, едва при этом не задев горящим факелом лицо Некты, спросил стоящим рядом с ней стражник в побитой, местами рваной, но тщательно начищенной кольчуге поверх холщовой рубахи, в широком поясе с ножнами под длинный, узкий меч и разбитым чудовищным шрамом лицом.

– К свиньям! – гаркнул властелин, и собравшиеся рядом с ним за столом бородатые и лохматые люди дружно загоготали, заржали на все лады, будто искренне восторгаясь деревенским юмором своего сеньора.

– Куда? – тупо повторил стражник, видимо, не оценивший по достоинству шутки властелина, а потому и не понявший, что все-таки делать с Нектой или, как её уже успели здесь поименовать – умертвием.

– Ты, Рендель, хороший боец, но бестолковый, как все простолюдины, – снизошел до разъяснения король, теперь тщательно разглядывая Некту, как бы прикидывая – на что годна тощая, странно одетая тушка умертвия. – В прачки и швеи её не определишь, глянь на руки, они никогда не знали ни песка, ни иглы. Прибирать в замковых покоях – я лучше поставлю злейшего врага, готового во сне перерезать мою глотку, чем умертвие, способное погубить бессмертную душу. Ублажать воинов в кастре она тоже не годна, ни груди, ни задницы, сплошь – с головы до

ног – похожа на доску, да и есть ли у нее, чем ублажать? Ты захочешь проверить?

– Нет, – резво отшатнулся от Некты стражник, будто властелин предложил ему удостовериться не в женском естестве девушки, а прикоснуться голыми руками к раскаленному докрасна металлу.

– Вот то-то же, – удовлетворенно кивнул король. – И никто не захочет рисковать не в бою – меч на меч, сила на силу – а в пустом деле. И выбрасывать за стену такой подарок негоже, может, с каким умыслом, еще непонятным никому его подкинули нам? Так что остается только – к свиньям!

Он переждал очередной взрыв хохота приближенных и вновь снизошел до стражника, растолковывая очевидное:

– Пускай пока потаскает помои с кухни, покормит свиней, почистит хлев, на это много ума и сил не надо, а потом – мы придумаем или нам подскажут, как быть дальше с этим умертвием. Иди, Рендель, отдай его кастеляну и передай мои слова – к свиньям!

Получивший, наконец, прямой и однозначный приказ стражник дернул за край веревки, намотанный на его ладонь и потянул Некту за собой, в узкий, низкий коридорчик с закопченным потолком и чуть влажными на взгляд стенами из все того же необработанного камня.

«И не боится же первым идти, – подумала девушка, пару раз споткнувшись и едва не боднув стражника в окольчуженную спину. – Хотя, чего ему бояться-то?» От самых плеч до бедер Некта была надежно обвязана грязной, но крепкой веревкой, толщиной едва ли не в её руку, но даже и свободной она вряд ли без шума смогла бы справиться с мужчиной в вдвое шире себя, хоть и почти одного роста, тем более защищенным кольчугой, широким боевым поясом, вооруженным мечом. Да и какой смысл кидаться на конвоира, не зная – что там, за следующим углом, находится?

Коридорчик окончился буквально через десяток шагов, будто каменной стеной отгородив довольно светлое, как только сейчас поняла Некта, шумное помещение зала, в котором собрался местный властелин со своими приближенными. В проходной, с тремя могучими, обшитыми полосами позеленевшей бронзы дверями, маленькой комнате ярко горела примитивная, только на картинках в детских книжках и виденная девушкой лучина, освещаая высокого, худого мужчину, относительно выбритого и хоть неровно, клочками, но постриженного в сравнении с королевской свитой, самим властелином и приведшим Некту стражником. Бесформенная бурая ряса грубого сукна висела на

кастеляне, как на огородном пугале, при малейшем движении стараясь обвиться вокруг длинных тонких ног, запутаться странными складками на бедрах, спрятать в широких рукавах тонкопалые худые руки, больше похожие на обтянутые кожей кости скелета. Тонкую, совсем не мужскую талию местного управляющего обвивал вполне достойный дворянина богато отделанный тонкими золотыми и серебряными бляхами кожаный пояс с прикрепленными к нему ножами под широкий, короткий кинжал, больше похожий на слегка уменьшенный древнеримский меч-гладиус с простой деревянной рукояткой, отполированной тысячами прикосновений грязных рук до темно-бурого, почти черного цвета.

– Кастелян, – грубо дернул за веревку девушку, придвигая её ближе к управителю замковым хозяйством, стражник. – Это тебе от владельца. Он сказал – к свиньям умертвие!

– Ступай, Рендель, на кухне еще осталось что-то от ужина для властителя, – поощрил стражника кастелян, веревку из его рук не принимая, оставив её хвостиком болтаться у бедра девушки.

Очевидно, вознаграждение было более, чем щедрым, Некта заметила, как алчно вспыхнул спрятанный в уродливом шраме глаз стражника, и как торопливо шагнул тот к одной из дверей, уводящих из комнаты. Дождавшись ухода Ренделя и плотно прикрыв за ним дверь, кастелян обошел девушку со спины и, негромко пыхтя, принялся было распускать туго затянутый узел веревки, однако, помучившись так пару-тройку минут, не смог его одолеть при помощи пальцев и с характерным, чуть шуршащим звуком выхватил из ножен кинжал. Некта решила, было, что сейчас веревка упадет к её ногам и можно будет хоть немного размять затекшие и начинающие побаливать руки, но – не тут-то было, хозяйственный управляющий еще долго ковырялся лезвием в узле, то ослабляя, то затягивая его, пока, наконец, не принялся сматывать веревку на локоть, обходя девушку мерными неторопливыми шагами. Закончив такой важный, с его точки зрения, процесс кастелян аккуратно и деловито уложил веревку в небольшую неглубокую нишу, выдолбленную в камне примерно посередине между массивными дверями, захватив оттуда короткий факел, судя по обугленному набалдашнику палки, уже использованный и, может быть, не раз.

Запалив от лучины мгновенно завонявший прогорклым маслом потрескивающий грязно-оранжевый огонь и тут же притушив уже не нужную щепку в маленькой бадейке с песком, примостившейся в углу комнаты, кастелян ткнул сухим кулаком в сторону третьей двери, ведущей в неизвестность: «Туда».

Некта, с трудом поднимая еще не отошедшие от

неподвижности и грубых веревок руки, навалилась на толстые неструганные доски и – неожиданно очутилась в маленьком, узком закутке обширного двора под открытым небом – оказывается, дверь открывалась очень легко. Почти сразу же подняв голову, девушка не увидела на черном, бездонном куполе ни луны, ни звезд, ни даже видимых при самой ненастной погоде плотных туч, и это невероятное зрелище заставило Некту невольно передернуть плечами и тихонечко, на грани слышимости, выдохнуть себе под нос: «Б-р-р-р...» Впрочем, долго разглядывать пустоту над головой ей не довелось, кастелян чувствительно двинул девушку в спину костлявым острым кулаком, заставляя пройти еще с десятков шагов по плотно утоптанной земле, освещенной издалека все теми же, воткнутыми в расщелины стен, факелами, и остановил гортанным, скрипучим окриком:

– Вот!

Шагах в десяти вдоль стены замка, у очередной массивной двери, опоясанной слабо мерцающей в факельном свете бронзой, стояла деревянная бадейка с верхом наполненное отходами кухни владетеля. На взгляд Некты, емкость эта была раза в полтора побольше стандартного жестяного ведра из её родного Отражения.

– Берешь, несешь туда!

Следующее движение кастеляна указывало на низкий, даже девушке пришлось бы сгибаться входя в него, сарай из толстенных бревен с легкой, прикрытой ременной петлей вместо замка дверью. Внутри сарая что-то шевелилось, повизгивало и едва слышно похрюкивало, толстые стены служили прекрасной шумоизоляцией, и ничего более Некта не успела расслышать, привлеченная очередным указанием управляющего.

– Еще. Снова берешь, несешь туда!

Теперь кастелян указывал на аналогичное первому ведро, выставленное возле угла высокого, в сравнении со свинарником, дома с узкими бойницами окон, затянутых мутной пленкой то ли бычьего, то ли рыбьего пузыря. Со стороны этой бадейки ощутимо, на весь двор, пахло человеческими испражнениями, показавшимися девушке какими-то особо вонючими, наверное, из-за необходимости самой таскать этот груз.

– Полное ведро – наказание, – пояснил кастелян, не уточняя, правда, в чем оно будет выражаться. – Вода – у меня, утром, один раз. Ты поняла?

– Я поняла, – согласилась Некта, по-прежнему исподлобья озираясь по сторонам, чтобы уловить в полутьме побольше деталей расположения дверей в каменной стене, размеров

казармы, называемой кастрой, количества факелов. – А жрать когда? Тоже утром?

– Жрать? – искренне удивился кастелян, казалось, совсем не ожидавший такого простого вопроса, и снова ткнул костлявым пальцем в ведро с отходами, поясняя: – Еда для свиней и для тебя.

«Охренел, что ли, дядя!» – едва не вырвалось у девушки, но тут же она прикусила язычок, сейчас лезть на рожон было совсем не ко времени и не к месту.

– Неси!

Управляющий отступил на шаг, скрестив руки на груди, всем своим видом показывая, что он намерен проконтролировать, как поняла Некта его указания.

Покривившись – а делать-то нечего, не консула Преисподней требовать, право слово – девушка неспешно подошла к бадейке с отходами, прихватила тонкий и мягкий металлический прут рукояти, очень надеясь, что спортивное прошлое позволит ей без особого труда протащить десяток, а то и меньше, килограммов на тридцать шагов... ух, ты – ведерко-то оказалось раза в полтора тяжелее и тянуло, пожалуй, на полный пуд. «Интересно, чего они туда напихали?» – меланхолично подумала Некта, пинком открывая двери свинарника и встречаемая радостным визгом, хрюканьем и – жуткой, острой вонью, какой до сей пор в жизни она ни разу не чуяла. Глаза защипало, затянуло слезами, и девушка с трудом проморгалась, чтобы разглядеть в полумраке, куда же выливать дурно пахнущую субстанцию, от которой бурочерные, волосатые и совсем не дружелюбные хрюшки пришли в такой восторг. После этого совсем несвежий, застоявшийся, затхлый воздух замкового двора показался Некте слаще чистейшего высокогорного, но – предстояла еще одна ходка, на этот раз с вонючим продуктом результатов человеческой жизнедеятельности.

Внимательно наблюдавший за работой девушки кастелян, кажется, оказался удовлетворен таким бойким началом трудовой деятельности, но внешне вида не подал, а лишь указал пальцем на маленький приступочек в самом дальнем углу свинарника и произнес:

– Сидеть там. Не ходить, не спать. Сидеть.

И ушел в свою комнату внутри замка, лишив Некту близкого источника света. В полутьме неверного освещения от далеких коптящих факелов девушка заметила блеск металла в нескольких укромных уголках двора, видимо, там дежурили стражники, обмундированные и вооруженные на манер Ренделя. Присев на завалинку и стараясь больше дышать через рот, Некта с

удивлением ощутила навалившуюся внезапно усталость, видимо, дело тут было не только и не столько в паре пудовых ведер и отвратительных запахах свинарника, сколько в неожиданном заточении в странном причудливом замке, в пустом небе без звезд и луны, в невозможности толком определить – где она, надолго ли, ждать ли помощи?

«Помнится, Симон говорил: бежать надо или сразу, «на рывок», не учитывая никаких обстоятельств, в первые же минуты или часы после пленения, чтобы это стало неожиданностью для еще пребывающих в некой эйфории победы врагов. А если не получилось сразу – причины неважны, не о том сейчас речь – то придется затянуть подготовку на дни, а может, и на недели, дожидаться, пока притупится бдительность охраны, пока тебя не будут воспринимать, как деталь интерьера, изучить график смены охраняющих, узнать пути предстоящего бегства, может быть, поднакопить продуктов в дорогу, и только тогда...» – задумавшаяся Некта не заметила, как её сморил сон, и очнулась от резкого – металлом о металл – звука рынды, подвешенной в дальнем от нее углу двора болванки, по которой едва различимый в темноте стражник колотил рукоятью меча.

Наступило утро, ничем от прошедшего вечера и ночи не отличающееся, разве что, во дворике засуетились, зашастали туда-сюда стражники, десятники, сотники, сменяя постовых на стене, у дверей и во внутренних покоях замка, появились женщины: низкорослые, ширококостные, грудастые, с большими задницами, красными, будто ошпаренными, руками. Глядя на них, Некта поняла, почему вчера её не оценил владелец, уж слишком тонкой и безгрудой выглядела она на фоне остальных прачек, швей, поварих.

Про ночное бдение на завалинке девушке никто не напомнил, лишь спустя несколько дней, совершенно случайно, она узнала, что сном здесь считается положение «лежа», а вот «сидя» или даже «стоя» отмечалось, как бодрствование. Так же чуть позже она поняла, что никакой разницы в освещении дня, ночи, вечера или утра нет, тусклые редкие факелы горят одинаково в любое время, а над замком круглосуточно висит непроницаемое черное покрывало доселе Нектой невиданного небесного свода.

Приметив, что после смены постов часть стражников отправилась в карсу, отдыхать, а остальные же выстроились во дворе не ровной шеренгой, суховато, мрачно переговариваясь между собой и явно готовясь к встрече какого-то местного начальства, девушка решилашний раз не попадаться им на глаза, вспомнив слова кастеляна о воде... впрочем, лучше бы не вспоминала, сразу захотелось в душ, а еще лучше – ванну, полную

горячей, размягчающей, такой вкусной воды, душистой пены... Некта скользнула вдоль стены свинарника к тем самым дверям, из которых её вывел во двор управляющий замковым хозяйством, но тут же, как из-под земли перед ней вырос стражник, вооруженный сулицы, наконечник которой недвусмысленно смотрел в живот девушке.

– За водой, – буркнула нехотя Некта, и стражник отступил, наверное, предупрежденный кастеляном, который уже ждал новоявленную свинарку в своей проходной комнате, заставленной сегодня многочисленными емкостями с водой.

– Ведро, одно, – указал худым грязным пальцем на бадейку, размером побольше вчерашних, для отходов, управляющий. – Лопата. Убрать хлев и вернуть.

Некта без слов покачала головой, кажется, в этом сказочном королевстве ей предстояло играть роль Золушки, причем не книжно-сказочную, с песнями, танцами и грим-сажей на лице, а реальной, грязной и вонючей служанки, уборщицы за свиньями. Подхватив деревянную изгрызенную лопату с коротким черенком и тяжеленную бадейку с водой, девушка вернулась к свинарнику, по пути успев – меняя местами в руках ведро и лопату, как бы, от усталости – вдоволь напиться теплой, застоявшейся, но такой вкусной воды. Правда, утолив жажду, Некта ощутила давно уже забытое, как ей казалось, чувство голода, но пока решила потерпеть, всему свое время, тем более, что удушающие запахи свинарника, буквально через минуту, напрочь отбили у нее аппетит.

Вылив воду в свиную поилку – надо бы срочно «придумать» фляжку! – Некта перешагнула через невысокий барьерчик и, бесцеремонно расталкивая сгрудившихся у грязной колоды со свежей водой животных, принялась лихорадочно быстро сгребать навоз в угол загона на проржавевшую, чудом все еще держащуюся между подгнивающими досками решетку, под которой клубилась и, кажется, даже вздыхала все та же непроглядная тьма, что и на небе. Недовольный вторжением на свою территорию хряк – крупный, матерый – извернувшись, вцепился в ногу девушки, пытаясь острыми зубами вырвать клочок мяса, но – промахнулся, терзая голенище берц из синтетической кожи, с честью выдержавшей испытание. От боли, от досады на судьбу, выплескивая из себя ненависть, Некта яростно огрела животное черенком лопаты и дважды чувствительно прошлась тупыми жесткими носками ботинок по заплывающим жиром бокам. Хряк отступил, но – это девушка ощутила ясно, будто прямую человеческую речь – затаил злобу. «Этого еще не хватало, – уныло подумала Некта. – Мало мне людей, теперь и за свином надо

будет приглядывать, чтобы не напороться на какую-нибудь подлость...»

...отнести пустое ведро и лопату кастеляну, прихватить на обратном пути ведро с помоями, проверить «солдатское» ведро, посидеть на завалинке, тупо глядя в черное небо, посмотреть, как стражники, лениво, обыденно, без малейшего огонька или задора, отрабатывают приемы боя и общий строй под началом кого-то из сотников, снова сходить за помоями, очистить «солдатское» ведро, опять присесть на завалинку...

К вечеру третьего или четвертого дня – Некта не стала уподобляться Робинзону и ставить на дверях свинарника зарубки, все равно это ничего не даст ей, кроме тоски – голод взял свое. Дождавшись, пока через площадку от дверей замка к карсе чинно проследуют, как обычно, два десятка женщин, ожидаемых и встречаемых стражниками восторженным ревом полусотни глоток и едва слышным звоном оловянных кружек, девушка тихонько вошла хлев, стараясь не обращать внимания на спокойно дремлющих хрюшек, чтобы не потревожить заметно чувствительных к человеческим взглядам зверей. Старательно вспоминая, каково же расстояние от Земли до Марса и за какое время одна из первых межпланетных станций в её Отражении преодолела это расстояние, Некта осторожно протянула руку через хлипкую изгородь и с силой вцепилась в тощий еще, нежный загривок самого юного поросенка, рожденного, наверное, за несколько дней до попадания в Монсальват неживой живущей. Сумасшедший визг потревоженной свиноматки, лишившейся детеныша, мгновенно подхваченный хряком и остальными обитателями свинарника, наверное, привлек бы внимание всех стражников, благо, карса находилась совсем близко, если бы не присутствие в казарме женщин, делающее воинов слепыми и глухими ко всем происшествиям в замке, непосредственно не угрожающим их жизни и здоровью. Теперь уже не таясь, Некта поймала взглядом полные лютой злобы, налитые кровью глаза самца, пытающегося всей неуклюжей тушей навалиться на изгородь. Практически в полной тьме – тусклый свет вечерних, малого количества, факелов едва пробивался через щели между бревнами – девушка впилась зубами в нежное горло отчаянно брыкающегося поросенка, ощутила на губах соленую, сытную кровь и в бешеном, нечеловеческом восторге стала пить её, как пьют ледяную воду в жаркий полдень – жадно, захлебываясь, торопясь напиться... Отшвырнув безжизненную тушку к моментально прекратившим визги и шум, довольно заурчавшим сородичам, чуть опьяневшая от ощущения сытости, Некта, обтирая кровавые губы подолом когда-то бежевой блузки,

подумала: «К утру от несчастного поросенка и косточек не останется, пусть думают, что сами свиньи его и сожрали... а я еще денек-другой продержусь...» Есть помои со стола властителя она не могла не только физически – голод не тетка – но и морально, не желая опускаться до уровня своих шумных подопечных, сейчас удовлетворенно раздирающих на части тельце своего ближайшего родственника.

Покинув свинарник, Некта на минуту остановилась на углу, прислушиваясь к звукам разгорающейся в карсе оргии. Выпитая из живого поросенка кровь придала девушке не только сытость и бодрое легкое чувство опьянения, но и желание действовать не на одно лишь благо для желудка властителя, но сделать что-то для себя. Оглядевшись по сторонам, Некта осторожно, крадучись прошла к стене, к крутой и узкой лесенке, вырубленной, казалось, прямо в могучих камнях, легким уступом подымающихся на три-четыре её роста вверх к черному небу.

Все время, проведенное в Монсальвате, девушке казалось, что за ней непрерывно наблюдают десятки, сотни глаз, и хотя это ощущение, очень яркое и острое в первый день, со временем притухло, забитое перетаскиванием ведер с помоями, чисткой свинарника, короткими дремами на завалинке, сейчас оказалось, что внимание обитателей замка к умертвию никуда не исчезло. Едва Некта поставила ногу на первую ступеньку ведущей на стену лестницы, как рядом оказался стражник с коротким копьём наготове, сморщивший презрительно нос на исходящей от девушки запах свинарника и оттого показавшийся оскалившимся, а наверху тускло блеснули еще чьи-то доспехи.

– Дайте дорогу, – проскрипел за спиной Некты уже ставший знакомым голос кастеляна, обращенный к стражникам, ближайший из которых, целящийся копьём в живот девушки, отступил, проворчав себе под нос что-то об умертвиях, которые шастают по замку, как у себя дома. – Подымайся.

Последняя команда управляющего явно относилась к Некте, и она двинулась вверх, стараясь держаться левой рукой за стену, чтобы не загромоздить обратно по каменным ступенькам, если доведется оступиться – очень уж крутой и неухоженной была эта лестница. Но тем не менее, до небольшой площадки на стене, опустевшей до их появления, Некта и кастелян добрались без происшествий.

– Сюда, – ткнул пальцем на ближайшие зубцы стены в рост человека управляющий, первым направляясь в указанное место, будучи твердо уверенным, что умертвие последует за ним.

Между зубцами и дальше, за стеной, насколько хватало обзора для человеческих глаз, царил все та же беспросветная

чернота вечной ночи без звезд и луны.

– Там – Ничто, – не глядя на спутницу, вялым, безжизненным голосом произнес кастелян. – Черта, граница между Монсальватом и мирами. По собственному желанию преодолеть её нельзя.

«Он меня пугает? – пожала плечами Некта. – Или просто предупреждает, чтобы не думала даже о побеге? Думать-то я, может, и думала, но ни до чего не додумалась... пока...»

– Смотри, – привлёк внимание девушки управляющий, жестом иллюзиониста извлекая из-за пазухи белесого, с черными пятнышками на ушах и около хвоста, милого, живого кролика.

Кастелян перехватил животное поудобнее за уши и резким жестом вытянул вперед – за стену – руку. Прижавший лапки к животу и груди, звереныш смирно висел над бездной, совершенно не догадываясь, что его ожидает в ближайшие мгновения. Человек разжал пальцы, и кролик стремительно полетел вниз, очертания его тушки размывались в полете, превращаясь в белесое, невнятное пятнышко, уменьшающееся с каждой секундой до тех самых пор пока... не вспыхнуло ярким желтым огнем, направленно ударив по ноздрям стоящих на стене едким запахом паленой шерсти, сожженного мяса и прогорающих костей...

– Ты не сгоришь, – кастелян повернулся к Некте, стараясь поймать её взгляд, но девушка умело отвернулась к черной бездне за стеной. – Нужна живая кровь. Умертвие не сгорает. Растворяется до ничтожных атомарных частиц и остается в Ничто навсегда. Даже Страшный Суд не властен над Бездной.

– А если попробовать? – с нахальной отчаянной веселостью поинтересовалась неживая живущая.

Девушка отважно задрала ногу едва ли не до пояса, упершись ступней в узкий промежуток между мощными зубцами стены, и оглянулась на управляющего. Тот лишь молча пожал плечами, как бы говоря, что от распада на атомы спасать никого не собирается. Уперевшись подбородком в грязное колено, на котором уже не осталось и намека на чулки, Некта всмотрелась в Черту, будто разыскивая в непроглядной тьме нечто знакомое, ожидаемое.

– Ладно, дядя, не буду сегодня пробовать, – она вернулась в исходное положение, положив руки на талию. – Пойдем, что ли? Или, может, хочешь мне еще какой фокус с кроликом показать? Он случайно к тебе за пазуху не вернулся?

Девушка не стала дожидаться ответа от остолбеневшего кастеляна и первой, шустро, будто делала это всю жизнь, прогромыкала толстой подошвой ботинок по крутой лесенке...

...прошло еще несколько дней. Некта серьезно подралась с

кабаном, едва не погубив при этом оказавшуюся здесь драгоценной обувь, отбив себе ноги о толстенную прослойку сала на брюхе и боках животного. Теперь, даже заглядывая за изгородь в хлев, приходилось быть дважды настороже, испытав на себе дурной и злопамятный нрав животного. Но это было не так важно, важнее, что девчонка, кажется, незаметно успела подобрать маленький, в длину ладони, сточенный и почти невесомый ножик с дрянной деревяшкой вместо рукояти, оброненный кем-то из поварих, в растрепанных чувствах возвращающейся из карсы в сопровождении товаров. Сама повариха потом долго ползала по двору от казармы до самых дверей замка, пытаясь найти потерю, выпрашивала о злополучном ножике дежуривших стражников, но никто на свинарку не указал.

Утром, собираясь в очередной раз за водой к кастеляну, Некта, укрывшись в свинарнике, приладила драгоценную находку за голенище ботинка и не удержалась, высказалась враждебно похрюкивающему что-то кабану:

– Не ворчи, отбивная ходячая, думаю, сегодня тебя кормить будет уже кто-то другой... может, еще пожалеешь, что со мной поссорился, не такая уж я и плохая, теперь будет, с кем сравнить.

Девушку привычно пустил внутрь замка очередной стражник, бородатые и обветренные лица которых она отличала лишь по приметным, как у Ренделя, шрамам. Сегодня дежурил Курносый, как прозвала его Некта за смятый, изуродованный чьим-то зверским ударом, кривой и, может быть, из-за этого вечно шмыгающий нос, он, как обычно, сперва заступил дорогу девушке и лишь после «магических» слов о воде отошел в сторонку, гнусаво бормоча о чем-то своем, наболевшем, мало касающимся окружающих.

Кастелян находился на привычном месте в тесной комнатке в окружении сосудов с водой и, кажется, совершенно забыл о совместной с Нектой экскурсии на стену замка. Впрочем, он вел себя также равнодушно и на следующий день после демонстрации способностей Черты испепелять живых тварей.

– Ведро, одно, – ткнул худым грязным пальцем на бадейку управляющий, абсолютно также, как делал это и вчера, и позавчера. – Лопата. Убирать хлев и вернуть.

И привычно отвернулся от умертвия.

– Не дергайся, – ласково попросила его Некта, прислонив к тощему горлу свой с огромным трудом заточенный огрызок лезвия, одновременно из-за спины кастеляна нашаривая рукоять его добротного кинжала.

Жестко поставить руку с ножом у горла высокого по

сравнению с ней, конечно, мужчины, да еще при этом обезоруживать его, девушка не смогла, и лезвие «гуляло» от сонной артерии до ключицы, еще больше пугая кастеляна возможной случайностью фатального пореза – он слишком хорошо знал, чем кончаются такие ласковые прикосновения пусть и плохонького металла к живой плоти. Чуть отстранившись от тощей, колющей острыми позвонками даже через дерюгу рясы спины управляющего, Некта шустро перехватила в правую руку кинжал.

– Идем к властителю, – скомандовала девушка, приставляя оружие кастеляна к его собственному боку, целясь примерно в печень.

К радости Некты управляющий не стал разъяснять бестолковому умертвию, что такой поход бесполезен и даже вреден для здоровья, что владетель не будет разговаривать с тем, кто попытается диктовать ему условия с позиции силы, что жизнь его самого не имеет для коронованной персоны особого значения... буркнул только невнятно, напряженно:

– Там стража...

Но девушка лишь толкнула его в спину в направлении известной ей двери в трапезную местного феодала-властителя, и через пару секунд темнота короткого коридора приняла их в свои объятия. Некта не растерялась, она была готова к этому переходу от слабого света лучины в каменный темный, тесный и узкий мешок, опасаясь только одного, как бы кастелян не придумал начать отбиваться именно здесь, убивать его без крайней на то необходимости неживая живущая не планировала, но в темноте практически незнакомого помещения могло произойти все, что угодно.

На мгновение идущий первым мужчина остановился перед следующей дверью, и тут же свет факелов и десятков свечей из трапезной буквально превратил его в слепого крота. Кастелян неуверенно сделал пару шагов вперед, изо всех сил щурясь, пытаясь сориентироваться в хорошо знакомом просторном зале, а Некта, укрываясь от первой волны света за спиной своего заложника... не успела моргнуть и пару раз, как сильный удар под локоть от низенького, коренастого стражника, не имеющего возможности в тесноте быстро выхватить меч из ножен, заставил клинок на треть лезвия погрузиться в печень ведомого...

Кастелян слабенко, обреченно крикнул, выдохнул и бессильным мешком осел на пол. Мгновенно озверевшая от неожиданной потери, Некта без раздумий ткнула окровавленным лезвием в сторону стражника, метя тому под бороду, в горло, в кадык... и попала. С хлюпом заглотив разрезанной гортанью

воздух и ухватив себя за бороду, стражник с изумленными глазами повалился на бок, дергая судорожно ногами, всхлипывая раной и заливая кровью пол под собой, видно, попала девчонка очень удачно.

«Ну, вот и все», – подумала Некта, отступая на шаг и упираясь спиной в закрытую дверь. От заставленных золотой и серебряной посудой массивных столов на нее надвигались, наливаясь боевой яростью от вида пущенной крови, пара десятков мощных воинов, пусть и без брони, в поддоспешниках и простых холщовых рубахах, но все с длинными мечами, в доли секунды выхваченными из ножен, с широкими кинжалами и – желанием отличиться на глазах своего повелителя, первым коснуться холодным смертоносным железом умертвия...

«Симон, ты сволочь...»

Резко, будто в момент обычного очередного моргания исчезла пелена перед глазами, на Некту глянула пустая, запыленная, покрытая странными обоями в неизвестных рунах стена совершенно пустой комнаты. Девушка стояла, сжав в правом кулаке рукоять чужого кинжала, чье лезвие осталось в неведомом мире Монсальвата...

Выйдя из подъезда и обойдя дом, Лучник и Некта вышли на маленькую площадь, которой заканчивался тупик перед отелем «Две звезды».

– Комиссар просил дожидаться его здесь, – напомнил оперативник растерявшей всю жизнерадостность и природную живость после посещения странной квартиры девушке. – Давай, вон, присядем у фонтанчика, не торчать же на площади у всех на виду...

И хотя никаких посторонних наблюдателей в округе не замечалось, Некта послушно кивнула, соглашаясь и проходя следом за молодым человеком к миниатюрному, сложенному, видимо, из остатков гранитной облицовки отеля фонтанчику, умело подсвеченному разноцветными лампочками так, что струи воды, поднимающиеся на полтора метра, не больше, казались окрашенными во все цвета радуги. Где-то далеко, в другой жизни, в ином мире, на широких проспектах города гудели двигателями, скрипели и повизгивали тормозами автомобили, шумно разговаривали жаждущие ночных развлечений людей, из многочисленных дверей кафе, баров, клубов доносились отрывистые звуки самой разнообразной музыки, а здесь, будто в сказочном, волшебном королевстве царили покой и тишина, нарушаемые лишь негромким журчанием воды, переливами света в фонтанчике и за огромным стеклом вестибюля отеля.

На какое-то мгновение-другое Лучнику показалось, будто вся маленькая площадь, фонтан в уголке, несколько густых сиреневых кустов за ним, широкая и удобная лавочка на изящных изогнутых ножках – оказались накрытыми хрустальным звонким непроницаемым со стороны куполом... и в то же мгновение от отеля к фонтану двинулась чья-то тень с каждым шагом все увереннее и увереннее превращаясь в высокую, стройную женщину в красном вызывающе выглядящем на её фигуре платье, туфлях на высоком каблуке, с миниатюрной изящной сумочкой на длинном ремешке, которой неизвестная помахивала, как старинный разбойник кистенем. Белокурые кудрявые от природы волосы слегка тормозил легкий и прохладный осенний ветерок, васильковые глаза, казалось, светились в темноте, настолько яркими и очаровательными они были, стройные ноги мелькали в высоком, до самого начала бедра, вырезе платья, упругая, большая грудь, кажущаяся немного странной на худощавом, спортивном теле, раскачивалась в ритм шагам... не очень-то

твердым , будто девушка шла не по ровному асфальту, а по старинной брусчатке.

И лишь когда ей до фонтана оставалось пройти не более полудесятка шагов, Лучник сообразил, что неожиданная гостья просто изрядно пьяная.

– Ну, и где твой начальник, мальчик? – громко, вызываяще, как умеют это делать лишь особого рода пьяные вульгарные женщины, готовые в любой момент перейти в разговоре на бешеную истерику, визг и слезы, спросила подошедшая, обращаясь к оперативнику.

Слегка растерявшийся Лучник не успел даже сообразить, что ответить, как из-за густого, но по осеннему времени ничего не скрывающего куста сирени перед скамеечкой появился... Симон, в привычных черных очках, с тростью наперевес, играючи постукивая тяжелым набалдашником по ладони правой руки.

– А ты ждешь комиссара, Лялька? или – Жасмин? или Альфа? А может быть, белокурая Жизель? Как же тебя правильно назвать? Даже не знаю, в растерянности я, однако, – насмешливо ответил агент Преисподней, выручая оперативника, и тут же, вполне понятным жестом показал Лучнику, чтобы тот встал и отошел подальше от скамеечки.

Спорить молодой человек не стал, с заметным выражением облегчения на лице вскочил и быстро скрылся в густой тени.

– Напрасно понадеялась, что комиссар будет искать тебя по всем точкам, где таинственная, глазастая блондинка успела отметиться, – продолжил Симон, вальяжно присаживаясь рядом с молчаливой, будто глубоко задумавшейся о чем-то Нектой.

– Да нужен мне твой комиссар в... – обладающая полудесятком имен девушка смачно выругалась и подняла ко рту зажатую в левой руке и до сих пор как-то незамеченную бутылку с веселенькой голубоватой этикеткой, жадно глотнув ее содержимое.

– А раз он тебе не нужен, зачем же ты пришла сюда? – поддерживая разговор, поинтересовался агент. – Может быть, ты что-то потеряла или забыла вон в том доме?..

Симон кивнул на окна злополучного строения, из которого совсем недавно выбрались Лучник и – нечто, напоминающее Маринку-Некту, уж слишком в последние минуты девчонка была не похожа сама на себя.

– Может быть, может быть, – проговорила Альфа, покачиваясь на месте, видимо, не рискуя подходить ближе к сидящему Симону. – А если и потеряла, то твое какое дело?

– Правильно, это – уже мое дело!

Рядом с девушкой, будто из-под земли, появился Северин –

строгий, настороженный, встревоженный, готовый к любому действию, но пока еще не понимающий – каким оно должно быть.

Альфа оглянулась на него, пытаясь сфокусировать пьяный взгляд, помотала головой, яростно взлохматив тщательно уложенные кудряшки:

– Чего тебе надо, комиссар?

– Где генератор СВЧ? В квартире? Или ты вынесла его оттуда и спрятала в другом месте? – спросил Северин, мельком поглядывая на примолкнувшего Симона и будто замороженную Снежной Королевой, безжизненную Некту.

– О чем ты говоришь, начальник? – пьяно удивилась девушка, помахивая бутылкой. – Я и слов-то таких умных не знаю.

– Будем искать, – вздохнул комиссар и подумал: «Знать бы еще, как он выглядит, этот генератор сумасшедшей мощности, способный за считанные минуты превратить пятерых здоровых, крайне осторожных людей в сморщенные изможденные трупы...»

– Вот-вот, – поддакнула Альфа. – Работай, солнце еще высоко, ищи, родной, хрен чего найдешь...

– Комиссар найдет, – отозвался со скамеечки Симон. – А если возникнут трудности, то я ему помогу, я-то ведь знаю, как выглядит то, что наш уважаемый гостеприимный хозяин называет «генератором СВЧ»... продолговатая такая коробка, по размерам похожая на упаковку для обуви, полностью темно-синего, почти черного цвета... пылевлагонепроницаемая, очень удобная для хранения где-нибудь под водой...

– Ты не можешь ничего знать, очкарик, – вскинулась в пьяном возмущении девушка, но тут же сникла, опустив плечи, потупив глаза. – Как ты мог?... это же...

– Я бы вам посоветовал, комиссар, когда закончится вся эта кутерьма, остороженько пошарить в глубинах этого фонтана, – агент с легким, аристократическим пренебрежением ткнул тростью в струи разноцветной воды. – Только очень осторожно, особенно, когда будете извлекать этот самый «генератор»...

Северин хотел, было, спросить, что его уважаемый консультант имеет ввиду под «кутермой», ведь обстановка на маленькой площади отнюдь не напоминала привычный организованный бардак осмотра места происшествия или операции по задержанию преступника, но в этот момент что-то, подобное ярчайшей дуге электросварки, вспыхнуло в стороне, на самом краю зрения, и комиссар увидел, как уверенно цокая каблучками по асфальту к фонтану приближается... вторая Альфа-Лялька-Жизель в таком же развязном красном платье, с волнующимися под легким ветерком белокурыми кудряшками, с сумочкой в левой руке... отличие состояло, пожалуй, лишь в

отсутствии бутылки с непонятным ликером, который Альфа-первая продолжала судорожно сжимать в правой ладони.

«Чудеса, – успел подумать Северин, глядя на приближающуюся уверенными быстрыми шагами дублершу. – Теперь ни один следователь из прокурорских не возьмется доказать, кто из них был на месте преступления...»

Но комиссар оказался не прав. Чудеса еще только начинались.

Пройдя половину расстояния до фонтана, приближающаяся Альфа-два начала прямо на глазах преображаться. Сперва исчезло, будто растаяло, красное платье, обнажив высокую упругую грудь, длинные стройные ноги... следом также незаметно куда-то исчезли туфли... роскошные белокурые волосы будто смахнуло с головы девушки порывом ветра... трансформировалась, как бы, втянулась внутрь тела грудь... за спиной что-то блеснуло сине-белыми, неяркими тонами...

Перед разноцветными струями фонтана стояла стройная обнаженная фигура неизвестного, но явно уже не женского пола, с гладкой, совершенно лишенной растительности головой, пронзительными васильковыми глазами и – мягкой, едва заметной сизо-белой паутинкой крыльев за спиной.

Симон, пользуясь скрытостью глаз за черными стеклами очков, с любопытством глянул на низ живота неожиданного пришельца – там не было ничего. То есть, ровная, гладкая, отмеченная легким загаром кожа была, а вот на ней – ни малейших признаков того или иного пола не выделялось. Ангельские чины в отличие от бесов хоть и могли легко менять облик с мужского на женский и наоборот изначально, по сущности своей, были бесполоми. «Что ж, пора...» – сосредоточенно подумал агент Преисподней, и по левую руку от него, у скамеечки, материализовался Артифекс, переодевшийся по такому случаю в строгий вечерний костюм, при белоснежной сорочке, галстук-бабочке, тщательно расчесавший жидковатую козлиную бородку. С золоченым, небольшим трезубцем в левой руке бес-куратор выглядел необычайно солидно в сравнении с голым ангелом.

– Ну, вот, собрались все действующие лица, – со вздохом констатировал Симон, одновременно делая рукой успокаивающий жест обомлевшему от изумления комиссару, мол, стой, где стоишь, это тебя не особо-то касается и, будем надеяться, не коснется.

– Ты выиграл партию, но не игру, бес, – сверкнув ледяными васильковыми глазами сказал ангел, обращаясь к своему противнику со стороны Темных Сил, совершенно при этом не

обращая внимания на прочих присутствующих.

– Не первый раз, Фалет, не в первый раз, – с трудом, кажется, сдерживая торжество, ответил бес-куратор, лениво помахивая трезубцем, как веером, перед своим лицом. – Да и не я вовсе обыграл тебя в этот раз – простой смертный...

То ли отдавая должное ловкости Симона, то ли дистанцируясь от проигрыша ангела, а скорее – просто изощренно издеваясь, Артифекс указал на агента Преисподней, по-прежнему вольготно развалившегося на лавочке, правда, перехватившего любимую трость обеими руками и держащего правую ладонь плотно сомкнутой на львиной голове набалдашника.

– Это не простой смертный, – вперив тяжелый васильковый взгляд в Симона, через пару секунд констатировал ангел. – Отпускник преисподней, чем-то заслуживший такую высокую милость.

– Ну, даже если и не очень простой, то, конечно, все равно не вам с бесом чета, – спокойно отозвался агент и тут же, по старинной своей привычке, перехватил инициативу: – А ты бы оделся, что ли? Тут приличное общество собралось, исключая, правда, одну шлюшку, а ты – голый, как в бане... да и не по погоде это – нудистом в осеннем городе разгуливать.

Издав странный звук, будто поперхнувшись, на несколько секунд поименованный Фалетом замолчал, с удивленным любопытством продолжая таращиться на Симона, но – надо отдать ангелу должное – справился и с гневом, и с безграничным изумлением.

– Тебя смущает нагое тело или ты в шоке от бесполости ангелов? – с насмешкой спросил Фалет, но – мгновенно будто бы завернулся в паутинчатые, невесомые крылья, скрываясь из глаз, чтобы вернуться уже в небесно-голубой тунике, закрепленной на плече чем-то массивно-золотым, в серебристых сандалиях и с легким посохом, украшенном непонятными рунами, в руках. – Так будет прилично и современно с твоей точки зрения?

– С моей точки зрения – будь ты хоть на четырех ногах, с хвостом и клыками, ты останешься ангелом, – хладнокровно парировал Симон. – Но даже ангелы должны отвечать за свои дела и платить по счетам.

– Ты, кажется, вторгаешься в совершенно чуждые для смертных грешных сферы, – надменно возразил Фалет.

– Вторгаюсь, – согласился Симон. – Еще как вторгаюсь. Интересно же, как в этих сферах посмотрят на использование высшей для данного Отражения техники в личных целях? На внесение неопределенности в будущее и искажение части фактов

прошедшего для частного обогащения? Я уж промолчу про такие мелочи, как использование не соответствующего светлому рангу контингента, организация умертвления грешников до истечения жизненного срока... и многое другое...

– Какие личные цели? Причем тут частное обогащение? – едва ли не взвился в воздух возмущенный откровенным наветом ангел.

– А это уже тебе придется доказывать в трибунале или что там у вас, Верхних, полагается? в инквизиции? в судилище? что никаких корыстных мотивов ты не преследовал, проститутку и афериста использовал лишь для того, чтобы вернуть их к праведной жизни, а генератор сверхвысоких частот включился сам по себе, чем и умертвил – страшной, заметь, смертью – пятерых, вполне себе, жизнеспособных особей...

Агент Преисподней откинулся, как бы, отдыхая, на спинку скамеечки и скосил взгляд из-под очков на замершего в трепетном восторге беса-куратора. На блаженном, умиротворенном лице Артифкса было разлито море удовольствия, и если бы Симон мог подслушивать потусторонние мысли, он с удивлением узнал, что бес самым натуральным образом молится, восхваляя свою предусмотрительность, ловкость и остроумие, благодаря которым в спасители-помощники был выбран именно грешник, ибо только люди, и люди изрядно пожившие в разных Отражениях, могли заметить существенную разницу не только между технологиями генерации сверхвысоких частот, но и между прокурором и аферистом, студенткой и шлюхой.

– Ты скор на расправу, ангел, – добил соперника Симон, проследив, как с неистовым бешенством мечется взгляд васильковых глаз между комиссаром Фогтом и злосчастной девушкой Альфой. – И слишком поверил в собственное убеждение, что бывают неисправимые грешные души, едва не с пеленок предназначенные Темной Силе. Но! Кучка пепла на месте комиссара и этой потаскушки, ну, и, конечно же, досрочное возвращение меня в Преисподнюю не избавит тебя от необходимости исполнения условий Артифкса.

– Каких условий?! – слегка остыл после этих слов Фалет, мгновенно сообразивший, что особый грешник прав, и давать выход гневу здесь и сейчас может быть очень опрометчивым поступком.

– Таких... – самоуверенно и с неизъяснимым достоинством выступил на шаг вперед бес-куратор. – Таких, что признаны всеми Темными и Светлыми между нашими Сторонами и исполняются уже тысячелетия. Таких, по которым мы обязаны предупреждать

друг друга об опасностях. Таких, по которым мы не строим друг другу каверзы, ведущие к изгнанию из Отражений. Таких, по которым ни ты, ни я не подгоняем временно живущих к их естественному концу в этом мире. Это – очень скромно, очень существенно и очень желательно не только мною, но самим укладом взаимоотношений между нашими Сторонами.

– Это принято, – махнул рукой с зажатым в ней посохом ангел. – Но между нами стоит и вот этот особый грешник... и временно живущие грешные души...

«Кажется, ему просто необходимо кого-то испепелить, – грустно подумал Симон, укоризненно покачивая головой. – Вот ведь до чего могут довести дурные привычки и многолетнее ощущение собственной безопасности...»

– Грешные души? – вслух осведомился агент Преисподней. – Женская душа будет осуждена за убийство пяти человек и, скорее всего, очень быстро предстанет перед Высшим Судом, а если решит почему-то заговорить о тебе и моем поручителе-бесе, то проживет, конечно, подольше, но в палате с мягкими стенами и в рубашке с длинными рукавами. А вот комиссар на такую рубашку, как мне кажется, не претендует вовсе. Что же касается меня...

Симон, по-прежнему сидя, выпрямился, положив на колени трость, держа театральную паузу.

– ...что же касается меня, то желание мое в отношении ангела Фалета всего одно и очень-очень скромное... Но, сначала, ты должен вернуть мою спутницу. Без её здесь и сейчас пребывания весь предыдущий разговор аннулируется безоговорочно и немедленно.

– А кто же тогда сидит рядом с тобой, грешник? – демонстративно удивился ангел, указывая на Некту за все время разговора не произнесшую ни слова, да и, вообще, не очень-то обращающую внимание на тех, кто её окружает.

– Ты сразу понял, что я не самый простой из бывших смертных, – ласково, как неразумному ребенку, улыбнулся Симон куратору Светлых Сил.

В руках агента блеснула извлеченная из трости полоска стали, и в ту же секунду клинок, пробив гортань, снизу вверх, вошел под подбородок едва успевшей дернуться девушки и царапнул изнутри череп, превращая мозг в кровавую серую кашу.

– ... и при этом не догадался, что я могу легко отличить примитивного голема от человека, которого хорошо и достаточно долго знаю, – закончил свою речь Симон, протирая слегка измазанный чем-то красновато-серым клинок носовым платком, мгновенно превращающимся от этого в грязную тряпку.

Из васильковых глаз ангела, казалось, полились потоки чистейшей, всесжигающей и уничтожающей без страха и упрека ненависти.

–Кхе-кхе, – деликатно покашлял в ладошку бес-куратор, после решения своих проблем вновь отступивший на шаг, к тени сиреневого куста. – Мне кажется, вы тут уже и сами разберетесь между собой. А у меня есть, как минимум, лет пятьдесят-шестьдесят, чтобы спокойно заняться любимым делом, лишь изредка отвлекаясь на присмотр за всякими шибко умными физиками и лекаришками, которые вечно устраивают каверзы, пытаясь проникнуть – кто в суть мироздания, кто в божественный промысел...

Шагнув к Симону, чувствуящему себя не очень-то уютно под потоком ангельской ненависти, Артифекс протянул к нему сложенную лодочкой ладошку. «Бес получил свое, бес может уходить», – иронично подумал агент Преисподней, снимая с пальца аметистовый перстень и вкладывая его в протянутую руку куратора.

Не прощаясь, не благодаря никого за участие в такой потрясающей воображение сцене, бес исчез также внезапно, как и появился, видимо, уже на ходу, в процессе перемещения к своему постоянному жилищу меняя вечерний костюм и трезубец на малярный комбинезон и валик с засохшей краской.

– Она свободна, – сквозь зубы процедил ангел, благодаря возникшей паузе, справившийся, наконец, со своими эмоциями и просчитавший, что ничего, кроме неприятностей и неотвратимых последствий удержание заложницы и прямая вражда с этим непонятым, мутным грешником сегодня не принесут.

– Ты немножко не понял, дорогой, – позволил себе наглую фамильярность Симон. – Я просил не освободить, а вернуть сюда, на эту вот лавочку...

– Ты редкостный наглец, позволяющий себе слишком много, – все-таки не сдержался Фалет. – Когда-нибудь тебе придется поплатиться за это, и будет расплата скорой, хотя бы и по ангельским меркам времени...

На углу дома, из которого облучали злосчастных Маркуса с компанией охраны и принимающих его лиц, появилась маленькая, худосочная фигурка, лишь смутно напоминающая легкую на подъем, беззаботную Некту. Девушка с трудом передвигала ногами, то и дело останавливаясь, чтобы отдышаться и передохнуть, но агент Преисподней держал паузу, твердо ожидая, когда его спутница самостоятельно приблизится к лавочке, обдаст все окружающее пространство жутким запахом свиного навоза, аммиака и грязного, несколько недель немытого

тела и скажет подсевшим, сиплым голосом:

– Симон... ты... сволочь...

– Вот теперь у меня остается единственное, совсем не сложное в исполнении желание, – мило улыбнувшись Некте в ответ, сказал агент.

Положив на колени трость, вернувшуюся к своему первоначальному облику, достав из кармана короткой курточки маленький блокнотик и неистребимый, привычный свинцовый карандаш, Симон быстро написал несколько слов, вырвал листок и беспечно протянул его ангелу, которому пришлось-таки сдвинуться на пару шагов, чтобы принять в руки пожелание победителя. Не читая, хоть таким образом демонстрируя презрение к необычному, но все-таки простому смертному грешнику, Фалет сунул записку куда-то под хитон, и тут же лицо его исказила судорожная гримаса, в которой смешались ненависть, безысходность, желание испепелить негодяя и обреченность от необходимости исполнять его прихоть. Но вновь, во второй уже раз за сегодняшний вечер ангел подавил сильнейшие эмоции усилием воли, развернулся и, демонстрируя полное высочайшее пренебрежение к оставшимся у фонтана, не спеша, но довольно быстро зашагал прочь, на ходу превращаясь в изящную, с осиной талией и широкими бедрами, невысокую брюнетку в брючном костюме бордового цвета, с прямыми, иссиня-черными волосами спускающимися до аккуратной кругленькой попки, смачно обтянутой узкими в бедрах брюками.

Проводив взглядом исчезающую в темноте местную ипостась ангела-куратора до момента почти полного исчезновения, Симон коротко вздохнул и обратился к ошалевшему до ступора комиссару с вполне практичным и бытовым вопросом, как бы, возвращая полицейского из высоких сфер Тьмы и Света к обыденной, прозаической жизни:

– Уважаемый, пока ваши люди будут задерживать исполнительницу убийства и обыскивать бассейн в поисках орудия преступления, не могли бы вы одолжить нам служебную машину? Сами видите, сейчас вряд ли кто из таксистов решится вести Некту, да и потом слухи по городу пойдут нехорошие, если все-таки найдется такой смельчак...

На девушку и в самом деле было страшно взглянуть. Кроме ужасного отвратительного запаха, голодных, запавших глаз, вороха мусора на голове, в который превратились и без того неблистательные волосы Некты, девушка оказалась одета в невероятные лохмотья, из-под которых светилась покрытая грязью кожа, и в которых с трудом угадывались бежевая строгая блузка и короткая юбка. Огромные, несуразные ботинки,

казалось, побывали в зубах гиппопотама или еще какого-то огромного травоядного, который пережевал их и выплюнул за несъедобностью, не забыв измазать слюной и еще чем-то едко-пахучим. Вглядевшись в девушку чуть пристальнее, казалось, что Некта держится прямо и старается смотреть по сторонам из последних сил, на некоем запредельном ресурсе нечеловеческих возможностей.

– Да, да-да, конечно, – потряхивая головой, чтобы окончательно избавиться от только что развеявшегося наваждения, подтвердил комиссар. – Вам нужен водитель? Мы здесь вполне справимся и без Лапы или кого другого, только скажите.

– Спасибо, я поведу сам, а автомобиль можете потом забрать на стоянке нашей гостиницы, – твердо отказался Симон. – И будь поаккуратнее с генератором, мощь в нем и в самом деле колоссальная. Конечно, самое лучшее было бы так и оставить его здесь, под водой, но вот беда, я даже предположить не могу, какой там встроен источник энергии. А вдруг лет через двадцать-тридцать, когда люди и думать забудут об этом инциденте, возьмет и – бабахнет прямо тут ядерным грибом...

– Извлечем и отдадим умникам из радиоинститута, куда я собирался завтра на консультацию, – заверил Северин.

Агент Преисподней потянулся вдоль лавочки и бесцеремонно влез во внутренний карман камуфляжной куртки, оставшейся на месте куклы-голема, извлек серебристую фляжку, свинтил пробку и с наслаждением отпил несколько глотков. Протянув коньяк комиссару, Симон предложил:

– Не желаете? По-моему, неплохо снимает и удивление, и напряжение, и усталость...

– Да, конечно, – Северин вцепился во фляжку, как утопающий за соломинку.

– Вы хотели что-то спросить на прощание, верно ведь, комиссар? – поощрил Симон, добывая из куртки вторую флягу и передавая её Некте.

– Хотел, конечно, хотел, но сейчас... – Северин смутился, сам понимая, что сформулировать ту бездну мыслей, что роится в его голове, в один-два вопроса невозможно, но неожиданно спросил: – Ваши очки?.. они не мешают? Да и зачем?

– Ах, вот вы о чем... – засмеялся агент Преисподней. – Знаете, комиссар, последние семь лет жизни я был слепым. Это, поверьте, очень неприятно для человека родившегося и всю жизнь бывшего зрячим. Так что, очки – это просто аксессуар, память о прошлом, черные стекла которого совершенно не мешают мне сегодня видеть окружающий мир.

– Достаточно, – протянул руку ладонью вперед, будто загораживаясь от незваного консультанта, Северин. – Спасибо, наверное, будет лишним, но – пусть хотя бы так... больше я все равно не придумаю, что сказать.

– Вот и отлично, комиссар, – улыбнулся Симон, поднимаясь со скамеечки. – Кстати, завтра, я думаю, где-то после полудня, к вам зачестят визитеры из Второго бюро, прокуратуры, городского начальства, ну, и прочие непричастные... Мне кажется, вам будет что показать и рассказать вашим недоброжелателям, да и друзьям – тоже.

Агент подмигнул, кивая на застывшую соляным столпом Альфу-Жизель-Ляльку.

– Ты сволочь, Симон... – вяло повторила Некта, твердо сжимающая в руке уже полупустую фляжку с коньяком, когда агент Преисподней насильно поднял её с лавочки и попытался направить в кажущийся узким и темным проход между кустами сирени, выводящий через небольшой проходной дворик к оперативной машине, выделенной пятому отделу. – И ты не побрезгуешь... со мной в машине...

Договорить, что с нею не побрезгует сделать в машине напарник, девушка не успела, оказавшись как-то очень внезапно в уютном, чистеньком и теплом салоне. Здесь, отгороженная от посторонних глаз металлом и слегка тонированным стеклом, Некта, наконец-то, позволила себе расслабиться и, свернувшись почти калачиком на сидении, вдруг тоненько, злобно завывала, как воют не побитые собаки, а раненные, но еще полные сил лесные хищники. Повернувшись из-за баранки на неожиданный звук Симону, девушка, с трудом прервавшись на пару секунд, взхлеб, пояснила:

– Мне так... надо... ты давай, вперед и – не думай...

Две недели спустя.

Возле входа в этот непрезентабельный бар, расположенный в узком, извилистом переулке на окраине старой части города, разливалась огромная, покрытая дождевой рябью и маслянистыми разводами лужа невнятного буро-синего цвета, хотя синеву воде, скорее всего, придавали уличные фонари, окруженные разноцветным ореолом разлагающегося в каплях дождя света.

Перешагнувший через лужу Симон остановился, поправляя на переносице совершенно неуместные по такой слякотной погоде черные круглые очки, и предложил шедшей следом Некте руку.

– Ну, вот еще, – недовольно пробурчала девушка. – Нежности телячьи, через такое препятствие я и сама переберусь свободно...

Она, недолго думая, прыгнула, но неудачно – ступила в

неожиданно глубокое место на самом краю в считанных сантиметрах до мокрого, лоснящегося влагой асфальта, подняла кучу грязных брызг и с чувством громко выругалась.

Симон удовлетворенно засмеялся, стягивая с кожаных, почти непромокаемых брюк попавшие на них капли, и сказал не грубо, но колко:

– Довыпендривалась?

– Уж кто бы говорил, – с нарочитым негодованиемотреагировала Некта. – Зачем ты меня в этот гадюшник потащил? Тут, я думаю, не только на улице грязь и срач, но и внутри совсем не в твоем и не в моем вкусе... вот влипнешь из-за меня в унылую кабацкую драку, будешь знать...

– Не ворчи, как старушка, – посоветовал Симон. – Сама все увидишь, или уже перестала доверять мне на слово?

– Как же – доверять, – не смогла удержаться девушка. – А кто меня в ангельскую ловушку собственными, можно сказать, руками бросил?.. так с доверчивыми девушками не поступают.

– И откуда ты знаешь, как поступают с доверчивыми девушками? – поинтересовался агент Преисподней, открывая массивную, с проржавевшими петлями дверь бара.

Разговаривать внутри без хотя бы четверть часовой адаптации оказалось невозможно. В тесном помещении с низкими потолками на полтара десятка столиков изнурительно гремела невыразительная, ахающая и охающая басами гитар, бьющая по ушам барабанными отыгрышами музыка. И собравшиеся за столиками посетители вполне соответствовали и грязной луже перед входом, и обшарпанной, выщербленной местами стойке с буфетчиком-барменом, который, все-таки, был больше буфетчиком в клетчатой рубашке с засученными по локоть рукавами. Посетители бара чем-то неуловимо напоминали персонажей плохих детективов – усталые, небритые лица, неприятные, быстрые взгляды блудливых глаз, кепки и шляпы с опущенными, обломанными полями, короткие и вонючие сигареты-гвоздики.

Симон, усадив свою спутницу за самый, пожалуй, дальний от дверей и небольшого подиума с шестом в центре зала столик на металлических, причудливо изогнутых ножках, торопливо прихватил у стойки пару высоких стаканов, заполненных прозрачной жидкостью и вернулся, постоянно поглядывая по сторонам будто ожидая внезапного нападения.

– И что ты притащил? – с подозрением принявхавшись к сивушному запаху из стаканов, с трудом прорвалась сквозь музыку Некта. – Мне кажется, здесь коктейли разбавляют водой из той самой лужи перед входом. Заметь, даже маслянные пятна

такие же плавают.

– Ну, не хватало еще в таких заведениях брать коктейли, – по возможности внятно буркнул Симон, усаживаясь так, чтобы получше видеть рабочее место стриптизерш у шеста. – Взял водку, самую дорогую...

– С коньяком здесь тоже не стоит рисковать? – с ленцой поинтересовалась девушка об очевидном.

– Конечно, – кивнул её спутник.

– Экий ты стал предусмотрительный, не то, что в тот вечер у отеля, – злорадно напомнила Некта. – Тогда, похоже, не думал о последствиях.

– Как раз тогда-то я только о последствиях и думал, – сдержанно улыбнулся Симон. – Или ты все-таки считаешь, что смогла бы вытащить меня из ловушки? Вернее, заставить ангелакуратора выпустить меня?

– Ты уже семь раз это говорил, и я с тобой согласилась, – со вздохом кивнула Некта. – Просто еще не до конца отошла от воспоминаний... да и жутковато это, согласишься – за полтора часа местного времени провести полторы недели в свинарнике.

За дальним столиком вспыхнула ссора, видимо, кто-то кому-то сказал что-то неаккуратное, а может быть, выплеснулась в словесную перепалку давняя вражда – судя по внешнему виду вместе сидели отнюдь не друзья детства или хорошие товарищи школьных времен. Двое неприятного вида мужчин, вскочив из-за стола, вцепились в лацканы курток друг друга, пытаясь в добавок боднуться головами. Зазвенели сброшенные на пол, разбившиеся стаканы. Что-то прикрикнул буфетчик, моментально, одним движением, доставая из-под стойки обрез дробовика, и появление оружия мгновенно подействовало, как сильная доза успокаивающего препарата, введенная в вену. Нехотя расцепившись, мужчины вернулись на стулья, тяжело дыша и ненавистно поглядывая друг на друга, а буфетчик переложил ружье за спину, к высокой батарее разнокалиберных бутылок на стенде, таким образом, чтобы его было видно не только несостоявшимся драчунам, но всем посетителям в баре.

– Не получилось, – с искренним огорчением констатировала Некта, понаблюдав за этой сценой. – А то бы сейчас душу отвела на ком-нибудь...

– Отведешь еще, – хмыкнул Симон. – И драться для этого совсем не понадобится...

Оглушительная с трудном воспринимаемая музыка, больше предназначенная для глушения разговоров за столиками, чем для прослушивания, сменилась на более внятную, ритмичную, и разноцветная гирлянда, удивительно похожая на

обыкновеннейшую новогоднюю, обвивающая периметр маленького невысокого подиума с шестом, замигала, подлаживаясь в такт звукам.

Первой в этот вечер раздевалась под музыку худенькая, маленькая брюнеточка, больше похожая на недокормленную старшеклассницу, лишь руки с натруженными венами и постаревшей кожей выдавали её истинный возраст маленькой собачки, которая до старости остается щенком. С подозрением разглядывающие друг друга посетители на время выступления переключили свое внимание на шест, громко обсуждая недостатки фигуры танцующей и совсем не оценивая её достоинств. Громкая и пошлая критика летела со всех сторон, но танцовщица, видимо, привыкла к такому отношению, без волнения и особых эмоций отработала свою пятиминутную программу и, подхватив с пола разбросанные детали сценического костюма из трех предметов, нырнула куда-то за стойку, в невидимый от столика Симона и Некты вход в подсобные помещения.

– Ты меня сюда привел ради этого? – поморщила носик Некта. – Если хочешь, то я и сама могу исполнить кое-что получше... да и ты, думаю, видел стриптиз и поизящнее, и поэротичнее...

Симон сосредоточенно промолчал, похоже, ожидая подобного упрека от своей спутницы. На площадку с шестом уже выходила следующая девушка...

Красное, сидящее, как вторая кожа, короткое платье, длинноногая, сухощавая фигура, очень высокая, упругая грудь, светлые кудрявые волосы, собранные на затылке, обнажая плечи и шею, яркие, как два морских прожектора в непроглядной, промозглой ночи, васильковые глаза. Приноравливаясь к музыкальному ритму, девушка сделала пару шагов и в одно движение – гибкой змеей – обвилась вокруг шеста.

– Что это? – тихонько спросила Некта, когда красное платье от легкого движения руки, будто по волшебству, слетело на пол, обнажая крупные соски груди, а ноги танцовщицы совершенно непринужденно принялись взлетать едва ли не в вертикальный шпагат. – Почему она кажется мне знакомой?..

– Ты её видела у фонтана в тот день, вернее, в ту ночь, когда вернулась из ловушки, – вежливо пояснил Симон. – Только платье на ней было немножко другое, хотя – такого же красного цвета.

– Но тогда... тогда она должна сейчас париться на нарах, у комиссара Фогта... или?..

От неожиданной догадки девушка, совсем по-детски, зажала ладошкой рот... а танец продолжался... и в подрагиваниях

высокой груди, в извивах талии, в напряжении плоского живота, в движениях рук, взмахах длинных стройных ног было столько ненависти, презрения и обжигающей опасности, что никто из присутствующих в баре не рискнул раскрыть рта, чтобы осудить недостатки фигуры, изъяны движений, качество дрянной музыки. Двумя испепеляющими лучами мощного лазера метались по тесному помещению взгляды васильковых глаз, будто отыскивая цель, к которой можно применить всю свою огнетворную мощь, но, встречаясь с полными равнодушного спокойствия черными стеклами кругленьких очков, васильковые взгляды разряжались в пустоту, бессильно скользя дальше, заставляя пьяных и не очень посетителей бара, мужчин угрюмых и унылых, казалось, не боящихся ни бога, ни черта, отводить глаза, старательно глядя в грязные столешницы, неровно постриженные ногти на руках, воротники грязных рубашек соседей по столику.

– Ты... ты сволочь... Симон, – еле слышно произнесла Некта, с трудом отводя полный озлобленной и презрительной ненависти взгляд от танцующего стриптиз ангела. – Только ты мог такое придумать... только ты...

Агент Преисподней невнятно и удовлетворенно хмыкнул, привычно коснувшись пальцами дужки очков. Конечно, взять долг со Светлых Сил таким способом было самым настоящим расточительством и полностью нерациональным использованием попавшего в его руки ресурса, но... Симон до сих пор оставался человеком и относился к этому и потустороннему мирам почеловечески, а что может быть для человека важнее, чем другой человек, ради которого и затевалось все это представление?..

– Симон... можно, я отдамся тебе прямо тут, на столике? – сипло, чуть заискивающе попросила Некта. – Пусть она...он... это оно сдохнет от зависти на шесте...

Агент засмеялся. Притянув к себе девушку, он чмокнул её в висок и посоветовал:

– Давай вместе потерпим до возвращения в наш номер. Не сомневайся, Фалет все равно будет знать, чем мы там занимаемся...

Часть третья. Дикий Демон

*...идет ветер к югу и переходит
к северу, кружится, кружится на
ходу своем – и возвращается ветер
на круги свои...*

*...что было – то и будет, и что
делалось – то и будет делаться, и
нет ничего нового под Солнцем!*

Книга Екклезиаста. 1:6, 1:9.

Зябкая ночная прохлада первых осенних дней пролилась на не успевший остыть от изнуряющего зноя прошедшего, какого-то особо жаркого, лета город, как подлинная благодать, принес с собой облегчение от дневных, праведных и не очень трудов, от утомительного прищура глаз, от неестественной прохлады кондиционеров, гоняющих ароматизированный воздух по многочисленным конторкам, присутствиям и торговым представительствам, изо всех, порой последних сил пытающихся казаться солиднее и богаче, чем есть они на самом деле.

Но юной парочке, уединившийся в глубокой ночной тени на скамеечке в укромном уголке обширного городского парка, раскинувшегося у берега реки, не было никакого дела до дневных забот взрослых людей. Укрывшись в кружеве резких теней, отбрасываемых черными, казалось, листьями высоких кленов и давным-давно отцветших лип, невысокий, крепенький мальчишка, едва ли разменявший третий десяток жизненных лет, упоенно целовался с худенькой, спортивной девчонкой, удобно расположившейся у него на коленях, короткие и светлые, жиденькие волосы которой, благодаря странной подсветке сиреневых уличных фонарей и четким черным теням ветвей деревьев, казались мелированными, черно-белыми, как полосатая шкура зебры или вся человеческая жизнь.

Он и она весь вечер, начиная с самых первых, едва заметным дымком обволакивающих город сумерек, бродили по благоустроенному парку, взявшись за руки, иной раз обнимаясь на бетонных берегах маленьких искусственных прудиков, на ажурных горбатых мостиках, возле палаток с мороженым, чебуреками, плохо прожаренным шашлыком, пивом... и даже позволили себе выпить по бокалу шампанского, предлагаемого в разлив в одной из точек, торгующих спиртным. А когда вечер плавно и незаметно для них перешел в ночь, перебрались сюда, в укромное местечко, редко посещаемую в это время суток небольшую парковую площадь неподалеку от скоростной трассы, ведущей из города к местному знаменитому аэропорту, на скамеечку под раскидистой липой, укрывающей своей тенью от нескромных, да и любых посторонних взглядов, к расположившемуся в десятке саженей от них небольшому памятнику на гранитном, в рост человека, постаменте, изображающему какого-то средневекового испанского идадьо – дон Кихота ли, дон Жуана или, может быть, самого Колумба – кто бы угадал с первого взгляда, не вчитываясь в маленькую

латунную табличку, укрепленную в граните постамента.

Здесь, обрадованный тем, что девушка сама, без нудного уламывания и долгих уговоров, устроилась у него на коленях, мальчишка осмелел и чутьок дал волю молодым рукам, осторожно, аккуратно и нежно оглаживая тонкий, легонький свитерок, одетый, кажется, прямо на голое тело девушки. А Некта, по-прежнему страстно и умело отвечая на поцелуи, поигрывая язычком вокруг чуть обветренных мужских губ, меланхолично размышляла, стоит ли переводить такой романтический, запоминающийся вечерок в ночное, откровенное буйство плоти, или, может быть, лучше все оставить, как оно есть, улизнув из парка под тысячелетним девичьим предлогом: «Мне пора домой»?

За прошедшие без малого девять лет своей второй жизни она совсем не изменилась внешне, оставаясь все той же семнадцатилетней пигалицей-блондинкой со спортивным телом и любопытными глазами, как и её напарник, Симон, оставался сорокалетним мужчиной, преображаясь лишь из строгого делового человека в костюме-тройке и с шикарной тростью, достойной любого музея, в лихого рокера в коже и толстых стальных цепях или невзрачного, отличающегося от толпы лишь кругляшами черных очков бухгалтера-трудягу предпенсионного возраста. Но внешняя неизменность Некты, подарок Преисподней, не касалась её души, взрослеющей и мудреющей не только с годами, но и с неожиданными происшествиями, периодически, как снег на голову, обрушивающимися на странную для посторонних глаз парочку: то ли либерально настроенный и молодящийся изо всех сил отец с дочкой-оторвой, то ли стареющий любовник с неуправляемой, хоть и приобретенной за большие деньги постельной игрушкой...

Сама же Маринка, превратившись в Некту, с годами начала осторожнее и внимательнее относиться к плотским утехам, будь то обед в роскошном ресторане или постельные игры в компании молодых мальчишек и девчонок. И постепенно рядом с любимым коньяком, изредка – кокаином, бесконечным, разнообразнейшим сексом появились, не вытесняя, но мило и непринужденно соседствуя: созерцание величественных картин старых мастеров, наблюдение за бесчисленными восходами и закатами солнца, философская оценка великолепной игры разноцветных граней драгоценных камней... утонченные взгляды, лукавые намеки, озорные фразы и грубоватые тяжелые удары клинков друг о друга.

Размышляя о том, до какой же степени довести сегодня свои отношения с молоденьким мальчишкой, начавшиеся с легкого

флирта у станции метро и постепенно захватившие её юной романтикой, чистотой и честностью желаний, Некта едва успела краем глаза захватить, заметить, как неестественно шевельнулась четкая тень от небольшого памятника, будто бронзовая – нет, скорее уж мельхиоровая, ничуть не позеленевшая от времени – статуя неизвестного испанца двинулась с места, чуть поведя плечами и качнув укрепленной на бедре длинной шпагой без ножен... и уже через мгновение девушка стояла на ногах, ощущая, как мятный холодок страха опускается от её сердца к желудку. Из металлической фигуры неторопливо, с явственно заметным напряжением, преодолевая сильнейшее потустороннее сопротивление, появлялось нечто темное, поглощающее собой слабенький, но все-таки дающий четкие тени свет ближайших фонарей.

Не сразу сообразивший, что происходит нечто странное, но заинтересовавшийся неожиданной реакцией так понравившейся ему веселой девчонки ни с того, ни с сего вскочившей с его колен, казалось, без повода оттолкнув от маленькой груди нежные мужские руки, мальчишка вслед за Нектой поднялся на ноги, делая шаг вперед, невольно оказываясь ближе к памятнику, будто заслоняя, прикрывая собой хрупкое женское тело. В этот самый момент неизвестное существо окончательно преодолело сопротивление металла памятника и будто перетекло вниз, оказавшись на асфальте, рядом с гранитным постаментом, в полудесятке шагов от вскочившей со скамейки молодой парочки.

Некта успела заметить человекообразную уплотняющуюся с каждым мгновением косматую и чуть неуклюжую в первых движениях фигуру, больше похожую на вставшего на задние лапы неведомого черного медведя с размытыми невнятными контурами то ли морды, то ли лица... и взмах могучей безжалостной лапы чудовищного хищника, сметающего со своего пути неожиданное, нелепое препятствие – слабого и беззащитного человеческого детеныша, не вошедшего еще в должный для сопротивления ему возраст... и еще один взмах, теперь уже другой лапы, черным сгустком бездны устремившейся навстречу попытавшейся отшатнуться девушке.

А потом слабый свет фонарей и игра теней ночной парка – исчезли.

...из черно-серой, зыбкой ночной темноты, разбавленной ледяным звездным светом, слабо мерцающим на чистом не осеннему небе, неясным и расплывчатым, рыжеватым, лохматым пятном появился рукотворный огонь, приближаясь медленно и неуклонно, неотвратимо, как судьба... и через пару-другую минут стало видно, как...

...осторожно ступая, косясь под ноги и тихонько всхрапывая, лошади неторопливо двигались по краю невысокого обрыва, всего в паре сажений под которым посверкивала рябью в звездном свете лента неширокой, быстрой и глубокой речушки. Стараясь держать повыше чадающий факел, пламя которого хоть как-то разгоняло вокруг всадников непроглядную тьму осенней ночи, совсем юный, с едва пробивающимся пушком на верхней губе и подбородке, воин, укутанный бурым, бесформенным плащом, под которым слева, у пояса, выступала рукоять меча, а за спиной горбатился невеликий, но такой нужный на службе заплочный мешок, ворчливо бубнил, вроде бы себе под нос, но с таким расчетом, чтобы слова его слышны были едущему чуть впереди спутнику с кирпично-красным, обветренным лицом бывалого выпивохи и рубаки, заросшим недельной щетиной и украшенным длинным, с сильной проседью, усами.

– Ну, вот, все, как люди, сейчас сидят с пивом у старого либа Мартина, тискают девок, а мы – тут, как неприкаянные души в Чистилище, бродим зачем-то в темноте... – мальчишка чуть привстал на стременах, разминая уставшую спину и слегка помахал факелом, подсвечивая идущую вдоль речного берега, едва заметную и днем тропинку.

– Всю прошлую луну ты дежурил в замке и каждый вечер щупал этих девок, небось, всех попробовал, – с легким смешком отозвался старший, не столько внушая молодому правила службы, сколько разгоняя сон и коротая за разговором время до рассвета. – А нынче пришел твой черед охранять границу...

– Чего её охранять-то? – просто ради того, чтобы не молчать в ночной тишине, отозвался юноша. – Кто эту речку у барона соплет, что ли?

– Спереть, конечно, не соплет, да и рыбу нынче по ночам никто беззаконно не ловит, – покивал-согласился старший, но тут же пояснил напарнику: – Вот только пару седмиц назад наш барон поссорился в очередной раз с заречным соседом, в кровь поссорился, не просто побранился на пиру... Теперь, понятное дело, ждет набега с той стороны...

Ветеран, опутив на мгновение поводья, махнул рукой в тяжелой и неуклюжей перчатке в сторону поблескивающей воды, обозначая направление.

– И ты думаешь, даже если соседи успели за две седмицы собрать войско, какой-то дурень станет переправляться ночью через Быстрицу? – поинтересовался юноша, останавливая лошадь.

– Да ты, я гляжу, стратег, – захохотал обидно старший. – Отчего ж еще даже и в десятники не выслужился? Гляди, наш барон любит сметливых мальчишек, да и не только мальчишек...

Молодой воин, поджав губы, уязвлено засопел на незнакомое слово, сгоряча решив высказать напарнику, как неблагородно с его стороны оговаривать своего сюзерена в тайном содомитстве, но тут же подумал, что за такие слова легко можно огрести от ветерана тупым концом копья по спине, и стал мстительно размышлять – не стоит ли по прибытии в замок рассказать тихонечко кастеляну о нехороших разговорах Стефана Длинноуса.

Короткую невольную паузу в разговоре двух стражников прервал негромкий, но явный в ночной тишине, отчетливо разносящийся над речной поверхностью плеск весла.

Юноша резко привстал на стремених, повыше подымая факел и стараясь утихомирить внезапно заколотившееся в страхе сердце – ему почудилось вдруг, как десятки широких, вместительных лодок, набитых угрюмыми, злыми воинами, жутко недовольными, что им не дали спокойно отдохнуть этой ночью, отчаливают от противоположного, низкого, заросшего камышом и осокой берега и на крыльях весел устремляются к баронской земле...

– Кто это? – невольно спросил он, не обнаружив на речной глади вражеской флотилии, вместо нее от их берега быстро отошел узкий челнок с единственным маленьким человечком в нем, усердно и умело взмахивающим веслом. – Лазутчик?..

– Какой тебе лазутчик, – проворчал старший, взглядываясь в пеструю темноту речной ряби. – Тут и без лазутчиков все про всех знают... а это... ох, это ж мельничиха...

– Какая мельничиха? – заинтересовался юноша, тут же забыв о всего лишь мгновение назад испытанном страхе. – Может, догнать её? Чего через реку шастает по ночам?

– Догони, – повернувшись к напарнику оскалится в причудливой насмешке Стефан. – Может, в жабу превратит за любопытство, или в водяного... дочка старого Ганса, говорят, та еще ведьма...

– Ведьма? – озадаченно протянул юноша, всматриваясь, как быстро, уверенно, пересекая речку чуть наискосок, чтобы течение не мешало, а помогало попасть в нужное место на противоположном берегу, двигается челнок. – А что же Священная конгрегация? Не может быть, чтоб не знала...

– Кто же ведает дела конгрегаторов? – серьезно нахмурился и понизил голос при упоминании известных борцов за чистоту веры ветеран, казалось, он побаивается их сильнее, чем мельниковой дочки. – Нам до них далеко, как до...

– Зачем же ведьма поплыла на ту сторону? – перебил его юноша, оживившийся случайным происшествием, еще не понимающий, что в жизни лучше держаться в стороне от всякого рода странностей. – Небось, ворожить там будет?..

– Черный Лес там, – нехотя пояснил Стефан, указывая

взмахом зажатого руке копыя направо и дальше от продолжающегося стремительно удаляться по речной ряби челнока. – Про него много разного и нехорошего рассказывают... такого, что повторять в ночном дозоре – негоже.

– Ты – и боишься? – искренне удивился молодой воин, опуская факел и старательно взглядываясь теперь уже в лицо ветерана.

– Сам бы забоялся, если бы хоть раз услышал половину тех историй, что рассказывают меж баронских крестьян и стражников про этот проклятый лес, – проворчал Стефан, даже и не подумав скрывать суеверный страх. – Вот вернемся в замок, спросишь кого из местных, кто всю жизнь прожил у Быстрицы, там и послушаешь, вместо того, чтоб по вечерам в трактире девок цупать, авось, наберешься малость ума...

Он отвернулся от речной ленты, перехватил поудобнее копые и тронул поводья, направляя лошадь дальше вдоль обрыва. Постояв на месте еще несколько мгновений, но все-таки убоявшись надолго оставаться в одиночестве, юноша последовал за ним... Блеклый свет факела, двигаясь над причудливо протоптанной вдоль берега тропинкой, потихоньку тускнел, удаляясь с каждым лошадиным, неторопливым шагом, пока не скрылся окончательно за темной, загадочно шелестящей под свежим ночным ветерком маленькой ивово-рощицей... остался, будто повис в воздухе, сконденсировался над утоптанной землей, запах навоза и конского пота, сыромятной кожи и тронутого ржавчиной металла, увядающей осенней травы и живой, пропитанной рыбой и лягушачьей икрой, воды быстрой речки...

...больница была не из лучших. Это Некта поняла в первые секунды, еще не открывая глаз, лишь вдохнув густой, насыщенный болью и чужим страхом, тяжелый запах несвежего постельного белья, дешевых моющих средств, хлорки, далеких, но от того не менее пахучих подкроватных уток, наполненных человеческими испражнениями. Но среди этих отвратительных, душащих, выворачивающих нутро наизнанку запахов присутствовал и еще один, едва уловимый, знакомый, близкий, из тех, что с годами переходят в определение – родной. И не признать его, даже с закрытыми глазами, Некта не могла.

Симон, чуть сгорбившись в неудобной позе, сидел на краю больничной кровати, привычно скрестив руки на набалдашнике трости, и рассматривал опухшую, онемевшую левую часть лица девушки, наливающуюся жутковатой, мертвящей синевой, и возложенную на непонятных подставках, загипсованную почти до самой ключицы и зачем-то согнутую под прямым углом в локте руку.

– Я думаю, что тебя так переехал не простой смертный? –

улыбнувшись уголком рта поприветствовал соратницу агент Преисподней. – Кажется, и десяток здоровых мужиков не способны нанести такие аккуратные травмы, даже если при этом ты не стала бы сопротивляться... ну, в виде эксперимента.

– Шудовише, – косноязычно отозвалась Некта, и её спутник сразу не понял, к кому должно относиться это слово – к автору травм или к нему самому, но девушка быстро развеяла возникшее, было, недоразумение: – Ты чудовище, Симон! Не мог подыскать для меня больницу попримечнее?

– Жить будет, может быть, не в ближайшее время и нерегулярно, но будет, – будто бы самому себе, удовлетворенно констатировал агент Преисподней. – А больницу я тебе не подыскивал, я тебя только-только сам отыскал в этой...

– И... дафно... я ... фут... – с трудом выговаривая знакомые слова, поинтересовалась Некта.

– Говорят, со вчерашней ночи, – пожал плечами Симон, с удовольствием распрямляясь и даже слегка откидываясь всем телом назад, к спинке кровати. – Мне сообщили уже под утро, хорошо, что здешние медсестры оказались настолько любопытными, чтобы заглянуть в твой мобильный телефон...

– А эфот... Шаня... ш кофорым я... – онемевшая половина лица категорически мешала говорить, но девушка была упрямее собственных травм.

– А ты стремительно взрослеешь, я бы сказал, прямо на глазах, – усмехнулся агент Преисподней. – Пару лет назад весь твой интерес заключался бы в поисках обидчика, а теперь вот – заботишься о спутнике... Да, мальчишке повезло чуть меньше, он еще не очнулся после операции, говорят, его будто из-под самосвала вытащили, весь в переломах и ушибах. Но пока – прогноз положительный, а состояние хоть и тяжелое, но стабильное.

– Еще бы не из-под самосвала, – с трудом прошамкала Некта. – Там такое из статуи вылезло, что я и подумать не могла никогда, будто такое бывает. Жаль парнишечку, попал на чужой праздник, сам о том не подозревая...

– Похоже, ты приманиваешь к себе потусторонние неприятности, – задумчиво почесал нос Симон.

Девушка с трудом подняла с тощей подушки голову и огляделась – пустынные стены в выцветших, дешевых обоях, десяток кое-как заправленных и даже просто брошенных распахнутыми кроватей, чуть покосившийся фаянсовый рукомойник в углу, обложенный пожелтевшей от времени, местами потрескавшейся кафельной плиткой, широкие, просторные окна, полные сероватого света мглистого осеннего

утра, видать, сегодня солнышко не порадует горожан своим присутствием.

– А где все? – зачем-то поинтересовалась Некта, отвлекая себя и собеседника от неприятной до сих пор темы встречи с неизвестным злом – ну, не могло же добро, пусть тоже неизвестное, этак садануть небольшую, хрупкую девушку лишь за то, что она стала свидетелем его появления в этом Отражении.

– Я попросил выйти, – сдержанно сообщил Симон. – Негоже, чтобы все слышали о твоих контактах с неведомым и невероятных приключениях на том и этом Свете...

– Просить ты умеешь, – согласилась Некта.

– Вежливая просьба, подкрепленная денежной купюрой, всегда вызывает уважение и желание её исполнить, – пожал плечами агент Преисподней.

Девушка осторожно пошевелилась, будто проверяя, может ли она двигаться или приговорена злой судьбой последние дни на этом свете пролежать парализованной, и, опершись о постель правой рукой, попыталась чутко приподняться, хотя бы полуприсесть...

– Может, не надо? – с легким беспокойством в голосе поинтересовался Симон, не делая попыток помочь своей спутнице, она вполне могла и возмутиться непрошеным услугам, как частенько бывало, правда, в совершенно иных ситуациях.

Но Некта уже взгромоздилась плечами и спиной на металлические прутья кровати, с трудом преодолевая сопротивление загипсованной руки и ослабшего, избитого тела – на левом боку, под обнажившейся маленькой грудью лиловела огромная гематома. Резко выдохнув, девушка заинтересованно уставилась на агента Преисподней и сообщила:

– У меня ничего не болит, Симон. Как такое может быть?

– Отходишь от наркоза, – пожал плечами мужчина. – Я же не уточнял, чем тебя в операционной обкололи и когда...

– Наркоз – все равно наркотики, – резонно возразила Некта. – А я ничего не ощущаю... ну, ни после кокаина, ни с другой дряни я так себя не чувствовала. Понимаешь, совсем нет боли, даже намек, а ведь – должно...

– Боль может помешать...

В роскошном шоколадного цвета костюме, в багровом галстук с изящной золотой заколкой, увенчанной рубиновым астериксом в ноготь большого пальца размером, с лицом, опаленным вечным пламенем Преисподней, будто вырубленным в темно-красном граните, с высокими тонкими бровями над бездонной пропастью черных глаз, в широкополой черной шляпе, скрывающей неперенные остренькие рожки на лишенной волос

голове, за спиной Симона появился – тот самый бес, старый знакомый, что девять лет назад встречал на том Свете агента с напарницей и случайно примкнувшей к ним юной девчонкой, а чуть ранее – посылал самого Симона на спасение от ядерного удара талантливого рыжего мальчишки-программиста.

«Вот это дела, – мелькнула мысль в голове агента Преисподней. – Что же такое заставило не последнего – да что там – одного из высших иерархов Ада лично явиться в это злосчастное Отражение?»

– Рад видеть и приветствовать вас, экселенц, – склонившись, как сидел, в низком поклоне спрятал усмешку Симон. – Что привело вас в эту обитель человеческой боли и скорби?

– Не юродствуй, грешник, – на удивление кротко, без громовых раскатов, но все-таки сильным, глубоким басом с рыкающими нотками, отозвался Иерарх. – Без крайне серьезной причины вы меня здесь никогда не увидели бы...

– Я огорчена, что не могу вас приветствовать, как полагается, – неожиданно подхватила тон своего спутника Некта, пытаясь изобразить почтительный наклон головы.

– Шуты гороховые, – буркнул себе под нос бес, и стало ясно, что несмотря на всю серьезность происшествия, заставившего его лично явиться в забытое и Адом, и Раем тихое Отражение, к присутствующим Иерарх относится вполне дружелюбно, что он и подчеркнул еще раз, обратившись к девушке: – Мучимые болью души хорошо и удобно допрашивать, соблазнять, использовать, но для разговора с помощниками от последних требуется ясный ум и сосредоточенность на конкретном деле, чему боль может только помешать. Помни об этом, грешная Марина-Некта, всегда помни!

«Ого! Сверхэкстрим, – мелькнуло в голове девушки, похоже, именно так же подумал и Симон, хотя и в иных, более старомодных литературных выражениях. – Кажется, нас здорово повысили по служебной лестнице...»

– За последние годы я привыкла к прозвищу Некта, – изображая смирение, сказала пострадавшая от темных сил. – Этого будет вполне достаточно.

Бес, ухмыльнувшись, ну, точь-в-точь, как сделал бы это любой мужчина, разглядывающий полузакованную в гипс девчонку с обнажившейся грудью, безрезультатно пытающуюся изобразить на опухшей половине лица скромную гордость и удовольствие от появления высокого начальства, его завуалированной похвалы и признания неких заслуг.

– Договорились, Некта, – кивнул Иерарх теперь уже деловито. – Сейчас вы с Симоном постараетесь быстро и без суеты

собраться, и мы вместе переместимся в какое-нибудь более подходящее для разговоров место. Мне не нравится здешний запах, да и вся обстановка в целом.

Девушка, лишь только речь зашла о каких-то куда-то сборах, едва не высказалась про отсутствие не только одежды, но даже и нижнего белья на себе, но в этот момент из-за спины Иерарха скользнул вертлявый, лохматенький бесенок с парой объемных пластиковых пакетов в цепких лапках.

– Здесь, здесь, – суетливо затараторил нечистый, – здесь все ваши вещи, то есть не все, но те, что их милость велели прихватить из ваших апартаментов, чтобы вы смогли достойно выглядеть в присутствии его милости...

Бес, чуть брезгливо поморщившись, щелкнул пальцами, и лохматенький обитатель Преисподней буквально растворился в воздухе, оставив после себя лишь пару пакетов в изножии постели.

– Симон, думаю, ты и без моих напоминаний поможешь своей подруге одеться, все-таки с загипсованной рукой это сделать трудновато, – поставил точку в предварительном разговоре Иерарх, но тут же спохватился: – Ах, да... чуть было не забыл...

Он внимательным, обжигающим взглядом уставился на пострадавшую часть лица Некты, и в считанные секунды, прямо на глазах хоть и привыкшего ко всяким метафизическим штучкам, но все равно удивленного таким заботливым отношением Симона опухоль, грозящая вот-вот перерасти в огромный, в пол-лица, синяк, уменьшилась, рассосалась, превратившись в привычно ровную, чуть смугловатую от летнего недавнего загара кожу.

– Ух, ты, – с облегчением ворочая во рту языком, обрадовалась девушка. – Вот бы и руку так – раз, и уже все срослось, как не ломалось...

– Неблагодарные грешные души, – весело засмеялся в ответ Иерарх, довольный своей работой. – Вы никогда не поймете, чего это стоит, и всегда воспринимаете даруемые вам блага, как должное. С рукой тебе придется потерпеть, не все сразу.

Быстрым, но каким-то величественным, почти торжественным шагом бес покинул больничную палату, а Симон с легким унынием поглядел на высыпавшиеся из ближайшего пакета чулочки, колготки, трусики...

– Ты не грусти, – деловито сказала Некта, сбрасывая ноги на пол и усаживаясь на кровати. – Всякие трусишки-лифчики нам на фиг не нужны, если ты меня в ближайшее время не собираешься лично в сортир сопровождать... эх, жаль, у меня почти все юбки короткие, бестолковый бесенок, небось, про это не подумал...

Но, оказалось, подумал – бес-иерарх или мелкий бесенок, но кто-то из них проявил удивительную проницательность, укомплектовав второй пакет не только блузками и легкой ветровкой, но и полностью прикрывающей бедра, самой длинной из гардероба девушки, юбкой. Черные чулки на резинке и туфли тоже не оказались проблемой, а вот с блузкой пришлось помучаться до тех самых пор, пока Некта в сердцах не приказала агенту просто отрезать левый рукав под самый корень. Ветровку Симон просто накинул на плечи девушке, но после этого почти четверть часа ожидал, пока его спутница наведет макияж перед малюсеньким зеркальцем возле больничного умывальника, благо, сделать это было вполне возможно и одной рукой, а появляться «в обществе» ненакрашенной Некта категорически отказалась: «Лучше уж я голой выйду и в больничных тапочках чем без губной помады...»

Но заглянувший через загипсованное плечо девушки в краешек тусклого больничного зеркала Симон увидел там не привычно искаженное напряженной гримаской лицо, а пыльный монастырский двор и...

...плотный, неправильный чуток круг вспотевших, тяжело переводящих дыхание воинов в поддоспешниках, кожаных плотных безрукавках, легких шлемах... они с любопытством и зарождающимся задором разглядывали скрестивших клинки над специально политой, плотно утоптанной землей – молодого совсем парнишку в когда-то белой исподней рубашке, измазанной ржавчиной и следами смазки оружия, белые, длинные кудри которого метались вокруг рассерженного, чуть покрасневшего лица, а голубые глаза горели страстным желанием доказать противнику его неправоту... а вот явно дедовский, тяжелый и длинный меч своего визави раз за разом умело и привычно отбивал высокий, плотный мужчина в распахнутой кожаной безрукавке на голое тело, с коротко и неровно обрезанными волосами, в жесткой маске, предохраняющей лицо от случайных ударов во время тренировочных боев, он ловко орудовал эстоком, подставляя крепкий клинок под размашистые удары юноши, умело, без раздумий уходя в сторону и то и дело охлопывая клинком, довольно болезненно, противника по плечам и рукам. Но юноша лишь кисло морщился, получив очередной удар, делал шаг-два назад и вновь устремлялся в атаку, как молодой бойцовый петушок, забывая об обороне, стремясь во что бы то ни стало достать, наказать своего обидчика...

Столпившиеся вокруг них воины, радуясь неожиданной передышке в непрерывных ежедневных занятиях, нарочито громкими выкриками подбадривали юношу, при этом вполголоса,

стараясь отвернуться от круга, в котором проходила схватка, ни на мгновение не усомнились в окончательной победе его противника... еще бы, храбрый юнец благородных кровей, ощутивший себя оскорбленным легким пренебрежением к его родословной со стороны командира, в серьезном бою вряд ли продержался бы и десятую долю того времени, за которое играющий, как кошка с мышью, ветеран решил, было, проучить наглого молодого дворянчика.

Бой с каждым мгновением неминуемо продвигался к своему логическому завершению – избитому до синяков юноше, кровной обиде, возможно, очередной жалобе на зарвавшегося простолюдина, пусть и исполняющего обязанности командира сотни, но неожиданно, сразу после очередной неудачной атаки, болезненного удара эстоком и ухода в сторону шагов на пять белокурого дворянчика, откуда-то сверху, будто с небес, раздался звучный, покрывший шум боя и невнятный говор собравшихся в круг воинов, голос:

– Винченцо! Либерум Винченцо! Не считите за труд! Подымитесь ко мне!

Все присутствующие в монастырском дворе, даже торопливо бегущий к колодцу маленький мальчишка-поваренок с огромной для него бадьей в руках, задрали головы, пытаясь разглядеть подавшего из окна второго этажа голос одного из высших иерархов не только самого монастыря, но и отделения *Congregatio pro Doctrina Fidei*, с давних времен базирующегося в этих древних стенах. И лишь названный либом Винченцо не поддался всеобщему любопытству, четко отсалютовав остановившемуся на полудвижении дворянчику и неожиданно резким, точным броском отправив эсток в замшелую колоду, на которой временами рубили мясо для воинского стола, а в прежние времена, говорят, и головы благородных бунтовщиков и высокорожденных еретиков. Клинок на пол-ладони вошел в окаменевшее дерево, вспугнув рой злых осенних мух, никогда не покидающих этого места, а Винченцо уже орал на весь двор командирским, зычным голосом:

– Коська! Воды мне! – и тут же, будто только заметив, набросился на переминающихся с ноги на ногу воинов: – Что встали, бездельники? Кто-то скомандовал перерыв? Или вы утомились, глядя на схватку? Работать, дармоеды! Работать!..

Спohватившись, стражники суетливо начали разбираться по парам для ежедневной отработки индивидуального мечного боя, а растерявшийся таким неожиданным исходом схватки с командиром местного отряда белокурый дворянчик застыл соляным столпом, опустив меч к ногам... Винченцо считал за лучшее не затрагивать гордое дворянское сердце своими распоряжениями и,

срывая на ходу кожаный жилет и защитную маску с лица, направился в уголок двора, к колодезю, из которого его оруженосец, мальчишка Константин, прозванный Коськой, уже вытащил полное деревянное ведро ледяной воды.

– Лей! – распорядился сотник, чуть пригибаясь над длинной, пропахшей сыростью колодой, и, кажется, даже не вздрогнул, когда остуженная в недрах земли струя колодезной воды ударила по разгоряченному телу.

Не вытираясь, лишь подхватив из рук проворного Коськи застиранную серую рубаху грубого холста, Винченцо, одеваясь на ходу, прошел вдоль стены к тяжелым дубовым дверям, ведущим во внутренние помещения монастыря... в лицо ему пахнула темная прохлада, насыщенная ароматами высушенных трав... и изображение, потускнев и сморщившись, нехотя исчезло из зеркала...

Иерарх у окна больничного коридора казался драгоценным камнем в помоечной оправе бутылочного стекла среди суетливо перемещающихся мимо него больных в казенных, застиранных пижамках и халатах, в домашних потрепанных одежках, в шлепанцах на босу ногу, и даже среди изредка мелькающих деловито сосредоточенных врачей и нахмуренных медсестер в белых, не всегда чистых халатах. По непроницаемой маске лица беса невозможно было определить, как он относится к небольшой задержке грешных душ, посвященной макияжу Некты, хотя, по здравому размышлению, что значат пятнадцать минут для вечного существа? Рядом, но на строго определенном, почтительном расстоянии от Иерарха томился бездельем среди множества грешников, своих потенциальных клиентов, полубес, исполняющий обязанности свиты при своем владыке. Именно к нему в первую очередь обратился Иерарх, завидев Симон и Некту:

– Договорись с врачами, деньги не считай, но и не разбрасывайся, тут, кажется, в чести загребать все, что только дают...

Быстро склонившись в почтительном поклоне, полубес исчез, будто растворился, слился с толпой больных, а Иерарх продолжил раздавать указания, в этот раз ткнув пальцем в Симона:

– А ты разберись с полицейскими, кажется, им что-то надо от нашей пострадавшей...

И точно, возле соседнего окна терпеливо дожидался своего часа невзрачный, но крепенький мужчина в простом костюмчике без галстука, явно – полицейский оперативник низших чинов из местного отделения, в юрисдикцию которого изначально попал несчастный случай в парке. Симон, подойдя поближе,

притормозил его любопытство небрежным движением, давая бесу и Некте отойти подальше в сторону выхода с больничного этажа на широкую псевдомраморную лестницу, ведущую вниз, на улицу, а сам достал из кармана ставший за прошедшие годы атрибутом едва ли не каждого человека в этом Отражении мобильный телефон и набрал давно и хорошо известный ему номер... после короткого разговора – «Здравствуйте, комиссар... помните ночь у фонтана, возле отеля «Две звезды»? Да, разумеется, все в порядке, но требуется ваша совсем небольшая помощь...» – Симон передал трубку оперативнику, которому вполне хватило прямого распоряжения начальника уголовной полиции города Северина Фогта, чтобы с облегчением в ближайшие мгновения забыть о странном происшествии в парке, как обычно, в местном полицейском отделении и без того хватало всяческих криминальных и полукриминальных дел.

Агент Преисподней догнал Иерарха и Некту практически одновременно с «расправившимся» с врачами полубесом у самого выхода из больницы, заметив напрягшуюся при их появлении на улице маленькую стайку репортеров, похожих на мелких падальщиков, готовых устремиться на остатки чужой добычи, чтобы вырвать из грязи, крови и чужой боли свой бутерброд с маслом. Казалось, они уже со всех ног рванули навстречу выходящим, подготовив к бою диктофоны, небольшие видеокамеры, телефонные аппараты, как неожиданное событие – резкий визг сирены, синие мигалки сразу двух машин передвижной реанимации отвлекли падальщиков от избранной цели.

Проводив взглядом группу молодых мужчин, старательно облепивших реанимобили и бесцеремонно пытающихся о чем-то заговорить с шоферами и врачами, Иерарх презрительно процедил сквозь зубы:

– Экие шакалы, однако... надо бы, вернувшись, посадить таких вот на диету из тухлой рыбы, раз настолько любят гнильцу при жизни.

Услышавший эту реплику Симон с трудом сдержался, чтобы безглаголиво не передернуть плечами. Думается, большинство из тех любителей доносить до простых людей кровавые подробности автомобильных аварий, бытовых преступлений, серьезных природных и техногенных катастроф вряд ли продолжили заниматься этим делом, зная они, что после смерти их ожидает многовековая диета из тухлой рыбы, вкушать которую придется, скорее всего в местах максимально приближенных к выгребным ямам. «Ну, что же, – подумал философски агент Преисподней. – Ад бывает порой суров, но как часто он оказывается

справедлив...»

Вслед за возглавившим небольшое сатанинское шествие полубесом Иерарх, Некта и Симон добрались и удобно устроились в салоне богатого, но неброского автомобиля, за рулем которого оказался играющий свиту нечистый. «Интересно, куда мы направляемся и о чем будем разговаривать в процессе езды?» – подумали, видимо, одновременно и Симон, и Некта, но даже у девушки не возникло желания высказаться на этот счет вслух, в конце концов, хозяин – барин, и бес, подаривший своим грешникам десять лет отдыха от адских мук, в полном праве использовать их без предупреждения и по собственному усмотрению.

Несмотря на множество автомобилей, скопившихся в этот ранний утренний час на дорогах города, умело и уверенно ведущий машину полубес практически ни разу нигде не притормозил, не говоря уже о том, чтобы застрять в неизбежной в последние годы пробке. Видимо, свитский нечистый умел не только разглядывать движущиеся по тротуарам симпатичные грешные души, преимущественно женского пола, и договариваться с лечащими врачами в муниципальных больницах, ибо минут через пятнадцать небыстрой, но какой-то особо проворной и ловкой езды по узким переулочкам, широким проспектам и просторным площадям, прошедшей в совершенном, полном молчании всех, находящихся в автомобиле, машина плавно притормозила в старинном тупичке, почти в самом центре города, под вывеской фешенебельного и широко известного, не всякому из богатеньких горожан по карману, ресторана «Старый город».

Выбравшийся из салона Симон чуть замешкался, помогая загипсованной Некте покинуть машину, а когда они распрямились, у только что пустынного входа в ресторан в почтительных позах, приветствуя прибывших, стояли Артифекс, курирующих здешнее Отражение от Преисподней и... высокая, стройная дамочка, блондинка лет тридцати, фигуристая – все при ней – одетая в строгий деловой костюм василькового цвета с маленькой, тощей папочкой в руках и ледяным взглядом сероголубых глаз... лично ангел Фалет, представляющий в женском облиции противоположную сторону.

...наверное, никогда еще со времен основания этого старейшего в городе заведения, его не посещала в такое неподходящее время столь странная компания – при круглосуточной, без выходных и праздников, работе ресторана утренние часы, примерно с семи до одиннадцати, здесь издавна считались «мертвыми», предназначенными для оплачиваемого

невольного отдыха официантам, поварам и швейцарам. И вдруг...

Первыми, левее и правее, на пару шагов опережая шествующего в центре Иерарха, будто расчищая для него проход в невидимой толпе, поспешали странный мужчина в раскрашенном нелепыми пятнами краски рабочем комбинезоне, с жиденькой, взлохмаченной бородкой и неожиданным огромным аметистом в золотой оправе, мерцающим лиловым светом на пальце правой, измазанной в свинцовых белилах, руки; чуть правее, гордо, но напряженно, как будто в предвкушении грандиозного начальственного разноса, вышагивала деловая белокурая женщина в строгом костюмчике, с великолепной укладкой, отменным маникюром, с умопомрачительными по стоимости золотыми часиками на левом запястье; чуть позади, опять же по обе стороны от явного центра компании шли – кое-как покрашенная, на скорую руку одетая худенькая девчонка лет семнадцати с помятым лицом и загипсованной по самую ключицу, согнутой в локте и нелепо торчащей вперед левой рукой и сорокалетний мужчина в короткой кожаной куртке со множеством блестящих и звенящих молний, с забранными позади, на затылке, в небольшой хвост черными длинными волосами. А замыкал процессию явно водитель, телохранитель и мальчик на побегушках идущего в центре очень солидного и грозного господина, так и не снявшего в дверях широкополую, черную шляпу-боливар.

Едва успевший подскочить ко входу швейцар – из бывших унтер-офицеров морской пехоты, хоть и пожилой, но крепкий мужчина, способный и в его годы легко вынести на кулачках из зала пару-тройку перегулявших гостей – в недоумении и мистическом испуге застыл, выпучив глаза и приоткрыв рот, как выброшенная на берег рыбина, и успокоился лишь после того, как ощутил в своей ладони привычную купюру среднего достоинства, неимоверно ловко втиснутую туда замыкающим шествие полубесом. Одновременно с купюрой швейцар получил от нечистого ласковый, но очень серьезный совет: «Сделай так, чтобы часок-другой сюда никто не входил...», послушаться которого не рискнул бы ни один человек, находящийся в здравом уме. А встретившийся на пути, уже практически в самом ресторанном общем зале, помпезном, сверкающем позолотой, натертыми полами изящного наборного паркета, карельской березой мебели, лепниной и грандиозным буфетом красного дерева, запыхавшийся в растерянности метрдотель получил небрежное, но веское и лаконичное распоряжение Иерарха: «Столик на пятерых...»

Мгновенно смененная скатерть хрусткой накрахмаленной

белизной засияла над овальной столешницей, неизвестно откуда появившиеся, будто потусторонние призраки, официанты с чуть заспанными глазами, но в чистейших, тщательно отглаженных фраках осторожными движениями заводных механизмов отодвинули изящные полукресла от стола...

– Не так, – с легким раздражением буркнул Иерарх, заметив желание Некты присоединиться к своему старшему товарищу. – Ты – за Артифексом, Симон – рядом с ангелом...

Девушка с облегчением вздохнула, усаживаться подле своего ненавистника, ждущего подходящего момента для мести, ей совсем не хотелось, а вот рядом с бесом-куратором, пусть и пропахшим скипидаром и масляными красками – было вполне приемлемым.

– Симон, заказывай, – кивнул Иерарх, едва лишь его гости прикоснулись к сидениям.

«Ох, а мы тут еще и пить-есть будем?» – удивился неслыханному доселе нарушению всех правил писанного и неписанного этикета, возведенного едва ли не в ранг закона среди сил Тьмы, да и Света, пожалуй, но постарался скрыть свое недоумение агент Преисподней, тут же, безо всякого заглядывая в толстенную, в натуральной коже, книжицу меню, начав диктовать любезно склонившемуся к нему старшему смены официантов – дядечке пожилому, очень тонко чувствующему настроение любых клиентов.

– Коньяк для всех, пятидесятилетний, знаю, есть у вас такой, – перечислял Симон, пока шустрые помощники старшего, расставляли на столе приборы, посуду, пепельницы, салфетницы. – Дамам к тому же шампанское, из коллекционных, бутылочку, но не спешите открывать. Бифштекс с кровью обязательно, что-нибудь легкое, из морепродуктов, сыры, фрукты... да, еще мне и юной девушке, пожалуйста, водки и соленых огурцов, а потом – картошки отварной и селедочки с лучком...

Профессионально привыкший ничему не удивляться и подать к столу хоть мороженное крем-брюле с тертым хреном в одной вазочке, старший официант самолично принес напитки, с профессиональной аккуратностью наполнил пузатые коньячные рюмки и водочные лафитники, после чего, отступив на кухню, попробовал в уме прикинуть самую скромную стоимость заказанного... получалось, как бы, не три его месячные зарплаты с учетом чаевых, привычно оставляемых в карманах официантов хозяином заведения. Иерарх даже не взглядом, легким поворотом головы отогнал от стола всех любопытствующих, жестом велел полубесу, скромно устроившемуся рядышком, но за соседним столиком, контролировать официантов и прочую ресторанную

прислугу, лишь после этого молча, никому ничего не пожелав, выпил коньяк, будто простую воду, и проследил, как одним долгим глотком пьет водку Некта, туту же закусывая хрустким, таким аппетитным на вид соленным огурчиком.

Терпеливо, будто никакой срочности в сборе таких неожиданных персон в одном месте и не было в помине, Иерарх дождался, пока девушка смахнет с ресниц выступившую слезинку, окончательно прожует огурец и только после этого вперился в нее обжигающим, черным взглядом, коротко приказав:

– Говори.

Это ничуть не было страшно, разве что, самую капельку, ни малейшего дискомфорта Некта не испытала под необычно пристальным вниманием беса, но ей и в голову не пришло промолчать, отшутиться, просто попробовать уточнить – о чем же рассказывать? И в процессе короткого изложения событий девушка попыталась, было, сосредоточиться на собственных ощущениях за несколько минут до и в момент самого появления некой потусторонней сущности в Речном парке, и тут только сообразила, что никаких особых ощущений, предчувствий или чего-то подобного не было и в помине. Просто в промежутке между двумя страстными поцелуями нечто выскользнуло из памятника и... ударило её, хотя сам момент удара Некта, хоть убей, не помнила.

– Так что вы мне скажете? – спустя пару минут после завершения недолгого рассказа грешной души, Иерарх ожег взглядом обоих кураторов Отражения.

И – вот же чудеса – даже Фалет виновато отвел глаза, не говоря уж о несчастном маляре-Артифексе, готовом буквально залезть под стол, чтобы хоть на мгновение отсрочить полагающуюся ему кару.

А полномочный представитель Преисподней – и, похоже, не только её – то ли не дождавшись, то ли и вовсе не дожидаясь ответа от кураторов, продолжил, старательно изображая ярость, готовность испепелить нерадивых работников, заглушить их чувства всепоглощающим страхом перед высоким начальством:

– Вы – два идиота! Простенькая, незамысловатая, грешная душа сталкивается с Диким Демоном, весь Ад уже гудит, Светлая сторона трезвонит во все колокола, а вы... вы просто ничего не знаете о случившемся!!! Как могло такое произойти? Чем вы, вообще, тут занимаетесь, если не отслеживаете метафизические всплески проникновения? Как можно не заметить волну такой силы и спектра?! Нет, я могу, конечно, хоть в чем-то понять своего... у Артифекса в голове лишь краски и кисточки, он не бес – маляр, чтоб ему до конца Мира красить заборы!!! Но Светлая

сущность чем занималась все это время?.. Ставила эксперименты над женским телом?

Потупив глаза в белоснежную скатерть, но не смея опустить, скрыть лицо, Фалет, отчаянно гримасничая, покрываясь натуральным потом, бледнея и краснея в доли секунды, напоминал сейчас застигнутую за мастурбацией монашку некогда примерного, благочестивого поведения. Про Артифекса даже и сказать было нечего, цвет лица его стал полностью совпадать с темно-зеленым, заляпанным разноцветными красками рабочим комбинезоном.

Однако, казни и прочие неминуемые меры воздействия на местных кураторов, как оказалось, откладывались. Иерарх, выговорившись, выпустив пар, собственное неудовольствие от необходимости личного пребывания в грешном мире, да еще и в забытом Темными и Светлыми силами тихом, спокойном Отражении, легким взмахом руки отогнал ринувшегося, было, долить ему в бокал коньяка официанта, наполнил сосуд янтарным напитком самостоятельно, выпил, уже не торопясь, смакуя чудесный букет, и продолжил разговор, резко сменив тональность и тему:

– След Демона еще висит здесь, но сама сущность исчезла, причем – не перешла в иное Отражение, такое было бы мне известно. Итак, у кого будут соображения по этому поводу?..

– Я думаю... мне кажется... – нетвердо, как неготовый к экзамену, крепко загулявший накануне, студентик, произнес ангел, поскребывая ноготками с отличным – это Некта сумела по-женски оценить – маникюром по накрахмаленной скатерти. – Он мог уйти в... Монсальват...

И вновь черными прожекторами буквально вспыхнули глаза Иерарха, но в этот раз Фалет покорно поднял взгляд... ментальный обмен информацией занял, наверное, доли секунды, но вот сама реакция ошеломленного беса задержалась. По лицу Иерарха пробежала гамма чувств, легко читаемая даже грешными душами Симона и Некты: здесь было и недоумение, и возмущение коварством Светлой стороны, и восхищение изобретательностью ангела, и озадаченность, и поиск возможных путей решения проблемы.

До сей поры спокойно и даже чуточку отстраненно – мол, каким это боком меня касается? – попивающий изумительный коньяк Симон ехидно улыбнулся и откровенно подмигнул своей спутнице по адскому отпуску – гляди во все глаза, когда еще такое увидишь, чтобы высший бес так откровенно выражал свои чувства?.. Но Некта и без этой подсказки слегка ошалело переводила взгляд с одного на другого присутствующего за

столом персонажа, её краткосрочный опыт пребывания в Преисподней явно нуждался в такого рода пополнении багажа знаний.

– Экселенц, я так понимаю, что вырваться из ловушки Фалета никому из Темных никогда не удастся, даже если того же захочет сам ангел? – чуть вольготно, независимо откинувшись на спинку полукресла, поинтересовался Симон. – Поэтому наше присутствие здесь, за этим столом, начинает обретать реальный смысл...

– А я тебе говорил, что это не простой грешник, – пискнул откуда-то из-под стола в адрес Светлого Артифекс, приписывая себе слова ангела, сказанные не так давно, каких-то лет семь назад на ночной площади у отеля «Две звезды».

– Я уже давно не сомневаюсь в твоей сообразительности, Симон, – покровительственно, но при этом совсем не уничижительно, констатировал Иерарх.

А вот до Некты, кажется, только-только дошел смысл этого обмена репликами... и смысл этот девушке категорически не понравился. Настолько, что, позабыв, благодаря потустороннему обезболиванию, о травмированной руке, блондинка резко взмахнула гипсом:

– Это вы меня опять к свиньям хотите отправить? Ну и мужчины пошли в наше время – слабую, беззащитную девушку выставляют против монстра, какого-то там Дикого Демона, а сами будут со стороны смотреть и еще, небось, ставки делать?..

Конечно, в чем-то Некта и переигрывала, высказывая свое возмущение таким поведением бесовской части Мира, но очень уж не хотелось ей вновь попасть в темный замок под беззвездным небом, к вонючему свинарнику, в узкие каменные коридоры, в общество грубых, закованных в броню воинов, с презрительной опаской относящихся к умертвию.

– Да вы хотя бы подумали, как я смогу справиться с этим Демоном? – продолжила вдохновленная вниманием собравшихся Некта. – Он меня – вон! – с одного удара на больничную койку уложил, если б не экселенц – то очень надолго, да и то – мы с ним не дрались, я Демону не угрожала, только и сделала, что появилась перед глазами. А мальчишка, который со мной тогда был, до сих пор в реанимации, по нему-то монстр, видать, правой, рабочей лапой отмахнулся.

– Вход в Монсальват один? – поинтересовался Иерарх, дослушав до конца высказывания грешной души. – Впрочем, понятно, что один... хоть и перемещаемый. Где он сейчас?

– Неподалеку от города, – пояснил чуток пришедший в себя после ментального обмена с Темной сущностью Фалет. – Переместиться недолго, но с нами – неживые, но живущие, это

потребуется...

– Торопится теперь некуда, разве Дикий Демон сможет уйти из замка? – с нарочитым удивлением поднял и без того высокие, едва заметные на темной коже брови бес.

– На местном транспорте мы затратим без малого три часа, – все-таки решился уточнить Фалет.

– Этого времени вполне хватит, – Иерарх оценивающе посмотрел на Некту, – чтобы привести в порядок тело грешной души, вот только и тебе, ангел, придется над этим постараться...

«Как и положено, моим мнением никто не интересуется, – посетовала не то, чтобы с грустью, но с привычной безнадегой, девушка. – Хорошо, хотя бы предупредили, а то в первый раз Симон меня просто подставил в ловушку, ни слова ни сказав...» Но вслух он произнесла совсем другое:

– За заботу о здоровье, конечно, спасибо, но вот как мне с тем Демоном-то сражаться? Может, оружие какое выдадите или заклинаниям научите, как положено? Да и с местными... они там все при мечях, копьях, а я – опять в одной юбчонке и чулочках, будто на вечернику к друзьям собралась или на прогулку какую с мальчиком, а не в Монсальват с чудовищами драться...

Иерарх с неожиданным вниманием прислушался к словам Некты, а потом легким движением руки подозвал скупающего за соседним столиком свитского полубеса:

– Для нас – транспорт посвободнее и попримечнее, чем ты в этот раз нашел, для Некты – одежду мужскую, в размер, всяких фасонов для полевых условий... и про обувь не забудь, знаю я вас, от и до делаете, если не напомнить...

«Дорогу к славе» Некта не запомнила, да и не старалась особо запоминать, тем более, к ней, на заднее сидение шикарного – с кондиционером, затененными стеклами, бортовым компьютером и автопилотом – минивэна, пристроились Иерарх с ангелом Фалетом, и – сразу взяли девушку в медицинскую разработку. Нестерпимый зуд срастающихся костей, легкое омертвление и судороги мышц по всей руке, возвращение чувствительности, перетекание крови, скользкие противные «иголочки», изнутри будто прокалывающие её кожу, крепатура, релакс и опять бесконечный зуд вовсе не способствовали приятному созерцанию пролетающих за автомобильным стеклом городских кварталов, узенького пояса перелесков, ограждающих скученное человеческое жильё от живой природы. Но и Симон, понимая, что до вступления в действие его роли в этом грандиозном спектакле, способном унести в Преисподнюю тысячи грешных жизней, и лишь десяток-другой отправить на Светлую сторону Силы, еще очень и очень далеко, к дороге специально не присматривался, не сочтя это сиюминутно важным, а спокойно дремал, расположившись рядом с несклонным к разговорам, разочарованным в самом себе Артифексом. И в легкой полудреме, в затененном салоне микроавтобуса агент Преисподней увидел, как наяву...

...прохладное, просторное помещение монастырской библиотеки, загроможденное по стенам до самых высоченных потолков стеллажами под старинные, тяжелые инкунабулы, свитки, обрывки пергаментов, было освещено лишь в дальнем от входа углу десятком ярко горящих восковых свечей в простых, но вместе с тем изящных оловянных подсвечниках выстроившихся на паре широких столов, заваленных все теми же листами пергамента, какими-то чертежами, записками на обрывках бумаги, ткани, кожи. Дневной по-осеннему неяркий серый свет лишь слегка обозначал высокие, узкие, как бойницы, окна, выходящие на монастырский двор, противоположная стена зала была глухой, в узких промежутках между стеллажами завешенной длинными серыми портьерами из простой холстины.

– Входите, сотник Винсент, надеюсь, я не очень отвлек вас от занятий с воинами? – пригласил остановившегося на пороге старшего стражника, давно служащего монастырю верой и правдой, невысокий, но крепкий еще пожилой монах обыденной, невзрачной внешности в серой, просторной, бесформенной рясе

тонкого сукна, за которое дворяне, пожелавшие прослыть модными, платят немалые деньги.

Винченцо, откровенно хмыкнув на нарочитую вежливость монаха – глава Конгрегации на землях доброй половины королевства по мнению воина должен был повелевать герцогами и маркграфами, а не извиняться перед простым сотником – забухал сапогами по дубовым, тщательно подогнанным доскам пола. Испуганные тяжелыми, не часто раздающимися под сводами библиотеки шагами, юркими бурьми молниями прыснули под стеллажи ласки, выставив оттуда любопытные мордочки с блестящими глазками-бусинками. Привыкшие к полной безопасности, ручные зверьки разбегались, лишь повинаясь инстинкту, при этом зная, как ценят хозяева библиотеки их неустанную борьбу с мышами и крысами, любителями отведать раритетные инкунабулы и свитки древних пергаментов на зуб.

– Напрасно вы считаете мою вежливость надуманной, – ответил на гримасу воина главный конгрегатор, переходя ко второму столу, на котором, среди все тех же библиотечных аксессуаров возвышался медный, тонкой работы кувшин и пара красивых вместительных серебряных кубков. – Ничто так не ценится Congregatio pro Doctrina Fidei, как поддержание установленного порядка, при котором каждый занимается своим делом: воин, готовясь к битвам, совершенствует свое мастерство, ремесленник изготавливает хозяйственную утварь, крестьянин работает в поле, дворянство охраняет покой своих вассалов и подданных... а я своим вызовом отвлекаю вас от исполнения прямых обязанностей... Впрочем, выпейте вина, Винченцо, вы изрядно намахались мечом...

Монах наполнил кубок ароматным напитком, забивающим запах плохо смытого пота, неважно выделанной кожи пояса и будто въевшегося в суть сотника разогретого невидимым осенним солнцем металла, и лично протянул его подошедшему воину, с благодарностью принявшего из рук конгрегатора вино и ритуально, привычно склонившего голову:

– Благословите, святой брат...

– Оставьте условности для новичков и посторонних, сотник Винсент, – голос конгрегатора посуровел, но жест благословления монах все-таки успел совершить просто рефлекторно. – Пейте, это хорошее вино... да, и скажите, чего вы не поделили с виконтом Селином?.. ваш поединок даже для моего неопытного взгляда мало напоминал учебный бой...

«Да уж, неопытного, – стараясь теперь спрятать ухмылку в глубине серебряного кубка, подумал Винченцо. – Если бы сам не видел, как ты владеешь мечом, ваша святость, может быть, и

поверил бы в твоё смирение и кротость...» Но на прямой вопрос отвечать было надо и отвечать – искренне.

– Младший графский сынок решил, было, что знает и умеет все в воинском деле, ещё бы, его обучали с детства те же наставники, что и старших братьев, наследников майората, – пояснил свои причины схватки сотник. – А мне не нужны покойники на поле битвы, то есть, конечно, без убитых на войне не обойтись, но жизнь свою надо уметь отдать дорого, чтобы враги потом вспоминали об этом, как о кошмарном сне. Молодой виконт был бы сегодня легкой добычей в серьезном деле, вот и пришлось показать ему это... многие дворяне плохо понимают слова простолудинов, но болезненный удар мечом легко доходит до каждого...

Вслушав речь Винченцо, глава Конгрегации покивал головой, как бы в знак согласия с позицией монастырского сотника, и, плеснув немного вина и во второй кубок, слегка омочил в нем губы, облизнулся и продолжил совсем о другом:

– Не так давно мне было видение... Да-да, не все монашеские видения сбываются, не морицтесь так, сотник, все дело в том, что мое – в чем-то особое, Винченцо. Оно узрело небывалое, невиданное ещё в нашем мире... А сегодня я получил неожиданное подтверждение ему с голубиной почтой...

Как бы в доказательство своих слов, монах указал рукой на заваленный документами и книгами соседний стол, на котором и самый внимательный глаз вряд ли углядел бы лоскуток тряпицы тонкого льна или кусок пергамента, покрытого письменами, посвященными именно тому, о чем говорил конгрегатор.

– ...впрочем, чтобы мое предчувствие неприятностей и плохое почтовое сообщение не обернулись настоящей бедой для многих, надо действовать, а не сидеть сложа руки, надеясь на милость божью...

Вот за это – решительность, неразборчивость в средствах, когда это требуется, за умение четко сформулировать и отдать ясный, понятный приказ сотник Винсент и любил служить святым и не очень конгрегаторам.

– Я выполню ваше приказание, доминус, – склонил голову в легком поклоне воин.

– Не мешкая, как только выйдешь от меня, ты соберешь в дорогу полсотни воинов, – теперь уже деловито распорядился монах. – Вы поедите к Быстрице, там, неподалеку от баронского замка, в деревне у реки живет мельник Глосий... мне... нет, Священной Конгрегации нужна его дочь – Исора.

– Она, конечно же, ведьма, – несмотря на то, что где-то, в глубинах души, дрогнула не до конца очерстевшая человеческая

струнка, твердо сказал сотник, уверенно глядя прямо в глаза монаха. – Об этом известно всей округе и многие удивляются, почему Конгрегация до сих пор не заинтересовалась девчонкой. Но чтобы задержать и доставить её в монастырь мне совсем не надо так много людей, обойдусь и привычной «пятерней». Зачем оказывать такой почет деревенской колдунье, которая и умеет-то, разве что, навести порчу на соседских коров и свиней...

– Вы просто еще не все знаете, Винсент, – кивнул, показывая, что ценит отвагу и прямоту воина, конгрегатор. – Этим утром началась вполне серьезная война между бароном и его соседом, через Быстрицу переправилось несколько сотен конного и пешего войска. Конечно, стражников Конгрегации вряд ли кто осмелится тронуть... если их будет три-четыре десятка, с «пятерней», думаю, никто считаться не будет, объяснив всё привычной на войне неразберихой. Нам не нужны лишние потери верных людей.

Монах помолчал, кажется, что-то прикидывая в уме, прошелся от стола к столу, на ходу, едва ли не прямо из воздуха поймав на руки любознательную ласку.

– Чтобы не только вы, сотник, были тверды и уверены в успехе этого небольшого, но важного дела, с вами отправится брат Мило. Вы знаете, что он не так давно прибыл в монастырь из столицы, от королевского двора, но – это человек верный, к тому же – с боевым опытом, впрочем, иных в Конгрегации и не бывает... – и, сделав небольшую паузу, монах все-таки решился договорить, понимая, что до сотника монастырской стражи должны были дойти всякие слухи: – Там, поблизости от престола, почему-то стали считать неким вольнодумством и едва ли не еретичеством стремление умного человека понять, а не просто повторять догмы Веры... А Конгрегация всегда ценила в своих служителях желание докопаться до правды, постичь истину, какой бы та не казалось изначально неприглядной или сомнительной.

«Побольше бы таких людей, как этот Мило, и столица государства была бы не при королевском дворе, а там, где остановится на ночь Великий Конгрегатор», – подумал монах и внезапно сам испугался собственных, пусть и невысказанных ни разу и нигде мыслей, уж очень они приблизились к размытому и страшному понятию – государственная измена.

Впрочем, на лице конгрегатора это никак не отразилось и, завершая аудиенцию, он сказал:

– Если вы выедете сразу после обеда, то, переночевав по дороге, завтра задолго до заката будете у реки. Не думаю, чтобы вам пришлось провозиться долго, к ночи вы вполне успеете вернуться к постоялому двору брата Руфинуса...

– Понятно, – кивнул Винченцо. – Позвольте отдать нужные

распоряжения?

– Идите, сотник, – согласился конгрегатор. – Брата Мило я предупрежу, он присоединится к вам еще до отъезда, и вы лично проверите его готовность... нелепые неожиданности никому из нас не нужны.

Молча кивнув, пожалевав при этом об оставленном во дворе мече – отсалютовать конгрегатору сейчас было бы очень кстати – Винченцо прогрохотал сапогами на выход, оставив за спиной легкую прохладу и полумрак монастырской библиотеки, так похожие на атмосферу салона современного автомобиля, в котором ловил странные видения чужой жизни агент Преисподней, а на заднем сидении подвергалась ускоренным медицинским процедурам от Темных и Светлых Сил сразу его напарница Некта...

....и окончательно в себя пришла девушка лишь в маленьком, заросшем травой, бурьяном и полынью дворике старого, покосившегося, похоже, давным-давно заброшенного деревенского домика, удивленно взирающего подслеповатыми, нематыми оконцами на чудовищно роскошную машину и блуждающую вокруг нее средь бела дня нечистую силу во главе с одним из иерархов Преисподней. Правда, не менее странным в этой компании было присутствие ангела в женском обликии, также совсем не соответствующем деревенскому. Впрочем, небольшая деревенька в стороне от центральных трасс давно уже относилась к разряду вымирающих и состояла из полудесятка еще как-то сохранившихся домов, едва ли не по самые крыши заросших кустами смородины и малины, когда-то домашней, окультуренной, но с каждым годом все более и более дичающей. Электричество в деревеньке, однако, наличествовало, но прочие удобства состояли из пары колодцев и обозначенных роями злых осенних мух выгребных ям.

Вдалеке от суетного и мрачного города дневное солнце давно разогнало осеннюю хмарь и теперь нещадно пригревало, даря свое последнее тепло всему живому перед долгой, снежной зимой. Яркий свет и неожиданное тепло изгнали неожиданных гостей со двора в избушку, изнутри оказавшуюся не такой уж простой и запущенной, оборудованной и холодильником с изрядным запасом еды и спиртного, и телевизором, и даже новомодным компьютером, впрочем, ни в какое сравнение с мощными настольными вычислительными машинами для личного пользования из Отражения Некты не идущим. И пока сопровождающий Иерарха полубес метался по тесному помещению, изображая в одном лице метрдотеля, официанта и временного хозяина дома, собирая на стол угощение для

прибывших, Некта в соседней комнате, совсем уж мизерной, вряд ли больше семи-восьми квадратных метров, зарылась в содержимое четырех огромных тюков, прихваченных с собой из города свитским полубесом по заданию своего хозяина.

И в очередной раз убедилась в правильности слов Иерарха, сказанных в ресторане «от и до делаете, если не напомнить...», среди множества камуфляжных комбинезонов, титановых и кевларовых бронежилетов, грубых кожаных штанов и курток, среди берц, кирзовых сапог исключительно маленького, на девичью ножку, размера, изящных хромовых, вкусно пахнущих настоящей кожей, среди десантных ножей, кинжалов, небольших, типа древнеримских гладиусов, мечей, тяжелых шпаг и великолепнейшими эфесами – настоящим произведением искусства – не нашлось малюсенького места для элементарного женского нижнего белья. Конечно, Некта очень надеялась, что никто из нечистых и даже ангел Фалет не заглядывали ей под юбку во время общения в ресторане, но догадаться, что в возможно длительном пребывании в Монсальвате, да и, вообще, любом другом месте девушке могут понадобиться запасные трусики – по мнению Некты должны были и коренные обитатели Преисподней. Впрочем, охватившая её радость в связи с окончанием изуверских процедур по восстановлению здоровья, и действительно теперь совершенно нормальная, без малейших последствий не самого удачного множественного перелома левая рука, подавили и затмили собой неудовольствия от мелких бытовых проблем, а в чем-то даже и ожидаемые неприятности от предстоящего возвращения в Монсальват. Тем более, что, как известно «голь на выдумки хитра», и Некта, снаряжаясь перед походом, вполне удовлетворилась отличной, льняной чуть желтоватого оттенка исподней рубашкой и такими же, больше похожими на современные тренировочные брюки кальсонами, правда, откровенно мужского типа, с не застегивающейся ширинкой. Поверх рубашки нашелся толстенный, теплый свитер, пока еще лишний в последние жаркие дни здешней осени, но что-то еще будет в таинственном замке, подвешенном вне времени и пространства, а еще – толстые, грубые штаны, похоже, из кожи настоящего дракона, настолько плотной и твердой она была, и короткая, чуть ниже пояса, куртка, удивительно хорошо подошедшая поверх рубашки и свитера, видимо, все-таки прямые указания начальства полубес исполнял близко к идеалу. Симпатичные хромовые сапожки – прямо игрушка, не обувь – даже на изящном высоком каблучке, Некта отвергла с первого взгляда. «Сомневаюсь, что в Монсальвате устраивают танцы, пусть и в честь моего прибытия, да и бегать там особо негде...» А

вот толстые – никакой кабан не прокусит! – с двойной прочной подошвой, подкованной явно не простым железом на носках и каблуке, яловые, короткие, до середины икры, с небольшими отворотами голенищ девушке сразу пришлись по душе. Как и мягкие шерстяные носки вместо портянок. «Эх, бестолковый свитский полубес, не догадался хоть какой рюкзачок прикупить, – вздохнула Некта, притоптывая обутой ногой по деревянному, но затвердевшему с годами, показавшемуся едва ли не каменным полу. – Даже запасные носки и рубаху с подштанниками некуда деть... остается надеяться, что дольше недели моя экспедиция за Демоном не затянется, иначе, невзирая на результаты, вернусь... даже на войне раз в неделю баня солдатам положена...» Слегка накрутившая сама себя предстоящим возможным бунтом против Темных и Светлых сил Мира и за счет этого добавившая себе положительных эмоций, девушка покопалась в разнообразном холодном оружии и выбрала широкий, в пол-ладони, но короткий нож в простеньких, легко пристраиваемых к брючному ремню ножнах и тонкий, похожий на спицу-переростка стилет с едва заметной гардой, как по заказу улегшийся в пришитые к левому рукаву куртки незаметные петли.

«Ну, берегись, монстры, демоны и всяческие монсальватские сволочи! Я иду», – подумала Некта, вступая в соседнюю комнатку, где за простеньким столом, с бокалами и лафитниками в руках, её ожидали Темные и Светлые... и один неживой, но живущий.

– Садись, – ткнул пальцем Иерарх в стоящим рядом с ним простенький деревянный стул, с которого, как пушинку сквозняком, мгновенно сдуло беса-куратора, старавшегося держаться поближе к начальству, но оставаться при этом незаметным. – Слушай. Никаких сражений, никаких боев с Диким Демоном – это раз. Твое дело – просто обнаружить его и дать нам сигнал. Вот...

На деревянную потемневшую от времени столешницу легла золотая пентаграмма – маленькая, плоская, чуть потертая от множества прикосновений к ней за прошедшие тысячелетия... прямая связь с Иерархом, которой удостаивался не всякий бес в Преисподней...

– Ты можешь просто ходить по замку, можешь устроить облаву на своего случайного встречного, – продолжил инструктаж высший бес. – Важно, чтобы он увидел, почувствовал и приблизился к тебе. Не приблизиться он не сможет, такова природа Диких Демонов, а ты послужишь приманкой. Мы выдернем вас обоих, как только он будет рядом, а остальное ни тебя, ни Симона уже не касается.

– Ты думаешь, мне дадут так свободно разгуливать по замку?
– буркнула Некта, почтительно принимая пентаграмму и бережно пряча её в примеченный раньше потайной кармашек внутри куртки.

– Фалет, – вскинулся, будто только вспомнив о присутствии ангела Иерарх.

Прикинувшись, будто в рот ему только-только попала долька лимона, блюдечко с которыми стояло на столе подле бутылок с коньяком и пребывало в удивительной гармонии с солеными огурцами и маринованными грибочками, ангел откуда-то, чуть ли не из-под своей строгой юбки деловой дамы, извлек массивный перстень и аккуратно положил его на стол рядом с бесом, мол, ты просишь, ты и передавай, возьми своими темными руками светлую вещь.

Некта опередила Иерарха, привстав с места и подхватив полусогнутым пальцем перстень – да что там, едва ли не браслет по ширине и толщине благородного металла – с изображением на печатке распятия, оленьей головы, рыбы и еще каких-то тайных знаков. «Вот ведь как, с одной стороны Ад и Темные Силы, с другой Рай и Светлые, а металлом пользуются одним и тем же», – подумала девушка, примеривая ангельский перстень то на один, то на другой палец... великоват он оказался, пришлось, как и пентаграмму Иерарха, прятать в карман, только в другой, подальше от бесовского. «А как бы не подрались...» – ухмыльнулась своим мыслям Некта.

– Идем, – поднимаясь с места, позвал свою подругу Симон.

– Куда? – невольно отозвалась девушка, до сих пор не задумывавшаяся о местонахождении входа в замок-ловушку.

– В баню, – с улыбкой любезно пояснил агент Преисподней и тут же добавил, заметив, как бесцветные жиденькие бровки Некты возмущенно поползли вверх: – Проход в Монсальват там...

«Уф, – выдохнула готовая взорваться на неудачную шутку напарника девушка. – И точно, там, во дворе, что-то такое было... то ли амбар, то ли баня, кто ж это точно определит из нас, городских жителей...»

Из домика вместе с Нектой вышел лишь Симон, да и тот категорически покачал головой у низенькой, будто вросшей в землю двери заросшей мхом, маленькой, полуразвалившейся баньки в углу двора. «Ну, да, кому захочется лезть в пасть монстру, да еще через этот замок полный свиней, псов-рыцарей и прочих уродов», – подумала девушка, впрочем, ничуть не осуждая своего напарника, стараниями которого она не только попала первый раз в Монсальват, но и выбралась оттуда без особых физических, да и моральных повреждений.

Внутри тесного пропахшего старым деревом, травами, мхом и какой-то легкой гнилью помещения было темно. Все еще яркие солнечные лучи не проникали через на удивление плотную, легкодвигающуюся на внешне проржавевших петлях дверь, а никаких окошек, даже узеньких или забитых досками Некта не заметила еще снаружи. Хотелось вытянуть руки в темноту, коснуться стен, обрести хоть какую-то опору, но еще больше хотелось заметить серебристую паутинку в углу или на стене, как это было там, в неизвестной квартире дома напротив отеля «Две звезды». Ничего подобного заметить девушка не успела, лишь ощутила, как спине, между лопаток, пробежала холодненькая струйка пота, видимо, успело её припечь осенним солнышком на пути от избушки до бани...

...вернувшись с запыленного, изрядно прогретого неожиданно разгулявшимся солнцем дворика в прохладный – не иначе, как благодаря чудесам метафизики – пусть тесноватый, небогатый и совсем не фешенебельный, но уютный домик-избушку на краю полуразвалившейся, исчезнувшей с большинства карт деревеньки, Симон залпом выпил дожидаящуюся его, все еще холодную водку и, не закусывая, присел напротив Иерарха, стараясь не прислушиваться к тому, как Артифекс тихонечко обсуждает с ангелом какие-то свои, посвященные исключительно местным интригам данного Отражения дела.

– Покинувшая нас, надеюсь, на время девушка, видимо, по молодости и неопытности не стала спрашивать, – осторожно начал агент Преисподней. – Но, думаю, ей на самом деле столь же любопытно, как и мне... что есть такое Дикий Демон?..

В это мгновение Симону показалось, что и бес Артифекс и ангел Фалет, совсем, казалось бы, к словам агента Преисподней не прислушавшиеся, судорожно подскочили на месте, будто через их материальные тела кто-то пропустил электрический ток высокого напряжения. Впрочем, реакция Иерарха была, напротив, совершенно спокойной, даже флегматичной.

– Ты хочешь узнать то, что смертным не дано постичь, какими бы они мудрыми или нужными ни были, – с философским равнодушием отозвался высший бес, слегка постукивая по столешнице кончиками пальцев. – И я не могу тебе этого сказать так же, как не сможет никто из Темных или Светлых существ...

В тишине, воцарившейся в комнате, неожиданно громко, прозвучала внезапно начавшись и оборвавшись, короткая трель сверчка.

– ...но я расскажу тебе легенду, – закончил Иерарх. – Может быть, ты что-то поймешь из нее.

«...задолго до возникновения всего сущего, когда не было в

Мире ни верха, ни низа, ни добра, ни зла, ни уж тем более – людей и иных сущностей, Свет и Тьма уже пребывали в первозданном Хаосе, перемешанные между собой, не ведающие ни своего, ни чужого Предназначения... и никто не знает, почему настал тот час, когда расслоились в Хаосе Свет и Тьма, перестали быть единым целым, разошлись к разным полюсам Жизни...»

Голос Иерарха звучал приглушенно, размеренно, как у хорошего, профессионального чтеца, и слова, как бы сами собой, следовали друг за другом без малейшей заминки, нанизываясь мелкими и крупными жемчужинами в длинную нить интереснейшего повествования.

«...это что же получается? – задумался над рассказанным Симон. – Дикие Демоны для бесов и ангелов, как бы, обезьяны для людей? Ну, не совсем обезьяны, как неандертальцы, питекантропы – те самые пра-люди, предтечи, в какой-то период времени живущие вместе, рядом, а потом отошедшие в сторону, на обочину эволюции? Конечно, все гораздо сложнее даже и с развитием рода человеческого, что тут говорить о Свете и Тьме, но примитивный, изначальный, доступный смертным смысл, похоже, именно в этом...» А еще агент Преисподней каким-то запредельным, метафизическим чувством ощутил разлитое в избушке напряженное внимание не только продолжающего свой рассказ Иерарха, но и всех его сопровождающих. Видимо, едва ли не с первых мгновений пребывания Некты в Монсальвате они ждали результатов – контакта с «наживкой» и появления здесь Дикого Демона.

И это тихое напряженное спокойствие, сопровождаемое бесконечной легендой в пересказе Иерарха – сколько же времени бес без усталости работал языком? часа два-три, без перерыва, как минимум – продолжалось до тех самых пор, пока в сизых, едва заметных сумерках подступающего осеннего вечера хлипкая дощатая дверь в комнатку избушки не распахнулась от сильного толчка ногой, и ввалившаяся Некта с порога не заявила, неожиданно и язвительно обращаясь к ангелу:

– Фалет, это сколько же времени ты собирала в Монсальвате такое количество клинических идиотов? Кстати, почему они там бегают без смиренных рубашек и при полном отсутствии медицинского персонала?..

«Да, такого и я никогда не видел», – флегматично констатировал Симон, с первых же минут встречи своей напарницы по отдыху с обидевшим её недавно ангелом ожидавший чего-то похожего от Некты. Но сами мысли агента Преисподней относились не к девушке и даже не к ангелу, сузившиеся в гнев глаза которого начали наливаться

ненавистью, самым неожиданным было невероятное, явное изумление, проступившее на лице Иерарха – тот, кто знает хоть немного Преисподнюю, легко поймет Симона. Впрочем, справился со своими чувствами высший бес быстро, решительно поднявшись из-за стола и громыхнув глухим басом на грешную душу:

– Как ты смогла вернуться?! Без помощи Фалета или меня это невозможно!!!

Казалось, даже охота на Дикого Демона отступила на второй план в сравнении с небывалым событием – возвышением обыкновеннейшей, да еще и совсем юной по любым меркам, даже человеческим, грешной души до метафизического уровня ангелов и бесов.

– Подумаешь бином Ньютона! – чрезвычайно довольная собой явно процитировала какую-то хорошо ей знакомую книжку Некта, бесцеремонно проходя к столу и наливая себе в ближайший бокал, как оказалось – ангельский, коньяка. – С вашими-то артефактами и моим образованием – это пара пустяков... ах, да, вы же не знаете, что такое системный анализ, а мы это еще в восьмом классе школы проходили.

Одним глотком выпив янтарный напиток, будто обыкновенную дешевую водку, девушка совсем по-уличному, попростому отерла губы тыльной стороной ладони и поискала глазами стул.

Только тут Симон, шокированный несанкционированным появлением Некты не меньше потусторонних существ, но испытывающий еще и невольную гордость за «своего», за грешную душу, показавшую фантастические возможности, заметил, что куртка вернувшейся из Монсальвата агентессы измазана сажей, пятнами жира и какого-то масла, да и руки Некты чистотой не блистают. «Черт и все его слуги, – невольно и книжно помянул нечистую силу Симон. – А ведь там-то прошло несколько суток, не меньше...»

– Ты есть хочешь? – отвлекая внимание Иерарха от самого факта возвращения девушки из Монсальвата по собственной воле, спросил агент Преисподней.

– Вот, единственный среди вас – человек, – указала на своего напарника Некта. – Спасибо, Симон, я перед уходом нажралась вволю за рыцарским столом, разносолов там, правда, нет, но на свинине отыгралась... Сиди...

Девушка надавила рукой на плечо пожелавшего подняться, чтобы уступить ей место, Симона, да так и оставила руку, найдя в агенте Преисподней символическую опору, полуобернулась к ангелу, выбирающему момент для мстительного, единственно

верного удара, и продолжила:

– Ты, Фалетка, кажется, забыла нас кое о чем предупредить...

– Что? – буквально взревел Иерарх, сейчас уже с интересом вслушивающийся в слова своей агентессы, оставив «на потом», подробности разбирательства с её возвращением.

– А вот что, – язвительно, скроив физиономию Мальчиша-Плохиша, отозвалась Некта. – Давай, я лучше по порядку?..

Как оказалось, вновь появившееся умертвие в Монсальвате никто не забыл, да и странно было бы забыть убитых тщедушной девчонкой кастеляна и личного охранника Властителя. Но перстень ангела свою положительную роль сыграл с первых же мгновений, и рыцарство замка, пусть нехотя, разговаривая сквозь зубы и частенько презрительно отворачиваясь, не стало резать Некту на мелкие кусочки. Оказывается, они уже второй день обходили коридоры и залы с крепкими рыбацкими сетями, пытаясь изловить неведомого и невидимого демона, который, мало, что искалечил какую-то прачку, возвращающуюся из солдатской казармы после вечерних плотских утех, но и фактически лишил замок нового кастеляна – потерпевший от нечистой силы рыцарь пускал пузыри ртом, ходил под себя и робко жался к стене, когда в комнате, где его изолировали, появлялся кто-то посторонний.

– Я их, конечно, малость сорганизовала, чтоб не просто так со своими сетками по замку лазали, да и про потолки не забывали, вон – всю куртку сажей от факелов обляпали, но только поиски эти – с нулевым результатом окончились, зря только время потеряли, – рассказывала Некта, обращаясь в основном к Иерарху и Симону, совершенно сознательно игнорируя Фалета и просто позабыв о присутствующем бесе-кураторе. – Жаль, я уже к исходу третьего дня догадалась расспросить подробности местного жития... вот и выяснилось то, о чем Фалетка смолчала по скромному. Как бы, это и было неважно до сегодняшнего дня, вернее, до того момента, как в Монсальват свалился Дикий Демон.

Иной раз благородные рыцари покидали замок, по прописанному Фалетом условию – лишь в одиночку, максимум – с оруженосцем, чтобы прославить себя подвигами в сражениях, в борьбе с драконами, сарацинами, нечистой силой, остаться в памяти неизвестным защитником слабых и обездоленных... но гораздо чаще – ради добычи, золота, пряностей, так приятно разнообразящих обильный, но, увы, постноватый стол Монсальвата. Иной раз обратно в замок притаскивали с собой женщин: жен, наложниц, служанок, совсем уж редко – воинов, наемников, кнехтов. В какие конкретно Отражения перемещаются

рыцари Некта не поняла, да и расспрашивать такие подробности было бесполезно, с метафизической картиной мира обитатели Монсальвата не были знакомы, объясняя и свое существование в замке, и перемещения в другие миры – исключительно волей Господа.

Едва ли не одновременно с прибытием Некты, Монсальват покинул один из рыцарей, причем, как показалось агентессе, никто из его друзей или оруженосцев не знал о намерении Вальтера Никэтора отправиться за подвигами именно в это время.

– ...вообще, я только зря время потеряла в этом замке, – завершила рассказ девушка. – Вон, ноги чуть не сбила, бегая по лестницам и переходам, от свинины уже тошнит, а главное – все без толку. Не знаю, как ты, экселенц, но я поняла, что Дикий Демон не стал дожидаться меня в Монсальвате, а спокойно слинял творить свои непонятные делишки где-то в другом месте... за что – отдельное спасибо Фалетке, странно позабывшей, что её рыцари спокойно себе разгуливают в других Отражениях.

– Стоп! – небрежно отмахнувшись от нарушения этикета Иерарх, внимательно слушавший рассказ Некты. – Припомни – только тщательно, до деталей – окружение рыцаря Никэтора заметило сам момент исчезновения или, как и ты, оказалось поставлено перед фактом, что такой сущности нет в Монсальвате?

– Никто ничего не заметил, – серьезно ответила агентесса, проникшись сосредоточенностью и вниманием беса. – Говорят, вроде бы, только что был, никуда не собирался, а потом, как-то сразу, исчез где-то в залах или переходах... конечно, я не всех замковых стражников и прислугу допросила, тогда бы и двух недель мало оказалось, но...

– Его кто-то вызвал? – ляпнул Артифекс и тут же, прикусив язычок, жалобно глянул на Иерарха, мол, нечаянно сказанул, забыл о присутствии грешных душ, но, видимо, после сообщения Некты высший бес решил окончательно пренебречь установленными правилами.

– Если Дикий Демон кем-то призван и до сих пор находится в его власти... – Иерарх задумал на мгновение, а потом распорядился: – Грешные души, вам следует отдохнуть, слабые тела не предназначены для серьезных нагрузок, а такие, вполне возможно, вам еще предстоят в ближайшее время... идите, мы же останемся здесь, надо выяснить – куда, кем, с какой целью вызван Дикий Демон... и знает ли тот, кто его призвал, с кем он связанся.

Симон первым поднялся, крепко подхватив под кожаный рукав Некту, кажется, собравшуюся о чем-то спросить беса, но –

агент Преисподней все-таки лучше разбирался, в какой момент следует проявить любопытство, а когда – безропотно выполнять распоряжение высшего нечистого.

– И где мы отдыхать будем? – дипломатично поинтересовалась девушка, отцепляя от рукава куртки руку Симона уже в маленьких сенцах избушки, перед мощными, но внешне неказистыми, чуток перекошенными дверями, ведущими на улицу.

– Ух, ты! В сравнении с Монсальватом, просто сказка, – вскрикнула Некта, шагнула вперед и, раскинув в стороны руки, запрокинув голову, уставилась в бездонное черное небо, украшенное мириадами звезд – ни один посторонний огонек не отвлекал человеческое зрение от этой фантастической, завораживающей картинки – ни фонарей, ни света из окон в заброшенной деревеньке не было. – А в комнате, кажись, светло еще было, только-только сумерки начинались...

– Химичат они, видать, – чем-то гроыхая в сенях, отозвался Симон. – Да и вообще, с бесами никогда не замечаешь, как течет время...

– И не только с бесами, – ухмыльнулась Некта. – У вас, тут, небось, часа три-четыре прошло, пока я в замке трое суток ноги о каменные ступеньки сбивала... Ой, а это что?..

В руках вышедшего во двор агента Преисподней слабенькой точкой света в крошечной мгле осенней ночи горела «летучая мышь».

– Ты – истинное дитя века технологий, – сыронизировал Симон. – Никогда не видела элементарной керосинки?

– Смеешься? – возмутилась девушка. – А где и когда я могла её видеть?

– Пойдем, – решив до поры, до времени не вступать в дискуссию, махнул фонарем на угол избушки, агент Преисподней.

Там, неожиданным образом оказавшись за толстым, не одно десятилетие растущим здесь стволом непонятого в ночи дерева, поблескивал сине-черный бок микроавтобуса.

– Предлагаешь переспать сидя? – двусмысленно поинтересовалась Некта, подходя поближе. – Кресла тут, помню, очень даже, но, честно говоря, хотелось бы вытянуть ноги, да и помыться не помешает после моих забегов по Монсальвату... а то там – не только с водой напряженка, еще и понятия о гигиене вполне средневековые...

– Смотри, – Симон, зайдя с торца, открыл заднюю, багажную дверь и приподнял повыше фонарь – внутри автомобиля, на разложенных горизонтально и практически встык сиденьях

лежала парочка небольших надувных подушек, были расстелены чистые простыни и пестрые, байковые одеяла. – Закроемся изнутри, будет вполне тепло, не мороз же на улице...

– Чем больше с тобой общаюсь, тем больше тебя люблю, – серьезно сказала Некта, чмокнув спутника в щеку и моментально отскочив в сторону на пару шагов, благо, сразу за автомобилем расстиралось темное ночное поле, заросшее бурьяном в пояс высотой. – Для полного счастья мне нужны еще два крана – с холодной и горячей водой – и кусок простого мыла... даже хозяйственное пойдет.

И не дожидаясь ответа, будто находясь в полной уверенности, что Симон способен в заброшенной деревеньке легко и непринужденно найти или сотворить действующий водопровод, которого здесь никогда не было, обязательно с горячей и холодной водой, Некта принялась сбрасывать с себя надоевшую до очертенения кожаную куртку, плотный свитер, нижнюю рубашу...

– Мыло и полотенце возьмешь слева, – кивнул агент Преисподней на их импровизированное ложе внутри автомобиля. – Ну, а в остальном – придется закаляться...

– Это как? – поинтересовалась присевшая прямо на прохладную траву девушка, стаскивая сапоги, штаны, мужские кальсоны.

– Обувайся, в темноте еще ноги поколешь чем, – не раскрывая подробностей предстоящей закалки, буркнул Симон. – И – пошли...

Хорошо, что в заброшенной деревеньке местные жители ложились спать в сумерках, экономя на электричестве, керосине и свечках, да и делать было здесь больше нечего, не глазеть же в голубые экраны, рассказывающие о чужой, сладкой и не очень жизни, свой огород, требующий каждодневного нелегкого труда, походы в лес за грибами, ягодами, орехами и другими дарами природы были гораздо важнее. Но если бы нашелся страдающий бессонницей любопытствующий наблюдатель, то разговоров бы после этой ночи, думается, хватило бы в деревне до момента кончины её последнего жителя. В крошечной осенней темноте, в мутном круге света старой керосиновой лампы от давно никем не посещаемого, полуразрушенного дома почти на самой окраине к одному из деревенских колодцев прошла, о чем-то деловито переговариваясь, странная парочка: одетый в кожу мужчина в черных круглых очках и совсем молоденькая тощая девица в одних только тяжелых, невысоких сапогах, – а уже через пару минут всю деревеньку и окружающие леса потряс леденящий душу женский визг... Симон опрокинул с высоты своего роста на

голенькую Некту ведро колодезной воды, только что добытой им из глубины земли...

...отчаянно стуча зубами и матерно ругаясь через слово, но все равно делая это немного потише, чем в первые минуты после рукотворного душа, организованного агентом Преисподней, девчонка сбросила обутые на босу ногу сапоги и шустрым зверьком юркнула под одеяло, потребовав, как ей казалось, совершенно законно:

– Симон! Если ты провозишься еще минуту, будешь греть мою уже остывающую тушку...

Привычно делая вид, что абсолютно не обращает внимание на женские капризы, мужчина снял и припрятал в укромном уголке под сидениями заветные черные очки, уложил поблизости – рукой достать – свою неизменную трость, подкинул ближе к Некте ножны с широким ножом и лишь после этого сильно дунул на блеклый фитилек керосиновой лампы...

...зевая из всех сил, старательно тряся при этом головой, Винченцо прислонился спиной к забору и тут же сполз вниз, присаживаясь на корточки, отчаянно борясь со сном. «И с чего так устал? – невольно подумалось ему. – Всего-то полдня верхом, не торопясь, по хорошо знакомой, безопасной дороге, ну, часа два суевливых, как обычно, но обошедшихся без неожиданностей сборов... а вот уже валит с ног сон, как глубокого старика...» И хотя желание выспаться после конной прогулки во главе полсотни всадников было столь же естественным, как и голод, Винченцо никак не мог отделаться от неприятных ощущений, дурных предчувствий, хотя, казалось, чего можно бояться на постоянном дворе тайного, но всем в округе хорошо известного конгрегатора Руфинуса, за толстыми бревнами забора, за охраняемыми не спящей стражей – это сотник только что проверил лично – крепкими воротами, в окружении верных и готовых к бою даже спросонья людей, с которыми ветеран уже успел нахлебаться и бед, и побед...

Расположившиеся в основном во дворе, под навесом от дождя, на свежей соломе, воины похрапывали, бормотали во сне, ворочались, задевая лежащих рядом соратников... откуда-то из дальнего, самого темного уголка двора доносился сдавленный женский голос: «Давай... давай... давай...», перемежаемый всхлипами, вздохами, сопением и звонкими шлепками друг о друга обнаженных тел... видимо, кому-то из сменившихся от ворот стражников повезло прищучить одну из служанок... еще одну затребовал к себе виконт, взять которого с собой, посмотреть на дворянчика в простейшем деле, тем более, после неоконченной схватки в монастырском дворе сотник был просто обязан...

конечно, и самому Винченцо брат Руфинус предлагал разговестись после монастырских строгостей, но старший отряда предпочел баловству сон... да и какие тут развлечения, если уже в сумерки после пары глотков вина голова стала тяжелой, как свинцовый шар, а веки сами собой закрывались, тянулись друг к другу, как намагниченные...

У входа в трактир и расположенные на втором этаже строения отдельные комнаты для благородных проезжих вдруг мелькнул огонь, и всю сонливость Винченцо, как рукой сняло... распрямившись, как ивовая ветвь после порыва ветра, сотник шагнул в сторонку и взгляделся в слабенький, тусклый огонек лучины – воины ночью факелов и свечей не жгли, не было такой надобности, не в осаде, небось... подсвечивая себе горячей тонкой щепочкой от трактира к сараю, приткнувшемуся в противоположном углу двора, стараясь держаться поближе к стене, проковыляла растрепанная, кое-как, видать, в темноте одетая совсем юная девчонка... сотник заметил, что ноги она старательно расставляла пошире и болезненно морщилась после каждого шага... «Ай, да дворянчик, сунул огонька девке, – с ухмылкой подумал Винченцо, но тут же будто спохватился. – Вот так бы он драться умел, как на девок залазить...»

Пострадавшая от молодого виконта служанка, пригасив лучину, скрылась в сарае, где хранились сено, солома и еще какие-то требующие сухости и внимания к себе припасы, а сотник, на всякий случай глянув на стражников, бдящих у ворот, зашагал к трактиру... проверил службу разок за ночь – и довольно, люди в отряде собрались не случайные, всех он знает, если бы не нудное ощущение, невнятное предчувствие, то и не стал бы вставать среди ночи... на ощупь пробравшись через пустынный, тихий зал, поднявшись по скрипучей узкой лестнице, Винченцо отворил первую, ближайшую дверь в маленькую комнатку, почти келью, и, позабыв о желании раздеться, даже не скинув сапоги, повалился на застланный той же соломой пополам с полынью, только заправленной в холщовый мешок, чтобы не выметать каждый час дощатые полы, узкий и жесткий топчан...

...в небольшое настежь раскрытое окошко щедро вливались свежий бодрящий воздух и блеклый осенний свет раннего утра, где-то далеко, кажется, на иной планете, лениво погавкивали собаки, глухо мычала запертая в хлеву корова, блеяли козы, а совсем рядом, наверное, на свисающих к окну ветках могучей березы, высаженной здесь лет сорок назад, деловито щебетали о чем-то своим невидимые птички.

Плюхнувшаяся за стол, как была, в одних лишь коротких сапогах, более подходящих для пешего воинского похода, чем для

деревенской избушки, Некта пошарила взглядом по столешнице, жадно схватила заветренный за ночь кусок сыра, вгрызлась в него крепкими зубками и даже бровью не шевельнула на отворившуюся уличную дверь. Среагировал, как обычно, Симон, слегка приподнявшийся со своего места, отставив бокал коньяка, наклонил почтительно, но с чувством собственного достоинства, голову:

– Экселенц!..

Не обратив, казалось, ни малейшего внимания на отсутствие одежды на девушке, Иерарх, почему-то нынче с утра без сопровождения беса-куратора и ангела Фалета, прошел к столу и уселся спиной к окошку, сложив перед собой на столешнице руки с переплетенными длинными пальцами.

– Вы отбываете в нужное Отражение, чтобы вернуть Дикого Демона, попавшегося на очень нехитрую уловку средней руки колдуньи, – без приветствий и предисловий, как и было обычно заведено в Преисподней, монотонно произнес высший бес.

– Одеться-то можно? – невинно потупив глазки, поинтересовалась Некта, продолжая энергично вгрызаться в сыр.

Иерарх отмахнулся от нее, как от назойливой осенней мухи, кажется, на время этой охоты девушке был предоставлен карт-бланш на всевозможные нарушения этикета.

– Нужно найти место заточения Дикого Демона, это может быть пентаграмма, замкнутый крестострел, еще что-то такого же рода и символизма. На наше счастье, «тюрьма» все еще невредима, однако, вы должны понимать, что достаточно создавшему её своими руками нарушить единственную из множества замкнутых линий – и локальный Апокалипсис в том Отражении гарантирован. Демоны очень не любят, когда из ловят и держат взаперти слабые грешные души, да и кому может такое понравиться? – несколько секунд помолчав, бес неожиданно сменил тему, обратившись непосредственно к Некте. – Надеюсь, мою личную связь и артефакт Фалета ты не утеряла?..

– Как можно, – вполне искренне обиделась девушка, разделившись, наконец-то, с едой и жадно посматривая на бокал в руках Симона, решая – стоит ли попросить или достаточно проявить самостоятельность?

– Значит, с автономным возвращением в случае необходимости никаких вопросов не будет, – утвердительно кивнул сам себе Иерарх. – Что либо сделать с Диким Демоном, даже просто задержать на некоторое время, вы не сможете... и в случае обнаружения – обязаны просто сигнализировать мне – немедленно, невзирая ни на какие обстоятельства, хоть перед лицом местного Великого Инквизитора.

«Не смешно как-то шутит Иерарх, – мрачно подумал Симон. – Выходит, там еще и инквизиция свирепствует, не только «средней руки» колдуны и колдуньи...»

– ...в нужном Отражении появиться в максимальной близости от той самой умелицы, что вызвала и заточила Дикого Демона, ну, а дальше я рассчитываю на ваши специфические умения, – завершил основную беседу Иерарх.

«...узнать – не мытьем, так катаньем – у нее место, где располагается пентаграмма или еще какой знак, дойти туда, вызвать беса, – все больше мрачней, подумал агент Преисподней. – А что это за персона в местных масштабах, какие сюрпризы у этой ведьмы за душой, и как она будет ими пользоваться против нас – «черный ящик».

– Туда можно явиться в таком виде? – понимая, что дополнительного инструктажа с объяснением географических, социальных, экономических и иных подробностей о мире пребывания уже не будет, поинтересовался Симон.

– Средневековье, глушь, – махнул рукой Иерарх. – Натуральное хозяйство и слабые зачатки торговли. Там большинство грешников не знают даже о том, что творится в соседней деревне, в двух десятках верст от них... можешь появиться хоть в смокинге, а твоя дама – в бальном платье и хрустальных туфельках – удивления это не вызовет...

Бес ухмыльнулся вполне откровенно, видимо, представив себе Некту на сказочном королевском балу в роли Золушки, короткими матерными фразами пресекающей поползновения принца на свое юное тело.

– Обеспечивать себя мы будем мародерством? – вновь задал уточняющий вопрос агент Преисподней, вместе с тем с унынием подумав, что черные очки, видимо, придется снимать, ну, просто не оценят местные такое украшение... хотя, кажется, первые линзы на глазах для коррекции зрения появились именно в Средние века, лет этак через тысячу после падения Римской Империи.

– А где ж я вам местные монеты возьму? – развел руками Иерарх. – В том Отражении никто из нас не был, да и куратор местный сейчас совсем в ином мире занят, туда заглядывает раз в полсотни лет. А распространять даже минимальную информацию о Диком Демоне и среди темных сущностей совсем не рекомендуется до момента его задержания и водворения в... короче, туда, откуда он ушел.

Ощутив легкий, будто игривый толчок женского кулачка в бок, невидимый Иерарху, агент Преисподней решил не заострять внимания на меркантильной части их подготовки, надеясь, что

Некте не просто надоела дотошность напарника.

– Погодка там сейчас, надеюсь, не морозная? – завершил импровизированный опрос Симон.

– Попохладнее, чем здесь сегодня, – сверкнув глазами, буркнул недовольно высший бес, раздраженный необходимостью заниматься делами, обычно поручаемыми низшим помощникам и свитским полубесам. – Урожай сняли, что успели – обмолотили, засолили, протушили, провялили. Поздняя осень.

– Одевайся, Некта, – порадовал, наконец-то Иерарха агент Преисподней, подымаясь с места. – Так же, как в замок собиралась, только меч, что ли, возьми себе по руке... впрочем, фехтовать ты все равно не умеешь, разве что – ткнуть какого зазевавшегося кнехта.

– Как будто ты умеешь, – не удержалась девушка, выходя в соседнюю маленькую комнатку с запасами амуниции.

– Какое там фехтование, – будто вступаясь за нее, прокомментировал Иерарх. – У кого меч длинней и силы больше, тот и лучший фехтовальщик. Лупи врага, а там – уж что получится. До настоящего фехтования этому Отражению еще полтысячелетия друг друга железными палками дубасить...

«А он, похоже, волнуется, как странно это не звучало бы в адрес высшего беса, – подумал Симон. – Слишком много поставлено на карту с этим Диким Демоном? Или давно самолично не отправлял грешные души в Отражения, опасается за точность места и времени назначения? Скорее всего, и то, и другое сразу, да еще, пожалуй, имеется полдесятка причин для волнения, о которых я и не подозреваю...»

И будто для того, чтобы развеять дурные мысли и предчувствия агента Преисподней, очень быстро вернувшаяся из гардеробной Некта с порога метнула Симону пятнистый широкий и мягкий берет.

– Привыкай, – хмыкнула девушка, облаченная в ставшую уже привычной кожу куртки и штанов. – В тех местах человек без шляпы – не достойный уважения нищий бродяга.

Себе Некта подобрала что-то похожее на башлык с длиннющими концами, обернутыми сейчас вокруг шеи на манер парочки шарфов, сам капюшон был откинут на спину. Из имеющегося оружия она предпочла римский гладиус в простых деревянных ножнах явно не первой свежести, будто прихваченных откуда-то из иного Отражения.

– Садитесь, – уже не скрывая собственной нервозности, указал на стулья Иерарх. – Помните – Дикий Демон не должен успеть уйти из клетки. И для этого вам надо всего лишь найти его...

Отсчитывать секунды до перемещения высший бес не стал, просто комнатку в избушке быстро заволокло сизой туманной дымкой, на глазах густеющей, превращающейся в плотный непроницаемый туман... а потом очертания предметов и самого Иерарха смазались, расплылись в этом тумане и... все сменила непроглядная дьявольская чернота Вечности.

Из небольшой, по-осеннему насквозь просвечивающейся на фоне серого унылого неба, рощицы на плоской вершине невысокого холма выехали четыре всадника на крепких, ухоженных лошадях, пусть не похожих на рыцарских злобных боевых жеребцов, но для дальней дороги и для боя вполне пригодных, совсем не напоминающих крестьянские разбитые клячи.

– Вот и добрались, – с искренней злостью на неудавшееся путешествие проговорил возглавляющий маленькую кавалькаду сотник Винсент, разглядывая с небольшой высоты свинцово-серую ленту Быстрицы, прикрытую высоким берегом и зарослями ивы, маленькие, будто вросшие в землю, избушки примостившиеся вдоль берега, основательные, зажиточные дворы, расположившиеся ближе к резко уходящей в сторону дороге, в паре-другой миль отсюда упирающейся в хорошо известный всем речной брод.

Оснований для злости у Винченцо было – хоть отбавляй, и единственное, чему он радовался, покинув гостеприимный постоянный двор брата Руфинуса, так это предусмотрительности Великого Конгрегатора, пославшего с ним полусотню воинов. Но и с ними приходилось то и дело перестраиваться из походной колонны в боевую, чтобы отпугнуть мелькающих в отдалении не то мародеров, не то фуражиров вторгшейся во владения барона дружины его оскорбленного соседа. Не обошлось без потерь – трех человек подстрелили из арбалетов при попытке провести разведку, одного – насмерть, двоих после перевязки пришлось отправить обратно в монастырь, в седле они держаться могли, после чего сотник велел не разделять отряд. Полсотни хорошо вооруженных людей не вызвали сильного желания познакомиться с ними поближе... Но самым неприятным была задержка по времени из-за всех этих перестроений, возни с ранеными, необходимости двигаться с предельной осторожностью – кажется, всего несколько дней, как началась эта междоусобица, а земли барона уже кишели непонятными отрядами и отрядиками наемников, дезертиров, мародеров, как падальщиков, слетевшихся на запах крови и дыма.

А дыма было много. В деревне – конечной цели путешествия полусотни Винченцо – к которой они добрались вместо обеденного времени значительно позже полудня, догорали несколько домишек на окраине, а значительно дальше, там, где

по прикидкам сотника располагался баронский замок, густым черным столбом подымался в небо подкрашенный горячей смолой, коптящим маслом и тлеющими человеческими телам жутковатый дым, хорошо видимый с вершины холма. А по деревне метались, то заскакивая в избы, то шерудя клинками и копьями в копенках соломы во дворах, десятка полтора воинов в когда-то одинаковых простеньких доспехах. Впрочем, похоже, что неудачный налет подходил к концу – без малого десяток мародеров или фуражиров уже столпились на площади возле колодца, складывая скудную добычу к ногам единственного конного в их компании, явного командира или атамана этого небольшого отряда.

– Похоже, без крови здесь не обойтись, – негромко отметил за спиной сотника конгрегатор Мило.

– Да, – согласился Винченцо. – С этими, у колодца, еще можно разговаривать, ну, а тех, что шарит по дворам, придется просто рубить...

Он еще раз внимательнее оглядел происходящее, отмечая опытным взглядом, что над деревней стоит зловещая тишина: не лают собаки, не мычат коровы, не слышно истошного визга бестолковых поросят и заполошного кудахтанья кур, – похоже, местные крестьяне лучше всех подготовились к войне, умело и привычно припрятав собранный недавно урожай, скот и птицу в укромных, только им известных местах.

– Либерум Сандро, возьми «пятерню» и как можно быстрее захватите дом мельника, видишь, самый большой у реки, колея к нему ведет набитая, совсем недавно еще мололи зерно, – распорядился Винченцо, обращаясь к одному из своих спутников. – Главное, ты понимаешь, не дать мельниковой дочке удрать на ту сторону, а то придется гоняться за ней неделю... А ты, доминус Селин, возглавишь основной отряд. Идите по дороге, напрямик в деревню, к колодцу. Всех, кто будет оказывать сопротивление – рубить без пощады. И не забывай, виконт, посматривать по сторонам, совсем рядом штурмуют замок барона, и куда хлынут воины после первой неудачи не знает никто...

В том, что замок барона не взять с наскока, первым, единственным штурмом, сотник не сомневался, он не раз и не два бывал в родовом поместье местного феодала, видел, как оно укреплено и какими силами оберегается.

– ... и не гони во весь опор, Селин, – чуть тише, будто только для белокурого виконта, посоветовал Винченцо. – Пускай «пятерня» Сандро успеет добраться до мельницы. Ну, а мы с тобой, брат конгрегатор, попробуем решить наше дело миром с предводителем этой шайки. Они хоть и разбойничают здесь, но

такие же воины, как мы, и действуют не по собственной воле. Всё понятно?

– Сделаем, сотник, не сомневайся, – басовито прогудел за спиной десятник Сандро, с которым Винченцо не первый год смыкал щиты в одном строю, а виконт Селин лишь коротко кивнул, понимая, что даже этот жест будет замечен внимательным командиром отряда.

Едва за спинами оставшихся на холме сотника и конгрегатора притих гулкий стук лошадиных копыт, Винченцо тронул поводья...

...к колодцу они подъехали почти одновременно с парой воинов, притащивших и бросивших под копыта лошади предводителя какого-то босого крестьянина в грязной исподней одежде. Напрягшиеся, было, при виде хорошо вооруженных всадников мародеры, заметив, что за Винченцо и Мило не следует никого, опустили клинки и копьа, а некоторые даже вложили короткие, дрянные мечи в ножны и продолжили собственные разговоры, больше похожие на сетования-стенания на бедность и хитрость местных крестьян.

– ...хлев-то стоит пустой, а в яслях – солома недоеденная, да и навоз в углах плохо прибран, на скорую руку они скот угоняли, прятали... – услышал краем уха Винченцо прежде, чем сам подал голос, зычно, по-командирски, спросив:

– Кто старший?..

Вопрос, конечно, был риторическим, старший отряда мародеров-фуражиров гордо восседал на изрядно заморенном коне, судя по простенькому седлу и сыromятной сбруе, явно прихваченном в этой же деревне.

– Мои люди зовут меня – Капрал Гвидо! – гордо представился предводитель, подбоченясь и положив руку на рукоять меча.

Он ощущал свою силу в отношении к этой странной парочке – пускай на хороших лошадях, в хорошей, добротной одежде, в крепких доспехах... им все равно не справиться с полутора десятком воинов.

– Мы – посланники Святейшей Конгрегации, – выставив вперед сжатый кулак с перстнем-паролем, негромко, но твердо и уверенно, как это умеют монахи, сказал брат Мило. – Наши дела не пересекаются с вашими, и помощи нам не надо.

Несколько секунд назвавшийся Капралом Гвидо мучительно решал трудную для него задачу: приказать своим людям сбить с лошадей и ограбить явно не бедную парочку путешественников или же оказать должное почтение конгрегаторам, что могло бы пригодиться в будущем. Впрочем, задумываться о грядущих днях Капрал Гвидо не умел, существуя всю свою недолгую жизнь здесь

и сегодня, а принять решение ему помог гулкий, размеренный топот пары сотен лошадиных копыт – на деревенскую площадь въезжала полусотня монастырских воинов. Впереди, с обнаженным мечом в руке, посверкивая металлом доспехов под тусклыми лучами осеннего, выглянувшего из-за пелены облаков незадолго перед закатом, солнца, двигался виконт Селин, и на его клинке внимательный взгляд сотника приметил следы свежей крови.

– Мы всегда готовы оказать услугу святым конгрегаторам, – едва не сполз с коня в низком поклоне Капрал Гвидо.

«Какие услуги вы можете оказать, трусы и бездельники?» – с легкой усмешкой подумал Винченцо, но тут же сменил выражение лица, строго указав на валяющегося в пыли крестьянина:

– Кто это, Капрал?

– Местный мельник, доминус конгрегатор, – подобострастно поспешил доложить предводитель мародеров. – Мы тут хотел узнать, куда он спрятал свои монеты...

И тут же, спохватившись, что признается в намерении ограбить чужого подданного, Капрал Гвидо дополнил:

– ... ведь теперь это деньги нашего сеньора, по праву войны, вот мы и решили...

– Поднимите его, – тоном, не допускающим неповиновения, распорядился сотник.

Пара, ну уж совершенно разбойничьего вида, воинов в одинаковых грязных стеганных куртках с нашитыми тут и там когда-то блестящими медными бляхами ловко вздернули под руки мельника, с чисто крестьянской хитростью делающего вид, что сам он не может держаться на ногах.

– Где твоя дочь, Глосий? – перегнувшись с седла, спросил внятно Винченцо. – Не вздумай хитрить, иначе так и останешься в руках этих дурней, считающих, что вместе с тобой ухватили за бороду Бога!..

– Как где, благородный господин? – шамкая разбитыми губами, притворяясь сильно избитым, изможденным и совершенно лишенным сил, нарочито с трудом выговорил мельник. – У реки... она всегда у реки, если в доме нет работы, а какая сейчас работа, если кругом война...

Сотник не успел, было, порадоваться собственной дальновидности, как из-за добротной избушки Глосия выскочил пеший воин из «пятерни» Сандро.

– Уходит! Ведьма уходит! – мгновенно оценив ситуацию у колодца, заорал он, что было сил, взмахивая для убедительности коротким копьём.

Теперь на принятие решения оставались секунды, и Винченцо – командир опытный – использовал отпущенное время отлично.

– Селин! – опустив титул и вежливо обращение, командовал сотник. – Вместе с десятком – к берегу, быстрее...

– Перцель, за мной, – махнул рукой виконт, понимая, что не время сейчас вставать в позу, поставить на место зарвавшегося простолюдина можно будет и по окончании ловли ведьмы.

Подхлестнутая рыцарскими острыми шпорами лошадь за пару мгновений преодолела расстояние от колодца до жилища мельника. Следом за белокурым дворянином устремился его подначальный десяток воинов, на ходу доставая из ножен мечи.

Сам сотник задержался.

– Этот человек принадлежит Конгрегации, – уверенно указал он на мельника. – Мы еще поговорим с тобой... возьмите его под охрану, до моего возвращения он должен быть жив и здоров...

И не обращая никакого внимания на снова рухнувшего в пыль Глосия – еще бы, лучше уж пережить самопальные пытки неумелых разбойничков, чем попасть в умелые руки конгрегаторских палачей – Винченцо оглянулся на брата Мило.

– Конечно, я с вами, – серьезно кивнул монах, трогая поводья...

... – Ты кто?!

Прямо в лицо Симону, сидящему на сухой прохладной даже через кожаные штаны земле, прислонившись спиной с шершавому стволу дерева, смотрела заросшая недельной щетиной, обветренная физиономия, лишенная доброй половины передних зубов и обрамленная крупной металлической сеткой кольчужного капюшона.

Испытывающий легкое невнятное головокружение после перемещения между Отражениями агент Преисподней не успел ничего ответить чуть склонившемуся над ним воину, как того по плечу призывно хлопнуло чем-то металлическим...

Либерум Сандро распрямился и оглянулся – кто это балует, постукивая клинком командира «пятерни»? Разглядеть он никого не успел, откуда-то снизу, блеснув в тусклых солнечных лучах, едва пробивающихся сквозь крону пожелтевшей старой ивы, вылетело острое широкого меча и пробило глотку воина, достав до позвоночного столба. Захлебываясь кровью, уже мертвым стараясь зажать ладонью рану, Сандро рухнул мешком под ноги Некты, со зловещей ухмылкой отирающей окровавленный гладиус.

«Похоже, артефакты Иерарха и Фалета позволяют быстрее перемещаться между Отражениями», – подумал Симон, приподымаясь с земли.

– Так и будем сидеть? – насмешливо поинтересовалась девушка, перехватывая меч за острие и рукоять и слегка прижимая его к животу. – В деревеньке полно всяких кнехтов, ландскнехтов и прочей сволочи, и очень похоже, что они хотят перехватить нашу добычу...

Некта кивнула на прижавшуюся к бревенчатой стене избы худенькую, совсем уж юную, моложе самой агентессы, девчонку в пропитанном мукой бледно-сером легком платье до пят, больше напоминающем длинную и грубую ночную рубашку, высоко, под грудь, подпоясанную куском веревки.

– На берегу есть лодки с веслами? – шагнула к перепуганной ведьме Некта. – Здесь нам ничего не светит, слишком много этих конкурентов...

И пока Симон подымался на ноги, стараясь оглядеться по сторонам, девушка набросилась на сжавшуюся у стены, будто в ожидании града ударов, Исору:

– Ты меня слышишь, чудо в муке? Хочешь жить? Или хочешь попасть в лапы инквизиторов?..

– Кого? – невольно спросила девчонка, услышав незнакомое слово.

– Да какая разница – кого, – досадливо отмахнулась Некта, на лету сообразив, что в этом Отражении церковная служба безопасности называется как-то по-другому. – Хочешь сгореть на тепленьком костерке после недели-двух пыток?.. Дура, если так... оставайся и жди своих палачей, а мы... Симон, погнали к реке, живей, успеем на ту сторону, вряд ли за нами погонятся все сразу, отобьемся легко, а там и лес, кажись, неподалеку...

– В Черный Лес они не сунутся, если это простые воины, – еще сомневаясь, но почти готовая принять нужное решение, сказала Исора.

– Все-то ты знаешь, – насмешливо отозвалась в ответ агентесса. – Так есть в лодках весла?

– Там только одна лодка, – уже деловито, пробираясь к зарослям ивняка, ответила ведьма. – Остальные прогнили давно или побитые, а на этой я через реку плаваю, когда холодно...

... на узкой полоске берега Исора уверенно перевернула легкий, узкий челнок, казалось, ничем от других не отличающийся, под которым обнаружилось короткое, больше похожее на лопату весло, и умело столкнула его в воду.

– Симон, тебе грести, ты самый сильный, – распорядилась Некта. – А ты, мельничное дитя, давай на нос, будешь командовать, куда выгребать нашему спасителю... да пошевеливайтесь, давайте, живее...

На невысоком обрыве, возле дома уже гремели доспехи,

звякали о щиты и кольчуги мечи и наконечники копий, слышались невнятные, по-мужски грубые голоса воинов. Но – десятка виконта Селина опоздала, очутившись у воды, когда усилиями агента Преисподней челнок преодолел саженей двадцать поперек быстрого течения холодной осенней реки.

– Именем Священной Конгрегации – остановитесь! – сорвав с головы, кажется, еще дедовский, громоздкий шлем, в бессилии заорал, срывая голос, белокурый дворянин.

В его десятке лишь два воина имели при себе луки, но стрелками были не самыми хорошими и удачливыми среди монастырской братии, тем не менее, виконт махнул рукой – давай! – разрешая подчиненным, уже наложившим стрелы на тетиву, попробовать достать ускользающих беглецов...

– Не надо!

С шумом прорвавшийся через заросли ивняка Винченцо не успел остановить лучников, но это ничего не изменило, обе стрелы упали в воду далеко от лодки, да и с изрядным недолетом.

– Не надо, – повторил сотник, отбрасывая на спину с головы кольчужный капюшон. – Быстро посмотреть, где здесь можно свести к реке лошадей, и – все туда, переправимся на тот берег и догоним их, уйти здесь некуда...

В самом деле, на той стороне Быстрицы расстился чуть подтопленный заливной луг, пусть и незнакомый для того, чтобы пустить по нему лошадей в галоп, но все-таки открытый, просматриваемый едва ли не на милю, до самой опушки Черного Леса.

Монастырские воины показали себя в этот момент с лучшей стороны, не зря Винченцо гонял их, заставляя иной раз исполнять самые нелепые приказы без малейших раздумий – через пяток минут вся десятка виконта Селина, во главе со своим благородным десятником, теснилась у кромки воды в полусотне саженей от мельницы, готовая броситься вплавь и догнать ускользающую добычу...

– Мне надо идти с вами, – пожал плечами в ответ на немой вопрос сотника конгрегатор Мило. – Твои воины, Винченцо, не пойдут в колдовской лес без меня, а я сумею не только вдохновить, но и оберечь их от темных сил, случись им проявиться...

И первым пустил своего коня в воду...

... – ...не успеем, – выдохнула Некта, прислоняясь к тоненькому стволу осины с почерневшими листьями. – Деваться тут некуда...

Как оказалось, бежать по вязкой, влажной земле заливного

луга – удовольствие совсем маленькое, и если босая легконогая ведьма преодолела путь от реки до опушки Черного Леса даже не сбив дыхания, то агентесса, злоупотребляющая во второй своей жизни, как, впрочем, и в первой, курением, к тому же одетая и обутая значительно тяжелее, начала задыхаться едва ли не в середине пути.

– Можно укрыться дальше – на деревьях нас не найдут, – указала в темноту чащобы Исора.

– Ага, а то ты думаешь среди ваших конгрегаторов не найдется хотя бы плохонького следопыта, – нервно парировала Некта. – Да еще подумай, ты одна или нас трое... тут следов – слепой заметит...

В самом деле, они изрядно примяли перестоявшую осеннюю траву на лугу, да и в подлеске ухитрились поломать немало тонких веток, продираясь в глубь леса.

– ...и выдохлись мы, – откровенно призналась, наконец, агентесса. – Тебе-то по полям и лесам скакать козочкой привычно, а мы – люди городские, цивилизованные, нам асфальт подавай...

На несколько мгновений задумавшись над значением непонятных слов в речи своей навязанной судьбой спасительницы, Исора нехотя сказала:

– Я могу выпустить... он нам поможет, хотя и не знаю...

– Нам или тебе? – зачем-то срывая с себя куртку, переспросила Некта. – И чего-то мне кажется, **он**, которого ты поймала в октограмму, вовсе не стремиться тебе помочь...

– Куда поймала? – вновь не поняла девчонка.

– В крестострел, пентаграмму, звезду – не знаю, как у вас это называется, – снимая толстый поддоспешный свитер, отозвалась агентесса. – Да и не хочу я прослыть здешним Антихристом, губителем мира и прочим... тебе хочется, Симон?

Молча восстанавливающий дыхание агент Преисподней отрицательно покачал головой и пояснил вконец растерявшейся юной ведьме:

– Выпустив Зло из мистической клетки, ты уничтожишь все живое на тысячи миль вокруг... и десятки поколений сотни лет станут проклинать глупую молодую ведьму, попытавшуюся сохранить свою жизнь ценой сотен тысяч чужих...

Скинув исподнюю рубашку, Некта, склонившись, зачем-то шарила по оказавшимся на удивление многочисленным потайным карманам и кармашкам куртки, спешно извлекая из них и насаживая на пальцы разнообразнейшие перстни и кольца. По обнаженной спине её пробежали бесплотные едва заметные тени листьев, слабые пятна блеклого солнечного света – до заката оставались уже не часы, минуты.

– Попробую поговорить с ними, – пояснила свои действия девушка, набрасывая на плечи избавленную от «золотого запаса» куртку. – А ты, Симон, присмотри за нашей ведьмочкой, чтобы по молодости и глупости чего не натворила... ну, а не получится разговора с конгрегаторами – сам понимаешь...

Никаких угрожающих и поясняющих жестов Некта делать не стала, но от слов её на Исору повеяло ледяным, лютым и беспощадным холодом – для этой молодой, чуть старше колдуньи, женщины человеческая жизнь ценности не представляла.

Экипировавшись таким необычным образом, агентесса вернулась на несколько шагов назад, к небольшой прогалине в сплошных зарослях лещины, ивняка, молодых осин, сосен и дубков.

...спешившиеся едва ли не в середине вязкого, но при этом полного колдобин, кротовых нор и еще каких-то невнятных неровностей заливного луга воины десятки виконта Селина во главе с сотником, братом-конгрегатором и своим благородным десятником, охватывая широким полукольцом опушку Черного Леса, пока еще без страха и сомнений углублялись в подлесок, торопясь использовать последние светлые минуты угасающего дня и очень-очень надеясь, что не придется им лазать в темноте по колдовской чащобе, подсвечивая себе дорогу факелами. От таких мыслей дрожь пробирала и самых смелых, невзирая на присутствие конгрегатора, как защитника от всякой нечисти и темных сил.

Но едва выглянувшие на маленькую, светлую прогалину в зарослях, монастырские стражники были остановлены зычным окриком:

– Всем стоять! Старшего ко мне!

И хоть голос, отдавший команду, был совершенно незнаком, да еще показался – вот ведь какое дело – женским, вбитая до мозга костей привычка повиноваться заставила воинов замереть на месте, внимательно вглядываясь в невысокую, худенькую фигурку под пышным кустом лещины. Одета в черные штаны из толстой кожи, странного фасона, но явно боевые сапоги, в куртке, наброшенной прямо на голые плечи, с обнаженной маленькой грудью выкрикнувшая команду девица протягивала навстречу бывалым воякам сжатые кулачки, на пальцах которых горели, переливались в свете заходящего солнца яркие самоцветные камни: зеленые изумруды, ярко-красные и кровавые рубины, голубые сапфиры, лиловые аметисты, – все это великолепие было заключено в жирно поблескивающие золотые оправы не малого веса и размера. С невиданным богатством, украшающим хрупкие

пальчики, неожиданно контрастировали простые, потертые ножны и обтянутая кожей рукоятка короткого боевого меча, укрепленного на поясе непонятной загадочной женщины.

Оцепенение воинов, правда, длилось недолго. Под треск кустов и звук тяжелых, топчущих, но быстрых шагов на прогалину ввалились сотник Винсент, брат Мило и виконт Селин – все с мечами наготове, внимательно осматривающиеся по сторонам, дворянин в дедовском шлеме, командир отряда и монах – в кольчужных капюшонах.

– Кто ты? – успел лишь выдохнуть Винченцо, как неизвестная девица скомандовала вновь, в этот раз обращаясь прямо к нему:

– Подойди на три шага ко мне и – смотри...

В правой руке её оказался огромный перстень, в который легко поместились первые фаланги двух пальцев незнакомки. На просторной печатке были выгравированы знаки Креста, Оленя и Рыбы... те самые первознаки древних основоположников, о которых не мог знать в королевстве разве что умственно отсталый.

– Я – Некта! Назовите себя!

Тут сотник понял, что с обладательницей несметных сокровищ, украшающих тонкие женские пальцы, и древнего таинственного знака-пароля в виде золотой, тяжелой печатки, разговаривать надо, как минимум почтительно, и не беда, что встретила она воинов в Черном Лесу, уходя от погони и остановившись с обнаженной грудью и простым мечом у пояса под кустом лещины

– Я сотник Винсент, со мной брат Мило – конгрегатор, и мой.. помощник, виконт Селин, – чуть повысил дворянина в должности Винченцо.

– Чего ты хочешь от нас, сотник? – с легкой, отточенной за время пребывания в Монсальвате надменностью спросила агентесса, опуская руки на пояс и слегка выпячивая маленькие грудки с отвердевшими от холода сосками.

– От вас – ничего, ваша светлость, – на всякий случай решил протитуловать неизвестную Винченцо. – Нам нужна... Конгрегации нужна лишь молодая дочь мельника, ведьма Исора. За ней нас послал Великий Конгрегатор.

– Какое совпадение, не правда ли? – непринужденно засмеялась Некта. – Мне она тоже нужна, причем – очень-очень и – срочно, думаю, гораздо срочнее, чем вам...

– Мне приказано доставить ведьму в монастырь немедленно, – не стал уступать сотник.

Тем временем собравшиеся за его спиной воины толпились в недоумении, стараясь не прислушиваться к разговору,

ведущемуся не так уж и громко, да к тому же, заглушаемому легким шелестом пожухлой, не опавшей еще листвы. Лишь брат Мило и белокурый дворянчик, выдвинувшиеся вперед, поближе к командиру отряда, старались разобрать хоть что-то в обмене короткими репликами, и если первый делал это по долгу своей конгрегаторской службы, то второго просто сжигало лютное, бешеное любопытство юноши, едва ли не впервые в жизни столкнувшегося с подлинной загадкой бытия.

– Пусть твои помощники подойдут ближе, – пригласила Некта, заметив прежде всего порыв виконта. – Потом, имея таких свидетелей, тебе будет проще объясняться с собственным начальством.

Не дождавшись даже разрешающего жеста от командира, конгрегатор и десятник присоединились к нему, теперь уже с расстояния в пару-тройку шагов рассматривая нежданную гостью этого мира.

– Итак, Винсент, мы остановились на том, что юная ведьмочка нужна нам обоим, – уверенно продолжила Некта, поглядывая при этом то на брата Мило, то на виконта. – Но мне она нужна ненадолго, пожалуй, на пару часов, не больше, а вам, как я понимаю – на всю оставшуюся жизнь... её жизнь. Впрочем, о жизни колдуньи сейчас речь не идет, вопрос лишь о времени владения ею... Сотник, как мужчина и воин, ты не мог бы пойти мне навстречу и уступить колдунью Исору, скажем, до полуночи? Это что-то изменит в твоих планах на сегодняшний вечер? Ты же не собираешься в обратную дорогу ночью, по охваченной войной, плохо знакомой местности?

Агентесса блефовала, не представляя себе конкретного приказа сотнику, полномочий сопровождающего его конгрегатора, и даже элементарного знания монастырскими воинами здешнего края. Но... блеф удался. Винченцо коротко переглянулся с братом Мило, на лице которого не выразилось недовольствия ни от самого факта переговоров, ни от предложения Некты – одно лишь желание понять, чего же на самом деле хочет странная женщина. Потянув паузу еще с минуту, раздумывая и формулируя свой ответ, сотник сказал:

– Я не могу возразить вашей светлости, но одно меня беспокоит...

– Не одно, Винсент, не одно, а, как минимум, два, – улыбнулась девушка самой очаровательной своей улыбкой. – Во-первых, не будет ли направлен мой контакт с ведьмой во зло для всего мира и не принесет ли он вред вере и Священной Конгрегации? Сразу отвечу – нет. Скорее уж, все обстоит наоборот. Ну, и второе, что мучает тебя, как сотника и командира

отряда – как получить от меня некую серьезную гарантию неперемного возвращения ведьмы в указанный срок. Как человек служивый, исполняющий ясный и однозначный приказ, ты не можешь просто довериться словам... Так вот, пусть с нами прогуляется по Черному Лесу брат Мило. Он будет и свидетелем, и гарантом моих слов. Ты ведь обладаешь достаточными полномочиями, чтобы самостоятельно принять такое решение, Мило?

– Я готов идти с вами и свидетельствовать обо всем происходящем, – твердо сказал конгрегатор, ощущая, как трепещет его сердце в предвкушении познания никем невиданных еще тайн.

– Вот и отлично, – кивнула Некта и протянула сотнику печатку-пароль от ангела Фалета. – Возьми, командир, пусть этот перстень послужит вещественным доказательством нашей встречи. И распорядись разбить временный лагерь на опушке, после полуночи к вам выйдет брат Мило с ведьмочкой Исорой. Это мое слово.

Договорив, агентесса неторопливо развернулась и сделала в сопровождении конгрегатора пару шагов к плотной стене покрытых уже вечерним сумраком зарослей лещины, как вдруг неожиданно исполнила легкий пируэт, одновременно наугад стаскивая с пальца какое-то кольцо.

– Эй, красавчик виконт! – озорно позвала девушка. – Лови...

Провожжающий её взглядом белокурый дворянчик успел подставить под маленький летящий предмет ладонь в латной перчатке и, разжав пальцы увидел на тонком кольчужном плетении сияющий лиловым, будто внутренним, светом массивный золотой перстень с аметистом. Когда Селин поднял взгляд от неслыханно щедрого, достойного правящего короля, подарка, ни загадочной девушки с обнаженной грудью, ни брата Мило уже не было видно в полумраке густого подлеска, лишь тихонечко покачивались ветви кустов в том месте, где только что прошли эти двое.

... – Это просто стекла, черные стекла, защищающие глаза от света, – пояснила Некта, заметив, как явно вздрогнул Мило при виде очков Симона, когда они добрались до места переодевания агентессы. – А сейчас, дорогой конгрегатор, позволь, я все-таки оденусь, в лесу ночью не так уж и жарко, да и некого уже шокировать моими цыплячьими грудками...

«Какая женщина! – с легким восхищением в душе подумал брат Мило, краем глаза наблюдая, как девушка облачается в белесую нательную рубаху и толстый поддоспешник. – Она все это придумала, чтобы заморочить, остановить воинов и начать

разговор, имея преимущество, превосходство над ошеломленными её видом мужчинами... Учись, учись, этому стоит поучиться...»

Облачившись поверх поддоспешника в привычную толстую куртку, Некта достала из ножен широкий короткий нож, слабенько блеснувший в лесных сумерках быстро надвигающейся ночи, и подошла, поигрывая клинком, к ведьмочке, в паническом ступоре застывшей у хиленького ствола молодой осинки.

– Вот что, девочка, – предложила агентесса, поглядывая куда-то в сторону, будто и не с Исорой она разговаривает. – Давай сделаем так, ты сейчас быстренько отведешь нас к своему заколдованному месту и после этого – можешь считать себя свободной, ни в какие твои дразги с Конгрегацией мы вмешиваться не будем, но посоветуем братьям-монахам вести себя корректно и гуманно. Есть, правда, еще один вариант, нехороший. Я подрежу тебе сухожилия и брошу здесь, в лесу, ночью, одну. Выберешься или нет – честное слово, мне все равно, вот только искать твой колдовской круг, пентаграмму или крестострел придется гораздо дольше, но – временем я не ограничена, могу и до снега по лесу плутать. Все равно – найду то, что мне надо, вот только ты об этом уже не узнаешь, сожрут тебя живьем местные волки или лисы, а может, и барсуки, кто тут у вас в лесах водится...

Совершенно ошавшая от происходящего: налета на деревню мародеров, появления сильного отряда конгрегаторов, будто свалившихся из ниоткуда неожиданных и незваных спасителей, готовых в любой момент отдать её на костер и пытки, неожиданных сведений о смертельной опасности для всего мира, исходящей от заточенного ею неизвестного демона, – юная колдунья, привыкшая к покойному, неизменному вращению мельничных жерновов, быстрому, нескончаемому и неизменному в веках бегу воды в реке, неразговорчивому, трудолюбивому отцу и спокойным, вечно усталым соседям – не выдержала.

– Да, я отведу, – еле слышно ответила сдавшаяся на милость победительницы Исора.

Несмотря на почти полную темноту, как-то незаметно, исподволь сгустившуюся в лесу, Некта уловила, скорее, не зрением, интуицией, одобрительный взгляд Симона, похоже, агенту Преисподней все больше и больше нравилась самостоятельная работа его напарницы.

– Вот так бы сразу сказала, – одобрительно похлопала девочку по плечу агентесса. – И не пришлось тогда грозить, ножичком играть, конгрегаторов звать... Ладно, что сделано, то сделано, верно? А теперь – пошли, что ли?..

...на высокий, прозрачно черный, бездонный небосвод нехотя, будто ленись совершать свой привычный путь, выбрался полный светлый и ясный диск луны, кое-где помеченный синеватыми, тусклыми прожилками тамошних местных долин и нагорий. И сразу лес преобразился, запестрев четкими черными тенями, перебегающими с дерева на дерево, закричал жутковатыми голосами сов, взвыл коротко, блеснул откуда-то из-под куста зелеными тусклыми глазами...

– Полнолуние, – невольно передернув плечами, сказал негромко брат Мило, идущий чуть правее и на шаг позади юной ведьмы с деревенской мельницы.

– Ерунда, ерунда, – чуть нервозно отозвалась Некта. – Полнолуние, новолуние – это сейчас совершенно все равно.

А вот уже битый час ведущая маленький отряд по непролазным и днем лесным зарослям Исора промолчала, даже не оглянувшись на торопящихся за ней. Кажется, ведьмочка сама спешила к заветному месту заключения Дикого Демона. Легонько потеряв чуть озябшие на свежем осеннем воздухе ладони, Симон хмыкнул, невольно глянув на босые ноги и замоченный вечерней росой подол легкого платья девчонки – как только ей не холодно? Видимо, понятия о комфорте у средневековой ведьмочки крестьянского происхождения и воспитания разительно отличались от таковых у человека более позднего времени и совсем иного места рождения.

И – то ли луна помогла быстрее сориентироваться, то ли большая часть пути была благополучно преодолена в совершенной темноте ночного леса, но уже через полчаса колдунья вывела своих спутников на большую ярко освещенную поляну, будто стеной окруженную высокими, мрачными в лунном свете разлапистыми елями. На дальней стороне заросшего пожухлой осенней травой пространства что-то, сваленное бесформенной плоской кучей, поблескивало свинцово-серым металлом, а вокруг этой маленькой свалки медленно перемещалась хорошо заметная в лунном свете черная, бесформенная, живая тень...

...и легкой пылинкой, невидимым в ночи шелковым пожелтевшим листком березы скользнула туда, на край поляны, ведьма Исора, стремясь опередить свое грозное сопровождение, первой достичь выложенных из почерневших, будто сгоревших веточек омелы тонких, едва заметных в ночных тенях граней метафизической клетки. Казалось, мир, да что там – вселенная замерла в ожидании неотвратимой расплаты за грехи человеческие... но бросок тяжелого мужского тела оборвал бег ведьмы так же внезапно, как она начала его...

Недовольно, по-стариковски кряхтя, Симон поднялся на ноги, увлекая за собой с влажной ночной травы помятую, растерянную и слегкашибленную девчонку...

– Дура, ты дура и есть, еще и возиться с тобой приходится, – горестно проговорил агент Преисподней, кажется, больше всего недовольный тем, что пришлось ему прыгать и сбивать с ног шуструю девчонку. – Будь моя воля, вернулся бы и самолично утопил в этой вашей речке...

– Не подходи ближе, Мило, – предостерегла конгрегатора Некта, сердчишко у которой екнуло в момент неожиданного рывка колдуньи к своему мифическому спасителю. – Видишь, я тоже не подхожу...

Агентесса остановилась ближе к центру поляны, маленькой черной статуей под серебристым лунным светом, покопалась в изнанке куртки...

– Ну, что ты там? – с откровенным раздражением поинтересовался Симон, удерживая слабо, чисто символически сопротивляющуюся Исору одной рукой за тонкие запястья.

– Да уже, уже... – пробормотала Некта, извлекая из потайного карманчика тускло блеснувшую золотую пентаграмму – личную связь с Иерархом...

... и в ту же секунду...

Буквально из-под земли, неподалеку от колдовской клетки, в которой оживился, заметался по сторонам тупо ища отсутствующий выход Дикий Демон, забил багровый яркий фонтан, с каждым мгновением все более и более сгущаясь, превращаясь воистину в дьявольское отродье – в два человеческих роста высотой, с мощным мускулистым обнаженным торсом, могучими руки и столпообразными ногами, прикрытыми неуловимо колеблющимися складками потусторонней материи. Длинный, гибкий хвост в ярости хлестал по бедрам, выбивая из них самые натуральные искры, с шипением гаснувшие в сырой пожухлой траве. Звериный оскал лица был неописуем слабыми человеческими словами, а венчали дьявольскую голову, как и положено, длинные и изогнутые, черные, острые рога.

Даже привычная ко всякого рода метафизическим воплощениям Темных Сил Некта поежилась, что уж тут говорить про побледневшего до синевы, но устоявшего на ногах конгрегатора Мило... а юная ведьмочка тихо и незаметно свалилась в траву, лишившись от ужаса чувств, поддерживать её Симон – единственный, кто взирал на явление Иерарха без тени волнения – не считал нужным.

Но дьявольское создание, казалось, не обратило ни малейшего внимания на смертных – взгляд его был прикован к

черному бесформенному пятну в глубине колдовской клетки... бес раскинул могучие руки, и между ладонями его заиграл, с каждой секундой сгущаясь, становясь все более материальным, чуть ли не осязаемым, зеленоватый искристый свет. И когда зеленое пламя в руках Иерарха достигло немыслимой концентрации, тот, кажется, с трудом удерживая собственное метафизическое творение, прохрипел сдавленным, но все равно могучим басом:

– Откройте крестострел, живее...

Стоящий ближе всех к тюрьме Дикого Демона Симон отреагировал первым, одним коротким прыжком достигнув прогоревших веточек омелы, и легким пинком раскидавший их в стороны... и судорожный, утробный вой разнесся над лесом, заставляя вздрогнуть все живое и живущее, прижать уши, прикрыть глаза... бесформенная чернота, отчаянно сопротивляясь, переходя с воя на тонкий, запредельный визг, слышимый, разве что, лесным летучими мышами, медленно, дюйм за дюймом, втянулась в зеленое плотное облако между ладонями беса, напрягшего все свои потусторонние, дьявольские силы, чтобы не просто удержать, а сжать новое место пребывания Дикого Демона, превратить его, спустя мгновения, в крупный, с пару грецких орехов размером, чистейшей воды великолепный изумруд...

– Вот так, – с облегчением удовлетворенно выдохнул Иерарх, отправляя драгоценный камень куда-то в район пояса своих потусторонних просторных шароваров.

Кажется, даже лунный свет посвежел и стал ярче после исчезновения из этого Отражения Дикого Демона... в углу поляны, в бывшей клетке порождения Первозданного Хаоса осталась лишь груда рыцарских, хороших доспехов, клочки одежды и крупные человеческие кости, с которыми сущность Демона не смогла, вернее, не успела справиться.

– Вам пора, – постепенно уменьшаясь в размерах до почти равного человеку, сказал Иерарх, благодарить за выполненную работу среди нечистых было не принято. – Этих смертных вы убьете сами?..

Приподнявшаяся, было, на локте и с недоумением осматривающаяся Исора, услышав слова беса, кажется, собралась вновь грохнуться в обморок, а конгрегатор судорожно схватился за рукоять меча, в душе понимая всю бессмысленность этого жеста, но не желая без сопротивления, как жертвенный баран, покидать этот Свет.

– Нет, экселенц, мы сделаем лучше, – бесстрашно возразила Некта, быстро подошла к остывающему, успокаивающемуся после

схватки Иерарху и, привстав на цыпочки, о чем-то зашептала тому прямо в остроконечное, багровое ухо, временами подхихикивая и оглядываясь то на брата Мило, то на успевшую усесться на сырой холодной траве ведьмочку Исору.

– Ха! – выслушав неживую, но живущую, с удивление воскликнул Иерарх, широко раскрывая черные, горящие бездной Преисподней, глаза. – Женскую логику трудно понять даже моим умом... но не оценить предложенное – невозможно... Симон, как думаешь, не стоит ли назначить твою подружку преподавать курс интриги в какой-нибудь начальной бесовской школе?..

Пошутив так, высший бес довольно расхохотался и взмахнул перед собой рукой, резко меняя облик.

Теперь перед конгрегатором и окончательно пришедшей в себя юной колдуньей в удобном, больше напоминающем трон владетельного феодала, кресле с высокой спинкой и украшенными драгоценными камнями подлокотниками сидел настоящий синьор – маркграф или герцог, а то и принц крови – в роскошном багровом бархатном камзоле с кружевным воротником и манжетами, горящими красным огнем рубиновыми пуговицами, в коротких штанах и шелковых чулках, со шпагой на боку в причудливо инкрустированных ножнах.

– Подойди, смиренный конгрегатор Мило, – с доброй улыбкой всепрощающего божества позвал Иерарх, ткнув пальцем в изумленного борца за чистоту Веры.

– Не волнуйся, никто тебя не будет ни соблазнять, ни провоцировать, – очень во время подсказала со стороны Некта. – Без твоего желания сейчас, на этой поляне, ничего не случится.

Нетвердо ступая, готовясь в любой момент выхватить меч и подороже продать свою жизнь, удивленный такой переменой в посланце Дьявола – или в самом Дьяволе, Мило еще не разобрался до конца в своих ощущениях, которым он привык доверять – конгрегатор приблизился к Иерарху.

– Чтобы не просто остаться в живых после всего увиденного, а еще и получить от этого огромную пользу на благо вашей Веры, Церкви и Священной Конгрегации, я хочу услышать от тебя клятву, – сказал бес, ласково, будто оглаживая мягким взглядом, молодого еще, но опытного служителя чуждых ему Сил. – Ты самостоятелен в выборе и можешь в любой момент отказаться, но тогда... ты просто не узнаешь, что случилось бы при твоим согласии...

Подержав, будто смакуя, паузу, Иерарх продолжил:

– Достань книгу своего Бога, да-да, ту что ты всегда возишь с собой в укромном кармане куртки...

Вскинувший удивленный взгляд на беса брат Мило ничего не

ответил, но послушно достал из потайного кармана удивительно маленький рукописный экземпляр «Нового завета», мастерски исполненный переписчиками в каком-то далеком монастыре и переплетенный в строгую тонкую черную кожу.

– Поклянись мне на книге своего Бога и Вере своей, что не причинишь вреда ни этой юной девице, – Иерарх указал на разглядывающую с непонятным любопытством новую мизансцену колдунью, – ни другим ведьмам, знахарям и колдунам, сила которых будет направлена на благо человека и во славу твоего Бога...

«Он знает все, – подумал Мило с излившимся в его душу удивительным спокойствием. – Знает даже о том, что я в тайне мечтаю не просто уничтожить колдунов и ведьм, как Зло и Темную Силу, но использовать их знания и умения на благо людей и Церкви. А я даже на исповеди никогда не говорил об этой мечте...И что же теперь делать? Подчиниться Сатане, который хочет блага? Или в словах Дьявола заключен хитроумный подвох, который трудно заметить вот так – на лесной полянке, после устрашающей демонстрации нечистой Темной Силы?»

Мило смахнул со лба горячий пот...

– Сомневаешься? – ехидно, но без злости или издевки улыбнулся Иерарх. – И правильно делаешь. Я бы не поверил тебе, присягни ты сразу, без раздумий. А теперь подумай вот над чем: Сила дается смертным редко, очень редко, сам знаешь – девяносто из ста колдунов это простые шарлатаны и фокусники, умеющие внушить безграмотным крестьянам нелепую, ни на чем не основанную веру в свои, якобы, силы. Но есть и те, кому дано с рождения. Не Светом, не Тьмой – кем, ты поймешь позже, если будешь неустанно искать. Лишь сам смертный применяет данную ему Силу во благо какой-то из сторон, лишь он решает: напустить порчу или вылечить от болезней. За этим должна следить Священная Конгрегация – чтобы грешные души пользовались дарованным им во благо ближнего своего!.. А благо человека и должно стать истинным благом Церкви.

Еще разок улыбнувшись, высший бес завершил свой пассаж:

– Не ищи сейчас в происходящем моего непосредственного интереса. Здесь его нет, поверь, свое я легко возьму и в другом месте...

Наверное, вот это признание в невольном, разовом альтруизме и убедило до конца Мило, тем более, он очень-очень хотел поверить...

– Я готов поклясться, – со вздохом решимости, твердо сказал конгрегатор. – Но только в том, что буду защищать творящих

своей Силой добро.

– И еще – вот эту маленькую ведьмочку, – вновь указал Иерарх на внимательно слушающую, но мало что понимающую Исору. – Для нее на сей момент ты просто сделаешь исключение, ведь она не успела сотворить никаких добрых дел по молодости лет и по женской глупости. Если ты сам возьмешься за её обучение, верь, иных дел она творить никогда не будет.

– Клянусь!!!

Конгрегатор взял священное писание так, чтобы правая рука его лежала на титульной стороне книги, как положено во время принесения клятв и присяги.

– Я принимаю твои слова, – серьезно отозвался Иерарх, вставая с кресла и обнажая свой клинок. – И в ответ заверяю, что не причиню тебе – и только тебе – вреда мыслью или делом!

Сверкнувшее в лунном серебре лезвие слегка ударило плащом по плечу брата Мило.

– Вручаю тебе эту девчонку, пока еще не раскаявшуюся, не прочувствовавшую степень своей вины и ответственности, и знаю наперед, что ничего худого с ней ты не сделаешь...

«Ну, и дела... – почесав в затылке самым простецким образом, подумал Симон. – Бес обещает – значит, бес исполняет. Чем-то, получается, Некта тронула то, что находится у нечистого на месте сердца... ну, если, конечно, это не какая-то долговременная, на много веков вперед, интрига, просчитать которую не смогут не только грешные души, но и большинство иерархов Преисподней...»

– Идите, – просто попрощался с местными высший бес. – Негоже смертным видеть то, как уходят из их мира иные силы...

– Прощай, – коротко, но почтительно поклонился конгрегатор.

– Держи, – неожиданно метнула в Мило очередной перстень, теперь, кажется, с зеленоватым то ли аквамарином, то ли изумрудом, Некта. – Это просто на память, мы уже никогда не встретимся в этой жизни, да и в других всяких – вряд ли. А вот это – приданое для Исоры...

В сторону брата Мило, следом за личным подарком, полетел маленький, но туго набитый мешочек из тонко выделанной замши.

А Симон не стал ничего говорить, это для агентессы в новинку еще такое прощание навсегда, он их пережил вполне достаточно, чтобы равнодушно кивнуть головой в ответ на почтительный поклон конгрегатора и неумелый, видать, подсмотренный где-то через щелку в занавесах книксен, больше похожий на нелепую пародию.

Звонко чиркнув кремнем о кресало, Мило запалил короткий воинский факел, рыжий коптящий огонек которого показался очень ярким после лунного призрачного освещения просторной поляны...

...через пяток минут, когда пятно оранжево-желтого света окончательно скрылось в зарослях орешника и молодых густых елей, Иерарх, принявший к удивлению Симона и Некты тот самый вид, в котором провожал их из заброшенной, но современной деревни в средневековое Отражение, сказал деловито:

– Развлеклись, пора и честь знать... присядьте под дерево, что ли... да, и не забудь мне вернуть пентаграмму, Некта, я тебе не Фалет беспамятный...

«...запалив факел – неперемennую принадлежность каждого воина даже в самом коротком походе, я двинулся в обратный путь к опушке леса, на которой разбил лагерь сотник доминус Винсент. Рядом со мной, еще многого не понимая, но уже чувствуя, что жизнь её изменилась в эту ночь самым решительным образом, шла Исора, назвать которую ведьмой, как в начале своего повествования, я уже не мог никоим образом.

Дорога через ночной лес заняла совсем немного времени и была спокойной и легкой, будто специально расчищенной для нас. Примолкли голосистые совы, не летали, как признаки, нетопыри, нигде в зарослях не поблескивали голодные хищные глаза волков и лис. Всего за три четверти часа, не более, мы вышли на опушку, к небольшому костерку, выложенному в стороне от основной стоянки – сотник Винсент всегда славился предусмотрительностью и бережным отношением к вверенным его власти воинам.

Как это не покажется странным, вся десятка виконта Селина спокойно и безмятежно спала, предоставив право охранять простых стражников своим командирам – в стороне от костра, в тени ивняка, расположились благородный десятник и сотник Винсент, наблюдавшие за стреноженными лошадьми на лугу и лесной опушкой. Они молчали, как и положено охраняющим лагерь воинам, но при нашем появлении не смогли сдержать возгласов удивления и недоверия. Мне кажется, ни Селин, ни Винсент так до конца и не поверили словам благородной и хитроумной дамы, назвавшейся Нектой. Впрочем, проявления радости с их стороны были по-мужски сдержанными.

Ни сотник Винсент, ни виконт Селин не позволили себе задать лишних вопросов, удовлетворенным уже самим нашим появлением в лагере живыми и здоровыми, хотя глаза обоих горели любопытством, однако, изложение подробностей нашего

путешествия в глубь Черного Леса я оставил на утро.

Забрав у сотника взверженные его заботам свой теплый плащ и котомку с нехитрым содержимым, подобным содержимому любой воинской сумы, я поручил девицу Исору заботам виконта Селина, взяв с последнего обещание оберегать юницу от всяческих неожиданных неприятностей, невольно подстерегающих женщину в мужском воинском лагере...»

Все еще изящные, аристократически тонкие, но крепкие, сильные, хоть и покрытые желтоватой, дряблой кожей в пигментных пятнах пальцы старика перенесли защищенный специальным лаком лист пергамента из-под яркого пятна света настольной лампы на вершину изрядной стопки таких же манускриптов, сложенных на уголке рабочего стола.

Откинувшись на спинку старинного, антикварного стула, верой и правдой служившего не одному поколению, старик снял давно уже не модные – среди молодежи, предпочитающей контактные линзы и когерентную коррекцию зрения, почти не носимые – очки с толстыми линзами в роговой оправе, помассировал кончиками пальцев усталые глаза и задумался.

Как оказывается это просто – потратить всего-то лет сорок-пятьдесят, перерыть сотни архивов наиболее известных древних родов, перечитать десятки, сотни тысяч документов, в которых имеются всего лишь ссылки на пересказ старинной легенды, изучить родословную никому неизвестных простолюдинов по записям в церковных книгах, по устным преданиям, сохранившимся письмам с упоминаниями предков. И все это только для того, чтобы в собственном же доме, среди тысяч пергаментов, сваленных в библиотеке, почти случайно разыскать вот эти несколько десятков листов, когда-то, давным-давно, залитых специальным лаком, защищающим их от старения, огня, непогоды. И прочесть, как все оно было на самом деле сотни лет назад... не в пересказе, не в переводе, не в вольном изложении фантазирующих адептов – в подлиннике от самого брата Мило...

«Какое счастье, что в ранней юности судьба, Высшие Силы, или же просто старший брат надумали меня заняться изучением «варварской латыни», употребляемой в качестве общего языка после развала древней империи, – подумал старик. – Теперь не пришлось прибегать к услугам переводчика – да многие ли из нынешних смогли бы адекватно переложить «южногальскую латынь» Средневековья, чтобы получился не просто связный – достоверный рассказ...»

Профессиональный историк, один из немногих истинных знатоков периода становления Новой Конгрегации, тридцать седьмой виконт Селин из рода маркграфов Ремусов лучше

других, касающихся истории и исторических событий лишь вскользь, понимал, что не будет публиковать найденные в семейном архиве документы – подлинные рукописи основателя и главного идеолога Societatem Praesidio, той самой Новой Конгрегации по основополагающим законам которой, как фундаменту жизни, общество существует и поныне – некоторые исторические легенды нельзя, невозможно изменить, а уж тем более – разоблачить или переиначить. На таких легендах о справедливости, неотвратимости наказания, непременно воздаянии за добро и зло держится этот мир.

Но сам виконт в душе радовался, как подросток, обнаруживший на старом, пыльном чердаке загородного дома старинный пистоль, попавший туда, наверное, лет двести назад. Ему было достаточно само по себе обладание уникальными знаниями, но еще важнее оказалось снятие покровов тайны с фамильного перстня... Старик вытянул перед собой правую руку – на безымянном пальце, заключенный в массивную золотую оправу старинной работы, мерцал таинственной сиреневой глубиной аметист. Виконт, разглядывая его, хмыкнул чуть саркастически, вспомнив всплеск бешеного интереса, который вызывал камень лет тридцать назад, когда была открыта возможность спектрального изучения кристаллов. В течение нескольких лет десятки специалистов изучали загадочный аметист, сравнивая его спектрограмму с тысячами, десятками тысяч других камней, чтобы сделать однозначный, всеми признанный вывод – фамильный артефакт семьи Селин в обозримом прошлом не рождался на этой планет. А вот дальше уже последовали измышления, догадки и прочие фантазии, начиная от появления камня еще в эпоху допотопных зверей-динозавров и до инопланетного происхождения не только аметиста, но и самого перстня целиком...

«А все оказывается проще простого, – подумал виконт, отводя взгляд от реликвии передаваемой из поколение в поколение вот уже без малого восемьсот лет. – Простой подарок на память от странной молодой особы... как её называет в своих рукописях брат Мило?.. Ах, да... миледи Некта...»

Минипринтер, прошуршав едва слышно, высунул язычок узкой бумажной ленты с результатом подсчета, будто подразнился блеклыми синими циферками. Некта небрежно оторвала листок, подложила его сверху на маленькую стопочку бумаг с печатями и росписями – первичных документов – заблаговременно подсунутых в степлер и отчаянно, в сердцах, ударила по агрегату сверху. Хрясь-чмок! Теперь следует отнести скрепленные бумаги на стол заведующей сектором, сводящей данных с полутора десятков рабочих мест, а больше – наблюдающей, чтобы бухгалтера не отлынивали от работы, и взять со стола «входящих» очередную порцию накладных и счетов на уголь и акты списания топлива. Опять просуммировать итоговые числа, прикрепить ленту расчетов и – начальнице, которая непонятно зачем здесь нужна, все равно все данные девушки вбивают в допотопные компьютеры, больше похожие на гробы забитые вековой пылью, чем на настоящие вычислительные устройства, но тем не менее, объединенные в некую общую бухгалтерскую сеть.

Озлобленно, с силой оттолкнув из-под себя старенькое разбитое кресло на колесиках, Некта встала и, прихватив скрепленную пачку бумаг, двинулась по длиннейшему проходу между выстроенными лицом к дальней стене столами, за которыми, кто с полным вниманием к делу, кто кое-как, спустя рукава, трудились многочисленные сотрудницы всех возрастов – от далеко запенсионного до совсем юного, как у самой Некты.

И так – каждый день. С девяти до шести, с перерывом на обед в плохонькой, грязноватой столовке с убогим ассортиментом из малюсеньких котлет, люля-кебаба и рыбы по четвергам, с гарниром из плохо очищенной картошки, непромытого риса или сорной гречки. С восьми до десяти вечера неперенные танцы на дискотеке под визгливую клубную попсу, от которой у Некты в первое время, пока не привыкла, уши сами собой сворачивались в трубочку. С десяти до полуночи просмотр телевизора – бесконечные ток-шоу с крикливыми, наглыми и бесцеремонными ведущими, глупые слащавые комедии и мелодрамы с одними и теми же актерами и актрисами в заглавных ролях, ежеминутно прерываемые всевозможной убогой рекламой женских прокладок, дорогих авто и прокисшего еще до завоза в магазин пива. Потом – сон, хочешь ты того или нет, до восьми утра; душ, ленивое, но обязательное нанесение «боевой раскраски» на лицо и – за стол, к

бесконечной веренице документов: накладных, счетов, актов списания...

По пятницам рабочий день сокращался на час, за это время позволительно было выпить чего-нибудь не очень крепкого и не очень много в баре рядом с помещением бухгалтерии, а потом дискотечное уныние разбавлял мужской пол, с отдельными индивидуумами можно было уединиться в ущерб телевизионным забавам в своей же микроскопической квартирке из единственной комнаты и пятиметровой кухни, совмещенной с душевой и туалетом. Ох, иногда хотелось, чтобы этих заунывно однообразных партнеров, с неперменной розочкой в целлофановом кульке, шоколадкой, парой разовых бокалов и бутылкой дешевой шипучки под маркой «шампанского», вовсе не было, настолько предсказуемы и тоскливы были их последующие действия, начиная от деловитой улыбки за крохотным столом на кухне и заканчивая обязательно завязанным презервативом в мусорном ведре... и за всю неделю – всего лишь одним, как у запрограммированного кофейного автомата в дальнем углу помещения бухгалтерии.

Ежемесячно, видимо, как неполноценная замена зарплате, вместо бара открывал свои двери «секонд хенд», где на начисленные по неизвестному принципу, скорее всего, генератором случайных чисел, баллы можно было отовариться ношенной блузкой, старенькими трусиками, чужой, в выведенных пятнах от кетчупа, юбкой. И хотя Некта и при жизни не была никогда брезгливой, донашивать за кем-то нижнее белье и старомодные туфли было для нее неприятно... до тех самых пор, пока девушка не сообразила – бэушность выдаваемых, «на ура» расхватываемых товарками по конторе, вещей каким-то образом делается, творится специально.

Ну, и как премия для коллектива, раз в квартал персонал посещал распродажи дешевой косметики, дезодорантов, чулок и спортивной обуви, после чего пару недель щеголял в одинаковых кроссовках, распространяя вокруг себя идентичный запах какого-нибудь простенького шампуня.

Кто сказал, что Ад – это раскаленные сковородки, запах паленого человеческого мяса, острые иглы под ногтями, высунутые синюшные языки и выпученные тусклые глаза бесконечных висельников? Нет, иногда настоящим Адом может стать занудливая бухгалтерская работа с девяти до шести, ограниченный круг общения, строгий режим и предписанные, ни на йоту не изменяемые годами развлечения. И хотя Некта отлично понимала – разумом, не душой – что предназначенное ей наказание и есть уже само по себе максимально мягкое,

практически и не наказание вовсе после шестнадцати... нет, все-таки – двух-трех разгульных лет её первой, истинной жизни, что таким образом высший бес просто держит свое бесовское слово, легче от этого не становилось, тем более, что любые попытки хоть немного нахулиганить, побезобразничать, исключительно для разнообразия, решительно и жестко пресекались с загадочным, но сулящим мало хорошего отсчетом: «Первое замечание, второе замечание, первое предупреждение, третье замечание...», а кары, скорее всего, в виде ужесточения режима обрушивались причудливым образом на соседок по столам, ухитрившихся накоротке сойтись с протеже одного из иерархов Преисподней. Потому уже в скором времени Некта перестала даже пытаться буянить, чтобы не подставлять своим поведением под удар невинные души, а предпочла полной чашей испивать собственное наказание, вот только счет времени пребывания в адской бухгалтерии девушка потеряла, пожалуй, уже через пару-другую лет изнуряющей скуки после возвращения из отпуска, сменив статус «неживой, но живой» на «пребывающей в муках грешной души».

Вот и сейчас, шествуя по проходу между столами, нарочито отчаянно виляя тощей задницей, пристукивая низкими, чуть стесанными каблучками разношенных кем-то туфель-лодочек, Некта готовилась небрежно, с таким дерзким бессмысленным фрондерством метнуть скрепленные бумаги на стол заведующей сектором – тетке не вредной, но очень уж озабоченной аккуратностью и своевременностью исполнения возложенных на нее не хитрых обязанностей – чтобы потом развернуться лихо, со взлетом юбочки аж до пояса, и пройти к заваленному бумагами столу «входящих», на котором – в правом уголке – её ждала небрежно скомпонованная кipa очередных накладных и счетов... и в этот момент стена между двумя бухгалтерскими столами по правую руку от Некты вздулась мыльным, переливающимся всеми цветами радуги, пузырем и звонко лопнула, окатив сидящих поблизости женщин веселыми цветными искорками, а в проходе объявился небольшой, едва по плечо невысокой Некте, лохматенький бесенок с энергичным, забавным хвостиком, помахивающим пушистой кисточкой на конце, блестящими глазками-пуговками, как у плюшевой игрушки, детским, мультяшным, розовеньким пяточком-носом, забавно мелькающим среди бурой шерстки на лице.

– Грешная душа, именуемая Мариной-Нектой? – важно спросил-вызвал лохматенький, деловито подбоченясь и оглядывая просторный зал, заполненный столами, бумагами, мерцанием компьютерных экранов, с таким видом, будто и не

подозревает вовсе за кем его послали.

– И чего? – от неожиданности вызова – ой, неужели! – девушка едва не выронила бумаги из рук.

– Прошу, васятельства... – сюсюкнул бесенок и картинно изогнулся в поклоне, даже ножкой шаркнул от чувств-с, мохнатой лапкой указывая прямоком на стену, в которой завихрилась, образовалась непонятная дыра в человеческий рост, наполненная разноцветными мыльными пузырями, которые, хоть и бурлили внутри, наружу, в помещение бухгалтерии, показаться не смели.

– Эх! – вскрикнула от неожиданно навалившегося ощущения близкой свободы и собственной кому-то нужности Некта и резким жестом запустила к потолку до сих пор сжимаемые в руке сшитые тонкой металлической скобкой бумаги. – Веди, лохматый...

... и не раздумывая шагнула первой в переливающийся хаос в стене, чтобы очутиться – в несколько театрализованном, но очень реальном, живом крестьянском дворе века этак восемнадцатого, не раньше.

У бревенчатой массивной стены, видимо, изображающей амбар, была установлена парочка козел – простых толстых бревен, положенных на крепкие распорки, похожие на косые андреевские кресты. Животом на бревнах, со связанными внизу руками, но свободными ногами, лежала парочка обнаженных тел – одно явно юношеское, мальчишечье, второе – девичье, как смогла рассудить лишь по торчащим пухлым задницами Некта. По обе стороны от тихо, с переливами, постанывающей, подвывающей на козлах девицы стояли здоровенные бородатые мужики в армяках, зипунах – ну, или как там еще называли эти длиннополые пальто-непальто в те далекие времена? – в лаптях на крепких мощных ногах, с длинными плетками, которыми они поочередно охаживали уже покрасневшую от ударов спину и попку неведомой девицы. Пороли её неторопливо, без какой-то злости и остервенения, так, как просто положено пороть раз в неделю для порядка и почитания. Еще один, похожий, как близнец, мужик подтащил ко вторым козлам деревянную бадейку с водой и опрокинул ледяную жидкость на сомлевшего, видимо, от плеточных ударов мальчишку, который тут же встрепенулся, приподняв голову. Неподалеку от стены возвышалось массивное, крепкое, будто вросшее в землю кресло, на котором восседала женщина лет сорока в старинном платье с открытыми плечами, низко опущенным лифом, пышными юбками. Красивое лицо женщины то и дело искажали судорожные гримасы, отражающие, видимо, все её чувства к происходящему – от грозного: «Дайте срок! Всех запорю!» до жалостливо-просящего: «Помилосердствуйте, нельзя же так...»

– Дальше, дальше, дальше... – едва заметными, можно сказать, воздушными движениями подпихивая Некту к бревенчатой стене проговорил, да что там, пропел бесенок за спиной.

– А это?.. – не поленилась обвести рукой неожиданную сцену, возникшую за стенами бухгалтерии, сопровождаемая лохматым агентесса.

– Ах, это... барыня-с... любила крепостных своих пороть дел не по делу... шибко так любила, – пояснил лохматенький, приноравливая свою речь к увиденной эпохе. – Да и детки её, как в возраст-то только вошли – тоже полюбили глядеть на такое... чтобы, значит, в кровь, да до смерти... ну, грешные-то, живущие которые, их сами собой наказали, матку-барыню – в монастырь, значит, грехи отмаливать, детишек тоже куда-то пристроили... да только у нас же свой суд, вот и порют теперича деточек на глазах-то матери... может, за Вечность-то и вразумят...

– Ох, ты... – только и успела произнести Некта, как бесенок ловко щелкнул кончиком хвоста по стене, открывая проход в следующий зал...

...точную копию пустынного переулочка где-нибудь в Чикаго двадцатых годов, именно так представляла себе Некта этот город во времена «сухого закона», бутлегеров и становления ставшей позже знаменитой американской мафии: чугунный фонарь на углу, яркая вывеска бара над тяжелой, низенькой дверью, аккуратный, но замусоренный фантиками и папиросными окурками тротуар, и одинокая фигурка под фонарем – в короткой юбочке, черных чулках, на высоких, ломающих ноги каблуках закрытых туфель... рот в яркой, броской, кроваво-красной помаде, глаза густо обведены тенями, как у грустного кукольного Пьеро... нечто этакое – декадентское, грустно сосредоточенное, убийственно скучающее... то ли нанюхавшееся кокаина, купленного в соседней аптеке за раздвинутые перед аптекарем ножки, то ли выкулившее пару папиросок со сладко пованивающей марихуаной, привезенной бой-френдом из далекой Мексики, где, говорят, эта трава растет в каждом пеонском огороде... Откуда-то издалека доносилась невнятная меланхоличная музыка – блюз? – изредка сменяющаяся бравурными аккордами банджо...

– Ч...ш...ш... – упредил вопрос Некты бесенок смешно прижав лохматую лапку ко рту. – Только шепотком, васятельство, услышит – жизни не даст...

– И давно она так стоит? – понизив голос поинтересовалась агентесса.

– Да сколько помню, так у столба и скучает, – пояснил

нечистый. – Ни друзей, ни клиентов, вообще, ни одной души вокруг... видать, при жизни уж шибко многие её окружали, не давая скучать... хотя – кто ж знает, как оно было...

Про грехи, за которые упокоившаяся душа была наказана вечным стоянием у городского столба в ожидании неизвестно чего, Некта спросить не успела, поторопившийся бесенок, видимо, уже не раз сталкивающийся с неведомой грешницей, ловко открыл кончиком хвоста двери прямо в кирпичной стене американского бара.

И в ноздри ударил запашок загнивающей стоячей воды... по самому краешку бесконечного болота, увязая в грязи, хлюпая сапогами, по щиколотку в воняющей жижице, к огромным гранитным валунам, разбросанным когда-то отступающим ледником, сейчас прикрывающим собой высоченные сосны, брели странные, толстенькие, пузатые солдаты с напряженными, покрасневшими от натуги и усталости лицами, покрытыми обильным потом. Видно было, что даже простое пешее перемещение по болоту дается толстякам нелегко, но тут из-за валунов, с хорошо оборудованных позиций, ударили пулеметные очереди, и странные солдаты один за другим стали валиться в мокрую грязь под ногами – кто с пулей в толстеньком брюшке, кто – сберегая собственную драгоценную, как бы, жизнь... истошные крики перепуганных людей, хлесткий звук пулеметной стрельбы, попытки кое-кого из приземлившихся толстяков открыть ответный огонь из старинных «калашей» с облезлыми деревянными прикладами – все смешалось в круговерти боя...

Кто-то из пузатых солдат пытался ползти вперед, прихватив за ремень окунувшийся впопыхах в болотную воду автомат, кто-то замирал на месте в бессильном и беспомощном ожидании обреченного, кто-то пятился, подобно раку, приподнявшись на четвереньки, лишь один, как успела заметить Некта, откровенно вскочил на ноги и бросился прочь от отгрызающихся пулеметным огнем валунов – до некой невидимой, судьбой обозначенной отметки, на которой и получил в жирную дряблую спину пяток пуль, раскрасивших хаки гимнастерки кровавыми пятнами...

– Генералитет, – хихикнул, удовлетворенно потирая лохматые лапки, бесенок, и Некта только сейчас сообразила, кого ей напоминают пузатые, краснолицые солдатики – еще в первой своей жизни она пару раз видела таких вот, правда, с лампасами на тщательно отутюженных денщиках брюках, с большими звездами на погонах, а бесенок, не удержавшись, гордый, будто сам, лично, все это придумал, пояснил: – Из тех-с, что солдатские души зазря губили без зазрения совести: по пьяни ли, по глупости, по трусости или незнанию... вишь, как много таких

набралось...

– И надолго, – задумчиво отметила девушка с каким-то внутренним удовлетворением.

– Ну, им еще после этого штурма часа два-три строевых, а потом – до утра – сортиры чистить, ну, а с восходом солнца опять в атаку...

Бесенок не успел толком закончить свое разъяснение, как в опасной близости от них взметнулись фонтанчики грязи, похоже, даже самим обитателям Преисподней не рекомендовалось задерживаться у болота надолго... и лохматенький чуть испуганно хлестнул хвостиком по остаткам непонятной бетонной стенки...

«Из бухгалтерии – к генеральному директору или даже Председателю Совета Директоров», – мелькнула у Некты прижизненная ассоциация при виде просторного светлого кабинета, оборудованного по последнему писку моды в стиле «техно» не слишком неудобными, угловатыми столами, заполненными разных размеров мониторами, переливающимися сочными заставками, невнятными таблицами и графиками, какими-то трехмерными картинками... за главным столом, заваленным самыми разнообразными документами – от стандартных писчих листов А-4 до древних папирусов и нанизанных в связку тонких дощечек с выцарапанными на них то ли рунами, то ли иероглифами – возвышался Иерарх в привычном темно-шоколадном костюме, при галстукe все с той же рубиновой заколкой, с озабоченным лицом, опаленным вечным огнем Преисподней и будто вырубленным из багрово-красного гранита.

«Не забыл!» – бухнуло в легкой эйфории сердчишко девушки, а лохматенький сопровождающий уже подвел её к стоящему отдельно длинному столу для совещаний, украшенному прозрачными, отключенными мониторами, установленными перед каждым стулом, лихо, будто занимался этим ежедневном, помог усесться лицом к Иерарху, продолжающему быстро и деловито перебирать разномастные документы, иногда прилагая к некоторым из них дьявольскую печать, оставляющую огненно-кровавый след раздвоенного копыта. Казалось, высший бес просто не замечает присутствия посторонних, но... едва колыхнулась стена кабинета, пропуская внутрь новых посетителей, как Иерарх, не подымая головы от бумаг, рывкнул, забивая слух грешных душ дьявольским басом:

– Заставляешь себя ждать! Тридцать лет у выгребной ямы!

«Ого! Не в настроении, что ли?» – подумала Некта, заметив, как сопровождающий совсем молодого парнишку хиловатого телосложения с длинными и густыми каштановыми волосами по

самые плечи, лохматенький бесенок сморщился, будто проглотив целиком, с кожурой и семечками, лимон и медленно, нехотя, растворился в воздухе – видать, прямо из кабинета отправился отбывать назначенное наказание. Оглянувшись, девушка своего сопровождающего не заметила, видимо, он благоразумно решил скрыться с начальственных глаз еще раньше.

– Садись! – махнул рукой Иерарх мальчишке, и тот осторожно, с какой-то странной, неестественной опаской пристроился на краешке стула напротив Некты, спиной – так уж получилось – к высшему бесу, но тут же, пытаясь исправить положение, заерзал, разворачиваясь... агентесса успела заметить умильные ямочки на нежных щеках и пушистые густые ресницы вокруг желтовато-карих, табачного цвета, глаз.

«Эх, кому-то все, а мне – как всегда, – завистливо подумала агентесса. – И зачем мужику такие прелести?» Сама она густотой ресниц, бровей и волос не отличалась, да и цвет их оставлял желать лучшего, лишь чисто символически именуясь светлым.

– Начнем...

После сказанного Иерархом слова современный кабинет будто уменьшился, стал темнее, уютнее и камернее, а сидящий в отдалении высший бес – приблизился к своим визитерам едва ли не вплотную, оставаясь при этом на своем месте.

– Ты у нас, Некта, сущность известная, – начал высший бес постановку задачи. – Потому никаких предисловий не будет. В некоем Отражении имеется грешная душа, которая в любом случае через какое-то время попадет к нам...

Это была стандартная формула, почти заклинание, с которого едва ли не всегда начинались любые разговоры о мире живых и грешных между бесами и их подопечными. Но вот дальше...

– В том Отражении сейчас сложилась неприятная для нас ситуация. Местную Жанну Д'Арк вот-вот, на неделе, а может, и на днях, убьют – то ли отравят, то ли зарежут во сне, а может, просто подстрелят из арбалета. Надо – или предотвратить убийство и помочь Деве в войне, или... занять её место и довести до логического конца начатое дело, исполнить, так сказать, предназначение. Подбирать исполнителей из того времени – некогда, да и сложновато, честно говоря, – Иерарх хмыкнул, будто вспоминая о чем-то, известном лишь ему одному. – Люди в прежние эпохи – искренне верующие, с ними работать приходится долго и нудно, убеждая кнутом и пряником, показывая разные метафизические фокусы. А ты, Некта, кажется, неплохо справлялась со всяким там рыцарством, благородным дворянством, простыми кнехтами и стражниками и в

Монсальвате, и в Черном Лесу.

– Понятно, экселенц, – кивнула агентесса, но, на всякий случай, повторила задание: – Спасти местную Деву, помочь ей освободить страну от иноземных захватчиков, не дать инквизиторам сжечь девчонку... или все тоже самое сделать вместо нее... разумеется, не дав убить или сжечь себя...

– Но... но на это может потребоваться целая жизнь... – неожиданно влез в разговор красивый мальчишка, до сих пор сидевший тихо, затаив дыхание, как мышонок перед огромным сытым котом, изо всех сил убеждая себя, что его просто не замечают.

– А тебе больше нравится компания педерастов-любителей, в которую тебя определили после смерти? – захохотал, будто громом громыхнул, Иерарх.

– Нет.. нет.. что вы... – забормотал смущенно мальчишка, густо покраснев, боясь теперь уже поднять глаза и на Некту, инстинктивно скрестив ладони у себя на пояснице, будто прикрывая попку.

Агентесса невольно фыркнула в кулак следом за высшим бесом, правда, стараясь, чтобы её смех не был так заметен мальчишке.

– Кстати, Некта, – соизволил, наконец-то, познакомить присутствующих Иерарх. – Это Валерик, при жизни очень интересовался тем самым периодом истории, куда вы направляетесь, даже, кажется, диплом планировал писать на эту тему, ну, еще, поговаривают, что занимался фехтованием, так что, получается – постоять за себя сможет и такой уж тяжелой обузой не будет...

– Хорошо, экселенц, учту, – согласилась Некта и тут же припомнила рассказы Симона, которого, честно говоря, ожидала увидеть здесь на месте этого красивого мальчишки, страдающего в Преисподней от содомитов. – Надеюсь, командировочные ты нам не на бумаге выпишешь?

Иерарх снова захохотал, но теперь добродушно, без ехидства и злобы, похоже было, присутствие и готовность к работе Некты привели его в хорошее расположение духа.

– Держи...

На столешницу, необъяснимым образом переместившись из рук беса, плавно легли два темных, невнятно прорисованных образка с неразличимыми ликами неизвестных святых, размерами примерно в четверть ладони, выполненные, как бы, на деревянных, потемневших от времени дощечках. К образкам крепились белого металла, но явно не серебряные, крепкие цепочки.

Некта взяла в руки ближайшую к ней маленькую нательную иконку, перевернула – на тыльной стороне вспыхнул кровавым светом и тут же погас след раздвоенного копыта. Девушка повесила командировочное удостоверение себе на шею и вытянувшись над столом, толкнула в плечо своего будущего напарника, мол, делай, как я.

– Подробности по текущей обстановке, а так же довольствие получите у моего помощника, а теперь – работать, всем... – Иерарх взмахнул рукой, не дожидаясь, пока Валерик проденет голову в металлическую цепочку и тут же казавшиеся незбылемыми стены, канцелярская мебель в стиле «техно», многочисленные мониторы на столах начали деформироваться, поплыли, как плавает кусок воска под яркими горячими солнечными лучами, черты лица и фигура беса исказились, будто по ним прошла широкая волна...

И в ту же секунду, ничего толком не поняв и не успев почувствовать, Некта и Валерик оказались сидящими в удобных кожаных креслах, в некой просторной приемной, разгороженной на две неравные части невысоким, до пояса, деревянным барьерчиком с узкой калиточкой в нем. И через эту калиточку моментально, вьюном, протиснулся очередной бес, вернее сказать – полубес, полубесенок – очень уж в нем смешались отличительные черты, как человекообразного «большого», высшего беса, так и маленьких шустрых бесенят, сопровождавших Некту и Валерика на аудиенцию к Иерарху. Морщинистый невысокий лобик цвета старой меди, роскошные кудрявые бакенбарды, переходящие в небольшую, такую же кучерявую бородку, едва различимый среди этих зарослей тонкогубый рот, пронзительные, жгущие до глубины души, черные глаза, почти человеческие руки, потрепанный, но все же конторский костюмчик вместо густых зарослей шерсти.

– Вот они какие, наши новые герои... – не глядя, затарахтел полубес привычный, затверженный наизусть монолог, но тут же осекся и махнул рукой, слегка поросшей шерсткой. – Ладно, давайте без преамбул, раз тут у нас не новички... пойдемте в «Уютный уголок», там посидим, все детали обсудим, а то здесь, в казенной обстановке, и мысли какие-то казенные, и слова такие же получаются...

Полубес щелкнул кончиком хвоста по стене и широким жестом предложил Некте и мальчишке проследовать первыми в открывшийся за стеной маленький, уютный, полупустой зальчик совсем не по-преисподнему скромного ресторанчика.

– Ну, уж нет, – перехватила инициативу агентесса, хватая за рукав ветровки своего напарника, уже сделавшего первый шаг. –

По кабакам и трактирам мы еще успеем насидеться, а сейчас – сопроводи нас в оружейку, пожалуй...

– Как же так? – удивленно оглянулся полубес, кажется, чуть ли не впервые в его практике грешные души отказывались от дармового угощения и общества коренных обитателей Преисподней. – Ведь это не ради разгула и безобразия, а для делового разговора... ну, и, в конце концов, горло промочить тоже иногда надо!

– Чтобы промочить горло, прихвати с собой бочонок бургундского, – смиловилась Некта. – Вот только не вздумай записывать его на наш счет, знаю я вашу нечистую породу, шельма на шельме...

Полубес обиженно засопел, но тут же спохватился, взял себя в руки и через открытый по-прежнему проход в ресторанчик затребовал «на вынос» пятилитровый бочонок красного, три кубка и сыр, что и получил буквально мгновенно, быстро передав вино, закуску и посуду ошеломленному Валерику, и тут же открыв хвостом совсем иную дверь.

В темном, сводчатом, уходящем куда-то в бесконечность, выложенным старым, замшелым кирпичом подвале – было на что посмотреть. Вдоль стен на специальных крючьях, деревянных полированных подставках, развернутых прямо на полу тряпицах висели, стояли, лежали кольчуги, цельнометаллические панцири, стеганные куртки с нашитыми стальными и медными бляхами, кирасы, наплечники, наручи, поножи все возможных фасонов и размеров; мечи – огромные, вряд ли когда употребляемые по прямому, боевому назначению, короткие гладиусы, эстоки, широкие шпаги, стилеты, рапиры, боевые топоры, двойные секиры, кинжалы, иной раз по размерам не особо уступающие мечам, копья, дротики, багры для стаскивания рыцарей с седел; десятки... нет, сотни щитов с гербами, с чистым полем, раскрашенные или просто обитые по краю бронзовой полосой; луки, арбалеты, колчаны со стрелами и футляры для болтов...

Полубес, выхватив из рук пыхтящего от натуги Валерика, ловко расставил на каком-то высоком сосновом ящике простые оловянные кубки, предназначенные скорее всего для обыкновенных кнехтов, размахал на неровные крупные куски прихваченным со стены большим кинжалом головку слезящегося сыра и умело, как завзятый алкоголик, жадно вырвал пробку из бочонка – темно-красная струя вина дохнула ароматом солнечных виноградников северной Франции...

– Я погляжу, можно?.. – жадно окидывая взглядом чуть подсвеченные потусторонним светом стены, попросил Валерик и тут же покраснел, будто отпрашиваясь в туалет в малознакомом

дамском обществе.

– Иди, глянь, – разрешила Некта, помахав ручкой, будто отправляя напарника в далекое путешествие. – Может, и себе чего подберешь. Только – не перегружайся, там, куда мы попадем, этого добра будет навалом...

Сама она подхватила объемистый кубок и сделала пару глотков... ох, вино было отличным, и, конечно же, ни в какое сравнение не шло с той слабенькой коктейльной бурдой, что приходилось потреблять последние годы в бухгалтерском баре или на дискотеках для офисных сотрудниц.

– Теперь – о главном, – прервала агентесса смакование бургундского. – Наше довольствие?

Некта протянула руку к полубесу, который со слащавой улыбочкой вложил в нее небольшой, но тяжелый замшевый мешочек, набитый крупными на ощупь монетами. Агентесса улыбнулась в ответ и нарочито ласково, чуть растягивая слова, произнесла:

– Как хорошо... люблю серебро, в каком бы виде оно ни было – монеты, украшения, слитки...

И тут же, обрывая себя, неожиданно жестко потребовала:

– Золото! Ты забыл про золото, помощничек!

Слегка поморщившись, полубес извлек из кармана конторского пиджачка еще один, гораздо меньший по объему, но не менее тяжелый мешочек.

– Вот это уже хорошо, – чуть высокомерно похвалила нечистого Некта, хитренько подмигивая ему. – Люблю понимающих... э... сущностей. Ну, а теперь – тоже самое, но предназначенное для моего напарника... и не делай удивленных глаз, согласно регламента оба отправляющихся снабжаются денежным довольствием в равных долях.

Нет, все-таки не даром прошло для девушки многолетнее общение, пусть в основном и во время отпуска, с опытным агентом Преисподней, именуемым Симоном.

– Люблю щедрых мужчин... – чуть язвительно проговорив это, Некта дернула, было, рукой, чтобы потрепать по щеке полубеса, застывшего с выражением внезапно обнищавшего еврея на лице, но вовремя удержала себя...

«Хорошо, если просто укусит, – чуть растерянно подумала агентесса. – А вдруг – всю кисть отхватит, тогда плакала горячими слезами такая соблазнительная почти пожизненная командировка...»

Неприятную для нечистой стороны сцену неожиданно разрядил жутковатый в подzemелье металлический грохот – вернувшийся с импровизированной прогулки по оружейке

Валерик выпустил из рук собранные со стен и пола: тяжеленную булаву, клевец, пару длинных мечей, огромный кинжал, массивный арбалет и футляр с болтам, поножи, кирасу, какие-то странные трубчатые наручи, вычурный шлем с нелепым гребнем.

– И куда ты столько набрал? – скептически поинтересовалась Некта, своевременно отвлекаясь от полубеса.

– Да я – умею... – попытался защитить теперь уже свое имущество мальчишка.

– Ну, тогда и таскать все это будешь сам, – сварливо приговорила агентесса. – Только учти, это все будет лишь малой частью твоего груза...

– Это как? – не понял Валерик, но девушка после мгновенной передышки вновь занялась раскулачиванием помощничка Иерарха.

– Милый мой, – обольстительно обратилась она к полубесу. – Припомни, что я говорила про серебро, кстати, к золоту это тоже относится... я люблю не только монеты, но и...

Занервничав, будто теряет последнее, нечистый выхватил из внутреннего кармана пригоршню оправленных в желтый металл драгоценных камней... и на поверхности ящика, рядом с оловянными кубками, огрызками сыра и бочонком с остатками вина засверкали перстни, подвески, кулоны, серьги с рубинами, сапфирами, изумрудами, серыми, невзрачными на вид алмазами, желтоватыми аквамаринами.

– Налетай, – кивнула напарнику Некта. – По размеру – на пальцы, прочие – за пазуху, уши у тебя, вижу проколоты, вставляй серьги смело, в те времена это еще не означает сексуальной ориентации...

– У меня нормальная ориентация, – проворчал Валерик, пытаясь разобраться в груде драгоценностей.

– Да мне плевать на твои пристрастия, держи их при себе, – посоветовала агентесса, пытаясь сразу обозначить место своего напарника. – Теперь – пришел черед документов...

Полубес, расстроенный потерей даже самого минимального гешефта от отправки в Отражение неживых, но снова живущих, передал Некте изрядно помятые лоскуты пергамента, кусочки настоящей, из тех времен, грубоватой, рыхлой бумаги, заполненные блеклыми и яркими чернилами, снабженные разноцветными восковыми печатями.

– Как это мило, превратить нас в кузенов, – чуть рассеянно отметила девушка, пробегая взглядом на удивление понятные строки на латыни и старофранцузском. – К тому же, сделать родственниками не самых последних людей в государстве, пусть и очень дальними. А вот подорожная и напутствие аббата на

посещение монастырей – это в самом деле бумага на первое время очень нужная...

Самостоятельно наполнив все три кубка, Некта подозвала все еще держащегося в сторонке Валерика и пригласила полубеса:

– Давайте выпьем за успех, чтобы нам легко вжиться и не растеряться при первых же трудностях... ну, а потом займемся снаряжением...

И, уловив недоуменный взгляд мальчишки, пояснила насмешливо:

– Ты через пару-тройку дней чем свои трусы стирать будешь? А пока сохнут – голышом побегаешь? Если я правильно понимаю, в том Отражении сейчас – совсем не май месяц, отморозишь достоинство понапрасну и не до подвигов будет...

...в два прочных кожаных мешка, больше напоминающих лошадиные вьюки, Некта набрала сменное белье, оказавшееся практически идентичным по росту и размеру для обоих напарников, немного грубого хозяйственного мыла – «Да и то в диковинку, небось, будет», – отметила агентесса. Нашлось место и для невероятного количества полотняных, шелковых и шерстяных чулок, заменяющих носки, для двух пар запасных совершенно неизящных, крепких, добротных сапог, кожаных штанов, толстенных свитеров-подроспешников, мотков с бечевкой, тонкими нитками, набора больших толстых игл... хозяйственная девушка, казалось, собрала с собой все, что только смогла придумать для облегчения первых недель пребывания в средневековом Отражении, вплоть до точильного камня.

– А что же, нам ни пистолетов, ни раций с собой не дадут? – полюбопытствовал Валерик пока они бродили далеко в стороне от расстроенного и утешающегося остатками вина полубеса.

– Попрогессорствовать хочется? – подозрительно осведомилась Некта. – Фантастику, небось, любил на досуге почитать?..

И в ответ на виноватый кивок напарника, грешен, мол, каюсь, продолжила:

– Нельзя Темным и Светлым чуждые эпохе вещи и технологии перемещать, да и не стремятся ни те, ни другие ускорить исторические процессы... подправить к своей пользе – да, но дать в Средневековье электричество или суперурожайные сорта пшеницы – никогда...

– А какая же польза Преисподней от победы Девы под Орлеаном, изгнания англов из Франции и поражения бургундцев? – в недоумении почесал в затылке Валерик.

– А польза, может быть, через тысячу лет проявится, – усмехнулась Некта. – Я так далеко не заглядываю, а тут все живут

эрами и эпохами, для них Столетняя война – миг...

Мальчишка понятливо закивал, с пыхтением подтаскивая следом за агентессой дорожные мешки.

– Ну, кажется, все собрали? – поинтересовался он после того, как Некта выбрала для себя длинную, русской работы, кольчугу, плотную куртку с нашитыми изнутри металлическими пластинами, больше похожую на современный бронежилет с рукавами, и короткий, отличной закалки, меч.

– Нет, – засмеялась девушка. – Время Девы – хронологию, имена королей и принцев крови, интриги всякие и тайны мадридского двора – ты, может, и хорошо знаешь, а вот отношения людей – никак. Учти, благородные люди в средние века не могли ходить пешком, это прямой признак простолюдина, а простолюдин с такими деньгами и драгоценностями, как у нас – зарвавшийся невежа, не по чину себе позволяющий...

– Но... здесь же нет лошадей? – удивился, зачем-то оглядываясь по сторонам, Валерик, будто и впрямь он мог пройти мимо стойла, не заметив его.

– Да не нужны нам они, дурачок, – улыбнулась Некта, наконец-то, решившись коснуться щеки своего напарника ладонью, кожа мальчишки оказалась под стать всей внешности – нежной, бархатистой. – Благородный человек может передвигаться пешком в единственном случае – если его лошадь пала! Но! даже в таком случае он прихватит с собой седло с павшего коня, потому что седло – вещь такая же личная, как и меч, кольчуга, женщина... ну, для меня – мужчина.

Оставив утомившегося возней с мешками Валерика под самой настоящей выставкой секир, алебард, двуручных боевых топоров, развешанных на стене, агентесса налегке довольно быстро отыскала требуемое и подобрала для себя и мальчишки пару непростых дорожных, а скорее уж – боевых деревянных седел с высокими луками, крепкими ремнями стремян и множеством не совсем понятных для самой Некты колец, крючков и других приспособлений. Прихватив еще пару уздечек, первые, что попались под руку, но не могли же умные люди, взяв с павших коней седла оставить узду, и радуясь, что многолетнее сидение в адской бухгалтерии совсем не сказалось на её физической форме – как была заколота Симоном спортивная девчонка, так и осталась – агентесса подтащила без малого двухпудовый груз поближе к передохнувшему напарнику и критически осведомилась:

– Ну, как теперь – потащишь с собой все подобранные железные игрушки?..

Удивленный, если не сказать – ошеломленный и слегка

пристукнутый такими неожиданно тщательными сборами, Валерик лишь отрицательно помотал головой, теперь ему совершенно не хотелось добавлять к дорожному мешку и тяжеленному седлу еще и пару десятков килограмм железа, которое и в самом деле вполне можно будет раздобыть и на месте.

– Эй, провожающий, – окликнула Некта так и застрявшего у бочонка с вином полубеса. – Не дуйся, как мышь на крупу, поправишь ты свои делишки на каких-нибудь других грешных душах, по лохастее... давай к нам, а то тащить все собранное до тебя, чтобы просто переместиться – нудно и глупо. И вино прихвати! Выпьем на посошок...

Полубес, выставив на позаимствованный со стены небольшой круглый щит наполненные кубки и остатки сыра, с несколько шутовским поклоном поднес вино и закуску агентам Преисподней, даже пошутил слегка о капитальности их снаряжения в долгий путь и попробовал договориться с Нектой о несанкционированной связи, мол, Иерарх, местный куратор – это все хорошо, но не всякий раз высший бес и контролер за полудесятком Отражений могут оказаться на месте, а если какой вопрос просто не терпит отлагательств... Хорошо поняв, о чем хочет договориться нечистый, девушка не стала отказываться, правда, абсолютно не собираясь исполнять его просьбы о добыче антикварного или прославленного оружия, крупных, оставивших свой кровавый след в истории, драгоценных камней, ну, разве что, попадется само под руку, не бросать же, а дополнительный канал связи с Преисподней при умелом использовании лишним бы не оказался, да и при этом ничем помешать не мог.

Получив от полубеса монету с пентаграммой – стандартным средством связи с местным куратором – и причудливую, сплетенную из золотых нитей маленькую пятиконечную звездочку для связи с самым провожающим, Некта подпила вино и решительно скомандовала:

– Финита! Переодеваемся – и за дело... – тут же, не стесняясь напарника, а уж тем более, полубеса, сбрасывая с себя опостылевшую бухгалтерскую блузку, самостоятельно укороченную юбочку, псевдобэушное белье и туфли-лодочки.

Засмущавшийся Валерик отвернулся, но тоже принялся раздеваться, чтобы сменить удобные и привычные джинсики, водолазку, ветровку и кроссовки на полотняное нижнее белье, грубый свитер поддоспешника, толстые кожаные штаны, сапоги, тонкую кольчугу с длинными рукава и капюшоном, куртку и широкий боевой пояс.

– Возьмитесь за руки и внимательно смотрите на медальон, –

серьезно попросил полубес, когда экипированные по моде посещаемого Отражения агенты, приобнявшись с дорожными мешками уселись на седла. – Переход – по счету «тринадцать»...

– Про вещи наши не забудь, – в пространство нервно напомнила Некта, но отвечать ей полубес не стал, сам сосредоточившись на мерно, неторопливо покачивающемся на толстой золотой цепочке овальном медальоне с изображением черного, кудрявого пса с раскрытой, розовой пастью и веселым колючком чуть высунутого длинного языка.

– Раз, два, три, четыре... – отсчитывал, явно удаляясь и затихая, голос полубеса.

И подземелье мира иного, оборудованное под средневековую подземную оружейную палату, заволокло сперва белесой, а затем сизовой туманной дымкой, смазывающей очертания предметов и существ, искажая саму сущность мироздания...

– Одиннадцать, двенадцать, чертова дюжина – тринадцать!..

Не было ни всплеска адского пламени, ни грома небесного, только сизый туман в глазах Некты и Валерика сменился непроглядной, дьявольской чернотой Вечности...

...влажный запах гниющих листьев, прелой перестоявшей травы, сырой глины и близкого пожарища ударил в ноздри. Некта открыла глаза. За редкими тощими деревцами жиденькой рощицы по непролазной грязи с трудом угадываемой дороги уныло вышагивали мокрые понурые кнехты, с головой закутанные в бесформенные бурые плащи, с длинными копьями на плечах, держась чуть поодаль, так же согбенно и тоскливо ехали конные рыцари в тускло поблескивающей в сером свете ненастного дня заляпанной грязью броне.

– Вставай! – толкнула в бок еще толком не очнувшегося своего спутника агентесса, решительным движением встряхивая зажатый в кулаке измятый черный бархатный берет и натягивая его на жиденькие светлые волосы в короткой стрижке. – Нас ждут великие дела, а тут ты, как барин, прохлаждаешься под пальмой...

– Где пальмы? – приняв на веру её слова, вскинулся, было, Валерик, но тут же конфузливо осел опять на седло, услышав веселый, задорный смех Некты и ощутив на щеках легкую влагу осенней мороси...